

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ПОЛИТИКИ В ИРАНЕ 1856–1896 ГГ.

В работе сделана попытка выделить и проанализировать этапы русской политики относительно Ирана. Обращено внимание на спорные или слабо освещённые моменты русско-иранских отношений. Выделен круг лиц, осуществлявших и влиявших на их развитие. В большинстве работ по нашей проблематике есть много неточностей, которые мы постарались показать и снять. Изучен личностный фактор в русско-иранских отношениях, т.е. то, кто и как именно влиял на принятие решений и их осуществление. Сведены воедино имеющиеся материалы и сформировано общую картину развития русско-иранских отношений до начала смерти Насреддин-шаха.

РУССКАЯ ПОЛИТИКА В ИРАНЕ 1856–1896 ГГ.

ГокOV Олег Александрович

Кандидат исторических наук, доцент. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: военная разведка Российской империи на мусульманском Востоке во второй половине XIX в., русско-иранские отношения в XIX в.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ПОЛИТИКИ В ИРАНЕ 1856–1896 ГГ.

Олег ГокOV

FOR AUTHOR USE

Олег ГокOV

LAP **LAMBERT**
Academic Publishing

Олег Гоков

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ПОЛИТИКИ В ИРАНЕ 1856–
1896 ГГ.

FOR AUTHOR USE ONLY

FOR AUTHOR USE ONLY

Олег Гоков

**ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ
ПОЛИТИКИ В ИРАНЕ 1856–1896 ГГ.**

FOR AUTHOR USE ONLY

LAP LAMBERT Academic Publishing RU

Imprint

Any brand names and product names mentioned in this book are subject to trademark, brand or patent protection and are trademarks or registered trademarks of their respective holders. The use of brand names, product names, common names, trade names, product descriptions etc. even without a particular marking in this work is in no way to be construed to mean that such names may be regarded as unrestricted in respect of trademark and brand protection legislation and could thus be used by anyone.

Cover image: www.ingimage.com

Publisher:

LAP LAMBERT Academic Publishing

is a trademark of

Dodo Books Indian Ocean Ltd., member of the OmniScriptum S.R.L
Publishing group

str. A.Russo 15, of. 61, Chisinau-2068, Republic of Moldova Europe

Printed at: see last page

ISBN: 978-620-4-74449-0

Copyright © Олег Гокюв

Copyright © 2022 Dodo Books Indian Ocean Ltd., member of the
OmniScriptum S.R.L Publishing group

FOR AUTHOR USE ONLY

ГОКОВ О.А.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ПОЛИТИКИ В ИРАНЕ 1856–1896 ГГ.

FOR AUTHOR USE ONLY

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. РОССИЙСКОЕ И ИРАНСКОЕ ГОСУДАРСТВА:	
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ.....	5
1.1. Особенности развития Российского государства.....	5
1.2. Российская и Иранская империи: сходства.....	17
1.3. Российская и Иранская империи: различия.....	33
ГЛАВА 2. РУССКО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ	
В 1850-Х – СЕРЕДИНЕ 1870-Х ГГ.....	37
2.1. Изменения в русско-иранских отношениях после Крымской войны 1853–1856 гг.....	37
2.2 Миссия В.А. Франкини.....	46
ГЛАВА 3. РУССКАЯ ПОЛИТИКА В ИРАНЕ В 1880-Х ГГ.....	69
3.1. Изменения в высшем руководстве России в начале 1880-х гг. и их влияние на политику империи относительно Ирана.....	69
3.2. Русско-иранское разграничение 1881–1886 гг.....	79
3.3. Шаги России в Иране в 1880-х гг.....	92
3.4. Соперничество России и Великобритании в Иране.....	105
3.5. Вопрос о железных дорогах и отставка Н.С. Долгорукова.....	115
ГЛАВА 4. РУССКАЯ ПОЛИТИКА В ИРАНЕ В НАЧАЛЕ 1890-Х ГГ.:	
СМЕНА ПРИОРИТЕТОВ.....	127
4.1. Персидская политика Российской империи в начале 1890-х гг. и позиция иранских властей.....	127
4.2. Насреддин-шах и проблемы модернизации Ирана.....	144
4.3. Английские интересы в Иране и политика России в начале 1890-х гг.....	161

ГЛАВА 5. «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ОТНОСИТЕЛЬНО ВОСТОКА И ИРАНА.....	172
5.1. С.Ю. Витте и изменения методов персидской политики Российской империи.....	172
5.2. А.Н. Куропаткин и экономическое изучение Ирана.....	181
5.3. Реализация новой политики России в Иране.....	202
ГЛАВА 6. ФОРМИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КУРСА ОТНОСИТЕЛЬНО ИРАНА В НАЧАЛЕ ЦАРСТВОВАНИЯ НИКОЛАЯ II.....	214
6.1. Взгляды Николая II на Иран.....	214
6.2. Программа А.Н. Куропаткина.....	218
6.3. Общие основания для активизации русской политики в Иране.....	226
6.4. Россия и Иран после смерти Насредин-шаха (1896–1907 гг.): обзор отношений.....	237
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	243
ПРИМЕЧАНИЯ.....	247

ВВЕДЕНИЕ

История внешней политики России давно привлекает внимание исследователей и публицистов. Вторая половина XIX в. – время существенных изменений не только в самой империи Романовых, но и в её международном курсе. Однако при всём интересе, есть одно направление, которое обделено вниманием – это политика России относительно Персии¹ с 1856 по 1896 г. Естественно, работы по отдельным вопросам этой темы публиковались и публикуются. Но единственными на сегодня обобщающими, частично охватывающими проблему, являются диссертация Н.Е. Абловой², исследования Ф. Казем-заде и О.А. Никонова³. В сравнение с другими направлениями внешней политики России в рассматриваемое время персидское обеспечено научной литературой меньше всего. Даже в солидных изданиях по истории внешней политики Российской империи, персидский вектор начинает упоминаться лишь с первой половины 1890-х гг, а точнее – начала царствования Николая II⁴. Исключение составляет работа И.С. Рыбачёнок⁵. Но её автор сосредоточилась только на главных вопросах русско-иранских отношений и большее внимание уделила началу XX в.

Персия действительно представляла не главное направление внешнеполитической деятельности русских дипломатов. Но без изучения и этой его части любое историческое обобщение относительно международных дел империи является неполным. В своей работе мы постараемся дать очерковый обзор основных задач, проблем, методов из решения, которые были характерны для русской политики в Персии в 1856 (год окончания Крымской войны и начала англо-персидской) – 1896 гг. (год смерти Насреддин-шаха). Не претендуя на исчерпывающее исследование проблемы, мы ставим задачу ознакомить читателя с общими тенденциями развития русско-иранских отношений, выделить моменты, на которые не обращали достойного внимания предыдущие исследователи, уточнить датировку и содержание событий, которые характеризовали эти отношения.

ГЛАВА 1

РОССИЙСКОЕ И ИРАНСКОЕ ГОСУДАРСТВА: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

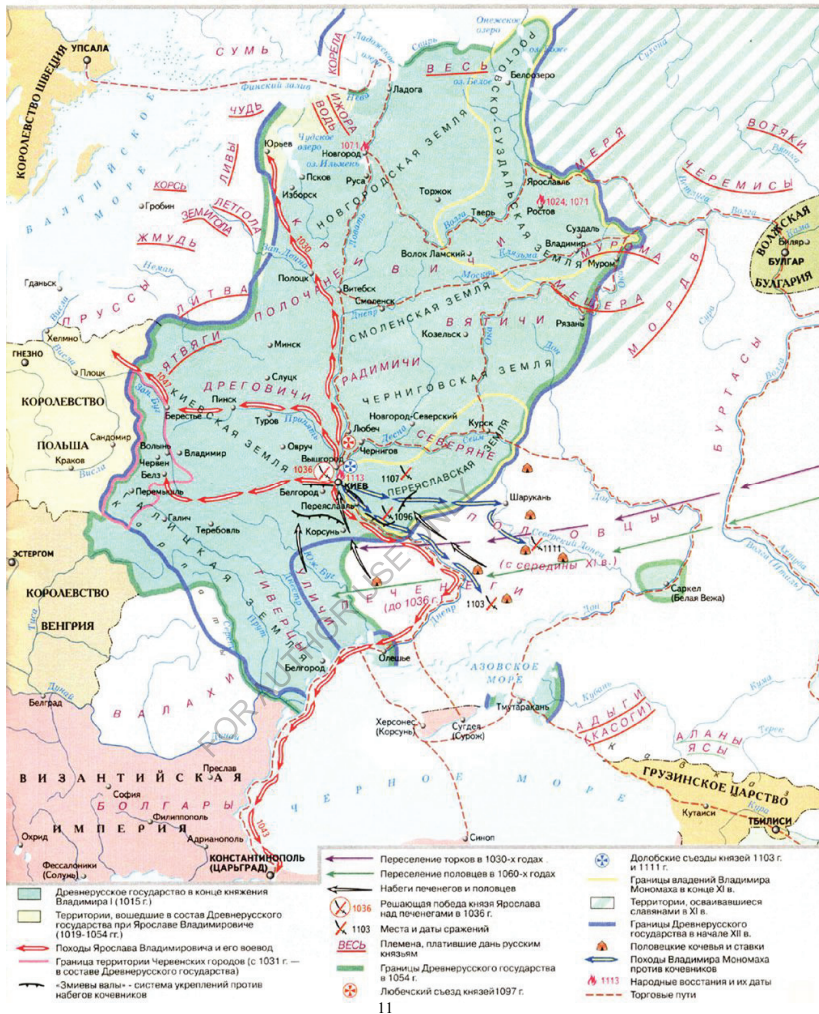
1.1. Особенности развития Российского государства

Изучая историю русской политики относительно Персии нельзя не остановиться на краткой характеристике Иранской и Российской империй. Следует оговориться, что империя для нас – высшая форма политико-экономической организации пространства (безотносительно того, какой политический режим в ней установлен или как именуют её «свои» и «чужие»), имеющая имперский центр (откуда начинается расширение) и периферию. В основе империи лежат различные факторы – экономические, политические, культурные. Обязательным для любой империи является доминирующая духовно-нравственная концепция с претензией на вселенскость, то, что Светлана Лурье назвала «центральным принципом империи»⁶. Кроме того, империя – это чаще всего стремление к мировому или региональному господству или доминированию⁷. Под государством же мы понимаем группу людей, осуществляющих власть на определённой территории на законных (принятых большинством населения или навязанных через право обычая, традиции или силу) основаниях, а также институты, через которые они осуществляют свою власть, и систему налогов, обеспечивающая как власть имущих, так и функционирование государственных институтов. Мы не разделяем набирающего в последнее время мнения, что государство появляется только с формированием наций-государств и смежную с ним теорию политий⁸. Подходить к изучению здесь необходимо не с формально-правовой, а с исторической точки зрения, т. е. вне зависимости от того, как формально именовались государства – империями, царствами, республиками и пр. С научной точки зрения необходимо изучить все варианты, классифицировать их на общих основаниях и создавать обобщающее определение. В истории очень много явлений, которые, меняясь в зависимости от времени и места, сохраняли общее основание. Это основание и даёт возможность

создать общее определение. Мы можем говорить о государствах, национализмах, нациях, фашизмах и пр. во множественном числе. Но у этих множеств всегда есть то, что их объединяет. Соответственно крупное понятие должно выводиться на основе детального анализа его частных проявлений в разное время и в разных местах⁹. Проще говоря, историк должен идти от частного к общему, а не наоборот. Иной подход ведёт к размыванию понятийного аппарата и искажению исторической действительности¹⁰. Ведь никто не отрицает видového понятия «яблоко» при наличии множества яблочных сортов, и никто не предлагает называть каждый сорт яблок отдельно, отбрасывая объединяющее понятие. К тому же существует интуитивное понимание общности тех или иных явлений во времени и пространстве, основанное на богатом опыте или данном свыше таланте.

FOR AUTHOR USE ONLY

Древнерусское государство в XI— начале XII века

Один из современных исследователей истории Российской империи, сравнивая её с западными империями, справедливо отмечал, что «в отличие от последних, в основном руководствовавшихся коммерческими интересами, Российская империя большей частью преследовала геополитические и стратегические цели»¹². Если отбросить риторiku «холодной войны», персонификацию России и клише историков, изучающих империи только в новое и

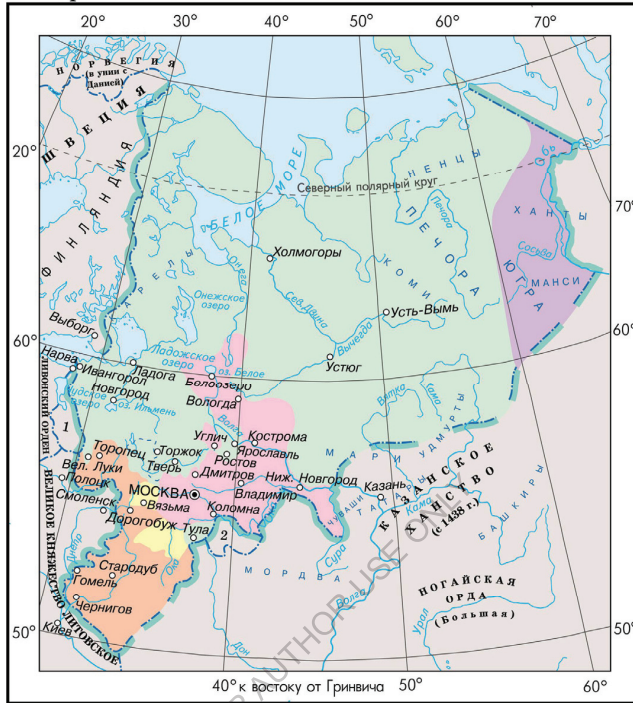
новейшее время на примере европейских, Османской и Российской, а иногда и Цинской, то указанный автор в целом неплохо описал причины движения России из глубины вовне. Однако в стремлении доказать тождество между Российской империей и западными буржуазными империями автор, как и многие его единомышленники, заходит, на наш взгляд, слишком далеко. Мы против того чтобы именовать российскую внешнюю политику сугубо экспансионистской. Цели и задачи её менялись в зависимости от конкретной исторической ситуации и от того, кто её определял и осуществлял. В частности, движение в Среднюю Азию было во многом вынужденной экспансией, обусловленной не какой-то абстрактной извечной экспансионистской, а вполне конкретной логикой борьбы с Великобританией и стремление защитить свои границы и интересы. А движение в Сибирь объяснялось, в первую очередь, экономическими причинами – поиском ресурсов, пушнины и пр. Поэтому сравнение с европейскими колониальными империями допустимо лишь отчасти.

Ошибочным или идеологизированным является тезис о «возникновение гипертрофированного государства в России, его экспансионистский характер»¹³. Никакой «гипертрофированности» в русском государстве не было. Оно было отчасти «ненормальным» только для Западной Европы. Для всей же остальной Евразии и в ходе своего существования, и в исторической ретроспективе это была вполне нормальная империя с сильной центральной властью. Внешняя политика России была обусловлена логикой развития международных политических и экономических отношений, а не якобы присущими ей агрессивностью и стремлением к захватам. Для историков, хорошо знающих всемирную историю не в европоцентричном её изложении, очевидно, что государство в России отнюдь не было гипертрофированным, также как и экспансионистским. О последнем правильнее говорить применительно, например, к Голландской, Английской, Французской империям, целью которых были захваты в первую очередь ради наживы, в отдельных случаях с поголовным истреблением автохтонного населения (Северная Америка, Австралия и др.), которые реально не диктовались ни стремлением обезопасить собственные границы, ни какой-либо великой духовной идеей (идеи прогресса, цивилизации имели скорее пропагандистский характер

относительно покоряемых народов, поскольку для них прогресс означал возможность на более высоком уровне обслуживать интересы завоевателей; что до идеи распространения христианства, то осуществлялась она отнюдь не христианскими методами и всё же имела подчинённое значение). Западные империи создавались в первую очередь в результате экономических причин, и стали представлять собой образец, моду, на который стала ориентироваться российская элита.

FOR AUTHOR USE ONLY

**Образование Русского централизованного государства
во второй половине XV - начале XVI вв.**

Масштаб 1:22 000 000

- Территория Московского княжества в середине 90-х г. XIV в.
- Территория Русского государства к концу 80-х годов XV века.
- Земли хантов и манси, признавших власть Русского государства в 1500 г.
- Русские земли, отвоеванные у Великого княжества Литовского
- Верховские княжества и Вязьма по договору 1494 г.
- Чернигово-Северские и другие княжества и земли по договору 1503 г.
- Граница Русского государства в 1503 г.
- Границы государств
- МОСКВА Столица Русского государства
- Устюг Прочие города
- М А Р И Народности
- Цифрами на карте обозначены:
1—Псковская республика
2—Рязанское княжество

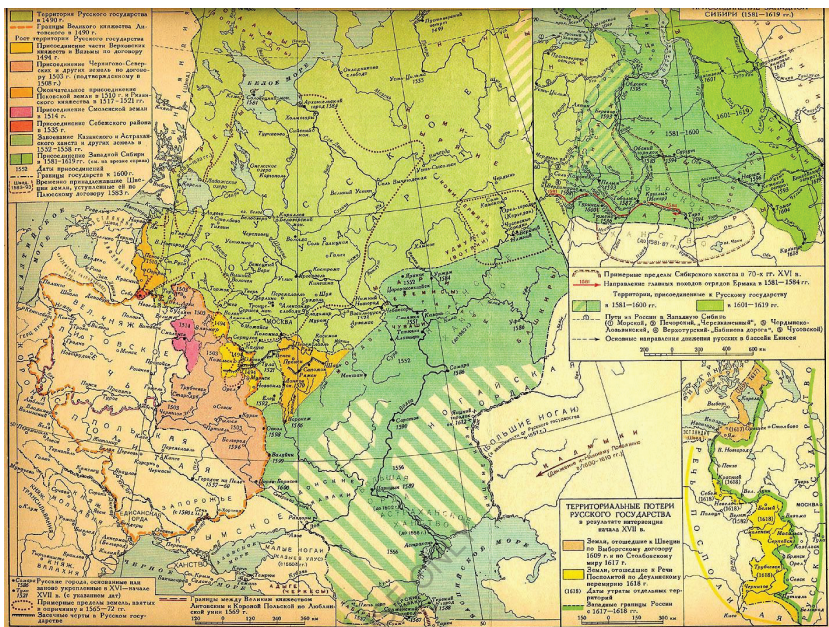
Российская империя строилась первоначально как традиционная континентальная империя, где идеологические, духовные факторы, человеческие и общественные представления, открытость границ играли большую роль, нежели интересы экономики¹⁴. Изначально она была близка традиционным империям типа Ахеменидской, Китайских и пр., в основе которых лежали идейные и престижные факторы, фактор защиты своих границ, а экономический фактор был лишь одним из

них. В истории новых – буржуазных империй (даже Испанской и Португальской, хотя капитализм в них так и зашёл в тупик), главным мотивом, определявшим экспансию, был экономический, который оправдывал любые действия. Только с Петра I можно говорить, что в российской внешней политике появляется «буржуазный» фактор – захвата ради экономики в широком смысле слова (например, его «освоение» Средней Азии, Ирана, стремление найти свой путь в Индию). Но и здесь он во-первых был заимствован с Запада, а во-вторых, долгое время оставался «декоративным», имевшим целью доказать, что Россия тоже является европейской державой. На самом деле, большая часть присоединённых к империи Романовых с 1700 по 1914 гг. территорий были присоединены в силу геополитических мотивов (классические примеры – Кавказ, Средняя Азия; при чём экономическое значение их перед и во время присоединения рассматривалось в военно-политических кругах империи лишь в качестве второстепенной, а то и третьестепенной необходимости), и только с конца XIX в., следуя за модой на империализм, территориальные приобретения постулируются необходимостью экономического развития. В результате, к началу XX в. Россия представляла собой синтез буржуазных и традиционных моделей империи, с внешне господствующим первым вариантом, но внутренне оставаясь ближе ко второму ¹⁵.

Рост русского государства в XVI–XVIII вв.

То же касается тезиса об отсталости России и других (западных) народов. От этого тезиса давно пора отказаться, поскольку не существует единого пути исторического процесса. Каждая страна, народ, регион, проходят определённые этапы развития (и то не всегда до конца): зарождение, расцвет, упадок и гибель. Но, как показывает мировая история, единого пути развития для них не существует: каждый из них развивается по-своему (для сравнения можем взять людей: те же этапы, но у каждого они своеобразны). Другое дело, что более сильные на данном этапе исторического процесса могут навязывать свой путь развития тем, кто слабее их, либо, одни, в силу личностных качеств отдельных правителей или навязываемой через средства культуры и другими способами идеи отсталости, принимают копию «жизненный путь» других. Результаты могут быть различны. Очевидно, например, что в период, когда европейские монархии вышли на пик расцвета, Османская империя находилась не в отсталом состоянии и на этапе упадка. Что до России, то говоря об её отсталости, следует помнить, что эта империя формировалась и развивалась с большим потенциалом заимствования опыта других, что позволило её просуществовать достаточно долго и сформировать довольно удачный вариант во многом альтернативного западным империям государственного образования. Это была не отсталость, а другая форма организации.

Русское государство в XVI веке

Мы не являемся сторонником подхода, который любую империю объявляет колониальной, а включённые в её состав страны и народы – колониями. Такое понимание характерно для сторонников национального подхода к историописанию, некомпетентных историков, а также для популистов и пропагандистов, либо людей, поставивших своей целью опорочить другое государство в рамках идеологической борьбы (отнесение историка к той или иной категории индивидуально). По нашему мнению, этот подход размывает такие важные для Нового времени понятия как «колониализм» и «колония», превращая их из объекта исследования в инструмент исследователя либо пропагандиста¹⁶. Исходя из критериев, предлагаемых сторонниками вышеуказанного подхода (к которым относится и упоминавшийся М. Ходарковский¹⁷), любое государство от крупного до мелкого, при желании можно именовать колониальным. Характеризуя Россию как колониальную империю, следует помнить, что в действительно колониальную она стала трансформироваться только с конца XIX в. под решающим влиянием западноевропейских образцов¹⁸. Духовное взаимодействие представителей

различных этносов и религий на базе единого имперского организма в результате копирования западного варианта империостроительства превращается в разделение на имперский и подчинённые народы, стремление использовать нерусские окраины как колонии прежде всего в экономическом и социально-правовом отношении на основе неравноправия «Центр – периферия» и др. Империя теряет гибкость. Ярким проявлением этого процесса стало формирование русского национализма имперского типа. Он предусматривал «единую и неделимую Россию» при главенстве русского народа (под ним понимали мало-, велико- и белоруссов) и для обслуживания его же интересов. Такое видение стало активно развиваться в умах интеллигенции, военных, чиновников правящей верхушки и захватывать их одновременно с капиталистической трансформацией империи Романовых с последней трети XIX в.

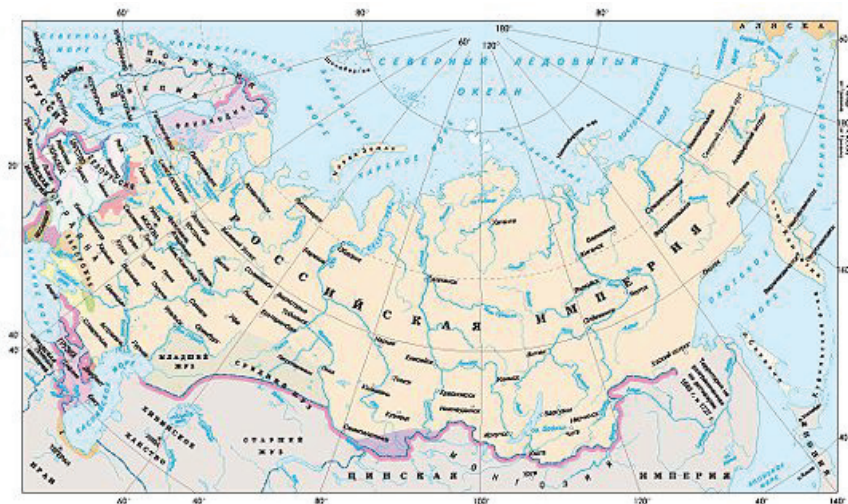
Русское государство в XVII в.

Множество схожих черт в развитии Российской империи с другими империями Нового времени не отменяет её уникальность. Во-первых, это была единственная действительно евразийская держава, успешно до определённого времени сочетавшая в себе географический и духовный факторы Европы и Азии¹⁹.

Во-вторых, это наиболее удачный вариант приспособления традиционных общественных структур к меняющимся условиям в таком грандиозном масштабе. Российскую империю можно смело называть не только «страной догоняющего развития», но и «страной успешного копирования». Западноевропейский путь

развития до определённого времени представлял собой отклонение от нормального развития человеческих сообществ²⁰. Однако со временем именно он стал представляться нормой. Именно это обусловило то стремление его копировать, которое наблюдалось со второй половины Нового времени как в Восточной Европе, так и в Азии. Представляется, что ничего необычного в этом нет. В истории мира традиция, когда сообщество, достигшая высокого развития, «оплодотворяла» своим примером другие, «молодые» сообщества, повторялась неоднократно²¹. Куда реже бывало, что прорыв этот носил качественно новый характер (к примеру, изобретение лука). Ситуация с Западной Европой выглядит именно такой. И Россия стала страной, представители которой, копируя и развивая западный опыт, сумели довольно успешно вдохнуть новую жизнь в «стареющее» образование, давая ему новый импульс развития (то, чего так и не смогли до конца достигнуть иранские или османские правители).

В-третьих, Россия выступала как хранитель и продолжатель православной традиции²². Особенностью Российского государства, начиная с монгольского завоевания Древней Руси, было то, что в нём не сформировалось ни чувства этнического, цивилизационного превосходства, сопряжённого с расизмом и угнетением других, менее «развитых/цивилизованных народов»²³, как это было характерно для западных империй, ни чувства исключительности «народа-строителя империи/завоевателя», как это было в Цинской империи²⁴. Это позволяло относительно безболезненно интегрировать в тело России другие народы и государственные образования, а также их элиты.

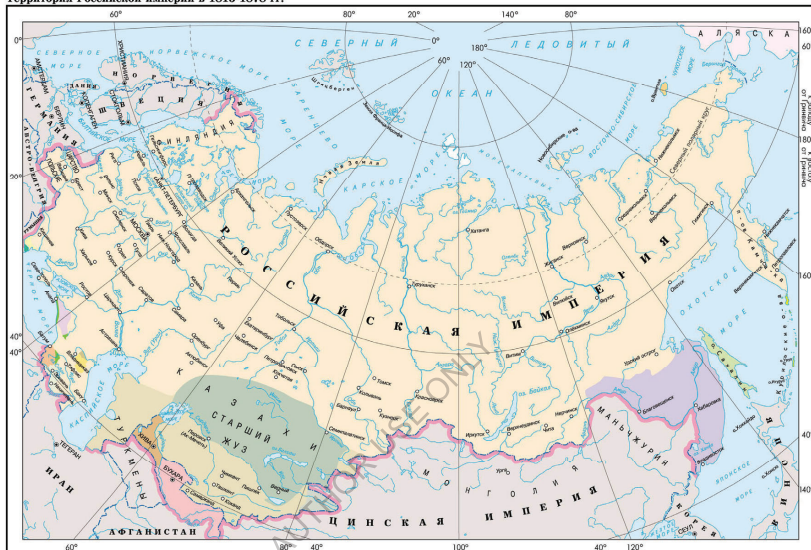
Российская империя в 1725–1815 гг.

Ситуация меняется постепенно с XVIII в., а особенно с конца XIX в., когда среди образованной части российского общества широкое распространение получили идеи национализма, занесённые из Западной и Центральной Европы, особенно в этнической его форме. Большую роль в идеологии и миропонимании Российской державы играло христианство в его православном варианте²⁵. Но и оно не мешало сосуществовать в государстве различным религиям и культурам. Православие в империи не доминировало, а первенствовало²⁶. Конечно, христианизация народов Российской империи проводилась, но она никогда не имела такого агрессивного, жестокого и бескомпромиссного характера, как это было характерно для распространения христианства католиками и протестантами. Для имперской верхушки главным была лояльность тех или иных народов, политических элит и пр. центральной власти²⁷, а остальное носило вторичный, а то и третичный характер. Существенные различия в духовной сфере и в ресурсах (достаток и недостаток) обусловили рывок Запада и изменения в экономике, политике, культуре, картине мира, которые за этим последовали. С Петра I²⁸ российская верхушка стала активно приспосабливаться к этим изменениям заимствуя и отчасти развивая их. В результате, со временем, она сама превращается в объект заимствования.

1.2. Российская и Иранская империи: сходства

Сравнивая Россию и Иран – 2 государства, активно взаимодействовавших в конце XVIII – начале XX в., можно выделить несколько пунктов.

Территория Российской империи в 1815-1878 гг.

Масштаб 1:32 000 000

Территория Российской империи в 1815 г. Территории, присоединенные к Российской империи в 1815–1878 гг. Земли по Токму и Сююе, включенные в состав России в 1817 г. Территории Северного Кавказа и Закавказья, присоединенные к России в 1828–1830 гг. Финляндия и Нантсальтские земли/протектораты и России в 1828 г. Территории наваиского Старшего Жуза (Большая Ора), правящего поддательства России в 1846 г. и территории Семиречья, присоединенные к России в 1860 г. Курские острова от о.Шушен до о.Урул, официально включенные в состав России в 1855 г. и переданные Японии в 1875 г. Острова Сахалин – с 1855 г., неразделенная между Россией и Японией территория, с 1867 г. – совместное владение России и Японии, с 1875 г. – в составе России.	Территория, присоединенная к России в 1829 г. и отошедшая к Турции в 1856 г. Территории, отошедшие к Турции в 1856 г. и вновь присоединенные к России в 1878 г. Территории, переданные Китаю России в 1858 и 1860 гг., и т.д. не разграниченные до этого времени между Россией и Китаем Территории Дагестана и Чечни, присоединенные к России в 1859 г. Земли адыгов, присоединенные к России в 1860 г. Территории Средней Азии, присоединенные к России в 1864–1876 гг. Российские владения в Северной Америке, утраченные в 1867 г. (Аляска, Алеутские острова) Острова Френчелл, открытый в 1867 г. и присоединенный к России	Илийский край (ранее принадлежавший Китаю), присоединенный к России в 1871 г. Территория Завкавказья, присоединенная к России в 1878 г. Бухарский эмират (протекторат России с 1868 г.) Хивинское ханство (протекторат России с 1873 г.) Неследованные территории

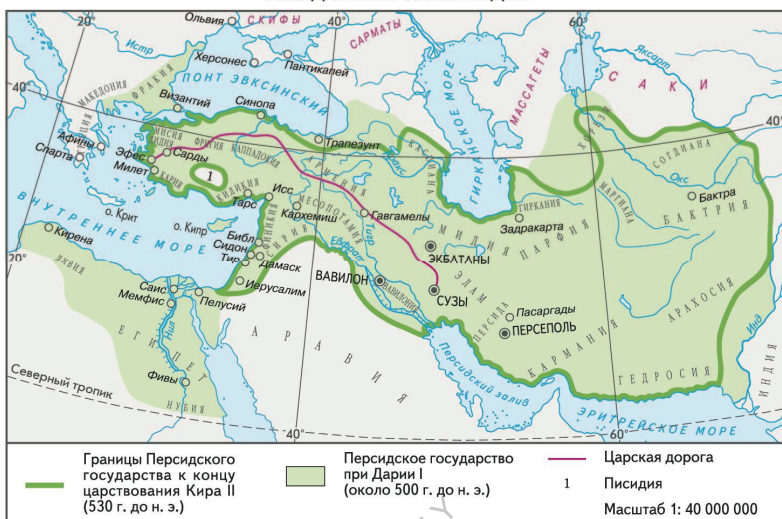
Первое, что бросается в глаза – разница в развитии. Русское государство, даже если вести его историю с новой династии Романовых, имело уже более чем 200-летний опыт развития и не менее чем 100-летний опыт модернизации, его можно смело называть «устоявшимся». Его структуры отличала «установленность», относительная стабильность. Каджарская же династия утвердилась на престоле после нескольких десятилетий нестабильности только к началу XIX в., причём силой и без видимой родственной связи с прошлыми династиями. Государство здесь было «молодым», не имело той прочности, что в России. Несмотря на

модернизационные потоки, Иран очень сильно отставал от Российской империи в сфере обновления и перевода своих структур на европейские рельсы²⁹. Таким образом, если Российскую империю можно называть традиционно-буржуазной, то Персия к началу XX в. оставалась классической традиционной монархией с небольшим «налётом» европейскости.

Объединяло империи многое. Обе они долгое время были известны Европе под экзонимами, никогда внутри этих держав не употреблявшимися – Персия и Московия. Но если первое название было данью античной традиции, на которой основывалась западноевропейская культура с эпохи Возрождения, то второе – результат пропагандистской кампании со стороны Речи Посполитой, представители которой сознательно называли Московскую Русь, а затем и Российское государство Московией, отрицая, таким образом, правомерность борьбы Ивана III³⁰ и его преемников за воссоединение земель Киевской Руси³¹.

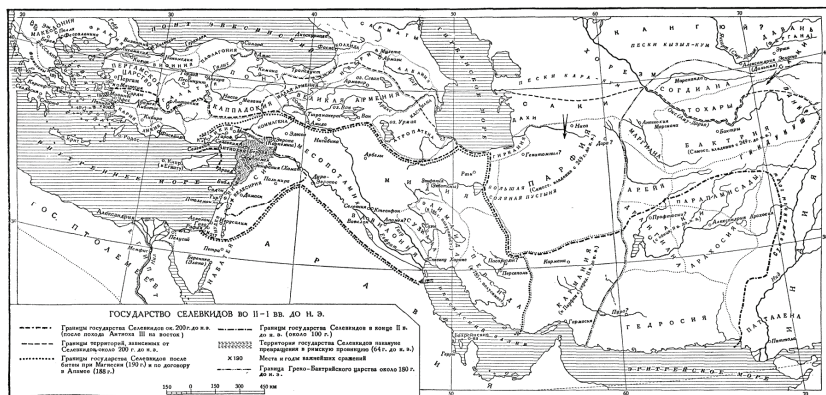
ГОСУДАРСТВО АХЕМЕНИДОВ

Ещё один объединяющий две монархии фактор – это передаваемая веками идея империи. В Иране она имела более давние корни – от державы Ахеменидов (VI–IV вв. до н.э.) и воплощалась в титуле «шаханшах» («царь царей» – титул, получивший «второе рождение» при Сасанидах (226—651 гг.)³²) и понятии «Иран» как чём-то надэтническим и надрелигиозным, символизирующем, высшую власть, империю³³.

В России имперские мотивы появились примерно в XV в.³⁴ В символизме царской власти российских государей сочетались византийские, золотоордынские (или степные), римские и древнерусские имперские мотивы³⁵. Здесь особое внимание было уделено религиозной и властной преемственности от Византии, с акцентом на царе, как центре имперской системы³⁶. И в России, и в Иране правили иноэтнические династии³⁷. Правда, в России династия онемечилась по крови, но по духу оставалась русской. К тому же она была легитимна в глазах простого населения (первый царь был избран в 1613 г Земским собором, представлявшим почти все основные группы населения России³⁸) и освящена религиозной доктриной православия. В Иране же тюрки-каджары хотя и восприняли персидскую культуру (в том числе и государственного управления), оставались до некоторого рода инородным элементом. Связано это было и с особенностями шиитской

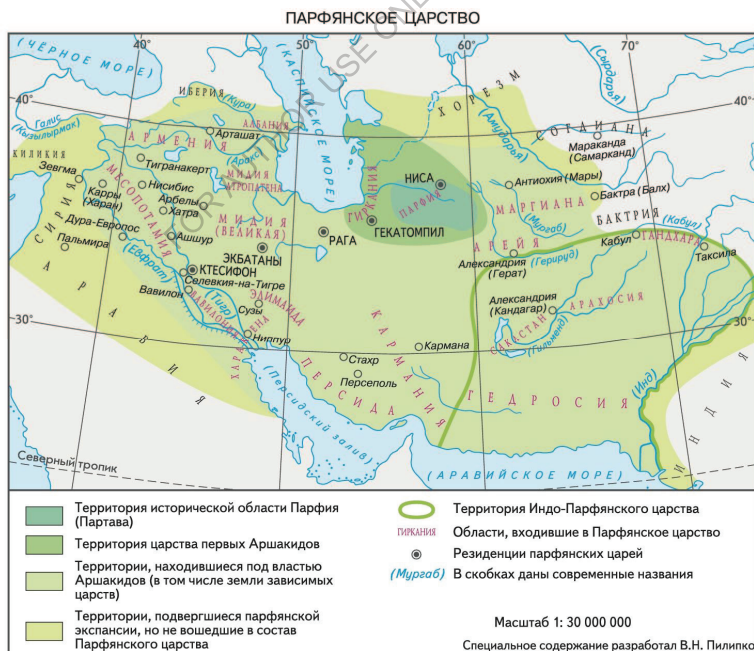
доктрины государства, где роль монарха была лишь временной, и с тем, что среди кочевых племён сохранялись долгое время претензии на центральную власть, которую ещё сравнительно недавно (в XVIII в.) держали в своих руках Афшары, Зенды и др. Иран был страной, где большинство населения исповедовало шиизм. Особенностью религиозно-политической доктрины шиизма, является то, что легитимное право на власть над правоверными (имамат) имеют лишь потомки зятя пророка Мухаммада Али (Алиды). Поскольку двенадцатый имам, согласно традиции, в IX в. исчез, чтобы впоследствии появиться в виде мессии, его функции временно выполняют улемы и моджтехиды – религиозные исследователи, богословы³⁹. Отсюда вытекала большая власть над верующими шиитского духовенства и отсутствие стойкой опоры для шахского режима в стране. Если Сефевиды вели своё происхождение от седьмого имама, то сменявшие их династии такой «привилегии» не имели и рассматривались как узурпаторы⁴⁰. Фактически, каджарская династия также считалась таковой. Поэтому авторитет её и происходивших из неё правителей в глазах шиитского населения и духовенства во многом зависел от того, насколько ревностно они отстаивают шиитские догматы. К тому же, как отмечал армянский филолог Гарник Серобович Асатрян, «для иранских политиков – независимо от их происхождения ... приоритеты иранского государства никогда не оттеснялись на задний план никакими местечковыми интересами»⁴¹.

Для религиозного мировоззрения значительной части населения и идеологии обоих государств был характерен мессианизм⁴². В России – единственном независимом православном государстве мира – это стремление объединить под

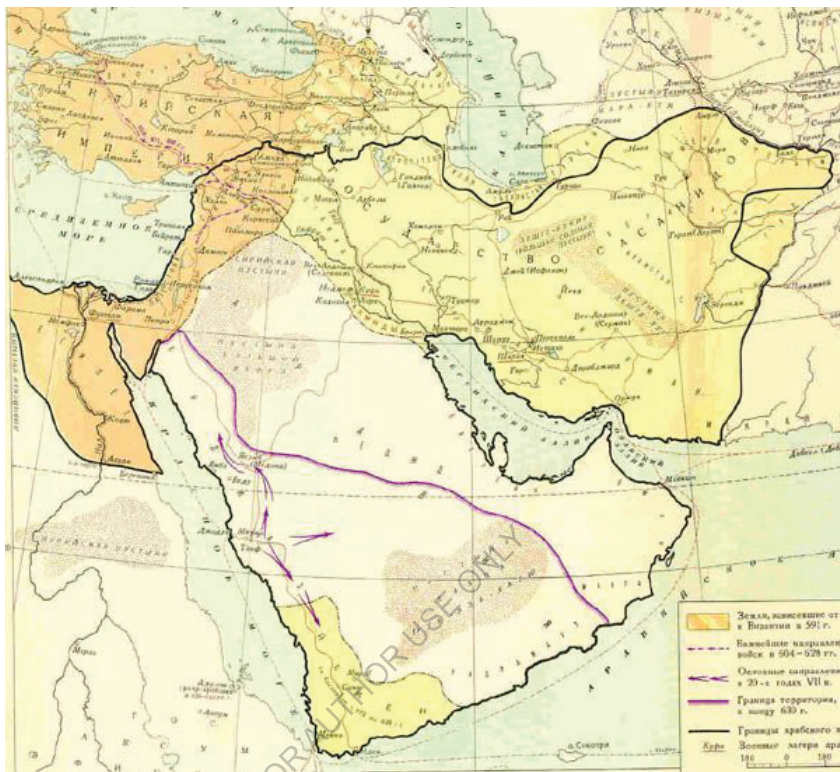
властью православного монарха и православной церкви всех православных христиан (позже – и славян), вернуть Константинополь и сделать Русское государство действительно «Третьим Римом» – духовно-религиозным центром истинно правильно верующих. Иран же со времён Сефевидов⁴³ являлся единственной страной исламского мира, где шиизм занимал господствующие позиции. Это положение как центра шиизма, обуславливало и внешнеполитические притязания иранских правителей, в частности, борьбу за турецкий Ирак с его шиитскими святынями. В то же время мечтой каджарских монархов, до Насреддин-шаха включительно, было воссоздание государства Надир-шаха Афшара и преемственность прежних династий, правивших в Иране⁴⁴.

Общим для России и Ирана была многоукладность экономики. Правда, в деле перехода на капиталистические рельсы империя Романовых далеко обогнала своего конкурента.

Обе империи отличались многоэтничным и многоконфессиональным (многорелигиозным) составом населения при наличие первенствующей конфессии: православия в России, шиизма в Иране. При этом титульные народы находились

примерно в одинаковом положении: формально – первые, фактические – живущие не лучше других. В Персии, правда, имелась специфика. Если в России русский народ в составе великоросов, белорусов и малоросов составлял «имперский этнос»⁴⁵, то в Иране собственно иранцы – титульный этнос – занимали второстепенное положение в сравнение с этносом, из которого происходила правящая династия. Иранцы (персы) составляли значительную часть городского населения, занимались главным образом торговлей, ростовщичеством и земледелием. Хотя из них и формировали несколько батальонов регулярной пехоты, но в основном они были освобождены от несения воинской повинности. Фактически «имперским» народом были турки Иранского Азербайджана, занимавшиеся по преимуществу сельским хозяйством⁴⁶. Они (как и русские в России) составляли костяк регулярной армии, что свидетельствовало не только об их личностных качествах как «хорошего военного материала», но и о том, что правящая династия предпочитала первоначально опираться на своих соплеменников⁴⁷.

Государство Сасанидов

И в России русские, и в Иране тюрки Азербайджана в основном находились в той или иной степени зависимости от своих помещиков⁴⁸. В обоих государствах они не осуществляли функции господствующего (доминирующего) этноса, как это было в западных империях. Но к началу XX в. в обеих странах всё большую роль стал играть национализм. Помимо «малых» национализмов, здесь вырастают «имперские» его разновидности: русский с центральной идеей православия и иранский, с главенствующей идеей шиизма⁴⁹. Оба они имели этно-религиозную основу. Следует отметить, что долгое время понятия «русский» и «православный» (ср.: «русская вера»), а также «иранец» («перс») и «шиит» обозначали соответственно одно и то же. То есть этническая компонента подменялась религиозной и вторая играла первенствующую роль. Но теперь на первое место

выходит этническая составляющая. При этом сторонники «имперских» национализмов высказывали претензии на господство в собственном государстве⁵⁰.

Общим была и главенствующая роль общины в жизни обеих обществ. Однако в Иране общинные отношения охватывали и город и деревню, в то время как в России только деревню. Правда, к концу XIX в. под влиянием капиталистических отношений община постепенно расслаивается и «размывается».

Иран в начале XX в.

Наконец, в обе страны находились в рамках сформированных вокруг них предшественниками «миров»—цивилизаций. Естественно, «иранский мир» был намного древнее «русского»⁵¹. Как отмечал Ж.П. Ру, «иранец – это не обязательно подданный или гражданин Ирана ... Земли, относившиеся к иранскому миру, огромны, но подсчитать всю их площадь, не рискуя ошибиться, почти невозможно»⁵². «Иран» означает «земля ариев»⁵³. Сегодня иранский мир — мир, где говорят по преимуществу по-ирански⁵⁴, однако так было не всегда⁵⁵.

В XIX в. под Ираном (страну тогда в Европе называли Персией) понимали главным образом географическую территорию. Однако в то же время в Европе появляется и другое понимание. «Иран как географическое понятие не совпадает ни с областью расселения иранцев как этнографической единицы, ни с областью влияния иранской культуры, ни с областью распространения персидского, т. е. иранского, литературного языка», — отмечал В.В. Бартольд⁵⁶. «Как физико-географический термин, Иран обнимает, кроме Персии, ещё Афганистан с

Кафиристаном и Келат, или Белуджистан ... *Иранское плоскогорье*, простирающееся от Кабула до Тигра и от Каспийского моря до Персидского залива и Индийского океана, занимает площадь в 2 700 000 кв. км (50 000 кв. миль)», – писалось в популярном в России словаре⁵⁷. Афганистан и Белуджистан составляли Восточный Иран, а Персия – Западный⁵⁸. «В географической науке, – резюмировал в 1920-х гг. В.В. Бартольд, – под Ираном понимали плоскогорье, представляющее внутренний бассейн и граничащее на севере с бассейном Каспийского и Аральского морей, на юге, западе и востоке — с бассейном Индийского океана, между Тигром и Индом; под Тураном — бассейн Аральского моря»⁵⁹. «Если из долины р. Инда, – писал в своей работе немецкий учёный К. Риттер, – мы подыдемся в западном направлении на уступобразные земли Кабула, Кандагара и Келата, или с западной же, туркестанской окраины нагорной Азии, по следам древних и новейших кочевых племён, двинемся с с. в. на ю. з., за Сырдарью и Джейхун, через Фергану, Бадахшан, Тохарестан, Балх и Бамиан, то у южной подошвы громадной цепи индо-кавказских гор, мы вступим в край, резко отличающийся от восточной Азии, в край с новыми очертаниями, словом, мы вступим в западную часть нагорной Азии. В противоположность с Индию, т. е. с землями, лежащими на восток от р. Инда и с Тураном, областями простирающимися на севере и востоке от Джейхуна (Оксуса), край этот, совершенно отдельный от миров индийского и монгольского издавна ... назывался и доньше называется *Ираном* ... Противоположность эта (между Ираном и Тураном – О.Г.) отразилась не только в преданиях о племенном происхождении и о прошлом этих двух стран, но мы находим её во всех религиозных и политических убеждениях их населения. В этом обширном смысле название Иран обнимает всю плоскую возвышенность Персии в истинных её пределах и не должно быть прилагается ни к пространству, окраемому нередко менявшимися границами всемирной персидской монархии, ни к более тесным очертаниям областей, часто только временно входивших в состав персидского государства. Название это обозначает страну то меньшего, то большего объёма, чем земли персидской монархии. Мы принимаем здесь это имя в его обширном физико-географическом и историческом значении, с которым совпадает большею частью и политическое, и рассматриваем иранскую плоскую возвышенность с её естественными очертаниями,

составляющими громадное целое, к которому соседние горные хребты, горные пространства и уступообразные скаты примыкают, как неотъемлемо принадлежащие ему звенья»⁶⁰. В этом определении ясно выступают 2 значения «Ирана» – географическое и культурно историческое. Именно второе носило цивилизационное содержание – «Большой Иран» («Великий Иран»). Простирался он от бассейна Тигра на западе до Инда на востоке, т.е. охватывал территории, населёнными ираноязычными народами⁶¹.

Большой Иран

Исторически это были регионы, которые долгое время управлялись династиями различных иранских империй, которые включали в себя значительные аспекты персидской культуры благодаря обширным контактам с ними, или где поселились достаточное количество ираноязычных народов⁶². До Сасанидов (III–VII вв.) идея «Ирана» имела этническое, языковое и религиозное значение, а потом к ней добавилось и политическое. Страну в их время стали называть Эраншахр («царство ариев»), а сасанидские правители именовали себя «шаханшахами Ирана и Анерана» или «Эраншахра»⁶³. «И в настоящее время в самой Персии под Ираном понимают государство шаханшаха», – отмечал в начале XX в. В.В. Бартольд⁶⁴.

Помимо собственно иранского национализма в начале XX в. зарождается и более широкая идеология – паниранизм. Сторонники этой идеологии выступают за объединение иранских народов, проживающих на Иранское нагорье и в других регионах, которые в разное время были в сфере иранской культуры. «Когда индоевропейцы, были разделены на две ветви, индийцев и иранцев; иранцами в лингвистическом смысле стали называть, независимо от политических границ, народы, объединенные в одно целое по лингвистическим признакам. Когда в конце XIX в. возникла мысль составить свод научного материала, относящегося к области «иранской филологии» (языкам, литературе и истории иранцев), то в лингвистический отдел этого свода вошли наречия от самого восточного из памирских, сарыкольского, до западных курдских, в восточной части Малоазиатского полуострова, т. е. приблизительно от 75 до 38° в. д. от Гринвича; кроме того, рассматривается наречие так называемых осетин (называющих сами себя *ирон*), живущих отдельно от прочих «иранцев» на Кавказе, к западу от прежней Военно-Грузинской дороги. Еще обширнее была область распространения иранских наречий в древности, хотя во многих случаях вопрос о том, какие именно народы говорили по-ирански, остается спорным. Ещё большее пространство обнимала область распространения главного литературного языка Ирана, так называемого «новоперсидского», образовавшегося уже при исламе; на нем писали далеко за пределами лингвистического Ирана, от Константинополя (к числу персидских поэтов принадлежал турецкий султан Селим II, 1566—1574) до Калькутты и городов Китайского Туркестана. Историку иранской культуры необходимо считаться и с этим фактом, и с ещё более многочисленными переводами с персидского и подражаниями персидским образцам», – отмечал выдающийся знаток Ирана В.В. Бартольд⁶⁵. Паниранизм был разновидностью территориального национализма и возник как ответ на пантюркизм и панарабизм. Как отмечал один из современных исследователей, «в рамках концепции паниранизма «иранцы» – это всё население страны, объединённое общим культурно-историческим наследием, а не кровью или религией. Благодаря такой трактовке понятия «иранец» в зону интересов и возможного влияния Тегерана входит обширный регион, включающий Среднюю Азию, Афганистан, Пакистан, часть Индии, Закавказье и часть Ближнего Востока

(фактически максимальные границы распространения влияния доисламского Ирана). При этом ислам не противоречит идее паниранизма»⁶⁶. С момента зарождения в Иране национализма европейского типа идеи «Большого Ирана» стали в разной мере использоваться и паниранистами, и националистами для обоснования своих притязаний⁶⁷.

Русская цивилизация

С Россией традиционно связано 3 словосочетания: «Русская цивилизация», «Русский мир» и «святая Русь». Как и в случае с Ираном все они одновременно были и реальностью и идеологемами. «Святая Русь» – понятие религиозно-фольклорное, которое со временем превратилось в мессианско-идеологическое. Квинтэссенцией его стала знаменитая формула, приписываемая старцу Филофею, имевшая первоначально только религиозное содержание⁶⁸. В своём послании великому князю Василию III (1503–1533) он писал: «Тот, кто от вышней и от всемогущей, все в себе содержащей, десницы Божьей, которой цари царствуют и которой великие славятся и могучие возвещают праведность твою, пресветлейшего и высокопрестольнейшего государя великого князя, православного христианского царя и владыки всех, держашему бразды святых Божьих престолов, святой вселенской соборной апостольской церкви пречистой Богородицы, честного и славного её Успения, кто вместо римского и константинопольского владык воссиял, — ибо старого Рима церковь пала по неверию ереси Аполлинария, второго же Рима, Константинова града, церковные двери внуки агарян секирами и топорами

рассекли, а эта теперь же третьего, нового Рима, державного твоего царства святая соборная апостольская церковь во всех концах вселенной в православной христианской вере по всей поднебесной больше солнца светится, — так пусть знает твоя державность, благочестивый царь, что все православные царства христианской веры сошлись в едином твоём царстве: один ты во всей поднебесной христианам царь». В этом послании старец упрасивал великого князя править своим царством по-христиански. «И если хорошо урядишь свое царство — будешь сыном света и жителем горнего Иерусалима, и как выше тебе написал, так и теперь говорю: храни и внимай, благочестивый царь, тому, что все христианские царства сошлись в одно твое, что два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать», — резюмировал он ⁶⁹. Таким образом, первоначально его послание носило внутренний и морально-религиозный характер. Подразумевая под «Третьим Римом» Русское государство, Филофей считал его последним истинно христианским царством, а задачу его правителя видел в совершенном внутреннем правлении и защите православия. Но со временем его часть была трансформирована в формулу «Москва – третий Рим» приобрела новое звучание – политическое. Сам Филофей творил в то время, когда происходило формирование идеологии нового централизованного государства на Руси – Русского царства ⁷⁰. Поэтому не удивительно, что его идеи, пусть даже он этого не желал, стали одним из её оснований, формируя идею о вселенской имперской преемственности русского государства от более ранних православных империй. Послания Филофея впервые были опубликованы в 60 х годах XIX в. За время обсуждения теории в научной и публицистической литературе сложилось несколько основных традиций её интерпретации: 1) византиноцентристская, акцентирующая внимание на религиозном либо политическом аспектах преемственности России по отношению к Византии; 2) империалистическая; 3) универсалистская ⁷¹. И, как справедливо отметил М. По, «Филофей не мог помыслить ни одной из этих поздних инкарнаций созданного им образа “Третьего Рима”. Таким образом, “третьероманизм” есть результат проецирования современной идеи, а именно идеи “русской миссии”, на внешне схожую концепцию раннего нового времени» ⁷².

«Святая Русь» – понятие, отчасти производное от этой концепции. Оно имеет двойное значение: русская земля в широком, цивилизационном смысле, избранная Богом для спасения и просвещенная христианской верой, и метафизическое пространство, союз православных христиан с центром в Иерусалиме. Среди иных пространств Святую Русь выделяет не география, не государственность и не этническая принадлежность, а православие⁷³. Однако, со временем, это словосочетание приобретает мессианско-этническое значение: Русь (Россия) – богоизбранная страна, а русские (в широком смысле) – богоизбранный народ, поскольку только здесь и ими сохраняется истинная православная вера. Соответственно, Русская православная церковь – это опора и основание общерусского единства, и единственный путь к спасению. «Россия принадлежит к составу государств Европы, – писал В.А. Жуковский князю П.А. Вяземскому в 1848 г. – Святая Русь есть отдельная, наследственная собственность русского народа, упроченная ему Богом»⁷⁴. В XIX в. идея «Святой Руси» оказала значительное влияние на славянофилов. Они и их сегодняшние последователи стали активными её отстаивателями наряду с некоторыми деятелями православной церкви⁷⁵.

В этом же ключе следует рассматривать и так называемую «Русскую идею». По мысли сторонников, она выражает «замысел Божий о России», то есть представление о русском народе как богоносце. Идея эта сочетает вселенский характер, соборность и универсализм. Её приверженцы считают, что Россия имеет глобальное значение и важна для всеобщего христианского спасения»⁷⁶. В её продолжении в России и за её пределами сформировалась особая трактовка панславизма – представление о главенствующей роли России среди славян, об её объединительной миссии⁷⁷.

На основе идеи о «святой Руси» и особого развития России сформировалось представление о Русской цивилизации. Основами её являются русский народ в широком смысле этого слова⁷⁸, «Русская идея» и православие⁷⁹. Культурная составляющая, основанная на православии или даже смещении «восточного» и «западного» является первоосновой для цивилизационного выделения⁸⁰. На втором месте стоит особая концепция власти – данная Богом, но одобряемая и принимаемая народом модель царя-патриарха.

Первым о основах цивилизации в панславистском духе высказался русский философ Н.Я. Данилевский, противопоставив их бездуховной Европе⁸¹. В дальнейшем её изучали О. Шпенглер, А. Тоинби, С. Хантингтон и другие мыслители⁸². «Русская цивилизация — прежде всего духовная. Парадигмой её является Православие. Православие как высшее достижение христианской веры», — так определяет это понятие современный мыслитель⁸³. Территориально эту цивилизацию обычно отождествляли в разное время с территорией государств, создававшихся русским народом — от Древней Руси до СССР и России. Сейчас идею «Русской цивилизации» по политическим мотивам пытаются заменить понятием «Российская цивилизация» или совместить с ним. В первом случае речь идёт о общероссийских ценностях и ассоциируется с государством Российская Федерация. Во втором — с русским народом в современном его значении⁸⁴.

Тесно переплетена с «Русской цивилизацией» идеологема «Русский мир», которая фактически подменяет его собой⁸⁵. Создана она была в последние годы для противодействия активной антирусской и антироссийской пропаганде, имеющей в отдельных странах Европы и Азии откровенно расистский характер. «Русский мир» («Русь») определяется её идеологами как «цивилизационная надгосударственная общность, связанная русской в широком смысле слова культурой, подразумевающей взгляд на Человечество, как на большую семью, но с пониманием того, что ближайшими родственниками России в рамках этой семьи являются культурно и исторически родственные ей страны. Границами Русского мира являются границы распространения русского языка, который является ключевой частью русской культуры ... Помимо языка, в основе Русского мира лежит определённое представление о нравственных ценностях, связанных с традиционными представлениями о семье и любви, о справедливости и труде, о государстве и межгосударственных отношениях (современные публицисты чаще всего называют главной чертой русского мировосприятия стремление к справедливости). Далеко не все русскоязычные и не все представители Русского мира вполне осознают эти ценности, и не все их открыто поддерживают, однако тем не менее они укоренены в языке и культуре, в историческом и государственном опыте России и русских»⁸⁶. Указанное понятие уже не акцентирует «русскость» как «православность».

«Российский/русский народ, даже понимаемый в узко этническом смысле, на самом деле представляет собой совокупность потомков множества народностей Русской равнины, Сибири и сопредельных регионов. Таким образом, понятие Русского мира не уже, а шире, чем понятие Россия»⁸⁷.

Как отмечает один из современных исследователей, «в настоящее время понятие «Русский мир» интерпретируется в работах российских исследователей, по меньшей мере, с четырёх различных точек зрения. Во-первых, он понимается как геополитическая реальность, стремящаяся вернуться к своим естественным границам (А.Г. Дугин, А.М. Столяров, В.Л. Цымбурский). Во-вторых, «Русский мир» осознается с геоэкономических позиций как сеть сообществ, где происходит концентрация и повышается производительность русского капитала с целью формирования инновационной экономики, развития человеческих ресурсов и совершенствования институтов в ядре «Русского мира», – России (П.Г. Щедровицкий, Т.В. Полоскова, В.М. Скринник). В-третьих, «Русский мир» воспринимается как уникальная этнокультурная общность людей, объединённых русским языком, своей историей, нормами и ценностями, проживающих далеко не только в России (В.А. Никонов, Н.Н. Нарочницкая, В.А. Тишков). В-четвертых, «Русский мир» позиционируется как православная цивилизация, включающая в себя под именем Святой Руси, помимо России, также Белоруссию, Украину и Молдову (Патриарх Кирилл, Лаврентий Черниговский)»⁸⁸.

Отметим, что все понятия связанные с «Русской цивилизацией», также, как и с «Иранской», не несут в себе агрессивности и ксенофобии (если не считать части маргинальных объединений, пропагандирующих нетерпимость к другим религиям, народам и пр.).

1.3. Российская и Иранская империи: различия

Но были между государствами и существенные различия. Во-первых, в России династия была устоявшейся, легитимной в глазах большинства населения, в то

время как в Иране власть Каджаров во многом держалась на позиции Великобритании и России.

Во-вторых, система управления государством. В России она была устоявшаяся и динамичная, в то время как в Иране система существовала, но прямо зависела от правителя: со сменой шаха менялся практически весь верхушечный аппарат управления. К тому же частая смена управленцев в Иране была связана с торговлей должностями. Шах и нижестоящие управленцы, стремясь извлечь материальную выгоду, часто продавали должности тому, кто сделает больший взнос в их карман. Причём сроки, на которые продавались управленческие места, никакими законами или соглашениями не регулировались. Поэтому наиболее постоянной правящей элитой были выходцы из шахской семьи и низовое звено управления – ханы, ильханы и пр.

В этом ключе следует отметить и третье различие: неравноценность элит⁸⁹. В России оформились две культуры: элитная (т.е. дворян, интеллигенции) и народная. Они существенно отличались друг от друга. Переход снизу вверх был возможен, но не слишком прост. К тому же здесь сформировалась устойчивая, хотя и не слишком многочисленная бюрократия, а также общеимперская аристократия (т.е. собственно аристократия и дворянство), довольно монолитная. При этом в российской политической элите оставалось много от традиционного общества, что породило очень своеобразный сплав⁹⁰. Однако она была достаточно эффективной.

В Иране же преобладали компоненты традиционных структур и мышления. Родо-племенная и областная знать сосуществовала со знатью «административной», назначавшейся шахом и его сыновьями. В результате здесь сосуществовали должностная иерархия и иерархия личностных отношений в форме вассалитета. Зачастую оба типа знати пересекались. Общеимперской аристократии здесь не сформировалось. Элиту составляли правящая династия, бюрократия, назначавшаяся шахом, общинно-клановая верхушка и духовенство. Постоянные перемещения снизу вверх и обратно были явлением довольно обычным. Знатность здесь не играла такой роли, как в России, поскольку по желанию шаха (или близких ему людей) любой знатный человек (главы племён, сельские «помещики» и т.п.) мог быть смешан с грязью, а никому не известный выходец из водоносов стать главой

исфаханской армии или первым министром. Эта мобильность политической элиты Персии во многом определяла нестабильность её развития. К тому же в России активно формировалась буржуазия, тогда как в Иране при наличии своеобразной организации власти быть богатым было опасно⁹¹. Это тормозило формирование нового социально-экономического класса, игравшего определяющую роль в европейском развитии.

В-четвёртых, уровень лояльности правящих элит и различных сообществ (этнических, племенных, религиозных и пр.) центральному правительству в России был высоким, в то время, как тегеранское правительство было нелюбимо даже наиболее верными подданными.

Пятой чертой различия было формирование самого тела государства. Если границы России устанавливались, как правило, представителями самой империи, то иранские границы оформились в XIX в. – внешними силами. Тегеранское правительство лишь вынуждено было подписывать соответствующие документы, признавая то, что было определено без его или при его формальном участии⁹².

Конечно, все вышеизложенные рассуждения нуждаются в более детальной проработке. Возможно, даже другие историки выделяют что-то новое. Тем не менее, для нас важны именно те сходства и отличия, на которые было указано. Российское и Иранское государства вступили в новое время по-разному. Первое – примерно на 100 лет раньше. Иран, несмотря на старания некоторых из его правителей, так и не сумел модернизироваться и приспособиться к новому миру, результатом чего стало превращение его в полуколонию. Россия же, напротив, благодаря усилиям Петра Великого и Екатерины II, сумела обновиться и усилиться, сохранив независимость и сама превратившись в колониальную державу. Обе державы продолжали «имперское прошлое», но династия Романовых была древнее и законнее Каджарской, к тому же имела непрерывную родственную связь с предыдущей – Рюриковичей. Каджары же были династией новой и даже не иранского происхождения. Это также обусловило особенности развития двух империй. Следует отметить, что ни Россия, ни Иран не были отсталыми государствами, как их представляли в своих работах многие европейские и отечественные наблюдатели. Тезис о «передовых и отсталых» государствах нуждается в серьёзной

корректировке, поскольку и с точки зрения логики, и с точки зрения исторических реалий сравнивать можно только то, что имеет общее основание. В сравнение с европейскими державами Иран был государством другого типа – империей традиционного общества, с другой системой координат, государством относительно молодым, неустоявшимся (в сравнение, например, с Российской, Габсбургской, Цинской империями), которая в условиях господства европейской системы и активного навязывания европейского пути развития нуждалась в корректировке⁹³. Но вплоть до начала XX в. попытки корректировок, предпринимавшиеся Аббасом-мирзой, Таги-ханом, Насреддин-шахом, не имели глубокого и законченного характера, как, например, в России при и после Петра I. Что до России, то, в сравнение с наиболее экономически развитыми западноевропейскими державами в экономическом плане она, конечно, уступала и вынуждена была постоянно догонять. Но в общеисторическом плане она развивалась в чём-то опережая, в чём-то отставая, но успешно заимствуя и развивая. В XVII–XVIII вв. из традиционной монархии она превращается в полуиндустриальную-полутрадиционную под влиянием соседства и соперничества с экономически более сильными европейскими странами. В развитии технологий Россия, конечно, отставала от ведущих государств Европы и США, но в целом развивалась в том же направлении, что и они.

ГЛАВА 2

РУССКО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1850-Х – СЕРЕДИНЕ 1870-Х ГГ.

2.1. Изменения в русско-иранских отношениях после Крымской войны 1853–1856 гг.

Результатом Крымской войны 1853–1856 гг. стал постепенный отказ российских правящих кругов рассматривать внешнюю политику на Востоке через призму европейских дел и осознание, что единственный шанс обуздать Великобританию – это движение в Азию в сторону Индии⁹⁴. Правда цельной позиции по этому вопросу на тот момент не имелось. По словам министра иностранных дел А.М. Горчакова, в этот период русское правительство «не имело прочной программы действий в отношении Средней Азии и продолжало руководствоваться более обстоятельствами и случайностями, чем постоянной и твёрдой системой, на которой оно еще не решалось остановиться»⁹⁵. Переориентация с конца 1850-х – первой половины 1860-х гг. имперской политики на Восток обусловила изменение роли Ирана. После войны в Великобритании 1856–1857 гг.⁹⁶ значение Ирана в регионе сильно упало, и он стал превращаться в объект колониальной экспансии европейских держав, в том числе и России. Прежде всего, было решено восстановить экономические позиции в северо-иранских провинциях и по возможности расширить российское присутствие за пределы «сферы русского влияния». Это стало возможным в связи с очередными попытками шахского правительства модернизировать экономику страны. В отличие от «никтолаевского» периода, когда императорские власти намеренно отказывались от участия в развитии туземного производства (тяжёлая индустрия), теперь участие специалистов из России в организации фабричного производства стало поощряться. При этом использовался британский опыт⁹⁷. В силу стратегических соображений борьбы с Великобританией и, отчасти, экономических потребностей Россия начинает проводить активную завоевательную политику в Центральной Азии, где

Персия (несмотря на её кажущуюся слабость) представляла потенциальную опасность. Мыслившиеся угрозы носили не военный характер и исходили не столько от самого Ирана, сколько от возможности включения его в орбиту влияния Британской империи и использования против России. Войны первой половины XIX в. продемонстрировали прогрессирующий упадок военной мощи Каджарского государства⁹⁸. Это отмечали многие наблюдатели. Так, военный аналитик и историк Алексей Михайлович Колубакин, говоря о Гератском походе 1837–1838 гг., считал, что «экспедиция эта ... погубила лучшие войска Персии, с того времени уже не поднимавшиеся до той высоты, до которой они были доведены Аббас-мирзой. Дальнейшая история персидского оружия ещё более бесславна»⁹⁹. Тем не менее, военные специалисты считали, что персы и иранские турки представляли собой «хороший военный материал»¹⁰⁰, но нуждавшийся в усовершенствовании под руководством опытных инструкторов. Естественно, что среди российских армейских чинов и внешнеполитических деятелей (как, впрочем, и среди британских) существовало опасение, что этот «материал» попадёт в чужие руки, тем более, что опыт использования европейских военных инструкторов к середине века Иран имел богатый.

Алексей Михайлович Колубакин

К тому же в рамках геополитических планов борьбы с Великобританией Ирану вплоть до окончательного покорения т. н. среднеазиатских территорий отводилось важное место. Не случайно на 1857 г. приходится разработка

наместником на Кавказе князем Александром Ивановичем Барятинским первого из когорты проектов российского похода на Индию второй половины XIX в.. Хотя реально ни один из проектов не был воплощён в жизнь, тем не менее, события 1878 г., речь о которых пойдёт ниже, свидетельствовали, что они играли важную роль во внешнеполитическом планировании и рассматривались частью российских высших и военных кругов как реализуемые. Русская угроза Индии воспринималась в политико-военных сферах империи как лучший способ нейтрализации Великобритании в Европе и Азии, особенно в условиях слабости позиций России на европейском континенте после 1856 г. Иран в планах Военного министерства рассматривался одновременно и как дорога на Индию в случае столкновения с Британской империей, и как плацдарм, с которого англичане могли нанести удар по русским границам в Азии. «Для нашей политики – отмечал директор Азиатского департамента российского Министерства иностранных дел Пётр Николаевич Стремоухов в 1864 г., – необходимо существование Персии, как государства независимого и по возможности благоустроенного и сильного ... во-первых, как щита», защищающего русские владения от англичан, и «во-вторых, для уравновешения английского преобладающего влияния в Азиатской Турции». «Персия, – писал он, – может всегда служить полезною для нас опорой при каких-либо недоброжелательных, под влиянием западных государств, действиях Турции». Именно поэтому П.И. Стремоухов опасался, чтобы «Персия от страха и недоверия к нам не предалась вполне влияниям английских агентов»¹⁰¹.

Политическое и экономическое значение Персии для России было детально проанализировано генерал-майором Генерального штаба (далее – ГШ) И.Ф. Бларамбергом в его «Записке о значении для России Каспийского моря, как торгового пути в Центральную Азию» (февраль 1857 г.)¹⁰². Автор «Записки» долгое время служил на Кавказе и на среднеазиатском пограничье империи, был в Иране, возглавлял экспедиции по исследованию побережья Каспийского моря. Основываясь на своём опыте, он пришёл к выводу, что «Россия должна обратить свой взор на Азию, как рынок важный и обширный», а центром для российской торговли следует сделать Персию¹⁰³.

Иван Фёдорович Бларамберг

Однако в 1850-е – 1860-е гг. политика России в отношении Персии не предполагала подчинения последней российскому влиянию. Скорее она была направлена на то, чтобы действиями в Азии не спровоцировать шаха на принятие покровительства англичан, которые рассматривались как основной противник в развернувшейся «Большой игре» – понимаемой в узком, специально-научном смысле как сначала борьбу Великобритании против Российской империи, переросшую в англо-русское противостояние на территориях Азии и Европы, а отчасти даже Африки. Длилась она с последней трети XVIII в. до 1917 г., т.е. до распада Российской империи и протекала в идеологической, политической, военной и экономической сферах¹⁰⁴. Управляющий делами российской Миссии в Тегеране¹⁰⁵ коллежский секретарь Александр Ефимович Лаговский в 1857 г., после пребывания в Персии английских офицеров, он писал директору Азиатского департамента Егору Петровичу Ковалевскому: «Присылка сюда (в Персию – О.Г.) офицеров может быть чрезвычайно полезною, внушая персиянам к нам доверие, ибо видя наше желание усилить их страну ... они перестанут мечтать и верить наущениям наших противников о наших намерениях подчинить себе эту страну»¹⁰⁶. Особое внимание, по мнению А.Е. Лаговского, необходимо было уделить морально-профессиональным качествам направляемых в страну офицеров, а также знанию ими персидского языка¹⁰⁷. Несмотря на то, что на его письме имеется приписка «Интересно, надо обдумать», предложения эти не были реализованы вплоть до

второй половины 1870-х гг. Причинами этого, как нам представляется, были экономическая слабость России и результаты Крымской войны 1853–1856 гг., временно ограничившие внешнеполитические возможности государства. Проект, предложенный А.Е. Лаговским, мог повлечь новое столкновение с Англией. К нему империя Романовых при отсутствии союзников в Европе и внутриэкономических проблемах была не готова.

А с 1860-х началось создание плацдарма в Центральной Азии для угрозы британскому могуществу¹⁰⁸. Прологом к этому стали 3 миссии 1858–1859 гг. – Николая Владимировича Ханькова в Иран, Герат и Афганистан, Николая Павловича Игнатьева в Хиву и Бухару, а также Чокана Чингисовича Валиханова в Кашгар¹⁰⁹, после чего началось соединение Сырдарьинской и Сибирской пограничных линий с целью ликвидации почти 800-километрового разрыва между ними¹¹⁰. Окончание Кавказской войны 1817–1864 гг. и польский кризис 1863–1864 гг., активизировали российскую политику в Средней Азии. В 1864–1868 гг. Россией были покорены 2 из 3-х крупных государств региона – Кокандское ханство и Бухарский эмират, в 1867 г. было учреждено новое Туркестанское генерал-губернаторство, а в 1871 г. русские войска заняли Илийский край¹¹¹.

Параллельно с этим решался вопрос и о месте Персии в политике России. В декабре 1864 г. Министерством иностранных дел была подготовлена записка, в которой предлагалось заключить секретную конвенцию с Ираном, в которой признавалось бы право собственности шаха на о. Ашур-Аде и на туркменские земли вплоть до реки Атрек. Кроме того, империя брала на себя обязательство не возводить южнее Балханского (Красноводского) залива своих крепостей и предлагала совместное использование Каспийского моря военными флотами обеих держав¹¹². Однако военные такой проект не одобрили, поскольку помимо русско-иранских отношений необходимо было решать ещё и «хивинский вопрос». В 1869 г. в Балханской бухте высадился отряд войск с Кавказа под командованием полковника ГШ Николая Григорьевича Столетова. Им было вновь создано укрепление Красноводск, которое вместе с укреплением Александровским на о. Мангишлак, основанном в 1846 г., стало базой для движения российских войск на Хиву и в туркменские земли¹¹³.

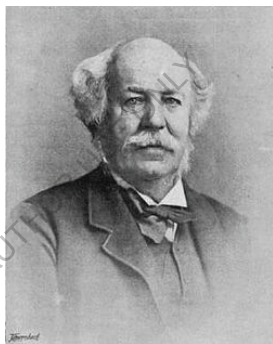

Николай Григорьевич Столетов

Продвижение России на южных рубежах при неопределённости границ между ней и Ираном вызвали трения по поводу вопросов о разграничении в Туркмении¹¹⁴. Несмотря на соглашение в декабре 1869 г. о том, что граница влияния двух государств будет проходить по реке Атрек¹¹⁵, напряжённость в отношениях из-за «туркменского вопроса» сохранялась до середины 1870-х гг. Это также отчасти затрудняло возможности для внедрения русских инструкторов в персидские вооружённые силы.

В 1870-е гг. ситуация изменилась. Разворачивается новый этап «Большой игры». В 1871–1876 гг. Россия укрепляет свои позиции в Центральной Азии, окончательно подчинив своему влиянию Хиву, Бухару и Коканд, заняв Кульджу¹¹⁶, а Англия стремится ограничить это продвижение, при этом, расширяя сферу своего влияния от границ Индии. Как отмечал в несколько ином контексте современный российский исследователь Евгений Юрьевич Сергеев, «русские бросили вызов англичанам в странах Востока, вынудив их решать одновременно три взаимообусловленные задачи – сохранения баланса сил в Европе, обеспечения безопасности Индии как главного источника благосостояния метрополии и защиты стратегических торговых путей, связывавших бассейн Средиземного моря с Индийским и Тихим океанами»¹¹⁷. Персия стала важным элементом в этой борьбе. Обе стороны испытывали определённые опасения относительно планов друг друга. Это обусловило их активную политику по отношению к Каджарской империи. Не

смотря на утверждения части исследователей ¹¹⁸, вряд ли экономические интересы играли в это время ведущую роль. Они носили, скорее, подчинённый характер. Английское проникновение в Иран в 1850-х – 1870-х гг. имело стратегический характер, и объяснялось политическими мотивами. Исследование Л.М. Кулагиной убедительно свидетельствует, что в концентрированной форме программа относительно Ирана была изложена в меморандуме 1868 г. ¹¹⁹, подготовленном для членов парламента Генри Кресвиком Роулинсоном – военным разведчиком, известным к тому времени специалистом по Среднему Востоку и идеологом «наступательной политики» Британии в регионе. Суть её сводилась к достижению максимума политического влияния в Персии и установление контроля над тегеранским двором ¹²⁰.

Генри Кресвик Роулинсон

Правда подходы к достижению указанной цели среди британской правящей элиты и в обществе несколько разнились ¹²¹. Представители Консервативной партии («тори») преимущественно были сторонниками «наступательной политики» Великобритании на Среднем Востоке, предполагавшей активное противодействие России ¹²². Многие из военных также разделяли эту позицию. В её основе лежал тезис о «русской угрозе Индии» ¹²³, которой необходимо было противопоставить жёсткие меры. Указанный подход активно пропагандировался и муссировался особенно в период внешнеполитических акций царского правительства в Центральной и Западной Азии. Приверженцы Либеральной партии («виги»), наиболее ярким представителем которых был Уильям Гладстон, придерживались более сдержанной политики в разрешении вопросов отношений с Россией как на Востоке, так и

вокруг Ирана. Проведя политику «закрытой границы»¹²⁴, они призывали к осторожным действиям в отношении России, не отклоняя возможность достижения желанных целей путём переговоров с русским правительством¹²⁵. Одним из важных компонентов «закрытой границы» являлось создание пояса «буферных» держав (или «нейтральной зоны») между Россией и Британской Индией с целью препятствия продвижению империи Романовых на юг.

Уильям Гладстон

Однако, несмотря на наличие указанных концепций, суть политики относительно Ирана, изложенная Г.К. Роулинсоном, оставалась неизменной. Она лишь корректировалась в зависимости, от того, представители какой партии находились у власти в Англии и сторонники какой концепции заправляли делами в Индии. Удачнее всего истинные причины борьбы России и Англии в Иране обобщил российский военный исследователь Михаил Иванович Венюков. Он же отразил косвенно те побудительные мотивы, которые обусловили российскую политику относительно Персии в 1870-х – 1880-х гг. Отмечая, что Россия и Англия являются соперниками в Азии и в Каджарской державе, М.И. Венюков писал, что «корень недоброжелательности» англичан к русским «скрывается вне этой страны и состоит в опасении Англии потерять Индостан, куда дорога с северо-запада лежит через Персию ... Попади они (Хорасан, Герат и Боланский проход – О.Г.) из рук слабой Персии в руки сильной России, британскому владычеству в Индии, по сознанию англичан, настанет конец». «Вот почему, – констатировал автор, – употребляются ими все усилия, чтобы посеять между Россией и Персией раздор,

или же при невозможности этого, навести на персиян страх перед английским могуществом, забрать экономические средства Персии в свои руки и затем распоряжаться политикой Тегеранского двора так, чтобы она, по крайней мере, как можно менее зависела от России»¹²⁶. Во многом в своих выводах относительно английской политики российский аналитик был прав¹²⁷. Но анализа с обратной стороны он не делал, то ли не видя её наличия, то ли в силу существовавшей цензуры, ограничивавшей возможности объективного рассмотрения международных отношений вокруг Ирана. Тем не менее, в последней цитате М.И. Венюков обобщил представления российских кругов, связанных с Азией, касательно угроз здесь русским интересам¹²⁸.

Михаил Иванович Венюков

Именно в рамках указанных обобщений нужно рассматривать внешнеполитический курс России относительно Персии с 1870-х до первой половины 1890-х гг., ярким выразителем и сторонником которого был Иван Алексеевич Зиновьев (посланник России в Иране в 1876–1883 гг., а затем – директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел в 1883–1891 гг.). «Главная цель, которая преследовалась нами, в зависимости от исторических условий, – указывалось в инструкции от 30 сентября 1904 г. новому посланнику российского царя при персидском шаху Алексею Николаевичу Шпейеру, – различными путями и средствами в течение многолетних сношений с Персией, может быть определена нижеследующим образом: сохранить целостность и неприкосновенность владений шаха, не ища для себя территориальных приращений, не допуская преобладания третьей державы, постепенно подчинить Персию своему господствующему влиянию, без нарушения, однако, как внешних признаков её самостоятельности, так и внутреннего её строя»¹²⁹. В рамках этих задач в 1871–1875 гг. Россия включилась

в активную борьбу с Великобританией за концессии в Персии¹³⁰, одновременно укрепляя свои позиции на южном берегу Каспийского моря¹³¹. В свою очередь, англичане, действуя через агентов, пытались поднять племена и правителей Центральной Азии на борьбу против России и спровоцировать кризис в русско-иранских отношениях¹³².

Иван Алексеевич Зиновьев

В 1875–1878 гг. произошло новое обострение «Восточного вопроса»¹³³. Персия оказалась втянута в него не сразу. В отличие от прежних кризисов вопрос о позиции Тегерана встал на повестку дня лишь в начале русско-турецкой войны 1877–1878 гг. 1877 г. можно рассматривать как начало нового этапа в русско-иранских отношениях. Он характеризовался постепенной всеобъемлющей экспансией России в Иран, стремлением иранского правительства, в силу своей слабости не имевшего возможности к открытому сопротивлению, использовать Россию в качестве противовеса экспансии Великобритании с целью сохранения хотя бы частичной независимости путём игры на противоречиях держав.

2.2 Миссия В.А. Франкини

Для выяснения возможностей Персии в Тегеран весной 1877 г. была послана военная миссия во главе с начальником кавказского горского управления генерал-майором от артиллерии Виктором Андреевичем Франкини¹³⁴. Генерал-майор детально ознакомился с персидскими вооружёнными силами. «Дальнейшее своё знакомство по настоятельной просьбе шаха с организацией персидской армии, –

писал он в своём рапорте на имя помощника командующего Кавказской армией генерал-адъютанта князя Дмитрия Ивановича Святополк-Мирского от 29 августа 1877 г.¹³⁵, – частые поездки в расположенный под Тегераном лагерь ... осмотр арсенала ... убедили меня, что персидская армия ... существует только на бумаге, и что вся деятельность военных властей направлена на то, чтобы держать шаха в заблуждении, между тем, как отпускаемые на содержание армии суммы бессовестно расхищаются»¹³⁶. Шах предложил генерал-майору составить проект о переустройстве вооружённых сил Персии, что и было сделано. «Записка о состоянии вооружённых сил Персии и о необходимости реорганизации персидской армии» была составлена и подана на рассмотрение шаху Насреддину 20 октября 1877 г.¹³⁷. Персидский правитель предложил генералу возглавить реформирование его армии. Но В.А. Франкини после выполнения своего задания был отозван в Россию и в Иран не вернулся. Что касается качества проделанной генерал-майором работы, то вот как характеризовал его деятельность в своём донесении военному министру от 24 января 1878 г. великий князь Михаил Николаевич (опиравшийся, помимо прочего, на мнение российского посланника И.А. Зиновьева): «Выгодное впечатление, произведённое с первого раза на шаха, крайне облегчило ему доступ к исследованию военной организации Персии ... (В.А. Франкини – О.Г.) принёс существенную пользу в отношении объяснений, которые он давал шаху и его министрам, о ходе военных событий (речь идёт о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. – О.Г.). Объяснения эти ... постоянно поддерживали шаха убеждённым в несомненном торжестве русского оружия, парализуя все попытки недоброжелателей наших убедить шаха в неудачах ... Деятельность генерал-майора Франкини подготовила почву для будущих военных агентов наших в Персии, т. к. выгодное впечатление, произведённое его пребыванием в Тегеране, служит залогом того, что военные агенты наши будут встречаться с полным доверием»¹³⁸.

Дмитрий Иванович Святополк-Мирский

Таким образом, миссия В.А. Франкини подготовила почву для усиления военного влияния России в Персии. Вопрос о нём, судя по косвенным сведениям, почерпнутым из документов, связанных с деятельностью миссии, кавказским руководством рассматривался. Следует высказать также несколько соображений по поводу цели пребывания российских офицеров в Иране. Как нам представляется, значение миссии в контексте русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и «Большой игры» недооценено исследователями. Внешняя политика России в период «Восточного кризиса» 1875–1878 гг. изучена довольно однобоко: если балканское направление имеет богатую литературу, то восточное, разработаны недостаточно. Об этом свидетельствует хотя бы сравнительно недавнее повторное «открытие» миссии генерал-майора ГШ Николая Григорьевича Столетова в Афганистан в 1878 г. и связанных с ним военных манёвров войск Туркестанского военного округа ¹³⁹, а также посылка экспедиции Николая Михайловича Пржевальского в Тибет в 1878 г. ¹⁴⁰. Заведующий Азиатской частью Главного штаба полковник ГШ Алексей Николаевич Куропаткин в записке по афганскому вопросу от 25 ноября 1878 г. выразился по этому поводу достаточно ёмко. Цель российского движения в глубь Средней Азии он видел в занятии здесь Россией сильной позиции. Это «одно из

средств облегчить выполнение общей исторической задачи России – разрешение согласно славянских интересов Восточного вопроса»¹⁴¹.

Миссия В.А. Франкини, по нашему мнению, была одной из акций внешнеполитического и, отчасти, военного обеспечения грядущей войны, подобной тем, что предпринимались с 1876 г. на Балканах¹⁴². Разработчик плана войны с Османской империей на Кавказском театре генерал-майор ГШ Сергей Михайлович Духовской писал: «Мы строим наши военные соображения на предположении, что ныне опасность Закавказью ожидается с запада и юго-запада, со стороны Турции, в союзе с которой могут находиться и западные европейские державы, что со стороны Персии опасности не предвидится»¹⁴³. Иран действительно в военном отношении не представлял для русской армии серьёзной угрозы при столкновении один на один¹⁴⁴.

Сергей Михайлович Духовской

Не был также так актуален для российского командования, как перед Крымской войной 1853–1856 гг., и вопрос о пограничных с империей Романовых курдских племенах¹⁴⁵. Однако позиция тегеранского двора играла определённую роль в выработке стратегии войны на Кавказском театре. В случае враждебного отношения персидский монарх мог вновь, как это бывало в первой половине столетия, подпасть под влияние англичан. Результатом могла быть реальная угроза для российских границ не столько со стороны регулярной иранской армии, сколько со стороны подстрекаемых шахским двором и его ставленниками в провинциях пограничных кочевых племён. Это, в свою очередь, отвлекло бы с театра войны с

Портой часть сил Кавказского корпуса, что неблагоприятно сказалось бы на ходе военных действий. Посылка военной миссии перед войной и задачи, поставленные перед В.А. Франкини, свидетельствуют о том, что российское кавказское командование рассчитывало если не привлечь Иран в качестве союзника, то, по крайней мере, нейтрализовать его. В письме наместника на Кавказе Д.А. Милютину была чётко сформулирована политическая цель военной миссии. Она состояла «в оценке совместно с посланником в Персии, той доли содействия, которую мы, при известном императорскому кабинету благоприятном настроении персидского правительства, могли бы получить от Персии в настоящей войне»¹⁴⁶. Это было особенно актуально, исходя из опыта войн с Османской империей первой половины XIX в., когда западные державы пытались вовлечь в них Персию на стороне турок. В 1877–1878 гг. Англия также стремилась создать на Востоке антироссийскую коалицию, а английский посланник в Тегеране пытался столкнуть Россию и Иран по вопросу о туркменских землях¹⁴⁷. Несмотря на религиозную вражду между указанными суннитскими государствами и шиитской Каджарской монархией, усиление здесь присутствия англичан сформировало бы враждебный для России пояс стран на её южных границах и угрожало бы стабильности среднеазиатских владений империи.

Насреддин-шах

В научной литературе существует мнение, что Насреддин-шах «пожелал вступить в войну на стороне России, однако Александр II выразил желание, чтобы Иран оставался нейтральным, что было в той ситуации для России выгодным, так

как ей не пришлось бы тогда держать на границе с Ираном значительную часть войск»¹⁴⁸. К сожалению, оно не подкреплено ссылками на источники. Советский историк Н.А. Халфин утверждал (также без указания источника), что «на протяжении всей войны 1877–1878 гг. шахские власти добивались заключения военного союза с Россией, однако встречали мягкий, завуалированный, но всё же решительный отказ»¹⁴⁹. Эти утверждения нуждаются в детализации. В частности, не совсем ясно, от кого именно исходила идея участия Ирана в войне с Турцией на стороне России. Выдержки из донесений российского посланника в Тегеране И.А. Зиновьева, которые приводил в своей работе Ш.В. Мегрелидзе, свидетельствуют о том, что в начале войны Насреддин-шах фактически занял позицию, подобную предложенной его первым министром в период Крымской войны. Майское сообщение И.А. Зиновьева доказывает, что персидский правитель отнюдь не был настроен очертя голову втягиваться в развернувшиеся события. «Шах по-прежнему полагает, – писал посланник, – что ещё не настало время для вмешательства Персии в войну, держась мнения, что одно лишь заключение с Россией наступательного и оборонительного союза, обеспечивающего Персию от территориального ущерба, в состоянии вывести Е.В. из выжидательного положения»¹⁵⁰. Идею привлечения Тегерана к войне на стороне России, судя по всему, И.А. Зиновьев первоначально поддерживал и даже склонял к этому правителя Персии¹⁵¹. Видимо, и на Кавказе, и в Петербурге нашлись её сторонники. Н.К. Тер-Оганов также указывает, что посылка военной миссии была инициирована кавказской администрацией с целью уговорит иранского правителя присоединиться к России в войне с Турцией или сохранить благожелательный нейтралитет¹⁵². Однако Насреддин-шах настаивал на заключении письменного договора, в то время, как русские представители обещали, что «его “рвение” и дружественная позиция “найдут вознаграждение” во время переговоров о мире»¹⁵³.

Александр II

Сложно с уверенностью утверждать, каким именно способом стороны пришли к соглашению. Непосредственный ход дипломатических переговоров и манипуляций требует отдельного детального рассмотрения с привлечением документов российских и иранских архивов (если таковые имеются), что мы, к сожалению, сделать не в состоянии. Однако можно смело утверждать, что Ирану было выгоднее сотрудничество с Россией, чем противостояние. Не вызывает сомнения, что сам Насреддин-шах «предлагал свои услуги царю, надеясь на справедливый раздел турецких владений после разгрома Турции, в котором он не сомневался»¹⁵⁴. Для тегеранского правительства актуальным оставался вопрос о границе с Османской империей и о принадлежности курдских племён на ней. Пользуясь успехами русских войск, шах желал решить эту проблему в свою пользу¹⁵⁵. Насколько заинтересованы были в Тегеране «урвать кусок» от турецких владений, свидетельствует временное затухание интереса шахского двора к проблеме принадлежности туркменских земель. В частности, министр иностранных дел Ирана отказался выразить протест против наступления русских войск по долине р. Атрек в середине 1877 г., на котором настаивал британский представитель в иранской столице Рональд Ф. Томсон. Шах также не захотел вступать в полемику с русскими из-за спорных районов¹⁵⁶.

В свою очередь, российские власти также нуждались в благожелательном отношении Ирана. В связи с активной антироссийской политикой Великобритании в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг., особенно в первой половине 1878 г.

было скорректировано и мнение российского правительства относительно действий на Среднем Востоке. Внешняя политика британских кабинетов отличалась прагматизмом и основывалась на беспринципности. Широко известна речь лорда Пальмерстона в Палате общин, сказанная им в 1848 г. «У нас нет ни вечных союзников, ни постоянных врагов, но постоянны и вечны наши интересы, и защищать их – наш долг», заявил он ¹⁵⁷. В этой фразе было выражено кредо британского внешнеполитического мышления и действия в течение всего XIX в. Этот прагматизм был характерен для буржуазного мышления, отрицающего любые идеалы ради выгоды. Заявляя о своей стране, как о христианской и носителе цивилизации, английские политики, военные, да и простые подданные действовали вне Европы (хотя отчасти и в Европе) отнюдь не по-христиански, а их «цивилизованные» методы включали в себя уничтожение целых народов, захват громадных территорий, уничтожение самобытных культур и лицемерие. Примером тому могло служить заявление королевы Виктории по поводу болгарской резни, устроенной турками в 1875 г. ¹⁵⁸. «Никто в Англии не согласится, чтобы наши честь и интересы были пожертвованы ради болгарских жестокостей», – заявила она ¹⁵⁹. К тому же во второй половине века, особенно в 1870-х гг., «британская дипломатия попыталась на почве взаимной антироссийской неприязни и боязни «оживить» естественное соперничество сопредельных с Россией государств: Османской империи, Ирана и азиатских ханств. С 50-х гг. XIX в. британские власти стали «прилагать усилия для сближения позиций восточных государств и укрепления политических связей правительства Османской империи с иранскими и азиатскими структурами» ¹⁶⁰.

На особом совещании в присутствии императора 8 апреля 1878 г. было отмечено, что «оставаться нам совершенно пассивными на среднеазиатских границах решительно неудобно, а, напротив, для предупреждения возможных замыслов английского правительства относительно нас в Средней Азии (Центральной Азии – О.Г.) и для угрозы собственным его интересам в Ост-Индии следует нам принять ныне же надлежащие меры – как со стороны Туркестана, так и со стороны Каспийского моря» ¹⁶¹. Вопрос относительно Ирана рассматривался здесь активно. Именно здесь было выдвинуто тайным советником бароном

Николаем Егоровичем Торнау предложение, которое на тот момент было признано неудобноисполнимым, но уже с 1880-х гг. в целом становится доминирующим во взгляде на Иран. Он предложил обменять Астрабадский округ у Ирана на округа Кербела и Неджеф, «которые полагалось бы приобрести от Турции за подлежащую часть контрибуции», а также получить от Персии разрешение на право прохода российских войск через Хорасан по направлению к Герату¹⁶². Предложение было отвергнуто, поскольку требовало больших политических и экономических затрат. В случае военного движения русских войск со стороны Каспийского моря было решено избрать путь вне иранских пределов¹⁶³. Тем не менее, уже с конца 1870-х гг. начинается продвижение России в сторону туркменских земель, из которых можно было бы создать более удобный плацдарм для наступления на Афганистан и дальше – в Индию¹⁶⁴. В Тегеране эти территории считали сферой своего влияния и претендовали на их полное подчинение. На этой почве возникали трения между российской и иранской сторонами, которые англичане подогревали и стремились обратить в свою пользу¹⁶⁵. На протяжении 1876–1878 гг. российским представителям приходилось также бороться с британскими пройсками на пограничных землях Среднего Востока. Посланник в Тегеране, с одной стороны, и офицеры из Британской Индии – с другой, стремились поднять туркменские племена против империи Романовых и столкнуть её с Каджарской державой. И.А. Зиновьев прилагал усилия, чтобы противостоять этому, добиться ограничения британского влияния на шаха и укрепления российских позиций. Не зря бытовало утверждение, что «время представительства г. Зиновьева ... считается эпохой решительного преобладания России»¹⁶⁶. Достаточно сказать, что русский посланник, например, «в курсе переговоров между Персией и туркменами, о них ему регулярно докладывал министр иностранных дел Персии мирза Хосайн-хан»¹⁶⁷.

В свете изложенного, представляется очевидным, что военная миссия была результатом политики по обеспечению пророссийской позиции шаха в разразившемся «Восточном кризисе». Она должна была на профессиональном военном уровне дать русским дипломатам ответ, стоит ли привлекать Тегеран в качестве союзника в войне. Русское правительство не могло послать военных агентов с полномочиями, которые имел В.А. Франкини, по своему усмотрению, без

согласования с персидской стороной. Учитывая особые задачи, поставленные перед генерал-майором, можно предположить, что его миссия была ответом царского правительства на предложение шаха. Однако был ли это шаг к союзу или дипломатический ход, чтобы его избежать, не оттолкнув Насреддин-шаха, с уверенностью сказать пока сложно.

великий князь Михаил Николаевич

Изучение на месте персидской армии, очевидно, окончательно сняло с повестки дня идею привлечения Персии в качестве полноценного союзника ¹⁶⁸ (если таковая была вообще). Ещё в первой половине 1870-х гг. наместник на Кавказе великий князь Михаил Николаевич утверждал, что как военный союзник Иран слаб ¹⁶⁹. Но сведения о персидских вооружённых силах были неполными, основанными главным образом на сообщениях иностранных авторов, российских наблюдателей первой половины века и донесениях дипломатов из Тегерана. К тому же с конца 1860-х они не обновлялись. Об этом свидетельствует и сама инструкция В.А. Франкини и (косвенно) публикации в начавшем издаваться с 1883 г. «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии» (далее – СМА). В первых его номерах значительное место было уделено характеристике и анализу состояния каджарской армии ¹⁷⁰. Исходя из данных В.А. Франкини, шахское государство могло стать опасной обузой в случае вступления его в войну с Османской империей. Поэтому лучшим выходом могла быть нейтрализация Тегерана, как в период Крымской войны 1853–1856 гг. ¹⁷¹ Сам генерал в августовском донесении 1877 г. указывал, что России выгоднее довольствоваться

нейтралитетом Ирана¹⁷². Возможно именно этим объясняется поведение В.А. Франкини, за которое его так хвалил впоследствии великий князь. Фактически, эта миссия сняла с повестки вопрос о необходимости нападения Ирана на Османскую империю, который Насреддин-шах без сомнения лелеял, как и 24 года назад. На Особом совещании 8 апреля 1878 г. возобладало мнение товарища министра иностранных дел тайного советника Николая Карловича Гирса (к слову, в 1860-х гг. бывшего посланником в Иране). Иран полагалось «оставить совершенно в стороне от наших планов в Азии, не прибегая к её содействию и заботясь лишь о продолжении дружественного отношения персидского правительства к России»¹⁷³.

Николай Карлович Гирс

В августе 1877 г. В.А. Франкини убедил шаха, своё начальство и посланника в неспособности иранских вооружённых сил противостоять османским войскам. Следствием этого стал благожелательный нейтралитет Тегерана без подписания каких-либо обязывающих документов, которого добился от шаха И.А. Зиновьев¹⁷⁴. Персия была нейтрализована дипломатическими средствами и не стала при этом обузой. Косвенным результатом деятельности военной миссии стало также то, что «желая в угоду России придать» нейтралитету «вооружённый характер, шах приказал собрать летом два отряда» на осmano-иранской границе¹⁷⁵. Отряды были размещены в районах расселения курдских племён. Один из них был сосредоточен в районе Керманшаха (8 фоджей пехоты¹⁷⁶, 600 человек иррегулярной кавалерии, 26 орудий), другой – у Хоя (4 фоджа пехоты, 1 500 иррегулярных всадников, 22 орудия)¹⁷⁷. О степени готовности этих отрядов (не считая иррегулярной конницы), свидетельствовал сам В.А. Франкини. «Пехота, – писал он, была вооружена старыми

нарезными ударными и гладкоствольными ружьями. Через два месяца после того, как Хойский отряд собрался, приказано было раздать ему хранящиеся в тебризском арсенале ружья Снайдера. Ружья эти были в самом деле доставлены, но в ожидании прибытия инструктора из Тегерана ящики оставались нераскупоренными, а инструктор до роспуска отряда ... так и не прибыл»¹⁷⁸. Кроме того, «из 48 орудий ни одним нельзя было действовать», поскольку по ошибке из Тегерана для орудий были доставлены 6-тифунтовые, а не 4 ¼-фунтовые заряды¹⁷⁹.

Указанные войска были распущены осенью 1877 г.¹⁸⁰ Не смотря на то, что активности они не проявляли, можно согласиться с мнением Ш.В. Мегрелидзе, что «в течение всей войны левый фланг русских войск находился в безопасности»¹⁸¹. Обращает на себя внимание тот факт, что отряды были выдвинуты в то время, когда русская армия терпела частичные неудачи на Кавказском¹⁸² и значительные¹⁸³ – на Балканском театрах военных действий. Отозваны же они были, когда инициатива в войне прочно перешла к русским¹⁸⁴.

Взамен российское правительство пообещало учесть интересы шаха в будущих переговорах о мире¹⁸⁵. Обещание это было выполнено. В Сан-Стефанском прелиминарном мирном договоре от 19 февраля 1878 г. вопросу Персии была посвящена статья XVIII. Правда, интересы Ирана в ней защищались в довольно обтекаемой форме. «Блистательная Порта, – писали составители документа, – обратит особенное внимание на мнение, выраженное комиссарами посредствующих держав по вопросу о праве владения городом Котуром¹⁸⁶, и обязуется привести в исполнение работы по окончательному проведению турецко-персидской границы»¹⁸⁷. При пересмотре договора между Англией и Россией была достигнута новая договорённость, зафиксированная в тексте Берлинского трактата от 1 июля 1878 г. За возвращение туркам Баязета и Алашкертской долины Стамбул в качестве компенсации обязался уступить Тегерану Котур. Статья LX гласила: «Долина Алашкерта и город Баязет, уступленные России статьёй XIX Сан-Стефанского договора, возвращаются Турции. Блистательная Порта уступает Персии город и территорию Котур соответственно тому, как она была определена смешанной англо-русской комиссией по турецко-персидскому разграничению»¹⁸⁸. Таким образом, в результате войны 1877–1878 гг. формально Персия осталась в выигрыше, приобретает

новые территории. Однако, как показали последующие события, противоречия с Османской империей на этом урегулированы не были¹⁸⁹.

Миссия 1877 г. имела ещё одно немаловажное следствие. В начале весны 1878 г. в связи с обострением русско-английских отношений, связанным с результатами русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в российских высших кругах реально рассматривался вариант военной демонстрации на Индию в случае войны с Великобританией. Из Петербурга было запрошено мнение кавказского начальства по поводу возможной войны. Великий князь Михаил Николаевич в данном вопросе обратился за рекомендациями к В.А. Франкини. Тот высказал их сначала в личной беседе, а затем письменно изложил свои взгляды в докладной записке на имя помощника главнокомандующего Кавказской армией князю Д.И. Святополк-Мирскому от 26 марта 1878 г.¹⁹⁰. В частности, внимание в ней было уделено и Ирану. Отмечая, что «Англия уязвима для нас только на индийской своей границе, но как и где именно мы ещё не уяснили себе». «Вопрос этот, – писал В.А. Франкини, – распадается на две части: на политическую и военную. И та, и другая требуют подготовки. Политическая сторона вопроса представляется в следующем виде: в какой мере желательно и возможно содействие Персии в случае объявления войны Россиию Англии и движения наших войск к Индии». Генерал указывал, что состояние персидской армии не позволяет использовать её в качестве военного союзника. «Увлекая Персию в войну против Англии, принимая её за базис наших операций, мы расширяем театр войны, даем Англии возможности произвести диверсию через Персидский залив высадкою в Бендер-Бушире и Мохаммера и зайти нам в тыл. Небольшой отряд английских войск, которые в крайности могут быть взяты из Англии при известном числе индийских туземных пеших и конных частей, может легко пробраться через Шираз в Исфахан и далее и принудить шаха отпасть от нашего союза. Для предотвращения такой опасности мы должны будем занять южные области Персии и прикрыть пути к Тегерану, что влечёт за собою усиление действующих войск со всеми последствиями, сопряжёнными с подобною мерою. Но это не всё ... Военные действия против англичан в Афганистане не мыслимы без тесного союза с Шир-Али Ханом (эмир Афганистана в 1868–1879 гг. – О.Г.) и без сочувственного приёма со стороны местного населения. Из этого следует, что в

случае разрыва с Англиею и политические, и военные соображения приводят к предположению, что благосклонный нейтралитет Персии, какой она соблюла в отношении к нам в только что окончившейся войне, выгоднее для нас, нежели наступательный и оборонительный союз с этою державою ¹⁹¹.

В то же время В.А. Франкини отметил, что наиболее удобный путь для движения российских войск на Афганистан (по его мнению, главной целью войны должно было быть не вторжение за Инд, а разгром английских войск в Афганистане) идёт через туркменские земли и северо-восток Персии. Однако тут вставали проблемы, которые мешали этому: туркменские племена были независимы и враждебны как России, так и Ирану, а нейтралитет Персии нарушать было нельзя, поскольку это привело бы к вторжению англо-индийских войск в Иран ¹⁹². Таким образом, им подспудно ставились задачи, которые необходимо было решить для создания реальной угрозы британской Индии (помимо европейских): благожелательное отношение Ирана к возможному продвижению российских войск по его территории, закреплённое союзническим договором, и покорения туркменских земель. Мнение это было поддержано Д.И. Святополк-Мирским. В своей записке на имя великого князя от 28 марта 1878 г. он указывал, что «в замысле движения наших войск к английским владениям в Индии соперничество, существующее между Персиею и Афганистаном, представляет бессомненные затруднения. Для устранения этого затруднения должны и, кажется, могут быть изысканы способы, но если бы пришлось выбирать между союзом с Персиею и союзом с Афганистаном, то преимущество должно бы быть дано Персии, потому что провести несколько значительную часть войска к границам Индии мы можем только через пределы Персии. Эта причина достаточна, но, кроме того, трудно допустить, чтобы при таком событии как движение наших войск к Индии, Персия могла оставаться нейтральною и, конечно, лучше иметь эту державу за нас, чем против нас. Для движения к Индии нам не нужна персидская армия, но нам необходимы персидская территория, персидские перевозочные средства и безопасность сообщения на значительном протяжении пути нашего движения. Не могу тоже признать, чтобы возможность диверсии со стороны Персидского залива была выгодна для англичан, так как нам легче защищать Персию, и в особенности

Тегеран, направлением войск со стороны Кавказа и Каспийского моря, чем англичанам проникнуть туда со стороны Персидского залива»¹⁹³.

Без сомнения результаты русско-турецкой войны негативно сказались на международном престиже России и обострили отношения с Великобританией. Одновременно они всколыхнули рост патриотизма, как в официальных, так и в широких общественных кругах. Российские дипломаты и военные, видевшие главным виновником провала Великобританию, открыто призывали нанести ответный удар по сферам её интересов, прежде всего на Среднем Востоке и в пограничных с Афганистаном азиатских районах¹⁹⁴. «Индийский поход» так и не состоялся. Среди правящих кругов Российской империи возобладал трезвый расчёт, а также изменилась внешнеполитическая обстановка: для решения вопроса о будущем Балкан был созван Берлинский конгресс великих европейских держав. Тем не менее, кризис в русско-английских отношениях 1878 г. и подготовка демонстрации против Индии продемонстрировали открытость России для угроз со стороны Великобритании и, одновременно были сформулированы проблемные моменты, которые необходимо было ликвидировать для того, чтобы реально угрожать внутреннему спокойствию в британских владениях в Индии. Как было показано, определённый вклад в разработку дальнейшей политики России относительно Ирана в этом контексте внёс и В.А. Франкини. В частности, был намечен наиболее удобный маршрут для движения войск – через Хорасан. Расстояние от конечного пункта парового пути от Оренбурга через Ташкент до Пешавара составляло около 3 500 вёрст, в то время, как от Каспийского моря до Герата – менее 1 000¹⁹⁵. На это указывал в своих записках сенатор и член Государственного совета тайный советник барон Николай Егорович Торнау¹⁹⁶, а оренбургский генерал-губернатор генерал от артиллерии Николай Андреевич Крыжановский писал, что «единственный путь для движения больших сил, например 150 т. войска, возможен только с одной стороны – от Каспийского моря на Герат и Кабул»¹⁹⁷. В своём замечании по поводу записки о походе в Индию барона Н.Е. Торнау, начальник Главного штаба граф Ф.Л. Гейден отмечал: «Хорасанский путь вполне оправдывает наименование великой военной дороги в Индию; по ней уже неоднократно совершались движения целых армий ... Что же касается

соглашения с Персиею относительно прохода наших войск чрез Хорасан к Герату или заключения этим государством союза на случай войны с Англией, то необходимость этих мер представится лишь тогда, когда мы будем иметь в виду самые решительные действия против Англии в отношении её ост-индских владений»¹⁹⁸.

Алексей Николаевич Куропаткин

Был поднят и вопрос о туркменах, разбойничьи набеги которых беспокоили русское пограничье, а в случае движения русских войск представляли угрозу для тыла да и для самих русских отрядов. Туркмен не зря именовали «хищниками»¹⁹⁹. Хотя основным занятием их было кочевое скотоводство²⁰⁰, отряды туркменских джигитов наводили своими аламанам, или набегами за головами страх и на персидские провинции, на соседние среднеазиатские территории, и на пограничные районы России. Главным делом этих «дружинников», которых возглавляли выборные сардары, был захват скота и пленных для продажи в рабство. «Удачный набег даёт туркмену добычу, пленных, возможность некоторое время ничего не делать и, что не мене важно, славу и почёт сородичей», отмечал изучавший во второй половине 1870-х гг. туркмен подполковник, а затем полковник ГШ Алексей Николаевич Куропаткин, служивший до русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в Туркестанском военном округе офицером для поручений, а затем с сентября 1878 г. заведовавший Азиатской частью Главного штаба²⁰¹. Так, за период с 1862 по 1869 г., пока мервские туркмены безнаказанно хозяйничали в регионе, они полностью «убили торговлю» между Мешхедом и Бухарой²⁰². Хотя внутри между отдельными

племенами и даже родами постоянно существовали противоречия, доходившие до открытой вражды, туркмены представляли собой опасную вооружённую силу. Ни иранские, ни среднеазиатские правители не могли подчинить их себе полностью. С появлением в Средней Азии России и с разработкой планов по созданию угрозы для индийских владений Англии туркмены стали для империи Романовых реальной проблемой. Помимо набегов и грабежей, подрывавших авторитет российских властей в регионе, они могли представлять опасность для коммуникаций войск в случае вооружённого столкновения с Великобританией на Среднем Востоке. Об этом свидетельствовало то, что в 1870-х – 1880-х гг. англичане неоднократно засылали своих агентов и оружие в туркменские земли с целью настроить их население антироссийски ²⁰³, а в приказах российским военным из Петербурга и Тифлиса постоянно подчёркивалась необходимость привлечь туркмен на русскую сторону. Посланник в Тегеране И.А. Зиновьев на волне патриотической англофобии, охватившей Россию в 1878 г., предлагал немедленный захват туркменских оазисов. Владение ими, не только обеспечивало безопасность русских торговых караванов в степи, но и связывало в единую стратегическую систему русские приграничные поселения на всём протяжении от Баку до Красноводска ²⁰⁴. Эта идея была поддержана кавказским наместником. Идею эту поддерживали военные в силу стратегических причин. Так, на необходимость занятия туркменских земель, особенно Мерва, для обеспечения безопасности русских границ и азиатских окраин указывал в своей записке от 3 апреля 1878 г. бывший начальник Тургайской области генерал-лейтенант ГШ Александр Константинович Гейнс (Гейнц) ²⁰⁵. Таким образом, включение Туркмении в состав России делалось неизбежным. Как отмечал в своих соображениях «по выполнению высочайшего повеления о движении в текинский оазис с целью прочного там водворения нашей власти» в январе 1879 г. начальник кавказского штаба генерал-майор ГШ Павел Платонович Павлов, «овладение текинским оазисом и прочное там водворение, есть первый и, можно сказать, главнейший шаг наш к окончательному решению вопроса о Мерве, о замкнутии границы нашей пространством между фактическими владениями Персии, Афганистана и Бухары. Провести резкую грань между этим шагом и дальнейшим предприятием на Мерв, нам не удастся. Связь племенная, связь родственная, связь

интересов, наконец, в последнее время даже связь единоначалия в лице Нурверды-хана, не позволят нам отделить дело ахалтекинцев от туркмен мервских. При первом же движении нашем к центру текинских поселений мервцы явятся на помощь соплеменникам, как делали это постоянно при наших движениях в степь, и более чем вероятно, что пройдя даже до крайних пределов Ахалтеке, к Гяурсу, мы убедимся, что прочное владение текинским оазисом, нами пройденным, немыслимо без владения Мервом. Можно предполагать не без основания, что тогда именно и наступит период наибольшего сопротивления обоих племен нашему водворению в этой территории. Такой ход дела является не только возможным, но почти неизбежным. Он должен быть принят в расчёт при настоящих наших соображениях и в отношении того военного сопротивления, какое мы можем встретить, и в отношении продолжительности известного напряжения наших сил»²⁰⁶.

В ходе кризиса 1878 г. были выделены и иные проблемы, мешавшие России полноценно отстаивать свои интересы в борьбе с Великобританией путём угрозы «жемчужине британской короны» на персидском театре. В качестве таковых можно выделить недостаточное влияние на шаха и вообще на иранский двор (отсюда впоследствии вытекали стремления поставить под свой контроль иранское правительство и наследника престола, ориентир на сохранение у власти пусть и непопулярных, но прорусски настроенных правящих лиц), почти слабый положительный образ России среди знати и простого иранского населения, неопределённость среднеазиатской границы с Ираном (что вызывало постоянные трения и давало в случае конфликта Англии повод для вмешательства), а также военная слабость Ирана. Последняя, правда, рассматривалась лишь в контексте поддержания авторитета центральной власти в стране. Создание сильных вооружённых сил в планы России не входило²⁰⁷.

События 1877–1878 гг. стимулировали дальнейшее развитие военной разведки по Ирану. Планирование похода в Индию показало, что военно-статистических, а особенно военно-географических сведений у русских явно недоставало. Широкие стратегические планы тактически были подкреплены слабо. Так, общее направление движения русских войск на Герат было выбрано верно. Но военно-статистические и военно-географические материалы для его конкретного осуществления были явно

недостаточны. Среднеазиатская граница с Ираном была условной и малоисследованной. Так, в докладе царю о мерах давления на Англию в случае разрыва с ней от 8 апреля 1878 г., составленном по материалам Особого совещания, военный министр Д.А. Милютин указывал: «Для предупреждения недоразумения относительно движения наших войск в среде населения местностей, по которым войскам придется идти впервые (в Бухарском ханстве и Туркмении), обязать начальства Туркестанского и Кавказского военных округов принять все меры к установлению дружественных отношений между войсками и населением, побудив сие последнее оказывать даже возможное содействие походу наших войск»²⁰⁸. Это же подтвердила и работа комиссаров по русско-иранскому разграничению первой половины 1880-х гг. Сведения военного характера (особенно маршруты) о Хорасане были недостаточными, юг и центр Ирана изучены слабо. Мало было сведений военно-географических, но и военно-статистические материалы, обновлённые поездкой В.А. Франкини, нуждались в дальнейшей разработке²⁰⁹.

Дмитрий Алексеевич Милютин

Миссия В.А. Франкини была первой сугубо военной после 1850-х гг.²¹⁰ и дала кавказскому начальству свежие сведения об иранской армии, а В.И. Гибер фон Грейфенфельс стал, по сути, первым постоянным негласным военным агентом в Тегеране. Во второй половине XIX в. была впервые разработана постоянная инструкция для военного агента в Персии. С этого времени в штаб Кавказского военного округа стали систематически поступать текущие сведения социально-экономического, военного и политического характера. Речь шла прежде всего о оперативном и «живом» информационном материале об особенностях правящей

элиты, жизни солдат, офицеров, отношениях между классами и сословиями и пр., а не сухие статистические данные. Сначала основным источником информации были указанные офицеры, а затем – созданная на постоянной основе в 1879 г. русская военная миссия (Персидская казачья бригада (далее – ПКБ)).

Наконец, миссия российских офицеров инициировала новый виток реформ в иранской армии²¹¹. На место инструкторов персидской кавалерии были приглашены русские военные, которые со временем создали в Иране Персидскую казачью бригаду²¹².

Полностью согласиться с мнением некоторых историков, что инициатива создания полка по образцу русских казаков принадлежала исключительно иранской стороне²¹³ нельзя. Не была она и кратковременной, сиюминутной прихотью шаха²¹⁴. Новый виток реформирования иранских войск был инициирован первым министром шаха в 1875 г.²¹⁵, убедившим его вновь пригласить иностранных инструкторов. Миссия В.А. Франкини сыграла значительную роль в подготовке почвы для приглашения русских военных в иранскую армию. Именно после неё в 1878 г. персидский шах Насреддин совершил поездку по европейским странам, одной из целей которой было знакомство с армиями последних. Результатом стало приглашение австрийских и русских военных инструкторов для очередного реформирования вооружённых сил Ирана²¹⁶. На реорганизацию иранской армии претендовали, помимо России и Великобритании, Австро-Венгрия, Бельгия и Франция²¹⁷. Получение той или иной державой права на преобразование персидских войск во многом зависело от желания шаха, а, следовательно, и от степени влияния на него отдельных дипломатических представителей. Соглашение о присылке российских инструкторов не могло быть организовано помимо российского чрезвычайного посланника и полномочного министра при персидском дворе И.А. Зиновьева²¹⁸.

Это был по-своему уникальный дипломат, сыгравший значительную роль в русско-персидских отношениях последней трети XIX в. Своим дипломатическим мастерством и личными качествами он добился дружеского отношения к себе со стороны Насреддин-шаха и его первого министра. Это позволяло ему блокировать

большинство попыток англичан подчинить Персию своему влиянию²¹⁹. «Конец 70-х годов и начало 80-х, – не без основания отмечал исследователь конца XIX в., – особенно время представительства г. Зиновьева, даже по отзыву англичан, считается эпохой решительного преобладания России»²²⁰. «Иван Алексеевич Зиновьев, – характеризовал его первый глава русской военно-инструкторской миссии полковник ГШ А.И. Домонтович, – человек средних лет, невысокого роста, сухощавый, с нервным и подвижным лицом и с быстро бегающими глазами. Серьёзный, приветливый, он своим внимательным отношением к словам собеседника чрезвычайно располагал его в свою пользу. Во время трёхгодичного моего прибывания в Персии, при частых сношениях с Зиновьевым я имел достаточно случаев хорошо ознакомиться с ним и даже почти изучить его. Иван Алексеевич человек бесспорно выдающийся на своём посту. Практически ознакомленный по своей продолжительной службе в Персии, Румынии, Турции и опять Персии, он при своих обширных теоретических познаниях обладал способностью и трудолюбием. Кроме обычных иностранных языков он отлично говорил по-турецки и персидски. Долгая служба Зиновьева на Востоке, хорошо ознакомив его с противником на дипломатическом поприще, с его увёртками и затягиванием дела, привила ему самому эти качества и дала сильное оружие в борьбе с этим противником. Весьма труден был для него турнир с таким дипломатом, как министр иностранных дел в Персии, знаменитый сипехсалар Азам Хосайн-хан, но Зиновьев всегда приводил его к желанному для себя результату. Как видно, у Ивана Алексеевича было всё, чтобы быть деятелем, замеченным не одним только дипломатическим ведомством»²²¹.

Благодаря его стараниям были обеспечены дипломатическая и, отчасти, военная стороны покорения части туркменских земель Россией²²². 12 мая 1879 г. в Тегеране было подписано соглашение между Россией и Персией, по которой русские могли строить телеграфную линию из России по иранской территории (эта часть потом должна была быть передана в собственность шахского правительства), а иранское правительство разрешало размещение российских телеграфистов на территории от Джульфы до Астрабада²²³. 24 июня 1879 г. в Тегеране была подписана телеграфная конвенция между Россией и Персией, по которой русский телеграф в Чикишляре был присоединён к англо-индийской телеграфной сети,

доходившей до Астрабада²²⁴. Фактически это была концессия на постройку телеграфной линии между Астрабадом и Чикишляром к северу от залива Хасан-Кули (линия обслуживалась в дальнейшем русским персоналом). Кроме того, он блокировал стремления английского представителя открыть реку Карун для судоходства²²⁵. Посланник содействовал российским офицерам в их поездках по Персии для изучения страны²²⁶. При его же деятельном вмешательстве кавалерию шаха было решено преобразовать по образцу российских казаков. Это подтверждает письмо товарища министра иностранных дел Николая Павловича Шишкина начальнику Главного штаба Николаю Николаевичу Обручеву в 1894 г.: «Пятнадцать лет назад бывший посланник наш в Тегеране тайный советник Зиновьев побудил шаха обратиться к нашему содействию для образования персидской кавалерии по образцу нашего казачьего войска ... имея в виду главным образом приобретение влияния на персидское правительство и помешать другим, враждебным нам правительствам, взяться за это дело»²²⁷. Под враждебным правительством понималось британское. Впоследствии, отвечая на неодобрение со стороны английского посланника в Тегеране Рональда Тэйлора Томпсона, высказанное иранскому первому министру, шах написал: «У нас есть офицеры и служащие разных национальностей и религий. Мы пожелали иметь одного-единственного русского для того, чтобы он обучал несколько сотен наших кавалеристов, как казаков. Это и есть прибывший офицер. Персия – не Афганистан, она – независимая держава и считает нужным иметь дружественные и сердечные отношения со всеми странами, особенно с такими, как Англия и Россия»²²⁸.

Николай Николаевич Обручев

Таким образом, во второй половине 1850-х – второй половине 1870-х гг. главной задачей российской политики в Иране было превратить соседнее государство в союзника, а со второй половины 1870-х гг., как перспектива – в зависимое государство или протекторат. Русское правительство было заинтересовано в сохранении мирных отношений с Ираном. Так, в 1857 г. Россия отказалась в пользу Ирана от невыплаченной части контрибуции по Туркманчайскому договору²²⁹.

Николай Павлович Шишкин

Исходя из задач нового внешнеполитического курса, русское правительство стремилось избегать столкновений с Англией, решать возникавшие конфликты дипломатическим путем. В то же время петербургский кабинет старался помешать установлению английского господства над Ираном. Для этого предполагалось постепенно усиливать русское политическое влияние при персидском дворе, добиваясь экономического и военного проникновения. В целом эта политика имела успех благодаря активной деятельности русского посланника И.А. Зиновьева и желаний Насреддин-шаха играя на противоречиях Англии и России сохранять независимость своей страны. Важным рубежом стали последние годы 1870-х. Попытка иранского шаха «пожиться» в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. турецкой территорией выступив в союзе с Россией трансформировалась в дружелюбный нейтралитет. В результате интересы Ирана были учтены при подписании мирных договоров с Османской империей, а Россия получила возможность послать в Иран военно-инструкторскую миссию.

ГЛАВА 3

РУССКАЯ ПОЛИТИКА В ИРАНЕ В 1880-Х ГГ.

3.1. Изменения в высшем руководстве России в начале 1880-х гг. и их влияние на внешнюю политику империи относительно Ирана

1 марта 1881 г. после очередного покушения на его жизнь умер император Александр II ²³⁰. Престол наследовал его сын, вступивший на него под именем Александра III (короновался 15 мая 1883 г.) ²³¹.

Александр III

«Александр III был воплощением посредственности, – характеризовал его А.З. Манфред. – Он ни к чему не стремился, у него не было сильных желаний; он не привык ни к раздумьям, ни к умственному труду вообще. То, что ему успел внушить в своё время Победоносцев ²³², руководивший его воспитанием, ему казалось жизненными правилами, и он, наверное, имел точные представления о том, что плохо и хорошо ... За всем тем, он был спокойным, уравновешенным человеком –

без страстей, без увлечений. Сохранившиеся дневники и записи ... рисуют среднего, ординарного, даже будничного человека с небогатым запасом слов и, может быть, ещё более скудным набором идей и «правил». Но в вопросы руководства внешней политикой, – по долгу службы – он считал себя обязанным особо тщательно вникать»²³³. Хорошим дополнением этому образу служит краткая, но ёмкая характеристика, данная авторами «Истории внешней политики России». «Новый император – Александр III, – писала автор очерка В.А. Хевролина, – был человеком ограниченным, но натурой цельной и сильной, имел собственные взгляды, которые стремился отстаивать. Мировоззрение его целиком соответствовало известной уваровской формуле²³⁴ – «православие, самодержавие, народность», принципы которой он по возможности старался внедрить в действительность 80–90-х годов»²³⁵. В целом в указанных цитатах хорошо отражены все особенности личности императора Александра III – при некоторой ограниченности, он был цельной личностью, со вполне оформившимися стройными взглядами на мир и своё место в нём²³⁶.

Константин Петрович Победоносцев

Новый император изначально считал внешнюю политику исключительно своей вотчиной. «Его заветной мечтой было вернуть России прежнее значение первенствующей державы в Европе», – отмечала В.А. Хевролина²³⁷. «Царь был ... собственным министром иностранных дел, – писало одно из датских изданий, – ... Император, обыкновенно обращавший мало внимания на внешнюю сторону дела, относительно иностранной политики пожелал, чтобы весь мир знал о том, что делами внешней политики он сам заведует»²³⁸. Однако, не смотря на такое желание, самодержец не мог самостоятельно охватить и выполнять все функции, связанные с

внешними связями. Поэтому ему нужен был умелый исполнительный министр иностранных дел. До 1882 г. этот пост занимал Александр Михайлович Горчаков. Однако уже в конце 1870-х гг. его возможность исполнять свои обязанности в силу старости и болезней вызвала сомнения²³⁹. Поэтому уже с 18 мая 1880 г. временно управляющим Министерством иностранных дел был назначен товарищ министра – Николай Карлович Гирс. Александр III, видимо, нашёл его кандидатуру полностью подходящей для роли своего помощника. 28 марта 1882 г. Н.К. Гирс был утверждён министром иностранных дел (пробыл на должности до 14 января 1895 г.). Новый управитель внешнеполитического ведомства имел свои взгляды на вверенное ему дело, однако оставался прекрасным подчинённым²⁴⁰. Как показала дальнейшая практика, фактически он стал секретарём императора по вопросам внешних сношений²⁴¹, «товарищем министра», функции которого выполнял правитель. Называть его слепым исполнителем воли монарха²⁴² не совсем корректно. Н.К. Гирс был исполнительен, аккуратен и осторожен, а Александр III понимал, что стране необходим мир для укрепления экономики и восстановления военного потенциала. Поэтому он нередко прислушивался к советам своего министра, стремившегося избегать конфликтов и осложнений²⁴³.

Владимир Николаевич Ламсдорф

Принятие внешнеполитических решений в царствование Александра III было строго централизовано. Фактически вся пирамида чиновников завершалась царём. При этом во все перипетии отношений России с внешним миром в течение царствования было посвящено только три человека – сам император, его министр

иностранных дел и директор канцелярии министерства. В 1882–1896 гг. последнюю должность занимал Владимир Николаевич Ламсдорф²⁴⁴.

Функции Н.К. Гирса хорошо подчёркивает случай с Михаилом Никифоровичем Катковым – публицистом правых взглядов, редактором газеты «Русские ведомости». В 1886–1887 гг. он развернул кампанию критики внешней политики, которую, по его мнению, проводил Н.К. Гирс²⁴⁵. «Статьи Каткова по вопросам международной политики были проникнуты безграничным презрением к нашему Министерству иностранных дел, – вспоминал Е.М. Феоктистов, – ... кто же не понимал, что жалкий Гирс был не более как исполнитель? И он, и ближайшие его сотрудники говорили во всеулышание кому угодно, что руководителем нашей внешней политики является исключительно сам государь, и этому можно было верить»²⁴⁶. Фактически, критикуя политику министра иностранных дел, М.Н. Катков критиковал Александра III, чего он не мог не понимать. Эта критика вызвала раздражение императора и встречу его с публицистом. Тем не менее, после неё каждый остался при своём мнении. «Я знаю, – говорил царь на мартовской 1887 г. встрече М.Н. Каткову, – ... что его (Н.К. Гирса – О.Г.) считают иностранцем; это очень удручает его, и уж как усердно старается он выставить себя русским! При теперешних обстоятельствах он для меня как нельзя более пригоден. Если бы война когда-нибудь возгорелась, что я считаю великим бедствием, то это будет война продолжительная, беспощадная; было бы безумно отважиться на неё, не подготовившись как нужно; поневоле надо медлить, стараться выиграть время, не надо зарываться, а Гирс такой человек, что не зарвется; осторожность – драгоценное в нём качество»²⁴⁷. Как верно отметил советский историк А.З. Манфред, «и министр Николай Карлович Гирс, и граф Владимир Николаевич Ламсдорф, занимавший в ту пору сравнительно скромный поста начальника канцелярии министра, а на деле игравший едва ли не главную роль в министерстве, оба были службистами, чиновниками, покорными воле монарха, перед которым они трепетали»²⁴⁸.

Внешнеполитические приоритеты Александра III вплоть до конца 1880-х гг. были сосредоточены на европейских делах, Ближнем Востоке и Центральной Азии, причём главенствующими были первые два направления. Личное кредо во внешней

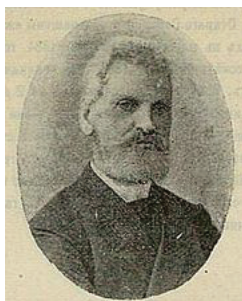
политике Александр III изложил 25 апреля 1881 г. в резолюции на донесении русского посла в Берлине П.А. Сабурова: «Я понимаю одну политику: извлекать из всего всё, что нужно и полезно для России, и меньше жениться для извлечения этой пользы, а действовать прямо и решительно. Никакой другой политики не может быть у нас, как чисто русская, национальная; никакой другой политики быть не может и не должно»²⁴⁹. Как отмечал российский исследователь А.В. Игнатьев, «Александр III порвал с “романтическими” иллюзиями своих предшественников и решительно выдвинул на первый план национальные интересы России, как он их понимал. Царь-“миротворец” предпочитал избегать военных конфликтов в Европе, могущих стимулировать “беспорядки” в его империи». Войну он считал «крайним средством, применимым в благоприятной ситуации для достижения действительно национальной цели. Такой целью царь считал овладение Константинополем и Черноморскими проливами»²⁵⁰.

Эти взгляды Александр III довольно последовательно и проводил в жизнь. Прямой, по-рыцарски благородный, уверенный в себе монарх сочетал в своих взглядах прагматизм с идеализмом и излишней прямолинейностью в международных вопросах. Его задевала неблагодарность болгар, возмущало двуличие шаха, но при этом, Александр III старался жёстко отстаивать интересы своего государства, своего владения, как сильный, уверенный в своих силах человек, который никогда не ударит первым, но всегда готов дать отпор агрессору. Результатом его внешней политики стало, с одной стороны, заслуженное уважение и прозвище «Миротворец», новые приобретения в Азии, но, с другой стороны, провал русской политики в Болгарии, Персии (по крайней мере, до начала 1890-х гг.), обострение отношений с Германией и Великобританией. Император главное внимание обращал на международные отношения в Европе и ближневосточном регионе. Что же касается южных окраин империи, то здесь в определении внешнеполитического курса большую роль играли те, кто не понаслышке знаком с ситуацией. Окончательные решения принимал Александр III²⁵¹, однако выработка их и реализация зависела от дипломатов и военных, близко знакомых с регионом. Широко стал практиковаться созыв Особых совещаний по различным международным вопросам в Азии с участием заинтересованных министров,

военных и чиновников. «На Азию, расширению влияния в которой Александр III придавал большое значение, – справедливо отмечал А.В. Игнатъев, – его осторожность распространялась лишь отчасти; здесь желательно было не вступать в конфликты с другими великими державами, с собственно же азиатскими народами можно было особенно не церемониться»²⁵². Непосредственно делами Востока в Министерстве иностранных дел ведал Азиатский департамент.

Личный взгляд царя на политику России в Иране определялся вполне чётко. Он считал, что Персия должна полностью перейти под контроль России. Поэтому необходимо добиваться этого всеми мирными путями, блокируя любые попытки Англии ограничить русское влияние. Характерные заметки, иллюстрирующие взгляд Александра III на российскую политику в Иране, приводил в своих дневниковых записях В.Н. Ламсдорф. «Но самым любопытным документом среди бумаг, возвращённых сегодня утром государем, – писал, он 14 декабря 1891 г., – является вырезка из появившейся недавно газетки, называющейся “Русская жизнь”. Эта вырезка, переданная государю, вероятно, ведомством по делам печати Министерства внутренних дел, положена сверху; на ней государь написал: *“Эта статья так хороша, что можно было бы прямо дать её как инструкцию посланнику нашему в Тегеране. Именно этими соображениями я желал бы, чтобы руководствовался Азиатский департамент”*» В самой статье было обращено внимание на следующее: «Наши представители в Персии должны зорко наблюдать за всеми подкупами, ведущимися во вред России, противопоставляя этим последним не подкуп безличных и корыстных министров шаха, а свое “veto”, которое одно без всякого золота, если будет поддержано твёрдо авторитетом России, достаточно для того, чтобы парализовать козни врагов”. И дальше: “Им (представителям России) поэтому и надо держать “честно и грозно” русское знамя на Востоке, не давая ослабеть тому престижу России, который создан ценой права, а не подкупом и тайной интригой”. (Пометы императора: “да” и “совершенно верно”»²⁵³. 17 декабря 1891 г. В.Н. Ламсдорф привёл помету царя на телеграмме из Тегерана: *«При этом нам не надо оставаться простыми зрителями, а стараться добиться первенствующего влияния в Персии»*²⁵⁴.

Политику относительно Ирана долгое время курировал И.А. Зиновьев. 25 февраля 1883 г. он был заменён на должности посланника в Тегеране Александром Александровичем Мельниковым и назначен директором Азиатского департамента. С этого времени, вплоть до 1891 г. в руках И.А. Зиновьева находилась внешняя политика империи Романовых в Азии. «С 1883 по 1891 г., – писал он в одной из своих работ, – я занимал должность начальника Азиатского департамента, и потому наши сношения с Персией находились в моём ведении»²⁵⁵. Как свидетельствуют дневники В.Н. Ламсдорфа²⁵⁶, большая часть инициатив России здесь исходила от него. Он же, несмотря на критику со стороны министра и некоторых царедворцев, был наиболее компетентным человеком в персидских делах²⁵⁷. И.А. Зиновьев стал своего рода «связующим звеном» между императором и азиатским внешнеполитическим курсом. Не удивительно, что именно он по поручению Александра III входил в состав Особых совещаний по среднеазиатским делам, вёл переговоры с английским комиссаром в 1887 г. и подписал протокол, определявший северо-западную границу Афганистана. Он же старался внушить и реализовать свой проект относительно будущего Персии – страны, с которой его связывало почти семилетнее пребывание там. Суть его сводилась к возможно большему укреплению влияния России на шаха в противовес Англии. В.Н. Ламсдорф именовал её «системой Зиновьева», сводившейся к устрашению и постоянным отказам²⁵⁸. «Непосредственно соприкасаясь с Персией на пространстве от горы Арарата до реки Теджена (Герируд – О.Г.), – писал И.А. Зиновьев в секретной записке от 25 августа 1906 г., – Россия уже в силу этого обстоятельства призвана играть первенствующую роль в стране этой»²⁵⁹. Хотя написано это было более чем через 20 лет, но точно отражало взгляды И.А. Зиновьева в годы пребывания на посту директора Азиатского департамента.

Александр Александрович Мельников

Наконец, в Тегеране с 25 февраля 1883 г. по 22 октября 1886 г. чрезвычайным посланником и полномочным министром при Персидском дворе был действительный статский советник Александр Александрович Мельников²⁶⁰, бывший до этого вице-директором Азиатского департамента Министерства иностранных дел. «Высокого роста господин седой, с очень симпатичными чертами лица», – характеризовал его познакомившийся с посланником в 1885 г. русский путешественник²⁶¹. «На этом посту Мельников успешно выполнял все возложенные на него министерством поручения. Его стараниями было исполнено согласно с русскими политическими интересами отграничение нашей Закаспийской области от Персии, удачно подготовлено и вызвано мирное приобретение Мерва и Старого Серахса и прекращены ежегодные перекочёвки персидских подданных на территорию России. В 1884 году произведён за отличие в тайные советники», – писало о нём официальное издание²⁶². Нужно заметить, что смена И.А. Зиновьеву была подобрана достойная. А.А. Мельников по окончании курса в Санкт-Петербургском университете по факультету восточных языков с золотой медалью за диссертацию по арабской словесности, поступил в число слушателей учебного отделения восточных языков, при Министерстве иностранных дел и по окончании курса 5 сентября 1854 г. вступил в службу при русской миссии в Персии. В 1857 г. был назначен младшим секретарем при Миссии. Здесь он основательно изучил персидский язык, и в 1860 г. был причислен к Министерству иностранных дел, с прикомандированием для занятия к Азиатскому департаменту. С этого времени он служил в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, дослужившись

до вице-директора и действительного статского советника. К. Скальковский указывал, что А.А. Мельников не был слишком энергичен на этом посту посланника при шахском дворе²⁶³. С этим можно согласиться лишь отчасти, поскольку в действительности политику относительно Ирана в этот период курировал и направлял директор Азиатского департамента министерства иностранных дел И.А. Зиновьев. Однако на месте её всё же проводил А.А. Мельников, причём делал это довольно успешно, учитывая сложности с русско-персидским разграничением. Именно А.А. Мельников завершил начатую И.А. Зиновьевым работу по закреплению русско-иранской границы в Средней Азии²⁶⁴, результатом чего стало подписание 9 декабря 1881 г. договора об установлении русско-иранской границы к востоку от Каспийского моря, т. н. Тегеранской конвенции о границах²⁶⁵. Конвенция 9 декабря своей секретной частью фактически открывала для России не только Атек, но и некоторые районы Хорасана, а 5-я статья предусматривала возможность строительства колёсных дорог. Последние рассматривались на тот момент исключительно с военно-стратегической точки зрения в связи с обострением русско-английских отношений. «В известных случаях ... наш посланник при шахе заставляет тегеранское правительство исполнять известные наши требования по отношению к этим отдалённым окраинам», – писал русский комиссар по разграничению Н.Д. Кузьмин-Караваев о деятельности А.А. Мельникова относительно соблюдения персидской стороной положений конвенции 1881 г. в 1884–1886 гг.²⁶⁶. К слову, в отличие от своих сменщиков А.А. Мельников знал и персидский язык, и нравы страны, в которой находился на дипломатической должности, что помогало ему в работе. Кроме того, судя по воспоминаниям русского путешественника Е.М. Белозерского, посланнику удалось сформировать в Миссии хороший психологический микроклимат. «Посланник и вообще члены посольства живут очень хорошо и мирно, за что в дипломатическом мире наша Миссия в Тегеране не без основания зовётся “дипломатическим оазисом”, ибо во всех других посольствах и консульствах (имеются в виду российские представительства в других странах – О.Г.) не оберёшься всяческих интриг и самой непонятной вражды друг к другу, что обыкновенно рекомендует нас иностранцами с самой непривлекательной стороны»²⁶⁷.

В 1886 г. А.А. Мельников покинул свой пост. Российским посланником в Тегеране с 25 октября 1886 г. по 12 ноября 1889 г. (отозван из Тегерана он был в октябре, а формально сдал дела в ноябре) был генерал-майор Свиты его величества князь Николай Сергеевич Долгоруков²⁶⁸. Потомок одного из выдающихся аристократических семейств России и личный друг царя Александра III²⁶⁹, храбрый офицер, разжалованный за дуэль в рядовые, но участием в боях на Кавказе заслуживший себе вновь офицерские чины, а в 1882 г. произведённый в Свиты его величества генерал-майоры²⁷⁰. Он был личным представителем русского императора при императоре германском, короле прусском, но за скандал с послом графом П.А. Шуваловым был отозван в 1886 г. из Берлина и направлен в Персию²⁷¹.

Николай Сергеевич Долгоруков

Изменения произошли и на Кавказе, который был непосредственно связан с внешней политикой относительно Ирана. Указом императора 22 ноября 1881 г. Кавказское наместничество фактически было упразднено, образована Кавказская администрация во главе с Главным начальствующим гражданской частью, он же одновременно был главнокомандующим и наказным атаманом казачьих войск²⁷². С 1 января 1882 г. Главным начальствующим на Кавказе был назначен генерал от кавалерии Александр Михайлович Дондуков-Корсаков²⁷³. Это был человек достаточно умудрённый военным и административным опытом. Получив юридическое образование в Петербургском университете, он служил в Лейб-гвардии Кирасирском полку, затем проходил службу на Кавказе, участвовал в Кавказской войне. В 1853 г. был командирован в Алжир для изучения местного французского опыта ведения колониальной войны и администрирования. Затем А.М. Дондуков-Корсаков принимал участие в Крымской войне 1853–1856 гг. на

Кавказском театре. В 1859–1863 гг. был начальником штаба Войска донского и участвовал в проведении крестьянской реформы на Дону. С лета 1868 г. был причислен к Министерству внутренних дел. С 1869 г. был генерал-губернатором Юго-Западного края, а с 1877 г. одновременно и командующим войсками Киевского военного округа. В качестве командующего 13-м армейским корпусом, а затем начальником Восточного отряда, принял участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В том же году 16 апреля он был произведён в генералы от кавалерии и назначен императорским российским комиссаром в Болгарии, где в 1879–1880 гг. командовал там оккупационным корпусом. При его участии и под его руководством была разработан проект устава, лёгший в основу т.н. Тырновской конституции Болгарии 1879 г. По возвращении в Россию М.А. Дондуков-Корсаков состоял членом Государственного совета, с 1880 г. занимал пост временного харьковского генерал-губернатора и командовал войсками Харьковского военного округа, а затем в 1881 г. был временным одесским генерал-губернатором²⁷⁴.

Александр Михайлович Дондуков-Корсаков

3.2. Русско-иранское разграничение 1881–1886 гг.

Вследствие неудачи на Берлинском конгрессе 1878 г., завершившем русско-турецкую войну 1877–1878 гг., вторжения индо-британских войск в Афганистан в 1878 г. и англо-афганской войны 1878–1881 гг., а также агрессивной политики Англии относительно любых внешнеполитических акций России, направленных на

отстаивание собственных интересов, с конца 1870-х гг. начинается русское продвижение в Туркмению²⁷⁵. Целью было создание операционной базы для давления на Великобританию в международных вопросах через угрозу её индийским владениям. Туркменские земли и Хорасан открывали России прямую дорогу на Герат, считавшийся в то время «ключом» к Афганистану, а следовательно, и к Индии²⁷⁶. Генерал-адъютант Михаил Дмитриевич Скобелев возглавил экспедиционный отряд, который был сформирован весной 1880 г. для покорения туркменского оазиса Ахалтеке²⁷⁷. М.Д. Скобелев, лично осмотрев предполагаемую пограничную полосу, представил свои соображения о разграничении с Ираном²⁷⁸. В «Записке» от М.Д. Скобелева, поданной Н.Д. Кузьминым-Караваевым в конце 1880 г. И.А. Зиновьеву, была чётко обозначена цель экспедиции: в прочном овладении Ахалтекинским оазисом, подчинении текинцев Ахала и Мерва русскому влиянию и получение доступа к Афганистану в направлении Герата²⁷⁹.

Михаил Дмитриевич Скобелев

В 1881 г. русскими войсками под командованием М.Д. Скобелева был завоёван туркменский оазис Ахалтеке. В связи с этим начались переговоры о разграничении России с Персией²⁸⁰. Русскую сторону представлял посланник в Тегеране И.А. Зиновьев, а иранскую – министр иностранных дел мирза Сайид-хан Мотамен-оль-Мольк²⁸¹. Советский исследователь Б. Маннанов отмечал, что слабое знание российским представителем местностей, о которых шла речь в ходе переговоров, вынудило Министерство иностранных дел России обратиться к

Военному министерству с просьбой «командировать в помощь тайному советнику Зиновьеву офицера ГШ, знакомого с Закаспийской областью». В результате в Тегеран были посланы подполковник ГШ Н.Д. Кузьмин-Караваев и помощник заведующего Азиатской частью Главного штаба капитан ГШ Н.И. Янжул, «хорошо знавшие Закаспийскую область», которые прибыли туда в том же 1881 г.²⁸². «По прибытии указанных лиц, – писал исследователь, – переговоры заметно ускорились»²⁸³, результатом чего стало подписание 9 декабря 1881 г. договора об установлении русско-иранской границы к востоку от Каспийского моря, т. н. Тегеранской конвенции о границах²⁸⁴.

Офицеры Персидской Казачьей Е. В. III. бригады. В первом ряду (слева направо): второй – поручик Гвардейской конной артиллерии Блюмер, далее есаул Маковкин, полковник Кузьмин-Караваев, есаул Меньев, русские урядники и персидские штабные чины. 1887 г. КГИАМЗ. Имена офицеров в порядке, показанном на фотографии, установлены П.Н. Стреляновым (Калабуховым)

Впоследствии, опираясь на тот же документ или на материалы Б. Маннанова (ссылки ни одна из её работ не содержит), указанные сведения повторила в своих публикациях Л.М. Кулагина. Она писала, что русско-иранская разграничительная комиссия приступила к работе 15 октября 1881 г. Однако вмешательство англичан и слабое знание И.А. Зиновьевым географии тех районов, где проводилось разграничение, затянуло её работу. «В помощь Зиновьеву для определения пограничной линии были посланы офицеры ГШ подполковник Кузьмин и капитан Янжул, хорошо знакомые с Закаспийской областью, – сообщала исследовательница, ошибочно именуя Н.Д. Кузьмина-Караваева. – После их прибытия в Тегеран переговоры заметно ускорились»²⁸⁵.

Помимо неточности в написании фамилии и отсутствия хотя бы инициалов Н.Д. Кузьмина-Караваева, описание Л.М. Кулагиной русско-персидского разграничения 1881–1886 гг. вообще отличает крайняя поверхностность и неполнота, выразившаяся, в том числе, и в игнорировании важных деталей. Так, неясно, что за комиссия начала работу 15 октября 1881 г. Дело в том, что комиссары для разграничения были назначены правительствами двух стран на основании конвенции 9 декабря 1881 г. 2-я статья её гласила: «Так как в статье I настоящей конвенции указаны главные пункты, чрез кои должна направляться граница между владениями России и Персии, то для точного определения пограничной черты на месте и для определения пограничных знаков обе высокие договаривающиеся стороны назначат специальных комиссаров. Время и место съезда комиссаров будет определено по взаимному соглашению обеих договаривающихся сторон»²⁸⁶. Таким образом, разграничительная комиссия не могла начать работу в указанный Л.М. Кулагиной срок²⁸⁷. К тому же практика свидетельствует, что такие комиссии создавались после подписания документов, определяющих границу в общих чертах²⁸⁸. Возможно, Л.М. Кулагина смешала делимитационную и демаркационную комиссии²⁸⁹. Первая, возглавляемая официальными представителями, действовала до подписания конвенции и определила общее положение и направление границы, а вторая должна была зафиксировать её на местности.

Известно, что «вопрос о проведении границы с Персией» волновал и российскую и иранскую стороны, причём первая спешила с его завершением, чтобы не допустить вмешательства англичан²⁹⁰. Инициатором переговоров выступила персидская сторона. Именно в 1880 г. (а не в 1881 г., как утверждали вышеозначенные авторы) состоялась первая командировка Н.Д. Кузьмина-Караваева в Иран с целью консультации с И.А. Зиновьевым относительно будущих границ России и Ирана. С 18 ноября 1880 г. по 28 января 1881 г. он «по распоряжению временно командовавшего войсками в Закаспийском крае был командирован в Персию, в Тегеран к российскому императорскому посланнику при его величестве Насреддин-шахе»²⁹¹. Обе Ахалтекинские экспедиции (1879 и 1880–1881 гг.) проходили под тесным патронажем русской императорской Миссии в Тегеране и посланника. «Когда началось наше движение в Ахал (в 1880 г. – О.Г.), –

писал Н.Д. Кузьмин-Караваев, – в Тегеране тот час же обратили внимание на положение персидской хорасанской границы, вследствие чего, желая выяснить действительную границу своих владений, персидское правительство отправило в Боджнурд и Кочан своего чиновника мирзу Ханлар-хана, которому и было поручено исследовать границу владений шаха со стороны Ахала». Тот опросил местных правителей-ильханов и предоставил в Тегеран с их слов доклад о том, как им представлялась примерная линия границы²⁹². Как отмечал Н.Д. Кузьмин-Караваев, «южная граница Атека или северная граница Хорасана, к востоку от русско-персидской границы, была определена в общих чертах, за неимением в то время верных топографических сведений о северо-восточных окраинах Хорасана»²⁹³. Вопреки мнению министра иностранных дел Н.К. Гирса, выступавшего вообще против захвата Ахалтекинского оазиса, М.Д. Скобелев и И.А. Зиновьев, считали этот шаг не только необходимым, но и не последним. М.Д. Скобелев ещё в конце ноября 1880 г. пришёл к выводу о необходимости продвижения русских границ до р. Герируд. Именно после этого он командировал в Тегеран Н.Д. Кузьмина-Караваева с запиской относительно видения будущих границ русских владений в Закаспии²⁹⁴. По его мнению, пространство от Ашхабада до Герируда должно остаться за Россией. Узкая полоса территорий вдоль Копет-дага до Серакса на р. Герируд, совпадающая с областью Атек, должна была стать базой для дальнейших действий в Средней Азии²⁹⁵. Соответственно, России необходимо было взять в свои руки ключ к Герату и открыть доступ к Афганистану²⁹⁶. Таким образом, основная цель русского движения в туркменские степи виделась командованием Ахалтекинской экспедиции в создании сильного стратегического плацдарма против Великобритании в Центральной Азии, «захватив этим самым инициативу действий относительно своих интересов на Востоке»²⁹⁷. После обсуждения «Записки» с посланником в Тегеране, оказалось, что он полностью разделял взгляды экспедиционного командования. Поддерживало его в этом и Военное министерство. Указанные взгляды И.А. Зиновьев отстаивал и перед своим начальником Н.К. Гирсом, а, следовательно, и перед императором. Передовой бастион на северо-восточной окраине Хорасана, доказывал он, связанный надёжными путями с базой на Каспийском море, заставит англичан быть более сдержанными в их честолюбивых замыслах²⁹⁸. Но на тот

момент идея эта не была принята. Император через министра иностранных дел повелел воздержаться от дальнейшего продвижения. Именно послушание этого приказа стоило весной 1881 г. М.Д. Скобелеву его места.

Однако уже в начале 1881 г. ситуация стала меняться. В 20-х числах января 1881 г. Насреддин-шах пригласил к себе И.А. Зиновьева и в беседе с ним заявил, что «считает настоящий момент благоприятным для проведения пограничной линии к северу от Хорасана»²⁹⁹. В свою очередь, И.А. Зиновьев ответил, что «предприятия эти вполне согласуются с интересами Персии, содействуя обеспечению безопасности на её границах и, что не менее важно в глазах шаха, утверждению его власти в самом Хорасане»³⁰⁰. 6 февраля 1881 г. шах передал через мирзу Сайид-хана о своём желании начать переговоры о разграничении в Хорасане и просил информировать о планах России³⁰¹. Хотя начальник Главного штаба в тот же день доносил военному министру России, что «вопрос о проведении границы с Персией уже поднят нашим посланником в Тегеране»³⁰², на деле инициатива разграничения исходила от персов. Дело в том, что тегеранское правительство претендовало на все территории, лежавшие восточнее Ахалтекинского оазиса, а также на долину р. Теджен, и желало первым заявить о своих намерениях. Чтобы сделать российскую сторону уступчивее, министр иностранных дел Ирана стал намекать на то, что персы не станут возражать против участия в разграничении английского представителя.

Тем не менее, и И.А. Зиновьев, и в России с этим были не согласны. Вопросы, касавшиеся пограничных дел, были полностью возложены на российского посланника в содействии с военными. «Все данные, кои укажут, в каком направлении выгоднее его разрешить, – говорилось в том же документе, – будут ... сделаны генерал-адъютантом Скобелевым (возглавлявшим российский экспедиционный отряд для завоевания Ахалтекинского оазиса – О.Г.) по соглашению с тайным советником Зиновьевым»³⁰³. В феврале 1881 г. начальником штаба «войск, действующих в Закаспийском крае» генерал-майором ГШ Николаем Ивановичем Гродековым «для определения будущей границы с Персией чины Корпуса военных топографов»³⁰⁴ отряда (экспедиционный войск – О.Г.) командированы были произвести съёмки пограничного пространства»³⁰⁵.

Методами убеждения, запугивания и давления И.А. Зиновьев фактически вынудил персидскую сторону принять его правила игры. Вплоть до 29 мая 1881 г., когда он получил от Н.К. Гирса официальное разрешение начать переговоры, последние велись им неофициально и в глубоком секрете от английского посланника. Интересно, что И.А. Зиновьев получил такое влияние, что даже рекомендовал иранскому министру иностранных дел, что именно он отвечать британскому представителю на его вопросы. В результате, вплоть до подписания конвенции тот не знал точно, начались переговоры, или нет³⁰⁶. О влиянии И.А. Зиновьева ярко свидетельствует воспоминание одного из персидских сановников, участвовавших в деятельности демаркационной комиссии. Он сообщал, что по всем вопросам иранский министр иностранных дел должен был обращаться в российское Министерство иностранных дел не напрямую, а через русского посланника³⁰⁷.

Что касается Н.И. Янжула, то как раз он был послан непосредственно из Петербурга в помощь И.А. Зиновьеву. Однако когда именно это произошло нам точно неизвестно. В этом смысле хорошей иллюстрацией служат слова М.К. Басханова. Характеризуя деятельность Н.И. Янжула, историк писал, что тот «принимал участие в работе русско-персидской разграничительной комиссии в Тегеране (1881), внёс важный вклад в определение линии российско-персидской границы к востоку от Каспийского моря»³⁰⁸. Известно, что «Зиновьев, вместе с присланным ему в помощь Янжулом, всё лето основательно изучал историю Туркмении, её отдельных районов», и только после этого 27 сентября 1881 г. вручил мирзе Сейид-хану меморандум о разграничении с русскими условиями³⁰⁹. Получивший полную свободу решать вопрос о разграничении по собственному усмотрению, И.А. Зиновьев к концу ноября закончил составление основных статей пограничной конвенции³¹⁰. Как отмечал советский исследователь, «давление Зиновьева и его непреклонная решимость добиться желаемого результата вынудили шаха сдаться». 31 октября персидское правительство приняло российские условия³¹¹. А 9 декабря 1881 г. была подписана пограничная конвенция. Таким образом, Н.Д. Кузьмин-Караваев в своих поездках в Иран в конце 1880 – первой трети 1881 гг. выполнял функции своеобразного связного между штабом войск

Закаспийского края и российским посланником в Тегеране по согласованию действий штаба и Миссии. Через него и при его непосредственном участии между ними обсуждались принципиально важные вопросы продвижения российских войск в туркменские земли и создания там прочной основы для их базирования. Что касается Н.И. Янжула, то он действительно был направлен в помощь И.А. Зиновьеву из Петербурга в первую очередь для детального ознакомления последнего с Туркменией. В результате содействия указанных офицеров посланник выработал условия конвенции о границах, подписанной 9 декабря 1881 г.

Ещё в период переговоров, помимо персидских претензий, основным камнем преткновения стал Атекский оазис³¹². В июне 1881 г. И.А. Зиновьев добился от шахского правительства обещания соблюдать статус-кво в Атеке до полного выяснения вопроса и отказа возводить там новые сооружения³¹³. В меморандуме от 27 сентября требования России, сформулированные И.А. Зиновьевым, сводились к отказу шаха от притязаний на Мерв, Атек и долину р. Теджен³¹⁴. В результате, конвенцией от 9 декабря граница с Персией была определена в общих чертах от залива Гассан-кули до развалин калы (башни) Бабадурмаз. Оазис Атек и местность к востоку от Бабадурмаза до Теджена были оставлены в переходном периоде на 5 лет³¹⁵. Таким образом, в вопросе об Атеке персам была сделана уступка. Но и она была нейтрализована нотой И.А. Зиновьева, приложенной к договору 9 декабря³¹⁶.

28 мая 1883 г. полковник ГШ Н.Д. Кузьмин-Караваев «с высочайшего разрешения назначен в распоряжение Начальника Главного Штаба, с сохранением содержания» и на основании 2-й статьи конвенции 9 декабря 1881 г. «По высочайшему повелению командирован в Тифлис, Тегеран и Закаспийскую область для проведения русско-персидской границы в должности российского комиссара»³¹⁷. Окончательное командирование полковника состоялось 12 июня 1883 г.³¹⁸. Демаркационная комиссия была сформирована весной 1883 г., а начала работу 15 октября 1883 г.³¹⁹. Русского комиссара сопровождал конвой из почти 300 казаков с офицерами. Сама делегация состояла из 10 человек, в число которых входил Н.Д. Кузьмин-Караваев, его помощник подполковник ГШ, переводчик и несколько офицеров-геодезистов³²⁰. Л.М. Кулагина в своей работе допустила оплошность, перепутав даты и перенеся, таким образом, события с 1883 г. на 1881 г.

К сожалению, это отразилось и на изложении ею дальнейшего хода событий, в котором встречается много недомолвок и общих утверждений. О том, что комиссия по разграничению работала с 1883 по 1886 гг., например, она вообще не сообщает, хотя именно тогда (а не в 1881 г., как указывала Л.М. Кулагина ³²¹) была определена точная граница от устья реки Атрек до Бабадурмазского родника (укрепление Чат на правом берегу Атрека, близ впадения в неё реки Сумбар) ³²².

Члены русско-персидской демаркационной комиссии

Российская сторона выдвигала Персии обвинения в том, что в Закаспийском крае, её представители ограничивают российских туркмен в пользовании водой для орошения полей, истоки которой находились в персидских пределах: взимают подати за торговлю российских подданных в Кучане и на хорасанских рынках; вмешиваются в дела жителей Атека ³²³. Со своей стороны, глава иранской стороны Сулейман Хан Афшар-Гассемлу Сахем-е Эхтияр обвинял русских, что те лишили пастбищ жителей Лютфабада. «Однако когда мы посмотрели на карты, которые должны были быть подписаны министром иностранных дел России и Зиновьевым, российским министром в Тегеране, с одной стороны, и нашим министром иностранных дел, с другой, – вспоминал участник иранской комиссии Мирза Ризахан Арф од-Доуле, – мы заметили, что курс новой границы были начерчены зелёной линией под самыми стенами цитадели Лотфабад. Они разместили все селения и пастбища, принадлежащие 500 иранским семьям, за этой границей и на территории России» ³²⁴.

Кроме того, важной была и проблема водоснабжения, поскольку истоки рек, снабжавших земли российских туркмен, находились в Иране. Свидетельства источников в целом подтверждают вывод Л.Г. Корнилова о том, что пользуясь 5-летним мораторием на разграничение в Атеке, персы попытались фактически утвердиться там, восстанавливая заброшенные или создавая новые посёлки, засевая новые поля для использования факта их существования в качестве основания для выгодного для себя установления границы впоследствии³²⁵. Активно способствовали этому и английские эмиссары, тайно или явно толкая иранское правительство на конфронтацию с Россией из-за пограничных территорий³²⁶. В 1881–1882 гг., после подписания разграничительной конвенции, британское правительство попыталось вмешаться в процесс установления границы России с Ираном к востоку от Бабадурмаза³²⁷. Не смотря на то, что русское правительство отвергло все предложения англичан, в Петербурге опасались затягивать разграничение. На это неоднократно указывал и сам Н.Д. Кузьмин-Караваев, вынужденный работать в возможно быстром темпе. Именно поэтому вопрос об определении границы и решении пограничных вопросов в Атеке был поднят начал решаться ранее установленного 5-летнего срока: в 1883–1884 гг. Н.Д. Кузьмин-Караваев, как следует из его отчётов, сначала работал в качестве комиссара по разграничению в Атеке³²⁸, а затем демаркировал границу между Закаспийской областью и Хорасаном³²⁹.

Результатом работы демаркационной комиссии стало подписание двух дополнений к русско-персидской Конвенции от 9 декабря 1881 г., посвящённых использованию пограничных водных источников. 12 августа 1884 г. – для рек, текущих из Ирана в Атек³³⁰. Это был последний из серии протоколов относительно распределения воды и земли между населением Атека и иранских провинций Дерегёз и Келат, подписанный комиссарами обеих сторон. Всего их было 8, отдельно по каждой из рек. 1-й был подписан 20 февраля 1884 г.³³¹ Была установлена и точно описана северная пограничная линия между Закаспийской областью и Хорасанской провинцией до Бабадурмаза. «Северная граничная черта Хорасана, к востоку от Бабадурмазского ручья, установлена с большею точностью до последней реки, спадающей из пределов Персии в Атек – р. Чаача, восточнее

которой начитается безводная пустыня, на протяжении более 60 вёрст до Теджена», – отмечал Н.Д. Кузьмин-Караваев³³². А 30 января 1886 г. была подписана конвенция для рек Чандыр, Сумбар и Кельтичинар (Кельтечинар)³³³. Ею же была во всех подробностях установлена пограничная черта между Россией и Ираном. Пограничный знак № 1, составлявший конечный пункт границы Закаспийской области с Персией, был поставлен у Бабадурмазского родника. «Дальнейшее продолжение граничной черты ... юго-восток до Теджена не было установлено официальным протоколом и пограничными знаками, – отмечал Н.Д. Кузьмин-Караваев. – ... граничную чертою от Бабадурмазского родника далее на юго-восток продолжает служить хребет Зираку, до его юго-восточной оконечности, составляющей против селения Сафаркала левый берег Дурунгарской (Гюльризской) долины»³³⁴.

Разграничение проходило хотя и спешно, но затянулось. Связано это было с тем, что одновременно происходил процесс покорения Россией туркменских земель. В феврале 1884 г. к Закаспийской области был присоединён Мервский оазис, из которого образован Мервский округ; в мае того же года последовало присоединение Иолотанского, а в конце июня – Серахского оазисов и низовьев р. Теджена (Тедженского оазиса), Последние вошли в состав нового Тедженского округа, а оба оазиса были причислены к Мервскому округу³³⁵. Покорение Туркмении происходило на фоне острого англо-русского противостояния, что и обусловило относительно быстрые действия со стороны России. Апогеем конфликта, чуть не приведшим к войне между двумя великими державами, стал «Кушкинский инцидент 1885 г.»³³⁶. В результате, после сражения при р. Кушке в марте 1885 г. между отрядами российских и афганских войск, руководимых английскими военными советниками, к России окончательно был присоединён Пендинский оазис, а в 1886 г. – Атекский. 5 февраля 1886 г. демаркационные работы были окончательно завершены³³⁷. Вот как описывал этот процесс новый глава иранской комиссии, её бывший переводчик Мирза Риза-хан Арф од-Доуле: «Когда мы закончили установку пограничных флагов, российским и иранским геодезистам оставалось только составить новые карты границы и подписать их официальным лицам обеих делегаций. Было решено, что это должно быть совместным действием,

но, поскольку на месте не было необходимого оборудования, мы поехали в Ашхабад и подготовили там карты. От имени Сахб-е Эхтияра вместе с бригадным генералом Мирзой Мохаммед Али-ханом, полковником Мирзой Али Ашраф-ханом с одной стороны, и Кузьминым-Караевым и его геодезистами с другой, мы сначала подписали все новые карты, состоящие примерно из двенадцати больших страниц. Затем, чтобы отметить это событие, генерал Комаров (Александр Виссарионович Комаров был начальником Закаспийской области – О.Г.) дал великолепный обед в честь двух делегаций. После обеда, конечно, в честь прославленных монархов Ирана и России произнесли речи Сахб-е Эхтияр, Комаров и Кузьмин Караваев»³³⁸.

Александр Виссарионович Комаров

Сахб-е Эхтияр

Конвенция 9 декабря своей секретной частью фактически открывала для России не только Атек, но и некоторые районы Хорасана, а 5-я статья

предусматривала возможность строительства колёсных дорог. Последние рассматривались исключительно с военно-стратегической точки зрения. В мае 1882 г. генерал-майор ГШ, бывший начальником передового отряда у М.Д. Скобелева, а затем – начальником штаба войск Закаспийской области, Н.И. Гродеков составил докладную записку в Главный штаб о наилучших маршрутах для проведения дорог. Он отмечал, что «завоевание Ахалтекинского оазиса предпринято было с целью создать из него педаль, с помощью которой мы будем в состоянии видоизменять камертон нашей политики как относительно Великобритании, так и Персии, и Афганистана». Здесь же в качестве наиболее удобного маршрута будущей колёсной дороги им был предложен вариант: Геоктепе – Гярмаб – Ширван – Кучан – Мешхед – Герат. Это предложение было поддержано военным министерством³³⁹. С ноября 1880 г. стала строиться Закаспийская железная дорога, ставшая основным двигателем русской торговли и важным военно-стратегическим объектом³⁴⁰. А в 1885 г. русские войска заняли Серахс, который стал крайней точкой юго-востока империи. Благодаря этим мерам, Россия приблизилась к Герату, навсегда утвердившись в Туркмении и укрепив своё военно-политическое положение в Центральной Азии³⁴¹. Не разграниченной на средне-восточной границе осталась линия, близкая к Афганистану. В 1885–1887 гг. здесь работала отдельная комиссия по разграничению³⁴², поэтому окончательная граничная черта Закаспийской области с Персией была оформлена лишь в 1893 г.

Николай Иванович Гродеков

3.3. Шаги России в Иране в 1880-х гг.

Новый посланник Н.С. Долгоруков сочетал в себе русский национализм с имперским высокомерием и пренебрежительным отношением к азиатам, в том числе и персам. «Движимый амбициями, чувством своего превосходства и превосходства своей страны, сильной неприязнью к бюрократам вроде Гирса (Н.К. Гирс – министр иностранных дел Российской империи с 1882 по 1895 гг. – О.Г.) и Зиновьева, Долгоруков был убежден, что факел исторической миссии России на Востоке был вручен ему, чтобы он мог осветить им великие события, – писал о нём Ф. Казем-заде. – Мастер дворцовых интриг, изысканный и очаровательный, когда необходимо, но невоспитанный и высокомерный по природе, Долгоруков по прибытии в Тегеран позволил себе в обращении с шахом и его министрами тон губернатора завоёванной провинции. Шах был оскорблён и напуган своевольным поведением нового посланника»³⁴³. Личные качества его также были далеки от идеальных. «У князя Долгорукого был двойственный, не прямой характер, – вспоминал о нём С.Ю. Витте. – Вообще князь Долгорукий был человек неискренний»³⁴⁴.

Именно на время его пребывания в Тегеране приходится активизация английской политики относительно Персии³⁴⁵. Н.С. Долгоруков по мере сил и способностей пытался ей противостоять, активно отстаивая российские интересы, как он их понимал. В своих взглядах, судя по косвенным свидетельствам, содержащимся в дневниковых записях В.Н. Ламсдорфа и в поведении посланника, он был не только близок императору, но и разделял его видение политики России относительно Персии. Будучи опытным царедворцем, новый посланник старался исполнять пожелания царя со всем рвением, тем более, что в острых вопросах инструкции на общую линию поведения он получал именно от Александра III.

Пользуясь личными связями с царём, Н.С. Долгоруков интриговал против своего непосредственного начальства – министра иностранных дел Н.К. Гирса и директора Азиатского департамента министерства И.А. Зиновьева. С последним он вообще поссорился и оклеветал его перед императором³⁴⁶. Жёсткое отстаивание интересов России (как он их представлял) в борьбе с Англией, пренебрежительное,

покровительственно-снисходительное, а порой и наглое отношение к персидскому правительству, руководство зачастую эмоциями, а не политическими соображениями, свобразное понимание политического престижа, давление, шантаж и угрозы – вот черты, характеризовавшие деятельность российского дипломата. Во многом его отставание, например железнодорожных проектов и других концессий объяснялось тем, что он получал деньги от русских предпринимателей или участвовал в их проектах³⁴⁷. Вообще его поведение в Иране очень походило на «генеральскую дипломатию» в Болгарии, символом которой стали не столько Леонид Николаевич Соболев и Александр Васильевич Каульбарс, сколько брат последнего – барон Николай Васильевич Каульбарс³⁴⁸. Скорее всего, именно из-за этого противостояние окончилось для российского посланника полной неудачей. Характеризуя жизнь европейцев в Тегеране, Мисль-Рустем писал: «На вечера и балы собирается иногда более ста человек интеллигенции, которая состоит большею частью из дипломатического корпуса и высокообразованных людей, отлично себя держит, в высшей степени любезна и предупредительна со всеми, в каком бы положении человек ни был; примером мог служить наш посланник, князь Н.С. Долгоруков, который был настолько уважаем шахом, что я сам видал, как его шахское величество бежал от нас из сада, чтобы встретить нашего князя в зале дворца, куда он прибыл по ошибке драгомана, ранее времени, предназначенного ему шахом для аудиенции»³⁴⁹. Однако в таком поведении Насреддин-шаха правильнее бы было видеть не только и не столько уважение к Н.С. Долгорукову, сколько уважение к силе пославшей его державы и опасение своими действиями вызвать малейшее недовольство русского посланника. Своим агрессивным и пренебрежительным отношением к персам Н.С. Долгоруков, в конце концов, оттолкнул их от России. «Уступая России почти по всем вопросам, шах никогда не прекращал просить Англию о гарантиях, обеспечивающих поддержку против вторжения России», – писал Ф. Казем-заде³⁵⁰. Позже, в своих разговорах с русскими представителями персидский первый министр Али Асгар-хан подчёркивал, что именно поведение русского посланника привело к тому, что отношения между Россией и Персией, а также между ним самим и Н.С. Долгоруковым разладились³⁵¹.

Одним из основных вопросов, вокруг которых строилось англо-русское соперничество в Каджарской монархии в рассматриваемое время, был вопрос о путях сообщения. И в России, и в Англии имелись определённые круги, которые были заинтересованы в прокладке железных и грунтовых дорог в Иране. Они должны были связать Россию и Британскую Индию соответственно с Ираном³⁵². И теми и другими двигали как экономические и военные интересы, так и взаимная боязнь быть обойдённым противником. Нельзя полностью согласиться с Ф. Каземзаде, что рассуждения русских и английских дипломатов об экономической необходимости продвижения в Иран были лишь данью идеологическому климату времени³⁵³. Если для России это высказывание действительно было актуальным, то для Англии – «мастерской мира» – экономические интересы имели немаловажное значение³⁵⁴. Наиболее чётко выразил эту мысль в 1878 г. тогдашний премьер-министр Великобритании Бенджамин Дизраэли: «Мы отлично знаем, что когда мы говорим о британских интересах, мы имеем в виду материальные британские интересы, такие интересы, которые являются источником богатства или мощи страны»³⁵⁵. Главной целью английских железнодорожных проектов, которые начали разрабатываться во многом по инициативе Генри Крексвика Роулинсона³⁵⁶, было установление прямого транзитного пути из Европы в Индию под британским контролем³⁵⁷. Персия должна была стать частью этого транзита, что несло немалые угрозы не только самому Ирану, но и России. Поэтому в России отдельными государственными деятелями стали разрабатываться проекты индоевропейского пути через империю Романовых. В частности сторонником такого подхода был Н.С. Долгоруков. На Особом совещании при императоре 4 февраля 1890 г., посвящённом железнодорожному вопросу он высказал свои взгляды довольно прямо. «Генерал-майор князь Долгорукий присоединяется к мнению, что, прежде всего, нам надлежит позаботиться о соединении Тебриза с Тифлисом железной дорогой; помимо её существенного значения в политическом и экономическом отношениях, дорога эта предназначена сделаться первым звеном рельсового пути, который со временем нам придется проложить далее на юг. Так как направление индоевропейского транзита чрез Россию, может только способствовать укреплению её влияния в Персии, то необходимо приступить по возможности к

предварительным изысканиям в видах выделения этого вопроса. После сделанных нами шахскому правительству заявлений о намерении нашем заняться изготовлением железнодорожного проекта было бы несогласно с нашим достоинством совершенно отказаться от этого намерения. Хотя мы и пользуемся преобладанием в северной Персии, тем не менее, мы обязаны позаботиться о средствах утверждения влияния нашего на юге, хотя для достижения цели этой и потребуются значительные жертвы»³⁵⁸.

Однако, интересы России вплоть до середины 1890-х гг. определялись отнюдь не экономическими мотивами, как это подчёркивалось в обобщающих работах советских иранистов³⁵⁹. Исходя из определяющей роли экономики в жизни человеческого общества и марксистско-ленинских постулатов, они переносили реалии конца XIX – начала XX вв. на более раннюю эпоху с середины XIX в. Экономические достижения России в Персии, как правило, подавались отдельно от политической их составляющей. Утверждая, что коммерческие проекты основывались государственных капиталах, учёные обходили тот факт, что первоначально инициаторами выступали частные лица и далеко не всегда определявшие внешнюю политику и связанные с правительством напрямую (к слову, данный процесс был характерен и для английского экономического проникновения в Иран, что хорошо показал Ф. Казем-заде). Политиков же до середины 1890-х гг. интересовали не столько экономические выгоды от приобретения влияния в Каджарской монархии, сколько политические. И именно для их реализации они поддерживали (или не поддерживали) те или иные проекты. Для России 1870-х – 1880-х гг., в сравнении с Англией, возможности экономической экспансии до 1890-х гг. были ограничены. Вполне уместным, кажется, привести в этой связи мнение советского историка Ф.А. Ротштейна, который, характеризуя включение Российской империи в борьбу с Великобританией на «экономической площадке» с конца 1880-х гг., писал следующее. «Это была смелая мысль, – отмечал он, – для страны, не располагавшей собственными капиталами, не имевшей ещё развитой промышленности, которая нуждалась бы в заграничном рынке, и неспособной экономически освоить даже собственные, более близко расположенные владения в Средней Азии»³⁶⁰. Выводы эти косвенно подтверждают исследования по

торговле России с Ираном³⁶¹. Так, вся ввозная торговля в Иран находилась в руках персидско-подданных или армян³⁶², а торговцы, приезжавшие в Россию за товарами, не находили здесь необходимого кредита³⁶³. Отказ государства от протекции русских предпринимателей и отсутствие представителей русских фабричных кругов в Иране также были одними из главных причин слабости русской торговли в стране и того, что все товарные потоки сконцентрировались в руках армян-скупщиков³⁶⁴. Засилье посредников, думавших только о личных выгодах, естественно, тоже не способствовало продвижению российского бизнеса в Персии. Но в правительственных кругах понимание этого произошло только в конце 1870-х гг.³⁶⁵.

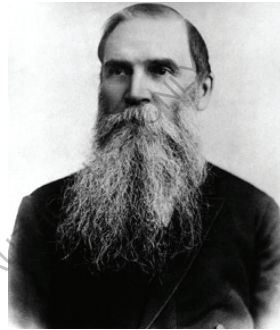

Михаил Львович Томар

Чиновник российского министерства финансов Михаил Львович Томар, анализируя неудачу предприятия Николая Николаевича Коншина, который в 1884–1890 гг. занимался привозом и продажей русских мануфактурных товаров в Иране³⁶⁶, а также предприятий Лазаря Соломоновича Полякова, называл в качестве причин этого неудачный выбор места торговли (Тегеран), колебания стоимости крана, не замечая иные³⁶⁷. Тем не менее, эти причины были составляющими более важных, которые исследователь не принимал в расчёт³⁶⁸. Важной среди них была неспособность (или нежелание) большинства русских купцов и промышленников приспособиваться к условиям страны, с которой и в которой они хотели иметь дело³⁶⁹. В то время, как русские предприниматели жаловались на множество проблем, английские – торговали. Ещё в 1843 г. «Журнал мануфактур и торговли» отмечал: «Известно, что английские бумажные ткани в Персии в большом употреблении как по своей дешевизне, так и потому, что англичане, проживающие долгое время в Персии, умели хорошо приноровиться ко вкусу персиян»³⁷⁰.

Лазарь Соломонович Поляков

Николай Николаевич Коншин

К последней трети века в этом смысле мало что изменилось, даже напротив, стремясь захватить рынок Ирана английские промышленники и торговцы делали всё возможное, чтобы их товары продавались лучше, нежели продукция конкурентов. Примечателен в этом отношении анализ Мисль-Рустема. «Сами русские купцы, которые в последнее время хотя и стали понимать вкус персов, но ещё не вполне поняли их требования, – писал он. – Перс требует, чтобы товар был дешёв, а прочен ли он – на это перс мало смотрит. Англичане это и поняли: они дают ему по вкусу всякую гниль, брак, зато дешёво, а наш купец, хотя бы фирма Коншина, хвастается добротой своих товаров, но зато не может продавать дешевле англичан. Кроме того, русский не будет доволен маленьким процентом, а непременно хочет нажить с азиата 100 на 100, основываясь на том, что не даром же он постарался ехать в Азию, – на двадцать пять же процентов можно и в России торговать. Англичане

рассуждают иначе, а потому у них и торговля идёт быстрее. Россия везёт свои товары в Персию по двум дорогам: или через Закавказье на Джульфу – Тебриз, или через Каспийское море в Решт, или Астрабад, или Энзели (персидские пристани), но больше предпочитается, кажется, последняя дорога через море, так как горы Закавказья не всегда проходимы. Из России везут главным образом красный товар – ситец, миткаль, шерстяные и даже шёлковые материи, а также бархат. Затем, везут медные и железные изделия, мишурные галуны, офицерские вещи, и даже синельковые (называемые французскими) ковры и другие незначительные вещи. Англия имеет два пути: один путь через Бендер-Бушир на Персидском заливе, где идут всякие индийские товары, как то: пряности, а другой – через Азиатскую Турцию, Трапезунд. Этим путем англичане главным образом везут красный товар ... Что же дает нам взамен Персия? Она доставляет рис и сушёные фрукты, да плохенькие косые «знаменитые персидские ковры», продаваемые у нас втридорога. Чтобы пояснить читателю, почему я выразился «плохенькие и косые ковры» (хотя я сам почитатель хороших персидских ковров), к сожалению, я должен сказать, что в России разве только самые богачи могут завести себе хорошие персидские ковры, выписав их через фирму Циглера или по знакомству, через его поверенного в г. Тегеране, г. Брогли. Иначе в России нельзя найти персидский ковер не бракованный: он будет или худых линючих красок, или косой и неровный. Весь брак везут в Россию, а хорошие ковры остаются в Персии и идут в Англию. Нужно сказать, что производством ковров занимаются целые деревни в отдельных округах, а потому и ковры носят разные названия: хорасанские, фараганские и т. д. Эти-то округа, как бы сказать, на откупах у англичан: собственно письменных договоров не заключается, но агенты английских фирм, во главе с г. Брогли, объезжают эти округа и дают жителям вперед деньги, за что последние обязываются работать только на них; таким образом, все наилучшие ковры в руках этих английских фирм ... Лучшая бирюза, опять-таки, идет в Англию, агенты которой там сидят и в местах приисков, и в английском посольстве»³⁷¹.

Леонид Константинович Артамонов

Как бы дополняя, предыдущего автора, русский военный разведчик Леонид Константинович Артамонов писал в 1890 г. о проблемах русской торговли с приграничной территорией, считавшейся негласно зоной российского влияния – Иранским Азербайджаном – следующее: «Всё, что я видел и слышал о торговле этой персидской провинции с нашим отечеством, производит странное и грустное впечатление: ни в одном из городов Азербайджана, кроме жалких торгашей-армян, нет представителей крупных русских фирм. В то же время вся страна наполняется главным образом европейской мануфактурой, идущей на вьюках сухим путём от Трапезунда в Тебриз (33 дня!!!), в этом последнем проживает до 20 представителей разных европейских торговых домов, основан англичанами коммерческий банк (филиальное отделение Восточного банка³⁷²) и открыт широкий кредит местным купцам, закупающим европейские товары. Отсюда эти весьма сомнительного достоинства произведения контрабандой вступают в наше Закавказье. Нам же, несмотря на то, что Тебриз удалён всего лишь на 3–4 дня пути от сухопутной границы и на 5–7 дней от Каспийского моря, приходится заслоняться от такой нежелательной конкуренции преимущественно кордонными постами»³⁷³.

Владимир Андреевич Косоговский

В.А. Косоговский в своей «Памятной записке» 1906 г. прямо называл русских купцов жадными дураками за то, что они хотят получить 100 % дохода с любых товаров, которые продают. «Англичанин радуется, когда получает возможность продать товар с 25 % прибыли, тогда как русский рвёт на себе волосы и говорит, что он банкрот, когда получает 45 %», – писал он, считая, что этим русские купцы портят имидж России³⁷⁴.

В Хорасане после закрытия фирмы «Кудрин и К» вся торговля русскими товарами сосредоточилась в руках армян, которые вели её весьма успешно. «Представителями торговых интересов России в Хорасане (как и вообще в Персии) являются исключительно армяне; благодаря своей подвижности, торговой смётке, а главное – знанию языка, нравов, обычаев, – писал в середине 1890-х гг. российский офицер К.-О.Г. Баумгартен, – они и до настоящего времени суть пионеры торговли; но вместе с тем следует заметить, что армяне, заботясь главным образом о своих личных выгодах и не владея крупными капиталами, не могут быть “представителями Российской промышленности” в обширном и точном смысле; они, казалось, могли бы быть лишь прекрасными агентами, маклерами, приказчиками и тому подобными, второстепенными лицами обширного торгового или транспортного предприятия, которое имело бы в виду не мелкую, грошёвую наживу, а твёрдое, систематическое развитие сбыта местного сырья, поднятие и доведение Хорасана до полного напряжения производительных сил и, наконец, добросовестное удовлетворение спроса на наши фабрикаты; спрос этот должен быть непременно результатом обеспеченного сбыта сырья и связанного с этим

увеличения населения и его благосостояния; такую задачу должно себе поставить солидное “русское” товарищество, которое может появиться на торговой арене богатого своим будущим Хорасана»³⁷⁵.

«Такое явление, – писал А.Н. Куропаткин в 1895 г., характеризуя слабость позиций русской торговли в Иране, – объясняется, прежде всего, вообще недостаточным ещё промышленным развитием России. Переход от страны земледельческой к земледельческо-промышленной ещё не завершился у нас. Мы нуждаемся, поэтому, в покровительственной таможенной системе ... Не смотря на такую защиту извне, наша промышленность не справляется ещё в должной степени даже с потребностями внутреннего рынка. Поэтому для наших фабрикантов персидский рынок представляется мало важным, и они не способны положить столько же труда на завоевание этого рынка, сколько кладут, например, фабриканты английские, которые без внешних рынков существовать не могут. Добавим, что со стороны наших торговцев нет ещё достаточной предприимчивости, знания местных условий, знания языка. Наш крупный предприниматель не идёт на риск, как англичанин или американец, и в то же время не признаёт возможным довольствоваться барышом, вполне удовлетворяющим купца-иностранца, ибо необходимо затем иметь в виду, что в настоящее время в России необходимый для каждого предприятия капитал находится труднее и оплачивается значительно дороже, чем за границею»³⁷⁶.

Важную особенность русско-иранской торговли до середины XIX в. отметил Сергей Анатольевич Сухоруков. «Политика России в Иране и близлежащих странах не была до конца продуманной, – писал он. – Однако время от времени предпринимались положительные решения со стороны чиновников и русских предпринимателей и тогда Россия перехватывала инициативу. В действиях Британии была большая согласованность. Поэтому во многих случаях России приходилось уступать Британии свои позиции в Азии»³⁷⁷. Следует заметить, что эта характеристика вполне применима и для большей части второй половины века.

По мнению О.А. Никитина, вредило развитию российской торговли и существование закавказского транзита. Товаропоток по линии Трапезунд – Тебриз

он сократить не смог, но открыл ещё один путь в Иран европейским товарам. В 1883 г. транзит был запрещён, однако это ситуацию не улучшило³⁷⁸.

К началу 1890-х гг. существовало 3 главных торговых пути России с Ираном:

1) Через Закавказскую границу у Джульфы и Астару (на Каспийском море) к Тебризу.

2) Через южные порты Каспийского моря (Энзели, Мешедесер, Гязь, Астрабад) к Тегерану и далее к Хамадану.

3) Через станции Закаспийской железной дороги, главным образом – Ашхабад и Гязьский порт к Мешхеду и Себзевару³⁷⁹. Тем не менее, ни на одном из них Россия преобладающего значения не имела. Анализировавший такое положение А.Н. Куропаткин главными причинами этого видел отсутствие хороших дорог – железных и грунтовых – под русским контролем, неустроенность портов на Каспийском море, плохую организацию грузоперевозок, слабость промышленного развития России и инертность русских торговцев. «Транспортное дело по Трапезундскому пути, – писал он, например, о состоянии путей к Тебризу – важному торговому центру Ирана, – организовано довольно хорошо. На наших путях к Тебризу транспортное дело не организовано, пути ... неудовлетворительны даже для вьючного движения, стоимость перевозки значительна, груз портится и срочности доставки товаров не существует»³⁸⁰.

Имелись для российской торговли и иные проблемы. Характеризуя, например, особенности торговли в Исфахане, российский наблюдатель отмечал следующее. «Здесь мы должны отметить одну особенность торговли бумажными мануфактурами. Дело в том, что персияне любят, чтобы на разных рынках один и тот же сорт товара продавался бы по одной и той же цене. Поэтому европейскими фирмами практикуется нижеследующий приём. Один и тот же сорт бумажной мануфактуры изготавливается различной ширины и высылается на персидские рынки с таким расчётом, чтобы менее широкие попадали в наиболее отдалённые центры. При этом на уменьшение ширины навёрстывается местный фрахт и, к большому удовольствию покупателя, он имеет одинаковый товар и одной и той же цене на разных рынках. Вообще надо отдать справедливость иностранным фирмам, что они в высшей степени внимательно изучают особенности своего рынка и умеют

приспособляться ко вкусам и потребностям покупателей. Большинство их агентов прекрасно владеют языком и знакомы с местными обычаями. Причём среди туземцев они пользуются прекрасной репутацией и заслуженным уважением. Посредниками между иностранными фирмами и базаром являются особые торговые агенты из местных купцов, называемые бункедами. Они обыкновенно заключают с фирмой контракт, по которому они являются покупателями у фирмы, иногда же являются как бы заказчиками, и тогда в контракте оговаривается, что данный № мануфактуры фирма не имеет права уже никому продавать помимо этого бункеда. В социальном положении бункеда всё-таки стоят несколько ниже таджиров, настоящих купцов, так сказать, первой гильдии. От бункеда товар раскупается уже базарными агентами (касыб), или же купцами, развозящими товар по провинциям (беззазе бирунбер) и деревням (пиревер). Кроме этого каждая фирма, а также и отделение английского банка имеют у себя на службе опытных маклеров (делляль) и мирз для переписки. Без деллялей не обходится ни одно коммерческое предприятие в Персии. На обязанности делляля лежит знать вся и всё. Он знает, как идут дела такого-то и такого-то купца, сколько привезено товару на базар и т. п. Таджир заседает у себя в худжре, которая находится в караван-сараяе, а никоим образом не на базаре, дело делляля – обегать весь базар и собрать новости. Юркий, весёлый, разговорчивый и сметливый, он сговаривает неподатливых таджиров, которые, после долгих препирательств, наконец, вступают в сделку, как бы под давление делляля»³⁸¹.

Ещё одной причиной неуспешного развития российской торговли в Иране являлись собственно внутривосточные условия: произвол чиновников и местных правителей, внутренние таможи, коррупция, отсутствие чётких юридических норм, которые соблюдались бы если не безукоризненно, то, по крайней мере, в значительной степени, плохие средства сообщения. Интересный факт привёл О.А. Никонов. «В 1886 г. Товарищество Никольской мануфактуры Морозовых прислало на имя Тебризского консула 52 пуда 29 фунтов семян американского хлопка с инструкцией по посадке для распространения среди местных производителей сырья. Они были распределены между жителями Хоя, Соудж-Булака, Дегкархана, Туна, Мианэ, Джемал-Абада и в окрестностях Тебриза. Из-за

безалаберности туземных хлопководов, не сумевших верно определить сроки посадки, большая часть урожая погибла»³⁸².

Наконец, следует отметить слабость русской экономики для самостоятельной внешней экспансии в сравнении с другими великими европейскими державами.

Многие историки, критикуя «агрессивную» политику России относительно Персии, сознательно (видимо, в силу идеологических установок) нивелировали тот факт, что вплоть до конца XIX в. торговый баланс между двумя государствами складывался не в пользу России. Так, Рауф Алиевич Сеидов, приводя цифры и факты, очевидно противоречившие его выводам, писал, что «европейские державы, и прежде всего, Россия и Англия, резко увеличивают ввоз в Иран своих товаров, который значительно превышал иранский вывоз. С годами процесс этот неизменно усиливался, губительно отражаясь на экономическом развитии Ирана»³⁸³. Всячески стараясь доказать невыгодность торговли с Российской империей для Каджарской монархии, указанный автор акцентировал внимание на капитуляционных таможенных тарифах 1828 и 1901 гг. и на том, что «российский ввоз ... с 1900 г. почти постоянно превышает иранский импорт»³⁸⁴. На самом же деле (это, к слову видно и из таблицы торговли России с Ираном с 1886 до 1909 гг., на которую ссылаясь Р.А. Сеидов³⁸⁵) в последнее десятилетие XIX в. экспорт из Ирана в Россию превышал импорт из России в Иран более чем на 35%³⁸⁶. В целом же, с 1886 г. до 1901 г. ввоз товаров и сырья в Каджарскую монархию из империи Романовых лишь три года (1891, 1894 и 1900) превышал (да и то ненамного) вывоз³⁸⁷. После 1900 г. превышение это сделалось действительно постоянным до 1908 г. Но количественно значительным оно было лишь в 1904–1907 гг. Да и цифры его не могли идти в сравнение с цифрами английской торговли. Не отрицая положительного эффекта такой «экспансии» для Ирана (что особенно подчёркивали советские авторы³⁸⁸), следует заметить, что это свидетельствовало об экономической слабости империи относительно Великобритании, которая больше ввозила в Иран, нежели вывозила³⁸⁹. Имея непосредственную границу, выгодный торговый тариф и прочие льготы, Россия, тем не менее, в последней трети XIX в. уступала здесь Англии, имевшей менее благоприятные условия, но более развитую экономику и связанное с ней правительство.

3.4. Соперничество России и Великобритании в Иране

Рубеж 1870-х – 1880-х стал переломным во внешней политике Великобритании на Среднем Востоке. Современный российский историк Н.Н. Лисицина отмечала, что «среди движущих сил британского колониализма рубежа 1880-х гг. можно назвать экономические, политические факторы и личную позицию заинтересованных лиц, представлявших мощные промышленные и финансовые корпорации, а также церковь. Одной из наиболее сильных, а иногда и определяющей, была движущая сила личных интересов и идей. Именно благодаря той последней большинство с одобрением принимало и поощряло политику «агрессивного колониализма» в Великобритании рубежа 70-х – 80-х гг. XIX в.»³⁹⁰. Не отрицая влияния всех указанных факторов, следует отметить, что своего рода «инициаторами» являлись всё же экономические интересы. На это неосознанно указывала и цитируемая исследовательница, связывавшая экономический кризис и начало упадка финансовой мощи Британии в мировой экономике с изменениями в сознании жителей метрополии и внешней политике³⁹¹.

Думается, все указанные факторы имели определённое значение и носили взаимообуславливающий характер. С рубежа 1870-х – 1880-х гг. стала проявляться тенденция к снижению промышленной и торговой роли Англии в системе мирохозяйственных связей. Постепенная утрата гегемонии в мировой торговле и промышленного превосходства вела не только к внутренним социальным проблемам, но и к изменению внешнеполитических приоритетов. В свою очередь, на формирование последних в свете новых условий влияли личностные взгляды тех, кто формировал и осуществлял внешнюю политику. До этого периода в ней как бы сочетались два относительно параллельных «течения»: правительственное, обусловленное стратегическими и тактическими интересами государства, и капиталистическое, основным двигателем которого являлись экономические интересы. Эти «течения» были результатом долголетней либеральной традиции, господствовавшей в английском обществе. Она базировалась на работах экономиста XVIII в. Адама Смита, согласно которого, государственное вмешательство в

экономику должно сводиться к минимуму³⁹². Совпадали указанные «течения» далеко не всегда. Примером тому может служить провал концессии Пола Джулиуса Рёйтера от 25 июля 1872 г.³⁹³. Советский историк Л.М. Кулагина верно подметила, что в то время она не могла быть осуществлена, «поскольку это потребовало бы значительных капиталов от английских бизнесменов, которые не стремились их предоставить, хорошо не зная возможностей Ирана»³⁹⁴. Естественно, ещё одной причиной неудачи П.Д. Рёйтера было желание английских политических представителей избежать резкого конфликта с Россией. Позиция Петербурга сразу же оказалась резко негативной и во многом обусловила провал реализации концессии³⁹⁵. Тем не менее, английское правительство и посланник также проявили инертность в развернувшихся после её подписания событиях. Политические интересы оказались преобладающими над экономическими выгодами. И это не было чем-то из ряда вон выходящим. Как отмечала белорусская исследовательница Марина Владимировна Глеб, «непосредственное выступление государства в защиту интересов своих граждан, сопровождаемое аннексиями, войнами и дипломатическими столкновениями с другими европейскими странами ... считалось в Великобритании нежелательным вариантом»³⁹⁶.

Пол Джулиус Рёйтер

Но с 1880-х гг. ситуация меняется. Формирование идей «нового империализма» с акцентом на Империю и отношения внутри неё, создаёт новую идеологию – «политику агрессивного колониализма», которая включала в себя идею укрепления уже существующей империи и требование новых колониальных

приобретений³⁹⁷. Рассуждения об укреплении империи через колониальную экспансию привели к мысли о вмешательстве государства во внешнеэкономические вопросы. Она была во многом и результатом внутреннего переосмысления теоретиками либерализма классического тезиса о невмешательстве (или ограниченном вмешательстве) государства в экономическую жизнь (в том числе и внешнюю). «Социализация» английского либерализма (как, впрочем, и консерватизма) в середине века привела к изменению взглядов и на указанный вопрос³⁹⁸. Тем не менее, стремление расширять империю сочеталось с желанием экономить государственные средства, избегать нападок оппозиции внутри страны и протестов со стороны других великих держав. Своего рода выходом стало слияние действий правительственных органов и бизнесменов. Деятельность последних подавалась как личная инициатива (хотя не всегда была таковой) и поддерживалась официальными представителями Англии прямо или тайно. В случае успеха все лавры пожинало правительство, в случае неудачи её всегда можно было свалить на «вторых лиц». Для Африки, например, воплощением такого подхода стали привилегированные компании³⁹⁹. В Персии в 1880-х гг. такая политика проявилась очень чётко в борьбе за концессии, а Шаханшахский банк, принадлежавший англичанам, стал своего рода привилегированной компанией. К тому же создание акционерных обществ, которые должны были эксплуатировать ресурсы Ирана в случае удачи, способствовало привлечению и экономической заинтересованности поддерживавших их политиков через систему получения/приобретения акций.

Яков Соломонович Поляков

Со стороны России действовали, в принципе, те же процессы, правда, со значительным запозданием. Как свидетельствуют деятельность Николая

Николаевича Коншина, братьев Якова и Лазаря Соломоновичей Поляковых⁴⁰⁰, Степана Мартыновича Лианозова (Лионозова, настоящая фамилия – Лианосян)⁴⁰¹ и других предпринимателей, в Персии русское правительство далеко не всегда выступало инициатором экономического проникновения. И здесь идеи расширения экономического присутствия империи соседствовали со стратегическими замыслами⁴⁰², но часто разрабатывались автономно друг от друга. Реализация же их зависела от политической ситуации вокруг Ирана. Такое положение сохранялось до середины 1890-х гг., когда государство взяло неофициальный патронаж над русскими экономическими проектами в Персии, а завоевание персидского рынка с целью вытеснения английских конкурентов стало основной внешнеполитической задачей империи в отношении Каджарской державы.

Степан Мартынович Лианозов

Не смотря на «джентльменские» соглашения 1834 г. (подтверждённые в 1838, 1839, 1873 и 1885 гг.), что «оба правительства действуют в отношении персидских дел в одинаковом духе и одинаково воодушевлены искренним желанием сохранить не только внутреннее спокойствие, но и независимость и целостность Персии»⁴⁰³, Англия и Россия продолжали каждая проводить внешнеполитическую линию касательно Иранской монархии исходя из собственных интересов. Причины экономического характера были лишь одними из целого комплекса факторов, определявших политику империй относительно Персии. В отдельные моменты они выходили на первый план, в другие – отодвигались на задний, но незримо присутствовали постоянно. Например, для России важно было не допустить английского торгового влияния в Иране, поскольку конкурировать с ним на равных империя Романовых не могла. К тому же в ходе перманентного наступления Англии

на позиции России иметь на своих границах государство-сателлит⁴⁰⁴. Британской империи не входило в планы российских правящих кругов. Поэтому в ход были пущены политические методы – шантаж, подкуп, откровенное давление. Методы эти использовали обе стороны. В то же время, не секрет, что английский торговый капитал стремился к освоению рынков Ирана, заинтересованный, прежде всего, в вывозе монеты и сбыте своих товаров⁴⁰⁵, а позже – в сырье. Утверждение некоторых западных историков, что «в британских интересах было помочь строить Персию, а не сохранять Персию отсталой»⁴⁰⁶, являющееся калькой с пропагандистских лозунгов XIX в., конечно, отчасти соответствует действительности. Вопрос только – в чьих интересах и что развивать? Правильнее было бы сказать развивать не Персию, а английское предпринимательство в Иране.

Вторым важным фактором соперничества было стремление обезопасить собственные границы от влияния противника, создать из Персии элемент колониальной обороны Великобритании, точнее – Британской Индии⁴⁰⁷. Английский военно-политический деятель XIX в. Генри Батэрст Ханна писал, что Россия будет являться противником Англии до тех пор, пока англичане будут придерживаться политики, «заставляющей Россию видеть в нас врага»⁴⁰⁸. Если поменять в этом высказывании Англию и Россию местами, то фраза будет иметь тот же смысл относительно английских фобий, связанных с продвижением империи Романовых в Азии⁴⁰⁹. И ту, и другую сторону опасения друг друга подталкивали к постепенному расширению границ своих владений и влияний в Центральной Азии. Зачастую эти захваты не были обусловлены экономическими причинами. И здесь можно согласиться с Ф. Казем-заде, что «исконное человеческое желание торжествовать, властвовать может быть оправданно в один исторический период стремлениями к чести и славе, а в другие – необходимостью обратить язычника в свою веру, достичь естественных границ, потребовать утраченное наследство, защитить рынки, исполнить волю судьбы или взять на себя “бремя белого человека”»⁴¹⁰.

Соперничество между великими державами Европы за влияние в Персии диктовалось и преувеличенными представлениями с обеих сторон об уровне взаимных угроз и силе влияния при тегеранском дворе. На «демонизацию»

противника на примере мнений русских авторов относительно английского управления Индией обратил внимание И.А. Савинов⁴¹¹. Впрочем, в Великобритании антирусские стереотипы имели более давние и крепкие корни, нежели в России – антибританские. «Дикий народ», «варварское государство», «варвар с Востока», «страна рабства», «агрессор», «царство тьмы» и другие подобные эпитеты были в ходу в английском обществе относительно Российского государства⁴¹². В условиях политического противостояния России Великобритании в указанный период такая политизация взглядов даже людей, не относившихся к прямому формированию и реализации политических интересов, была вполне естественна. Что уже говорить о политиках, мысливших зачастую сквозь призму тех культурных мифов, в которых они воспитывались. В Персии принцип неосознанной (а иногда и сознательной) «демонизации» англичан русскими и наоборот присутствовал в виде, например, выпячивания негативного в действиях противника и подчёркивания достоинств собственной политики. Отсюда рассуждения А.И. Домонтовича о тайнах персидского двора, окутанных «большею частью английской золотой цепью»⁴¹³, о силе английского и слабости русского влияния С. Уманца⁴¹⁴ и совершенно обратные оценки Чарльза Джеймса Уильса⁴¹⁵. В 1891 г. российский посланник в Афинах Михаил Константинович Ону утверждал, что англо-индийские круги были глубоко убеждены, что Россия намеревается присоединить к себе Хорасан, захватив территорию вплоть до Персидского залива, чтобы иметь в качестве своей границы море⁴¹⁶.

Хотя указанные оценки относились к разным этапам англо-русского противостояния, тем не менее, они отражали не столько реальное положение дел, сколько представления сторон друг о друге. Мнение британских политиков и военных во многом объяснялось действительной активностью России в Центральной Азии с 1879 г. При этом в Великобритании мало кто желал видеть, что эта «агрессивность» империи Романовых была спровоцирована самой Англией своим поведением в Восточном кризисе 1875–1878 гг. и более ранней антирусской политикой. Классическим примером «ястребиных» риторики и мышления был подполковник, а затем полковник англо-индийской армии Чарльз Меткальфф Макгрегор⁴¹⁷. В 1860-х – 1870-х гг. он неоднократно совершал поездки по

Центральной Азии, а во время 2-й англо-афганской войны 1878–1881 гг. Ч.М. Макгрегор служил в качестве офицера связи в управлении генерал-квартирмейстера и исполнял поручения на коммуникационных линиях в Хайберском проходе, затем был назначен командиром 3-й пехотной бригады Кабульско-Кандагарского корпуса и принимал участие в сражении с афганцами под Кандагаром. После этого сражения Ч.М. Макгрегор был назначен начальником штаба британского главнокомандующего генерала Фредерика Слея Робертса. 19 ноября 1880 г. Ч.М. Макгрегор был назначен генерал-квартирмейстером индо-британских войск и начальником разведки и занимал эту должность до 27 ноября 1885 г., а затем был командующим Пенджабскими пограничными войсками. Одно из первых его сочинений по Ирану вышло в свет в 1871 г.⁴¹⁸, а в 1875 г. он с разведывательными целями посетил Хорасан⁴¹⁹. 19 ноября 1880 г. Ч.М. Макгрегор был назначен генерал-квартирмейстером индо-британских войск и начальником разведки и занимал эту должность до 27 ноября 1885 г. Именно в это время вышла работа, которая принесла ему наибольшую известность – «Оборона Индии» (1884 г.)⁴²⁰. Как и позднейшая работа Д.Н. Кёрзона (не менее пристрастная), она закрепила за ним славу специалиста по «индийскому вопросу»⁴²¹ и стала «библией» британских русофобов⁴²², а также настольной Библией всех вице-королей и главнокомандующих Индии при разработке вопросов рациональной внешней политики и военной организации⁴²³. Педалируя старый тезис об извечной агрессивности России, опираясь на фактический разбор политики Петербурга в Центральной Азии, но игнорируя причины её с английской стороны, Ч.М. Макгрегор делал крайне однобокий вывод. Он призывал к союзу с Германией, Турцией и Персией и нанесению удара по владениям России в Закавказье и на Кавказе, заявляя: «я торжественно свидетельствую свое убеждение в том, что никогда не может произойти настоящего решения русско-индийского вопроса, доколе Россия не будет выбита из Кавказа и Туркестана»⁴²⁴.

Чарльз Меткальф Макгрегор

Значительную роль во взаимоотношениях и представлениях друг о друге играло и высокомерие части представителей Британской империи, видевших свое государство в роли «цивилизатора», или устроителя всего мира на новых основаниях в своих, естественно, интересах. «Апогеем» в этом смысле можно считать работу Д.Н. Кёрзона⁴²⁵. Воспитанный на мифологизированных стереотипах восприятия России как врага, нецивилизованного агрессора, «дикаря», распространённых и культивировавшихся в британском обществе, Д.Н. Кёрзон, видимо, глубоко проникся ими. Реальные события в политической и экономической жизни преломлялись в его сознании сквозь призму указанных стереотипов. В результате оценки будущего выдающегося политического деятеля Великобритании относительно политики России в Персии и на Среднем Востоке отличались крайней пристрастностью и необъективностью. Исходя из «исторического хода развития русского могущества на Востоке начиная с 1813 года и до завоевания Туркмении в 1881» он оценивал русскую политику относительно Персии как исключительно враждебную и агрессивную⁴²⁶. «Политика Англии в Персии, – констатировал Д.Н. Кёрзон, – конечно представляет прямую противоположность русской. Вся неутомимая работа англичан и английского капитала направлена исключительно на благоденствие и богатство Персии»⁴²⁷.

Джордж Натаниэль Кёрзон

Такое утверждение было тем более странно, что британцы всю вторую половину XIX в. стремились к расчленению Ирана или же к ослаблению шахской власти в южных регионах с целью реализации собственных экономических проектов, в то время как основным кредо России было сохранение целостности Каджарской монархии⁴²⁸. «Читая английские газеты, – писал российский публицист в 1897 г., – можно подумать, что Азия составляет какое-то прирождённое владение британской короны, что одна Англия является там представительницей права, цивилизации, торговли и мира, прочие же государства только вносят начала разрушения и грабежа, и преследуют исключительно завоевательные цели, результатом которых должно быть изгнание англичан с азиатского материка»⁴²⁹. Внутри Британии эти представления дополнялись активной антироссийской пропагандой, представлявшей империю Романовых как вечного агрессора, стремящегося покорить чуть ли не весь мир. Это, конечно, не соответствовало действительности и относилось скорее к британской короне, объявлявшей зонами своих интересов любые уголки земного шара, где возникала такая потребность.

Впрочем, среди правящих кругов Англии такая реакция была вполне закономерна. Активное «освоение» Россией своих азиатских границ угрожало британской гегемонии, поэтому столкновение было неизбежным⁴³⁰. Как верно отметила С.В. Лурье, «с середины XVIII века Англия ведёт почти беспрестанные войны на Востоке и находится в постоянном страхе перед “русской угрозой”, фактически провоцируя нарастание этой угрозы ... Закручивается порочная цепочка событий. Вся английская политика на Востоке заикливается на обороне Индии»⁴³¹.

Несмотря на красивые заверения британского правительства, как в Лондоне так и в Калькутте хотели видеть не сильную Персию, а зависимую политически и экономически от английского влияния⁴³². В то время, как персы стремились к равноправным отношениям, Россия и Англия видели их только покровительственными. Россия действительно играла консервирующую роль. Это было нормальным, учитывая экономическую слабость в сравнении с Великобританией. Выступление против коренных реформ в Стране льва и солнца объяснялось просто. «Наша цель вовсе не сводится к тому, чтобы идти, по меньшей мере, на неизвестное и брать на себя активную роль в заботах о полном возрождении этой страны, – отмечалось в инструкции Министерства иностранных дел новому посланнику в 1904 г. – Не только подобная задача, но всякое прямое вмешательство во внутренние персидские дела вызовет неминуемо против нас ненависть населения, нанесёт существенный вред нашим интересам и, создав неожиданные осложнения международного характера, может послужит, серьёзным препятствием к достижению наших непосредственных целей»⁴³³. В России не стремились к расчленению Персии и всегда были заинтересованы в сохранении целостности государства. Предполагалось поддерживать любое тегеранское правительство, лишь бы оно не было противником империи Романовых⁴³⁴. В случае же прихода к власти нежелательного лица, опять-таки предусматривалась борьба в Тегеране и смена правительства, а не раскол страны. С конца XIX в. из-за откровенной слабости иранской армии, был поднят вопрос об обеспечении безопасности центральной власти от, прежде всего, кочевых племён, слабо зависевших от Тегерана, и о преобразовании персидских вооружённых сил русскими инструкторами на основе Персидской казачьей бригады. «План этот имеет и для нас громадное политическое значение, – отмечал в 1904 г. министр иностранных дел России, – ибо им устраняется единственная серьёзная опасность со стороны англичан в Персии – возбуждение смут для вмешательства и захватов в те моменты, когда наша свобода действий оказалась бы чем-нибудь связанной»⁴³⁵. Такая позиция объяснялась тем, что в Англии же чаще всего ставили на сепаратистки настроенных феодалов и на протяжении XIX в. способствовали отколу от Ирана и его территорий⁴³⁶.

3.5. Вопрос о железных дорогах и отставка Н.С. Долгорукова

В 1880-х гг. главной ареной соперничества Англии и России в Иране стало железнодорожное строительство. В нём первоначальный успех был за Россией. В 1887 г. Н.С. Долгоруков вынудил шаха дать письменное обязательство не допускать строительства железных дорог и водных путей без предварительной консультации с российским правительством⁴³⁷. И царь, и сам посланник были сторонниками активной политики России в Иране, строительства Россией железных дорог в Персии и «освоения» юга страны. Но причина соглашения 1887 г. была очевидна – империя Романовых не способна была экономически конкурировать с Англией.

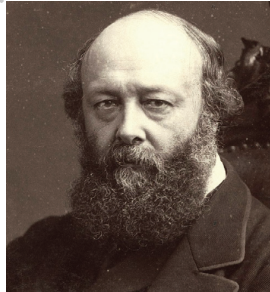
Активным противником железнодорожного строительства в Иране был директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел И.А. Зиновьев, фактически курировавший российскую политику относительно Персии. Крайне неприязненно относившийся к нему министр иностранных дел постоянно жаловался своему товарищу В.Н. Ламсдорфу, что И.А. Зиновьев «захватывает все дела и держит в бездействии весь Азиатский департамент, желая сам всё делать и всем руководить»⁴³⁸. «Государь желает, чтобы мы проявляли больше активности в Персии, – отмечал в ноябре 1889 г. В.Н. Ламсдорф относительно, прежде всего, железнодорожного вопроса, когда у же было принято решение назначить вместо Н.С. Долгорукова Е.К. Бюцова. – Пока Зиновьев парализует всякую попытку в этом направлении»⁴³⁹. Александр III был так настроен Н.С. Долгоруковым против И.А. Зиновьева, что даже не хотел, чтобы тот принимал участие в Особом совещании по железнодорожному вопросу в начале 1890 г. Этим объясняется такое заявление В.Н. Ламсдорфа. Только стараниями Н.К. Гирса И.А. Зиновьева удалось включить в состав совещания.

К этому времени у Н.К. Гирса и И.А. Зиновьева сложилось мнение, что задача России заключается не столько в том, чтобы добиться концессии на строительство железной дороги, сколько в том, чтобы не позволить Англии получить таковую⁴⁴⁰. И в ходе борьбы директору Азиатского департамента удалось убедить царя в необходимости «заморозить» процесс⁴⁴¹. И.А. Зиновьев, лично знакомый с

ситуацией, заявлял, что, строя железную дорогу через всю Персию, необходимо обеспечить её безопасность на всём протяжении. А этого Россия сделать не в состоянии. «По мере удаления от нашей границы, действительность гарантии этой будет постоянно уменьшаться», – высказывался он на Особом совещании⁴⁴² 4 февраля 1890 г., посвящённом железнодорожному вопросу⁴⁴³. Основной причиной этого глава Азиатского департамента видел фактическое господство Англии в южной части Ирана и, особенно, на её побережье. Кроме того, он вполне обоснованно считал, что «всякая железная дорога была бы полезна только иностранной торговле и вредна русской»⁴⁴⁴. «Промышленные силы России не настолько развиты, чтобы мы могли с успехом конкурировать с английской промышленностью на юге Персии», – писал он в начале XX в., характеризуя своё тогдашнее видение проблемы. По мнению И.А. Зиновьева, для России выгоднее было ограничить деятельность северными областями Ирана, «нежели допустить проникновение в эти области западной промышленности»⁴⁴⁵. А в случае получения англичанами разрешения на строительство дорог даже на юге страны таковое, в силу экономического превосходства Британской империи, было бы неизбежным. «По его мнению, – характеризовал позицию И.А. Зиновьева В.Н. Ламсдорф, – в наших интересах нам следует противиться любому железнодорожному строительству в Персии; у нас есть обязательство шаха не допускать таковой еще в течение 4-х лет; он думает, что по истечении этого срока можно будет добиться его продления или путем устрашения заставить персидское правительство не строить никаких железных дорог. В принципе, подобное требование по отношению к независимому государству кажется неслыханным и невозможным, но некоторые доводы Зиновьева по поводу затруднений и неудобств, которые повлекла бы за собой постройка железных дорог в Персии, по-видимому, совершенно справедливы»⁴⁴⁶.

Отсюда видно, что подозрения правительства Персии в том, что Россия «преднамеренно пытается принизить Персию и затруднить рост её торговли и развития из эгоцентричных соображений»⁴⁴⁷ (на что, кстати, постоянно указывали и англичане) были вполне обоснованы. Хотя в России уже к середине 1880-х гг. среди части правящих кругов сложилось понимание необходимости активного освоения

севера Ирана, тем не менее, основной целью по-прежнему оставалось недопущение усиления в Персии английского влияния. Англичане с этого же времени уже осознали сложность борьбы с империей Романовых и решили сосредоточить своё внимание на укреплении позиций на юге Каджарской державы. Отсюда – стремление добиться здесь концессий и «освоить» побережье Персидского залива и прилегающие к нему области. Обе стороны исповедовали прагматическую линию в отношении Ирана. Но прагматизм этот зиждился на разном уровне экономического развития и политического могущества. И поэтому прагматизм каждой из стран было сложно совместить мирными средствами. И Россия, и Англия были заинтересованы поставить Персию под свой контроль. Но в России хорошо понимали неспособность экономически конкурировать с «мастерской мира», поэтому предпочитали оградительную политику. В Лондоне же и в Калькутте видели цивилизаторскую миссию англичан в экономическом освоении Ирана с выгодой в первую очередь для Великобритании и под её же контролем. Поэтому оградительная политика России, тормозившая расширение английских экономических и политических интересов в Иране, не могла не вызывать раздражения и обвинений в сторону России в нежелании нести цивилизацию.

Роберт Артур Талбот Гаскойн-Сесиль маркиз Солсбери

В 1885 г. премьер-министром, а затем и министром иностранных дел Англии стал Роберт Артур Талбот Гаскойн-Сесиль маркиз Солсбери (премьер-министр Великобритании в 1885, 1886–1892 гг., министр иностранных дел в 1885–1886, 1886–1892 гг.)⁴⁴⁸. Им были выдвинуты задачи сохранение и укрепление влияния империи в юго-восточных провинциях Персии, которые активно реализовывались на протяжении всего времени вплоть до 1892 г. В рамках этой политики

петербургскому двору в 1887–1888 гг. были сделаны первые предложения относительно раздела Ирана на сферы влияния со свободой «развития своих промышленных интересов» в собственных зонах⁴⁴⁹. Однако они не были приняты, поскольку в России (как и в Англии) вопрос о сферах влияния тесно увязывался с железнодорожным строительством. Н.К. Гирс отверг предложение, «явно клонившееся к упрочению влияния Англии в Персии в ущерб нашему»⁴⁵⁰. В случае соглашения Россия не смогла бы контролировать последнее на территории всей Персии. Постройка же путей железнодорожного сообщения на юге в условиях экономической неспособности царского правительства ответить таким же шагом на севере, в перспективе могла привести к расширению английского влияния. «Императорское правительство не сочло возможным изъявить на это (предложение Лондона о соглашении по железным дорогам – О.Г.) своё согласие в виду пожелания Англии распространить соглашение между обеими державами на все вопросы, в коих обоюдные интересы их оказываются в противоречии, и устранить, таким образом, все поводы к взаимному меж ними недоверию», – констатировал в своём заявлении на открытии Особого совещания 4 февраля 1890 г. председатель департамента государственной экономики Государственного совета Александр Агтеевич Абаза⁴⁵¹. Тем не менее, в 1888 г. между великими державами было достигнуто определённое соглашение. Им была подтверждена целостность персидской территории, Россия присоединилась к «пожеланию лондонского кабинета избегать политики антагонизма в вопросе обоюдных торговых интересов в Персии и (По тексту маркиза Солсбери: «fully in accord ... as to the desirability of avoiding a policy of antagonism in the question of commercial interests of England and Russia in Persia» (Прим. в подлиннике – О.Г.)). Категорически было отклонено вмешательство англичан в Хорасанское разграничение»⁴⁵². Последнее было обусловлено решением российского правительства от 24 сентября 1888 г. придерживаться курса экономического овладения Хорасаном, который был тесно связан с Закаспийским краем и Гератом и мог быть «промышленно зависим» от России⁴⁵³.

«Поведение князя Долгорукова в Тегеране было оскорбительным, но холодная непримиримость И.А. Зиновьева, директора Азиатского департамента Министерства

иностранных дел, прежнего посланника в Тегеране, пугала ещё больше», – писал Ф. Казем-заде⁴⁵⁴. Несмотря на взаимную неприязнь между посланником в Тегеране и директором Азиатского департамента⁴⁵⁵, в своей политике относительно Каджарской державы они были едины. В.Н. Ламсдорф именовал её «системой Зиновьева», сводившейся к устрашению и постоянным отказам⁴⁵⁶. Министр иностранных дел Н.К. Гирс в целом разделял их взгляды, но не методы. «Гирс не отрицает – писал его помощник В.Н. Ламсдорф, – что отправляемые задним числом телеграммы и все другие махинации, к которым Долгорукий не упускает случая прибегать, далеко не симпатичны, но он считает, что нужно брать человека таким, каков он есть, и лишь стараться достигнуть полезных результатов»⁴⁵⁷. Тем не менее, решающую роль играла воля императора. Александр III с первых дней своего царствования решение внешнеполитических вопросов империи оставлял за собой⁴⁵⁸. Н.К. Гирс, даже имея личные пристрастия и мнения, оставался исполнителем воли монарха, а не реализатором собственных инициатив. «В высших сферах к братьям Долгоруким очень благоволят», – отмечал В.Н. Ламсдорф⁴⁵⁹. Император лично через министра иностранных дел и директора Азиатского департамента давал указания посланнику как вести себя относительно иранского монарха и персидских дел вообще. Позиция российского монарха отличалась жёсткостью, граничащей с высокомерием. Поэтому Константин Аполлонович Скалковский, характеризовавший неудачи Н.С. Долгорукова его мягкостью и недостаточным знакомством с восточными обычаями, а также тем, что тот «слишком полагался на престиж своего имени»⁴⁶⁰, был прав лишь отчасти. Посланник разделял взгляды Александра III, а будучи хорошим придворным, стремился не только угодить монарху, но и в какой-то степени опередить его решения.

В этих условиях происходит переориентация шаха и наиболее влиятельных людей из его окружения в сторону Англии. Причин её было несколько. Отчасти смена ориентира была следствием агрессивной политики России в отношении туркменских земель, которые персидское правительство считало своими, хотя фактически они являлись до русского покорения независимыми территориями⁴⁶¹. Второй причиной было бесцеремонно-агрессивное поведение при шахском дворе

российского посланника. В целом он действовал в общем русле поведения русского правительства и императора, относившихся к шаху и Персии свысока, считая себя вправе диктовать свою волю. Как отмечал персидский посланник в Вене «дело реки Карун и все приобретённые за последнее время англичанами преимущества являются исключительно следствием занятой нами (Россией – О.Г.) позиции; что шах, конечно, желал соглашения только с нами и в таком случае придал бы весьма мало цены всяким другим союзам, но отказы, которые он постоянно встречает с нашей стороны на все свои просьбы, его обескуражили и даже несколько пошатнули уважение к нему в стране, где начинают подозревать Россию в желании держать Персию в приниженном положении и препятствовать росту её торговли и её развитию из эгоистических соображений господства»⁴⁶². Так, например, в 1888 г. Россия добилась открытия в Мешхеде своего генерального консульства⁴⁶³. Однако просьбы Насреддин-шаха в 1882 и 1890 гг. разрешить назначить своего генерального консула в Ашхабад русской стороной долгое время признавались «неудобноисполнимыми» под предлогом различных причин политического характера⁴⁶⁴. Последние действительно играли определённую роль, но одной из основных всё же был взгляд на Персию, как на третьесортную державу, по отношению к которой равнообязательных связей быть не может.

Генри Драммонд Вольф

Не меньшую роль сыграла и активная, «наступательная» политика английских представителей при шахе, особенно Генри Драммонд Вольфа (британский посланник в Тегеране в 1887–1891 гг.)⁴⁶⁵. В этом контексте следует рассматривать его «разъяснения» Насреддин-шаху целей русской политики в Персии, которые без сомнения влияли на поведение правителя и восприятие им поведения России и её

представителей. Важно отметить также стремление шаха закрепить и сохранить свою власть. Из него вытекала политика балансирования между двумя великими европейскими державами, стремление играть на их противоречиях. Скорее всего, значительную роль в проанглийской переориентации шахского правительства сыграли и «финансовые вливания» со стороны представителей Туманного Альбиона. Ф. Казем-заде, активно подчёркивая якобы имевшую место опасность Ирану со стороны России в виде возбуждения туркменских племён, совершенно обошёл этот момент ⁴⁶⁶.

Назначение Г. Драммонд Вольфа в октябре 1887 г. в Тегеран не было случайным ⁴⁶⁷. В середине 1880-х гг. в Форин офис (внешнеполитическое ведомство Великобритании) велись длительные консультации о том, кого послать в Персию в качестве посланника, должность которого с 1885 г. была вакантна (её занимал поверенный в делах). Главной задачей было восстановление пошатнувшегося престижа Великобритании и укрепление её позиции в противовес русским. В результате, выбор пал на Г. Драммонд Вольфа – дипломата, работавшего в Министерстве колоний и Министерстве иностранных дел ⁴⁶⁸. В исследованиях Ирины Семёновны Медведик и Евгения Юрьевича Сергеева дано, на наш взгляд, идеализированное изображение его взглядов и политики на своём новом посту, базирующееся на английском нарративе ⁴⁶⁹. «Его обязанности, – отмечал Е.Ю. Сергеев, – включали мониторинг северо-восточных границ Персии и оказание давления на правительство шаха с целью реформирования местных органов власти ... Однако на практике главная задача Вольфа состояла в том, чтобы противодействовать российскому влиянию путём распространения свободной торговли и побуждения шаха к политическим преобразованиям» ⁴⁷⁰. И.С. Медведик отмечала, что английским дипломатом была составлена «программа возрождения Персии». «В соответствии с ней смешанные комиссии из британских, российских и персидских чиновников должны были разрабатывать и проводить реформы. Вольф составил проект трёхстороннего соглашения. Долгорукий, действуя по указаниям МИД, делал упор не на развитии Персии, а на взаимопонимании между Россией и Англией. Но оно должно было касаться не только Персии, где Россия чувствовала себя уверенно, но и других регионов, например, Болгарии» ⁴⁷¹.

Не совсем ясно, каким именно реформам и в чьих целях должен был содействовать новый британский представитель. Скорее всего, это был дипломатический ход, призванный ударить по русскому престижу. По крайней мере, во время своего пребывания на посту он заботился только об английских интересах. Посланник из Лондона действительно был сторонником сотрудничества с Россией в «цивилизации» Персии и урегулирования конфликта вокруг Каджарской монархии. Но его планы «сотрудничества взамен соперничества», скорее всего, отражали слабость английских политических позиций и стремление их усилить, выведя в плоскость, где империя Романовых с Великобританией тягаться в то время не могла – в экономику. И именно он, выполняя задание своего начальства, предложил идею раздела Ирана на сферы экономического влияния, о чём говорилось выше⁴⁷². И в дальнейшем ратовал за такое решение англо-русского противостояния⁴⁷³. Возможно, им действительно владела идея цивилизаторской миссии европейцев в Азии, популярная среди множества жителей Старого света (если такое условное название применимо в данном случае к Европе). Но встаёт закономерный вопрос: кому и для чего предназначалась и нужна была эта «цивилизация»? Исходя из знаний о колониальной политике британской короны, ответ очевиден – англичанам. И здесь в своих оценках российские публицисты и высшие чины не ошибались. «Хорошо известно, – заявил на Особом совещании 4 февраля 1890 г. товарищ министра иностранных дел Александр Георгиевич Влангали, – что опираясь на свои многочисленные коммерческие и военный флоты, обеспечивавшие ей сообщение с колониями, Англия упорно противилась прорытию Суэцкого канала на том лишь основании, что предприятие это должно было облегчить доступ в Индийский океан судам других наций. Но когда противодействие оказалось бесполезным и канал был довершён ... все усилия англичан были направлены к тому, чтобы подчинить своему контролю этот новый путь»⁴⁷⁴. И хотя замечено это было в несколько ином контексте, аналогия с идеей о совместной экономической «эксплуатации» Персии очевидна.

Да и сама политика, проводившаяся новым английским посланником, не оставляла сомнений в том, что вне зависимости от соглашения с Россией он будет всячески отстаивать и укреплять позиции своей державы. «Воспользовавшись

опасениями, коим поддался шах ввиду усилившегося положения нашего на границах Астрабада (в тексте ошибочно «Адерабада» – О.Г.) и Хорасана, английский посланник сэр Драммонд Вольф уверил шаха, что для обеспечения его безопасности ему следует сблизиться с Англией. По свойственной ему робости шах поддался этим наущениям», – в общей форме изложил действия британца временно управляющий Министерством иностранных дел Николай Карлович Гирс в 1890 г.⁴⁷⁵. 24 октября 1888 г. английский посланник в Тегеране Г. Драммонд Вольф с одобрения своего правительства предоставил садразаму (первому министру) Али Асгар-хану Амин ос-Солтане письменное заявление о том, что в случае нападения любой страны на Персию правительство её величества обязуется предпринять действия для предотвращения нарушения территориальной целостности Персии⁴⁷⁶. Это был явно антироссийский шаг. А 18 октября шах издал фирман об открытии р. Карун на юге Персии для судоходства судам иностранных держав⁴⁷⁷. Это привело в дальнейшем к активному «освоению» юга Каджарской державы англичанами⁴⁷⁸. «Соединение Тегерана с Персидским заливом со стороны Каруна уже теперь составляет предмет настойчивых и практических английских вождедений, – отмечал российский наблюдатель, – а если бы подобная линия могла быть приведена в связь с основной индо-европейской транзитной железной дорогой, то англичанам в этом отношении ничего не осталось бы желать»⁴⁷⁹.

Али Асгар-хан Амин ос-Солтане

В 1889 г. шах готовился к третьей поездке в Европу, а казна была не в состоянии её финансировать. Этим воспользовались П.Д. Рёйтер и стоявший за ним

глава английской миссии в Тегеране Г. Драммонд Вольф. За согласие дать в долг иранскому двору 40 тыс. ф. ст. 30 января 1889 г. шах предоставил П.Д. Рёйтеру банковскую концессию на 60 лет⁴⁸⁰. Договор предоставлял английскому подданному право на создание Шаханшахского⁴⁸¹ банка Персии, и носил явно неравноправный и кабальный характер⁴⁸². Банк был создан в том же году в результате слияния с Новым лондонским восточным банком. Он сосредоточил в своих руках поставку серебра для персидского монетного двора⁴⁸³. Банк получил также концессию на постройку железной дороги из Тегерана в Шустер и Исфахан и на шоссе до Кума⁴⁸⁴.

Хотя концессии эти были предоставлены персидским правительством в отсутствие Н.С. Долгорукова, они нанесли сильный ущерб его репутации на посту посланника⁴⁸⁵. В промежутке между ними российское правительство приняло решение стараться не допустить строительства в Иране железных дорог. Однако, Н.С. Долгоруков взялся (и, судя по всему, не безвозмездно) лоббировать один из российских проектов железнодорожного строительства. Он действовал зачастую вопреки инструкциям министра иностранных дел, пользуясь связями в придворных кругах и благосклонностью к нему Александра III⁴⁸⁶. В марте 1889 г. Н.С. Долгоруков добился от Тегерана письменного заявления о разрешении России строить железные дороги, где сочтёт нужным и «замораживании» железнодорожного строительства на ближайшие 5 лет⁴⁸⁷.

Но эта победа обернулась поражением посланника. Персидское правительство, дав такое разрешение России, вынуждено было удовлетворить и англичан. Г. Драммонд Вольф настоял на том, чтобы всякий раз, когда железнодорожная концессия будет предоставляться на севере, немедленно такая же концессия должна быть предоставлена английской компании. Попытки добиться от шаха во время его визита в Петербург в мае 1889 г. твёрдых гарантий в пользу России оказались тщетными⁴⁸⁸. К тому же в Петербурге узнали, что все переговоры Н.С. Долгорукова, которые должны были носить секретный характер, становились известны английскому представителю в Тегеране от персидских сановников⁴⁸⁹. По мнению русской печати, неудачи российского уполномоченного проистекали «из-за нехватки средств на подкуп персидских чиновников»⁴⁹⁰. «Да, персидское дело было

весьма унижительно для престижа страны, но такие истории всегда будут случаться до тех пор, пока на Востоке страну будут представлять люди калибра Долгорукова», – писала княгиня Екатерина Адамовна Радзивилл бывшему министру внутренних дел России графу Н.П. Игнатьеву 6 декабря 1888 г.⁴⁹¹.

Тем не менее, как уже отмечалось, позиция шаха была тесно связана с политикой российских правящих кругов по отношению к Ирану и к нему лично. С шахом действительно обращались довольно унижительно для него. Причём немалую роль в этом сыграл российский император. Классическим примером может служить изложенная в дневниках В.Н. Ламсдорфа «эпопея» с поездкой Насреддин-шаха в Европу в 1889 г. Император сначала вообще не желал его приезда в Петербург, так как тот, по его мнению, не следовал советам России и слишком активно сближался с англичанами. «От шаха мы ждём обязательств, и тогда увидим, как отвечать», – сделал он в начале марта 1889 г. заметку на полях телеграммы Н.С. Долгорукого с извещением о просьбе шаха посетить Петербург⁴⁹². И лишь после получения от Насреддин-шаха согласия «заморозить» железнодорожное строительство на 5 лет, царь «смиловивился» и разрешил персидскому властителю посетить столицу России. Однако им было обусловлено, что тот должен ограничить количество своей свиты и пробыть в Петербурге лишь 3 дня. «Нелегко довести это решение до сведения бедного перса», – писал В.Н. Ламсдорф, – который во время всех своих предыдущих посещений проводил в Петербурге неделю и которого мы так долго заставили ждать ответа»⁴⁹³. Наконец, ко всему прочему, во время пребывания Насреддин-шаха в Петербурге «Александр III напомнил ему, что сто тысяч войска стоят всегда на границе Персии»⁴⁹⁴. Хотя последнее сообщение выглядит несколько анекдотично, тем не менее, зная характер императора и его недовольство лицемерным, по его мнению, поведением шаха, завуалированные, а то и прямые угрозы такого рода были вполне возможны. Это, естественно не добавляло симпатии персидского монарха к своему августейшему собрату.

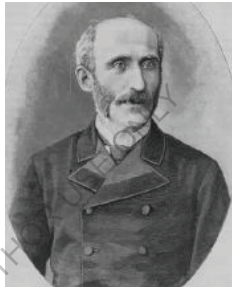
Тем не менее, все неудачи были приписаны лишь одному посланнику, который действительно откровенно проиграл английскому визави борьбу за влияние при шахском дворе. В октябре 1889 г. непосредственным решением Александра III Н.С. Долгоруков был отозван в Россию⁴⁹⁵.

Таким образом, в 1880-х гг. политика России по отношению к Ирану претерпела изменения. Если до последней трети 1880-х гг. русской дипломатии сопутствовал успех, то с назначением Н.С. Долгорукого посланником удача постепенно отворачивается. В первую очередь это было обусловлено поведением самого посланника, а во вторую – удачным выбором английского дипломатического представителя. Главные вопросы, которые решали российские дипломаты, это борьба с Англией за влияние в Иране в виде концессий на постройку железных дорог, путей сообщения, в области торговли. Под влиянием И.А. Зиновьева в русских кругах формируется новый политический курс. Он предполагал подчинение Персии русскому политическому влиянию и вытеснение Великобритании. Основными методами были приняты политический шантаж и дипломатическое давление. Политические и военные мотивы по-прежнему преобладали над экономическими. По справедливому замечанию Надежды Евгеньевны Абловой, «в 50–70-е гг. XIX в. (здесь можно отчасти говорить и о 1880-х гг. – О.Г.) русское правительство большее значение придавало укреплению своих политических позиций в Иране, чем расширению экономических связей. Это было связано как с экономическими трудностями страны, вызванными Крымской войной и проведением буржуазных реформ, так и усилившимися противоречиями с Англией. Так, в середине 50-х гг. XIX в. при обсуждении проекта “Закаспийского торгового товарищества” решающим оказалось мнение МВД России, которое считало необходимым “ускорить окончание дела (создание торговой фирмы – Н.А.) дабы англичане не предупредили нас”»⁴⁹⁶.

ГЛАВА 4

РУССКАЯ ПОЛИТИКА В ИРАНЕ В НАЧАЛЕ 1890-Х ГГ.: СМЕНА ПРИОРИТЕТОВ

4.1. Персидская политика Российской империи в начале 1890-х гг. и позиция иранских властей

Евгений Карлович Бюцов

Во второй половине 1889 – первой половине 1890 гг. произошла замена ведущих лиц, представлявших Россию в Персии. В октябре 1889 г., чрезвычайный посланник и полномочный министр при персидском шахе Н.С. Долгоруков оставил свою должность вакантной. 15 октября на его место был назначен тайный советник Евгений Карлович Бюцов⁴⁹⁷. Однако в связи с обсуждением железнодорожного вопроса и политики России в Персии в Петербурге, его приезд задержался. В Тегеран он прибыл в июле 1890 г. Пока должность оставалась вакантной, дипломатической Миссией в Тегеране в качестве поверенного в делах руководил первый секретарь Михаил Александрович Поджио. В середине декабря 1889 г. он умер и на его место был назначен Алексей Николаевич Шпейер. До этого он был секретарём и драгоманом консульства в Скутари (Шкодере), в 1878 г. – исправляющим должность секретаря при генеральном консуле Александре

Семёновиче Ионине в Рагузе; участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Когда А.С. Ионин был назначен министром-резидентом в Черногорию, А.Н. Шпейер переехал вслед за ним в Цетине, где также стал исправляющим должность секретаря при русской миссии. С 1885 г. он был секретарём миссии в Японии. Совершил в 1884–1885 гг. 2 поездки в Корею. К исполнению обязанностей в Иране он приступил в январе 1890 г.

Alexey Nikolaevich Shpeyer
2me Secrétaire de la Légation
en 1888.

Алексей Николаевич Шпейер

3 июня 1890 г. новым главой кавказской администрации – гражданской и военной – был назначен генерал-лейтенант, генерал-адъютант Сергей Алексеевич Шереметев. Образование новый Главноначальствующий получил в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, откуда 13 августа 1853 вступил в службу корнетом в Гусарский его императорского высочества великого князя Константина Николаевича полк. В следующем году был переведён в Нижегородский драгунский полк, где и получил первый офицерский чин. Принимал участие в Крымской войне 1853–1856 гг. на Кавказском театре, в Кавказской войне 1817–1864 гг. 12 августа 1876 г. назначен командующим Сводной Кавказской казачьей дивизией, с которой принял участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Кавказском театре. В ходе войны был начальником разных отрядов, и, наконец, командующим 1-й кавказской артиллерийской дивизией. 21 января 1879 г. С.А. Шереметев был назначен начальником 2-й кавказской кавалерийской дивизии и генерал-адъютантом. 23 января 1882 г. – начальником Кубанской области и наказным атаманом Кубанского казачьего войска. Последней его должностью было

назначение 8 января 1884 г. помощником Главного начальника гражданской частию на Кавказе и командующего войсками Кавказского военного округа⁴⁹⁸.

Сергей Алексеевич Шереметев

Как отмечал современный исследователь, «в 1890-х гг. ... в русской дипломатии и интеллектуальных кругах наметился явный поворот к Востоку»⁴⁹⁹. Он затронул и взгляды императора Александра III, на котором замыкалась вся внешняя политика империи. Сложно с точностью утверждать, какое место в них занимала Персия, но точно не первенствующее. Судя по дневниковым записям директора канцелярии российского министерства иностранных дел В.Н. Ламсдорфа, иранские дела находились в то время на периферии даже восточной политики империи⁵⁰⁰. Тем не менее, распространявшееся среди высших кругов империи представление о том, что будущее России лежит в Азии, хотя и было ориентировано, прежде всего, на Сибирь, Дальний Восток, оказало влияние на взгляды и относительно других районов региона.

Владимир Николаевич Ламсдорф

С военной точки зрения к рассматриваемому времени Каджарская монархия не представляла для России прямой угрозы. На особом совещании, созванном 4 февраля 1890 г. для выработки политики в железнодорожном вопросе в Персии отмечалось, что главная опасность заключалась в бессилии Тегерана противостоять третьей стороне в случае конфликта с империей Романовых. Ситуация рассматривалась в контексте возможной войны с Османской империей, поэтому И.А. Зиновьев – на тот момент директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел – акцентировал внимание на важной в стратегическом отношении области – Азербайджане⁵⁰¹. Отметив успехи в нейтрализации Ирана в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., он заметил: «нельзя рассчитывать, что то же самое повторится в случае новой войны между нами и Турцией. Ввиду присущей ей слабости, Персия не может считаться благонадёжным оплотом, а турки ... могут поддаться искушению проложить себе через Азербайджан путь в Эриванскую губернию с целью зайти в тыл нашей действующей армии»⁵⁰². В качестве доказательства слабости Ирана и возможности проникновения на русскую территорию турецких войск или «разбойничьих шаек», начальник Азиатского департамента привёл в пример ситуацию во время восстания курдских племён под предводительством шейха Обейдуллы⁵⁰³. Поэтому его предложение заключалось в возможности связать Тебриз дорогами с кавказской границей. Сделать это было необходимо для оперативного ввода войск в случаях войны с Турцией, внутрииранских смут или необходимости поддержать наследника при смене монарха.

Как показали решения указанного совещания, главным в отношении России к Ирану оставались политические мотивы стратегического характера, имевшие целью не допустить расширения английского влияния на территории Персии и в перспективе «привязать» её к империи Романовых. Экономическая политика находилась в русле этих решений. С конца 1880-х гг. протекционизм, характерный как для экономического курса, так и для всей международной политики Александра III, и проявлявшийся в широком смысле в виде защиты русских интересов во всех возможных областях, был в полной мере перенесён на Иран. Это не значит, что в предыдущие годы российские интересы не отстаивались

государственными представителями. Но процессы экономического проникновения и политического подчинения Ирана шли как бы разными дорогами, хотя и в одном направлении, то соединяясь, то расходясь. Внутриэкономический рост России и неудачи в борьбе с англичанами за влияние при шахской дворе привели к пересмотру линии относительно Персии. Теперь государство постепенно стало брать на себя в комплексе отбор, организацию, защиту и реализацию мероприятий, которые должны были служить российским политическим и военно-стратегическим интересам. При этом метод «запретительства» и давления, широко применявшийся в 1880-х гг., стал использоваться в совокупности с иными экономическими и политическими методами. Своего рода символом изменений стало назначение посланником в Тегеран 15 октября 1889 г. вместо непопулярного в Каджарской монархии Н.С. Долгорукова нового посланника. Он должен был проводить новый курс империи Романовых относительно южного соседа и расширявшегося английского влияния.

В результате, в первой половине 1890-х гг. англо-русская борьба за Персию вошла в новую фазу. Несмотря на то, что продолжалась она с переменным успехом, первенство постепенно стало склоняться в пользу России, представители которой переходят к экономическим методам воздействия и борьбе за экономическое влияние.

После путешествия в Европу в конце 1889 г.⁵⁰⁴, где он был хорошо принят в Лондоне, Насреддин-шах пошёл на уступки и предоставил английскому майору Джеральду Ф. Тальботу концессию на монопольную покупку, продажу и производство табака по всей Персии. Контракт был подписан 8 марта 1890 г.⁵⁰⁵. Эта концессия вызвала недовольство российской стороны. «Англия, не смотря на свою искони эгоистическую политику в Персии и унижение, которому она подвергла её, заставив, в 1857 г. навсегда отказаться от Герата, благодаря настойчивости и золоту не утратила, а приобрела ещё большее влияние в Персии, – писал российский публицист в 1891 г. – ... Благодаря неудачам русской дипломатии в Персии за последние десять лет, наше влияние в этой стране значительно поколеблено, и потребуется много времени, чтобы поставить его на подобающую высоту». «Всё это очень грустно, и нельзя без горечи смотреть на то, что в то время как англичане

сумели приобрести себе в Персии такие важные отрасли государственной жизни, как судоходство по р. Каруну, открытие Рейтеровского банка в Тегеране и выпуск ассигнаций, дотоле неизвестных в Персии, монополия эксплуатации всех персидских рудников, устройство шоссейной дороги от пристани на Каруне до Тегерана и право на монополию торговли табаком, – констатировал он, – мы завоевали себе лишь право на открытие одной спичечной фабрики во всей стране⁵⁰⁶, – успех более, чем ничтожный, который мог бы вызвать улыбку, если бы дело не шло о русских интересах и русском достоинстве»⁵⁰⁷.

Непосредственным следствием этого давления стало подписание соглашения по железным дорогам⁵⁰⁸, о котором говорилось ранее. А 9 ноября⁵⁰⁹ при содействии Е.К. Бюцова Л.С. Поляков получил от шаха концессию «на основание в Персии предприятия для страховки и транспортирования кладей с исключительного привилегиею на устройство в Персии Общества страхования и транспортов»⁵¹⁰.

К сожалению, особенностью историографий России и Англии было и остаётся своеобразная подача материала, касающегося табачной монополии и борьбы против неё. Советские и российские историки всячески подчёркивали спонтанность «антитальботовского» движения, развернувшегося в Иране с 1891 г. При этом позиция России по отношению к концессии либо вообще не упоминалась, либо вскользь оценивалась как негативная. Особое место занимали упоминания об английских «происках», которые часто показывались в преувеличенном виде. В свою очередь, английские исследователи большое внимание уделяли российскому вмешательству, считая его чуть ли не главным двигателем всех выступлений и конечного провала табачной концессии. Англичане в своих исследованиях использовали документы британских архивов, содержащие, как правило, не столько точную информацию относительно проблемы, сколько слухи и домыслы представителей на местах. Российские же и советские историки использовали архивные материалы только для отображения фактического хода событий. Поэтому, как нам представляется, высказывание Ф. Казем-заде о сложности оценки политического курса империи Романовых относительно монополии Д.Ф. Тальбота продолжает оставаться актуальным и сегодня. До сих пор полностью не опубликованы и не введены в научный оборот документы российских архивов

(прежде всего Архива внешней политики Российской империи), касающиеся событий 1891–1892 гг.

3 ноября 1890 г. майор Д.Ф. Тальбот перепродал свои концессионные права синдикату английских капиталистов, который создал Императорскую компанию табака в Персии⁵¹¹. Новая компания развернула подготовку к их реализации, в частности, создавая сеть своих агентов по всей Персии. Непосредственно её деятельность в Иране началась в 1891 г. на этот же год приходится и постепенно нараставшее, и достигшее своего пика в январе 1892 г. народное движение в пользу отмены табачной монополии.

Весной 1891 г. начались первые выступления против табачной монополии. Последняя, в силу соглашения с шахом, должна была начать действовать с 21 августа 1891 г.⁵¹². Именно на конец августа приходится резкое усиление антитабачных протестов. Позиция России, судя по поведению Е.К. Бюцова и русских консулов, была враждебна тальботовской концессии. Ф. Казем-заде, опираясь на донесения английских представителей в Персии, считал, что Россия откровенно поддерживала и стимулировала антимонопольное движение. Доля истины здесь, конечно, есть⁵¹³. Однако степень русского влияния нам кажется преувеличенной. Основными «двигателями» движения были иранские торговцы и люди, связанные с табачным бизнесом, в том числе и духовенство⁵¹⁴. В условиях религиозного мышления большей части населения Персии именно служители культа стали лидерами разраставшихся протестов. Население Ирана, большую часть которого составляли шииты, было довольно религиозным. Однако значительную роль в антитальботовском движении играли и экономические мотивы. «Как ни велико влияние духовенства в Персии, а в частности в Хорасане, – писал побывавший в указанной провинции в конце 1891 г. Л.К. Артамонов, – однако повсеместный острый характер последних волнений нельзя объяснять только религиозным фанатизмом ... Причины народного недовольства преимущественно экономического характера»⁵¹⁵. «Этот народ вовсе не так фанатичен, как принято думать, – писал пробывший в Персии 6 лет Мисль-Рустем. – Не трогайте их верований и религии, и они вами нисколько не будут гнушаться. Персы, можно сказать, не любят в душе своих сеидов и мулл, но подчиняются им, как и всякий

тёмный народ, из страха остаться без поддержки и защиты перед правительством»⁵¹⁶. В случае с концессией были затронуты традиционные устои общественной жизни и интересы высшего духовенства, участвовавшего в торговле табаком. Важным фактором было то, что табачная монополия была предоставлена иностранцам, немусульманам. Это с подачи духовенства было расценено как осквернение. Поэтому среди иранского населения поднялась волна недовольства по отношению к иностранцам и в особенности – к англичанам. Проезжавший в середине декабря 1891 г. через Шахруд российский офицер Л.К. Артамонов писал: «Население, крайне враждебно настроенное против англичан и вообще европейцев, не стеснялось выражать своё недовольствие иногда весьма резко, бросая в европейцев камнями и произнося грубые ругательства»⁵¹⁷.

Естественно, русский посланник не мог не воспользоваться ситуацией. Как отмечал Ф. Казем-заде, Е.К. Бюцов «нанёс монополии удар и оказал молчаливую поддержку сопротивлению, когда объявил всем русским подданным, что они могут игнорировать существование табачной монополии и покупать и продавать табак без её позволения»⁵¹⁸. В дальнейшем он настаивал на том, чтобы «монополия была отменена прежде, чем она укоренится в стране»⁵¹⁹. В сущности Е.К. Бюцов стремился подорвать не только английское влияние, но и кредит доверия британского бизнеса к Каджарской монархии. Очевидно, что посланник выражал официальную позицию Санкт-Петербурга, не заинтересованного в чрезмерном усилении английской стороны.

Николай Яковлевич Шнеур

К концу года события приняли такой масштаб, что шах вынужден был пойти на уступки. 28 декабря Насреддин-шах издал фирман об отмене табачной монополии на продажу табака внутри страны⁵²⁰. Однако расплывчатость формулировок и предшествующая позиция правительства привели к тому, что фирману не поверили. Запрет на табакокурение, провозглашённый фетвой одного из авторитетнейших лидеров шиитского духовенства хужжат-аль-ислама хаджи мирзы Хасана Ширази от 3 декабря 1891 г., им отменён не был. 4 января 1892 г. шах приказал главному муджтехиду Тегерана мирзе Хусейну Аштиани снять запрет на курение или покинуть город. Тот отказался и стал готовиться к выезду. Это событие послужило толчком к массовому выступлению тегеранских жителей. Оно хорошо изложено в источниках и литературе⁵²¹.

4 января, когда толпа народа устремилась к шахскому двору, с требованием ликвидации всех привилегий, предоставленных британцам, военный министр и сын шаха Камран-мирза Наиб ос-Солтане вышел к народу и объявил, что шах ликвидировал монополию внутри страны, но внешняя торговля табаком остаётся в руках компании. Сын шаха приказал, чтобы все начали курить кальяны. Восставшие потребовали выдачи текста концессии, угрожая напасть на дворец⁵²². «Шах послал за русским полковником Шнеуром (командир ПКБ – О.Г.), – писал В.А. Косоговский, – и тот, вместо того чтобы, сделав предварительные распоряжения о сборе “казаков” и о принятии на себя защиты беззащитного в то время дворца и самого шаха, даже и не поехал к шаху, послав вместо себя Мартирос-хана (офицера ПКБ – О.Г.); а сам, собрав бригаду около “казачьих” казарм, вздумал расспрашивать их, кто стоит за шаха и правительство, кто за духовенство, кто покорен, кто непокорен. Ремизов (есаул, инструктор ПКБ – О.Г.), пьяный, во дворе казармы стрелял в цель из берданки; его друг, Николка Засыпкин, московский торгаш, в казачьей черкеске, “московский кабардинец”, или “тульский черкес”, выкатил “казакам” бочку красного вина, причитая в панике: “Братцы, спасите, не погубите души православной”. А в это время толпа успела уже стащить за ноги с лошади Наиб ос-Солтане, бывшего в то время военным генерал-губернатором Тегерана, военным министром и могущественнейшим и влиятельнейшим из всех сыновей шаха, и за ноги волокла его по Артиллерийской

площади ... А в это время что же делали “казаки”? О! Они были сильно заняты: есаул Ремизов пристреливал берданки, что наводило панику на столицу, слушавшую ружейную пальбу уже в казачьих казармах и думавшую, что вот-вот сейчас откроют и артиллерийский огонь; Николка Засыпкин деятельно поил своим даровым вином всех и каждого, причитая и моля не давать погибнуть душе христианской; а сам командир, полковник Шнеур, которого никто уже не слушал, махнул рукой и поехал к своей супруге, известной всей Персии “Мегере Медузовне”, которая отшлёпала георгиевского кавалера за то, что в такой критический момент он оставляет её одну, захлопнула все двери на замок и более уже не выпустила своего супруга до самого конца бунта. Старшим же оставался есаул Ремизов»⁵²³. В результате расстрела пришедших ко дворцу, было убито 7, а ранено 30 человек⁵²⁴.

Камран-мирза Наиб ос-Салтане

Естественно, В.А. Косоговский, чьей руке принадлежит эта характеристика, был излишне эмоционален и, возможно, даже несправедлив в выводах. Он мыслит как исполнительный, но инициативный офицер, в рамках понимания своих обязанностей и долга. Тем не менее, упустил из виду, что позиция Н.Я. Шнеура могла определяться не столько его супругой, сколько рекомендациями Е.К. Бюцова. Именно на это указывал Ф. Казем-заде, писавший, что полковник получил секретное распоряжение от российского посланника не использовать бригаду для подавления табачных бунтов⁵²⁵.

Толпу от дворца разогнала не «опора престола» – «казачья» бригада, а отряд сарбазов – иранских регулярных пехотинцев, расстрелявший манифестантов⁵²⁶. «Этим безначалием как нельзя лучше воспользовался недостойный и гнусный любимец Наиб ос-Солтане Векиль од-Доуле, – вспоминал В.А. Косоговский, – которого до сего времени шах ненавидел и не допускал к себе. Собрав горсть таких же мерзавцев и головорезов, как и он сам, Векиль од-Доуле разыграл из себя с помощью Наиб ос-Солтане спасителя царя и отечества; нестройная, бессмысленная толпа, частью безоружная, частью вооружённая одними палками, ломилась во дворец; Наиб ос-Солтане, обезумев от страха, вымазал себе платье и лицо грязью и лежал полумёртвым, боясь шевельнуться; сам Насреддин-шах растерялся и струсил, тщётно призывая к себе “казаков”, на которых он возлагал такие надежды. Толпа грозно шумела и ломилась во дворец ... Векиль од-Доуле ... приказал своим архаровцам дать несколько залпов в толпу, и 60 трупов украсили прилегающую ко дворцу улицу, не считая раненых. Чин эмир-тумана (полного генерала) и портрет шаха, усыпанный бриллиантами, был наградой храбрецу и спасителю царя царей»⁵²⁷. Для русской военной миссии такое поведение вылилось в затяжной кризис первой половины 1890-х гг., которому во многом способствовал военный министр Камран-мирза⁵²⁸. 6 января 1892 г. Насреддин-шах издал фирман об отмене табачной монополии во всех областях Ирана⁵²⁹. 26 января указанием из Кербелы был снят запрет на курение. Английская инициатива потерпела поражение.

Своего рода «ответом» на табачную концессию стало заключение в 1891 г. торгового договора с Персией, по условиям которого товары, ввозимые из России, обеспечивались значительными льготами, а тариф этот действовал на всём протяжении границ Персии, что существенно ущемляло интересы Англии⁵³⁰. Кроме того, в первой половине 1891 г. под «патронажем» Я.С. Полякова развернулись махинации, связанные с созданием банка на основе полученной им в 1890 г. концессии⁵³¹. 21 апреля 1890 г. российским предпринимателем и банкиром Яковом Соломоновичем Поляковым⁵³² при поддержке А.Н. Шпейера было получено от персидского правительства право на создание в Тегеране банка⁵³³. Первоначально он назывался Ссудное общество Персии, затем – Ссудный банк, а с 1902 г. – Учётно-ссудный банк⁵³⁴. Поскольку в литературе и архивных документах

последнее название употребляется чаще всего, то мы будем использовать его для наименования банка. 6 мая 1891 г. персидским правительством был утверждён устав Ссудного общества Персии⁵³⁵. Вплоть до 1894 г. новое общество, переименованное к тому времени в Ссудный банк Персии, не развернуло серьёзной деятельности. Однако его создание шло в русле политики России – место было «застолблено».

Параллельно с этим, до июля 1890 г. продолжалась активная подковёрная борьба российского и английского представителей за железнодорожные концессии⁵³⁶. На Особом совещании по Персии, состоявшемся 4 февраля 1890 г. в Петербурге, победила позиция сторонников «замораживания» железнодорожного строительства до подведения железной дороги по территории России к кавказской границе⁵³⁷. Материалы совещания хорошо демонстрируют опасения, существовавшие среди российских политиков относительно возможного сотрудничества с Великобританией и британской политики вообще. Именно эти опасения стимулировали политический курс империи относительно Ирана. В результате были приняты следующие решения: «1) Для выяснения условий постройки через Персию железной дороги, так и возможности обеспечить за Россией индо-европейский транзит надлежит приступить к предварительным изысканиям от кавказской границы к персидскому заливу ... Средства на изыскания должны быть отпущены нашим правительством, а самые изыскания возложены исключительно на русских инженеров с участием правительственных; 2) В видах распространения русской торговли в Персии было бы наиболее целесообразным оказать содействие развитию перевозочных средств по Каспийскому морю и улучшению соединяющих Каспийское море с северными персидскими пунктами путей с целью приспособления их к колёсному движению ... 3) с точки зрения наших политических интересов в Персии, а равно и стратегических соображений безусловное значение должно принадлежать железной дороге, имеющей соединить Тебриз с нашей железнодорожной сетью, посему представляется необходимым выяснить, по возможности безотлагательно, вопрос о постройке железной дороги через главный кавказский хребет и в этих видах приступить к новым изысканиям на Кавказе одновременно с изысканиями, которые будут предприняты от кавказской границы к Тебризу»⁵³⁸.

А.Н. Шпейер, не зная о решении «заморозить» строительство железных дорог (а возможно, блефуюя перед англичанами⁵³⁹ или являясь сторонником развития железнодорожной сети в Иране в интересах российской торговли и политики), продолжал лоббировать интересы российских предпринимателей. Но прибывший в июле 1890 г. в Тегеран российский посланник Е.К. Бюцов стал проводить в жизнь рекомендации российского правительства, опираясь, при этом, и на собственные взгляды.

В инструкции министра иностранных дел, полученной им весной 1890 г., Е.К. Бюцову были изложены основания русской политики в Иране. В целом их положения можно свести к следующему: стремиться не допустить железнодорожного строительства, расширять русское влияние и противодействовать англичанам. Красной нитью в инструкциях всем сменявшим друг друга российским посланникам в Тегеране проходил тезис, предложенный и Е.К. Бюцову, о существенном значении для интересов России «сохранить неприкосновенность территории Персии». В этом правящие верхи империи видели главную задачу политики в Персии⁵⁴⁰.

В железнодорожном вопросе в основу была положена тактика, позже получившая наименование «монополии бездорожья». Н.К. Гирс указывал, что проект трансперсидской железной дороги, во-первых, не вознаградит Россию за расходы по её сооружению (потребуется не менее 40 млн. руб.), а, во-вторых, вызовет открытое противодействие Англии. С этим важным обстоятельством, по мнению министра, придётся считаться. Поэтому ограничиваясь на этом этапе изысканиями и отказываясь от создания совместной с Лондоном концессии, лучший для России вариант он видел в отсрочке строительства дороги. Соответственно в задачу Е.К. Бюцова вменялось получить таковую⁵⁴¹. В инструкциях вопрос ставился даже шире – о сферах влияния России и Англии в Персии и о возможности для России, уже имевшей твёрдые позиции на севере страны, продвигаться к Персидскому заливу. Отдавая отчёт в том, что соперница там сильнее, в Петербурге всё же полагали, что развитие русской торговли в Персии имеет перспективы. Основными предметами русского вывоза были хлопчатобумажные ткани, сахар, керосин, фаянсовые и фарфоровые изделия, спички, медь, кожи, писчебумажные изделия и чай, а ввоза – хлопок, рис, сухофрукты и рыба⁵⁴². Торговые отношения

регулюровались ст. 3 Туркманчайского договора 1828 г., предусматривавшей 5% систему обложения товаров, что давало большие преимущества соперникам России в Персии. Н.К. Гирс в инструкции Е.К. Бюцову объяснял крайне медленные темпы развития торговли и провал попыток открыть в 1889 г. в Тегеране выставку русских произведений косностью отечественного купечества и плохой организацией торговли – явным недостатком консульской сети. Эти обстоятельства в совокупности определили тактику действий Петербурга – добиваться моратория на железнодорожное строительство в Персии⁵⁴³.

В инструкции Е.К. Бюцову констатировалось также исключительное положение Англии в бассейне Персидского залива, которая «одна располагает в этих водах морскими силами», благодаря чему успела подчинить своему контролю многие области на побережье. И поскольку Лондон неоднократно давал понять Петербургу, что не потерпит посягательств на свои права на побережье Персидского залива и Оманского моря, Н.К. Гирс признавал необходимым до известной степени с этим считаться⁵⁴⁴.

Относительно возможных предложений Великобритании о разделе сфер влияния в Иране инструкция была достаточно чёткой – не принимать их. Первое предложение о разграничении в Персии областей промышленной деятельности прозвучало в 1887 г. в связи с получением соперницами железнодорожных концессий. В инструкциях Е.К. Бюцову пояснялась причина отказа Петербурга: не имея в настоящее время прямых интересов на юге Персии, Россия благодаря своему географическому положению пользуется безусловным преобладанием в северных и восточных частях страны, а так как центр современной Персии находится не на юге, а на севере, где расположена столица, «мы располагаем всеми необходимыми средствами для обеспечения за собой преобладающего влияния в Тегеране», а потому «не нуждаемся в признании за нами Лондонским кабинетом свободы действий в северной Персии»⁵⁴⁵. В Петербурге считали, что это положение изменится, «если бы мы решились войти с Англией в соглашение, в силу коего за нею было бы обеспечено право распоряжаться на юге Персии сообразно её экономическим интересам, за коими скрываются политические виды и замыслы». Поскольку, полагали в то время в Министерстве иностранных дел, влияние Англии

ограничивается территориями, прилегающими к Персидскому заливу, сделку считали невыгодной: «Выделяя из сферы интересов наших половину владений шаха, она (сделка – О.Г.) поставила бы преграду будущему развитию нашей политико-экономической деятельности в южном направлении, а при этом и сам факт уступки домогательствам англичан несомненно подал бы повод к невыгодным для нас толкам и умалил бы наше обаяние в Азии»⁵⁴⁶.

Исходя из этой инструкции и стал действовать новый посланник России по прибытии в Тегеран. «Бюцов проводил политику ограждения Персии, или, по крайней мере, её северных провинций, от британской торговли и влияния», – отмечал Ф. Казем-заде⁵⁴⁷. Во второй половине 1890 г. его внимание было сосредоточено вокруг борьбы за «замораживание» железнодорожного строительства и табачной монополии. Е.К. Бюцов оказался более умелым дипломатом, нежели Н.С. Долгоруков. К тому же на руку ему сыграли несколько обстоятельств, скомпрометировавших англичан в глазах шаха. Первым из них была афера с лотерейной концессией, провёрнутая посланником шаха в Лондоне мирзой Мальком-ханом Назем ол-Мольком⁵⁴⁸. Вторым – табачная концессия, вызвавшая противодействие не только со стороны России, но и среди населения Ирана. И в том, и в другом случаях был замешан английский посланник Г. Драммонд Вольф. «Обида шаха на Малкама до некоторой степени перешла на его отношение к британской миссии», – писал по этому поводу Ф. Казем-заде⁵⁴⁹. К тому же в сентябре английский посланник заболел. Всё это облегчило Е.К. Бюцову выполнение его главной миссии. 30 октября⁵⁵⁰ им было подписано соглашение с персидским правительством о запрете строительства железных дорог в Каджарской монархии сроком на 10 лет⁵⁵¹. В.Н. Ламсдорф записал в свой дневник 22 ноября 1890 г., что И.А. Зиновьев был «в восторге от принятого на себя шахом обязательства не допускать при своей жизни в Персии никакого вида железных дорог, ни паровой, ни конной тяги»⁵⁵². Заметка российского дипломата хорошо характеризует политику России относительно Ирана этом вопросе. «Зиновьев рассуждает так, – писал он, – “мой малый интерес для меня дороже больших интересов других – на Востоке принципы не применимы, там должно руководствоваться только оппортунизмом”, а он того мнения, что всякая железная

дорога была бы полезна только иностранной торговле и вредна русской. Поэтому остаётся только желать продления жизни его величества Насреддина и думать о том, как бы устроить так, чтобы со временем ему наследовал тот из претендентов на персидский престол, который будет наиболее сговорчивым»⁵⁵³.

С точки зрения российских интересов соглашение 1890 г. было большим успехом. Англичане признали его, выговорив себе письменное обещание у шаха, что «английское правительство имеет преимущество на концессию проведения железных дорог с юга к Тегерану, а в случае, если концессия на постройку железной дороги дана будет на севере кому-либо, то подобного же рода концессия должна быть дана и английской компании на юге. Без совета с Англией концессия на южные дороги дана никакой (из иностранных компаний) быть не может»⁵⁵⁴. Среди англо-индийских политиков было много сторонников строительства железных дорог в Иране. Однако они предпочитали создание дорог местного значения. И в России, и в Великобритании опасались, что железнодорожное строительство резко усилит позиции противника. Если в Петербурге главным мотивом страха выступал экономический, то в Лондоне – военно-политический⁵⁵⁵. Именно поэтому высшие круги обеих держав, в конце концов, пришли к одному мнению о невыгодности охвата Ирана железнодорожной сетью.

В этой связи особо стоит остановиться на интересах Каджарской монархии. В иранской литературе и в публикациях части европейских историков проводился и проводится тезис о том, что соглашение 1890 г. не отвечало национальным интересам Тегерана⁵⁵⁶. Апелляции носили различный характер, но основной упор делался на то, что соглашение затормозило развитие страны в сторону капиталистических отношений⁵⁵⁷. Сжато эта позиция была выражена у Д.М. Анаркуловой. «Так, в результате русско-английского соперничества, Иран был лишён возможности строить железные дороги, что, естественно, отрицательно влияло на экономическое развитие стран. Запрет на строительство железных дорог ... сокращал возможности расширения экономических связей Ирана с Россией и её южными окраинами»⁵⁵⁸. Американский историк Н. Кедди обращала внимание, что «англо-русское соперничество мешало модернизации Ирана, запрещение строительства железных дорог в Иране явилось одной из причин этого»⁵⁵⁹. При

этом шаха и его окружение часто изображали как жертв этого соперничества. В качестве примера, объяснявшего его положение приводилось письмо, написанное Насреддин-шахом 20 октября 1888 г. российскому поверенному в делах. «Почему мы не должны строить дороги и открывать фабрики, чтобы не нуждаться в иностранных товарах? – спрашивал шах. – Если бы мы начали строить дороги, то голод и дороговизна не стали бы повторяться каждые два–три года в Тегеране и других городах, и многие были бы спасены ... Никакое другое государство не находится в таком положении, в каком очутилась Персия. Англия и Россия зорко следят за каждым нашим действием. Всякие меры, принятые нами на юге для благосостояния и процветания края ... вызывают протесты со стороны российского правительства. Когда же мы приступаем к проведению дорог в северных, западных и восточных частях Персии, то англичане говорят, что это делается в интересах России. Мы желаем проводить дороги, строить фабрики, заботиться о процветании и благосостоянии наших владений и наших подданных»⁵⁶⁰.

В действительности же, по нашему мнению, запрет строительства железных дорог (продлённый в 1900 г. ещё на 10 лет), не имел того судьбоносного значения, которое ему приписывают сторонники прогрессистских теорий развития общества. В условиях традиционного (феодального) общественного строя, тотальной коррупции, экономической нестабильности, определяющей роли религии постройка железных дорог вряд ли стимулировала бы укрепление и экономическое развитие Иранского государства. Тем более, что в этом не были заинтересованы ни Англия, ни Россия, которые в экономическом и военном отношении превосходили Персию. Как верно отметил Э. Хобсбаум, «что бы ни говорила официальная пропаганда, но функция колоний и зависимых стран состояла в том, чтобы дополнять экономику метрополий, а не конкурировать с ней»⁵⁶¹. «Заграничные инвестиции в Иране, – указывал советский историк В. Глугодед, – направлялись, прежде всего, не в производство, а на развитие тех отраслей инфраструктуры, которые были связаны со сферой обращения»⁵⁶².

4.2. Насреддин-шах и проблемы модернизации Ирана

Насреддин-шах

Признавая справедливыми упоминавшиеся выше обвинения Насреддин-шаха, следует заметить, что большую часть его правления пронизывала склонность к демагогии и внешнему эффекту. Усвоив лишь поверхностно европейскую культуру, шах на практике оставался традиционным монархом-деспотом, у которого чувство национального достоинства, интереса выражалось на практике в интересе о своём положении. Представление о Насреддин-шахе, как о благодетеле, радевшем за свою страну и народ, по крайней мере, наивно⁵⁶³. Действительно Насреддин-шах имел ряд положительных черт. «Он обладает способностью к работе, имеет восприимчивый и любознательный ум, – писал в 1895 г. А.Н. Куропаткин. – ... Из того, что он уже мирно царствует уже 48 лет ... можно заключить, что Насреддин-шах обладает государственным умом»⁵⁶⁴. Очень положительно оценивал его российский публицист Е.М. Белозерский, приводя, фактически, официозную оценку шаха. «Принято думать, что в Персии теократическое управление, – писал он. – Мне думается, что это скорее смесь крайнего абсолютизма с демократией. Как толпа ни безгласна, а может быть ни одно правительство не прислушивается так к её голосу, как персидское. Там собственно различаются две власти: одна, исходящая от Бога, а

другая от тех, которых Бог поставил править. Всё находится в их власти и вне их нет ничего. Отсюда понятны права, которыми издавна пользовались шахи, и то обожание, которое воздавалось им народом. Теперь отношение к главе правления сильно изменилось, и очень нередко можно встретить не только критическое, но даже и саркастическое отношение к шаху. Нынешний шах Насреддин, сто двенадцатый наследник знаменитого Кира, если военными подвигами и не похож на своего предшественника, во всяком случае, в истории Персии оставит очень заметный след. Про него говорят, что он очень умный человек и заботливый правитель, что он сам занимается делами и даже входит в мелкие подробности дел, что он большой друг просвещения, по характеру милостивый и великодушный, так что, будь у него хорошие и умные исполнители, в его царствование было бы сделано для Персии гораздо больше, чем это удалось. Европейцы и у себя, положительно несправедливы к нему и даже несправедливо обвиняют его в ничегонеделании, в препровождении своего времени только на охоте или в гареме. Мне передавали за факт следующую дерзость, сказанную шаху одним очень умным муллой, побывавшим в Индии, Африке и Европе: “Ты самый счастливый из царей, сказал он: нет у тебя ни социалистов, ни нигилистов, ни разных аграрных вопросов. Хочешь кого казнить – казнишь; хочешь кого простить – простишь; хочешь кого ограбить – ограбишь, и всю жизнь свою проводишь в горах в погоне за козами, да в гареме с жёнами. Чего еще лучше? И как в самом деле не завидовать тебе другим государям, которые ночей не спят, всё думая о благе своих подданных? ”. Хотя власть шаха не простирается на духовенство, но думали, что такая дерзость этому мулле не пройдёт безнаказанно; однако шах обратил это в шутку, и всё ограничилось одним страхом за муллу. Конечно, в этих характерных словах есть большая доля правды, но все же не нужно забывать и того, что сделано Насреддином для Персии. Он первый сломал вековую стену персидской исключительности и обособленности и вопреки духовенству поехал в Европу. Кто знает, что такое персидское духовенство, тот будет смотреть на это как на подвиг. Кроме того, нельзя не сознаться, что есть много вещей, которые стали доступны в Персии только благодаря нынешнему шаху: устройство почтовых линий и даже кое-где колёсного сообщения, некоторое улучшение дорог, всё ещё очень плохих, но, говорят, неузнаваемых сравнительно с

прежними, введение телеграфа, реорганизация армии, ставшей до известной степени похожей на дисциплинированную массу, расширение сети ирригационных каналов, большие сношения с Европой и, наконец, так или иначе проникновение в Персию европейских идей и год от года увеличивающейся наплыв европейских путешественников и торговых людей. Не надо забывать при этом, что целая масса мероприятий не проникла в жизнь, только благодаря упорству и ограниченности духовенства»⁵⁶⁵.

Тем не менее, имелась и другая сторона этого человека, которая перевешивала первую и низводила на нет все реформационные потуги. «Шах воображает себя великим реформатором и хочет уподобиться Петру Великому, – писал Мисль-Рустем. – ...Но, к сожалению, из истории великого преобразователя Петра он много хотел почерпнуть, но что-то мало удалось»⁵⁶⁶. «Пётр Великий – действительно идеал Насредина, – сообщал другой автор. – Познакомившись с краткой его характеристикой ещё в Тебризе (когда Насредин был ещё наследником престола – О.Г.), повелитель Ирана приказал впоследствии перевести на персидский язык более обстоятельную его историю и эта книга, как рассказывают, постоянно лежит в шахской опочивальне. Подражая своему идеалу, Насредин первым из шахов стал брить бороду и носить короткую одежду, и этим едва и не исчерпывается всё сходство между преобразователем России и его подражателем. Быть может, Насредин обуреваем и более существенными петровскими стремлениями, но они не вышли у него из области желаний по весьма простой причине, – вследствие недостижимой разницы у этих государей в способностях, в энергии, в умении взяться за дело и настойчиво преследовать цель ... Но это, оказывается, нисколько не мешает Насредину считать себя Петром Ирана и виновником “великих реформ”»⁵⁶⁷.

Деятельность шаха и воспоминания знавших его лиц свидетельствуют, что вспышки «модернизационных» преобразований были лишь результатом временных увлечений, либо оскорблённого самолюбия, либо финансовых «вливаний» извне (со стороны России или Англии, старавшихся «продвинуть» какой-нибудь проект)⁵⁶⁸ и сводилась к простому подражанию Европе, без изменения сути⁵⁶⁹. Классическим примером тому была «военная реформа» середины 1880-х гг., которую описал

Мисль-Рустем. «Кажется, в 1884 году на границе туркмены сделали нападение на персидские владения; шах послал большой отряд, чтобы наказать их, но через несколько времени получил ответ, что туркмены из-под самой палатки начальника отряда угнали массу мулов, и что их не пришлось наказать. Повелитель Ирана созвал в столицу всех военачальников, начиная со своего сына, военного министра, и держал им приблизительно такую речь: “Объясните мне, почему все мои предшественники ... были всегда победителями; я же куда не пошлю свои войска, даже на туркмен, всегда остаюсь побеждённым?” Долго сановники с глубокими поклонами отнекивались, что не могут разрешить этого вопроса, что Аллах “машала” – даст ему ещё больше победы и что его голова для разрешения этого вопроса светлее их. Наконец, шах, рассердившись и наслушавшись их сладких речей, объявил им, что его предшественники не были окружены такими “педерсеками” и “педерсухтами” (то есть прохвостами, собачьими сынами), как они, и что во всём виноват его сын, военный министр, который не делает реформ в своей армии, причём приказал сыну сейчас же сделать какие-либо улучшения в войске. Отвесив за такие комплименты низкие поклоны повелителю, военный министр созвал сейчас же военный совет, на котором было решено завести галстуки на подобие тех, какие имеются в русской армии, и перчатки для пехоты по примеру Австрии. И что же? – через три дня мы увидели на смотре его величества у солдат некоторых полков русские галстуки, одетые языком поверх мундира, и у каждого пехотинца за поясом висело по одной нитяной перчатке, – как знак начатой “реформы” (по две не хватило на базаре в Тегеране). Вот, что значит в Персии реформа»⁵⁷⁰.

Результатом указанных особенностей шахской личности было и создание ПКБ, которая уже в первой половине 1880-х превратилась в своеобразную «игрушку» иранского правителя. «Его новейшую забаву составляя три так называемых «казацких» полка», – сообщал английский наблюдатель⁵⁷¹. Серьёзно делами государства шах не занимался, а на Иран смотрел, в первую очередь, как на источник дохода. «Лучшей характеристикой административных нравов Персии, – писал М. Алиханов-Аварский, – и в частности примером того, во что вырождаются в этой стране подражания Европе, – может служить одно из детищ Насреддин-шаха,

называемое “Государственным контролем”. По словам одного вполне компетентного европейца, вся деятельность этого учреждения сведена к открытому посредничеству между дающими и берущими⁵⁷².

«Шах любит подарки, бешкеши (пишкеши – О.Г.), – сообщал Мисль-Рустем, – которые принимает от всех и на всякую сумму: даже на смотрах командиры полков подносят ему деньги – золотом, смотря по численному составу полка, не стесняясь маленькой суммой как 100 туманов (330 р.)»⁵⁷³. Достаточно сказать, что к августу 1891 г. Насреддин-шах выдал свыше 40 концессий представителям иностранных государств⁵⁷⁴. «В концессии отдавалось всё, что могло дать действительный или предполагаемый доход»⁵⁷⁵. Его политика лавирования между двумя великими державами была направлена главным образом на сохранение и укрепление собственной власти, а также на извлечение материальных выгод⁵⁷⁶. «Он прибегает к ним, – характеризовал реформы шаха М. Алиханов-Аварский, – пытается осуществить их, просто из подражания Европе и, рисуясь перед нею, в качестве реформатора, делами, не требующими никаких издержек»⁵⁷⁷.

Как верно отметила Л.В. Строева, «шах в продаже и перепродаже концессий нашёл лёгкий способ получения значительных средств», причём «полученные суммы тратились совершенно непроизводительно»⁵⁷⁸. Мелочность, жадность до денег и увеселений, стремление к роскоши и расточительность были неотъемлемыми чертами Насреддин-шаха, которые с возрастом всё больше обострялись, вытесняя мысли о реформировании страны. «Алчность самого шаха и его правителей беспрерывно возрастает», – писал побывавший в 1894 г. в Иране А.Г. Туманский⁵⁷⁹. «Прежде шах сам был щедр на подарки, но теперь этого не видно, скорее он заметно скуп», – отмечал Мисль-Рустем⁵⁸⁰. «Одну треть всех доходов страны, почти не превышающих 15 миллионов рублей, поглощает у него армия, другую – эндерун; остальная – едва хватает на удовлетворение его жизни и личных прихотей, вроде постоянного приобретения бриллиантов и разных редкостей. В виду этого, скупость, в особенности в последние годы, всё больше и больше овладевает шахом, и он тщательно избегает всякие мероприятия, сопряжённые с расходами»⁵⁸¹. Возраставшую жадность шаха к деньгам отмечали многие российские наблюдатели⁵⁸². «К недостаткам шаха, – писал Мисль-Рустем, –

следует отнести его чёрствый и подчас жестокий характер и крайний эгоизм ... Судьба населения его трогает мало. Под старость он становится всё более и более жадным. Ни в своей семье, ни в народе он не любим»⁵⁸³.

Садразам Али Асгар-хан, сам далеко не идеальный в моральном отношении человек, следующим образом характеризовал личность персидского правителя. «Корыстолюбие шаха развилось до такой степени, что он способен ни перед чем не останавливаться и жертвовать не только интересами государства, но и собственно своими для минутного удовлетворения алчности. Страсть эту, усиливающуюся почти с каждым годом, стремились обратить в свою пользу иностранные аферисты, делающие шаху самые заманчивые предложения для приобретения какой-либо монополии или концессии. Шах проявляет полное равнодушие к пользам государства и народа, все заботы его посвящены гарему, который он постоянно увеличивает, тем самым нуждаясь на содержание его в более и более значительных средствах, для приобретения коих он изыскивает новые источники, старческим же прихотям этим приносятся в жертву самые насущные потребности государства, упадок которого быстро возрастает»⁵⁸⁴. «Благодаря такому отношению к ресурсам государства, Насреддин не сделал ничего существенного для Персии, но зато вполне достиг другой цели, – своего обогащения», – констатировал русский наблюдатель⁵⁸⁵.

Показателен пример наиболее важной в государстве шаха провинции – Азербайджана. «Более близкое знакомство с Азербайджаном, – писал изучавший его капитан ГШ Л.К. Артамонов, – убеждает в том, что персидское правительство не только ничего не предпринимает, для поднятия благосостояния этого самого драгоценного перла своей короны, но беззастенчивыми административными злоупотреблениями тормозит в этой стране земледелие, торговлю, фабричную деятельность и доводит значительную часть населения до нищеты, заставляя жителей обращаться к отхожим промыслам»⁵⁸⁶.

Ещё одним примером отношения шаха к своей стране и подданным могут служить события 1892 г. С 1892 г. у Персии начались проблемы с финансами, которые со временем стали хроническими. В.А. Косоговский финансовые неурядицы первой половины 1890-х гг. объяснял «серебряным» кризисом на

американских рынках⁵⁸⁷, вызвавшем, вкупе с жадностью шаха, обесценивание персидского крана (ходовой денежной единицы страны). Однако, думается, причины были не только в этом. Главными из них были английский займ и расточительность шаха. Значительную роль сыграла и политика Шаханшахского банка. Согласно полученной концессии, только он имел право выпуска бумажных денег в Иране⁵⁸⁸. Этой привилегией правление банка пользовалось для собственной выгоды, выкачивая серебряные деньги из страны или выводя их из оборота, спекулируя персидской серебряной монетой с целью вынудить местных торговцев пользоваться только банкнотами английского выпуска⁵⁸⁹. К тому же 1892 г. в Каджарской монархии разразилась холерная эпидемия. Положение оставалось беспокойным. Так, весной было совершено покушение на Насреддин-шаха⁵⁹⁰.

В результате, шах распорядился сократить ПКБ наполовину «в видах сокращения государственных расходов», касавшихся, якобы, всех частей персидской армии⁵⁹¹. «Вследствие финансовых затруднений, приписываемых холере и неурожаю, но в сущности, возникших вследствие неудачи с табачной монополией, персидское правительство решило сократить армию наполовину ... не сокращая при этом числа штатных частей», – резюмировал Н.Я. Шнеур⁵⁹². Позже полковник изложил своё видение причин, побудивших Насреддин-шаха к экономии. «По возвращении его величества шаха из своего путешествия (по Персии – О.Г.), – писал он, – немедленно сказались последствия ... Опустошив своим проездом широкую полосу более цветущих частей Персии и вернувшись в свою столицу, окрестности которой второй год страдают неурожаем, а в настоящем году были ещё посещены холерой, ... его величество был поражён значительным уменьшением поступлений налогов ... Никогда не отличавшийся щедростью (шах – О.Г.) стал скуп до помешательства. Оттуда и пошло стремление во что бы то ни стало сократить расходы и добыть деньги»⁵⁹³. Речь шла о так называемом сурсате (сурсате) – повинности по обеспечению местным населением проезжающих шаха, знатных лиц, крупных чиновников и их свиты, войск во время похода провиантом и фуражом⁵⁹⁴. Повинность эта была очень обременительна для жителей мест, по которым пролегал путь следования «процессий»⁵⁹⁵. «Если шах едет далеко, – писал российский наблюдатель, – положим, на богомолье, то с ним ещё следует целый отряд войск;

таких путешествий шаха простой народ боится, потому что сопровождающий его отряд опустошает страну как саранча, а жалоб никто не смеет принести, опасаясь за целостность собственной шкуры»⁵⁹⁶. Кроме того, на пути шаха собирались люди из близлежащих городов и провинций.

В 1883 г. шах ездил в Мешхед на поклонение святым местам и для встречи с начальником Закаспийской области. М. Алиханов-Аварский, сопровождавший А.В. Комарова, отмечал, что «Постоянное население Буджнурда (в этом городе должна была произойти встреча – О.Г.) определяют тысяч в десять. Но теперь, в ожидании шахского приезда, сюда нахлынула из окрестных деревень и провинций такая масса искателей наживы и просто любопытных, что число это, по крайней мере, утроилось»⁵⁹⁷. А вот как, например, описывал сюрсат российский писатель начала XX в. «Кроме сборщиков податей, крестьяне больше всего боятся проезда шаха через их деревни, – писал он. – Нередко случается, что крестьяне, узнав о предстоящем проезде, дают взятки своим начальникам: возьми, мол, что хочешь, только избавь от проезда шаха. Иногда жители нарочно портят дороги, сжигают мосты только для того, чтобы шах миновал их край. На первый взгляд это может показаться странным. Но дело в том, что проезд шаха – настоящее разорение для края; хуже, чем нападение саранчи. В Персии почти совсем нет железных дорог. Шах, окружённый свитой приближённых, едет верхом на коне. Когда шах устанет, или когда его застанет в пути ночь, он велит поставить свою походную палатку и отдыхает. Как ураган, проходит шах со свитой по стране, не обращая внимания на зреющие хлеба, вытаптывая и уничтожая урожай. Мало того, – жители области, через которую проходит шах, обязаны доставлять ему съестные припасы. Шах аккуратно платит деньги за припасы⁵⁹⁸, но деньги никогда не попадают в руки крестьян – они остаются в карманах шахских чиновников. Растоптав жатву и отобрав у жителей съестные припасы, шах едет дальше. Позади осталась бедная, разорённая деревня. Шах уехал, но расходы крестьян не окончились: за то, что шах оказал им милость – проехал через их деревни, – они обязаны сделать ему подарок. Неудивительно после всего этого, что персидский крестьянин, как чумы, боится посещения шаха. «Шах улыбается, – гласит персидская пословица, – лишь затем, чтобы оскалить свои зубы»⁵⁹⁹. Летом 1892 г. Насреддин-шах как раз совершил

такую поездку на юго-запад от Тегерана. «Во время этой «прогулки», – отмечала Л.М. Кулагина, – он собрал многочисленную дань с губернаторов в виде крупных денежных подарков. Последние же для покрытия издержек, вызванных проездом шаха, во второй раз собрали налог с райятов (название податного населения Ирана – О.Г.), в результате чего многие из них разорились и покинули родные места»⁶⁰⁰.

Таким образом, от невозможности во всём быть самостоятельным страдало лишь самолюбие Насреддин-шаха. И эти «страдания» выражались в понятной европейцам форме «ущемления национальных интересов». На деле же последние имели для шаха небольшое значение, если вообще имели. «Сторонники Насреддин-шаха утверждают, – писал М. Алиханов-Аварский, – что значительная часть намеченных им реформ не могла осуществиться вследствие противодействия фанатического, и весьма сильного в стране, духовенства ... Всё это не лишено основания. В высшей степени корыстолюбивое духовенство Ирана во многих случаях действительно является тормозом, ибо оно заинтересовано в сохранении старых порядков, как наиболее удобных для эксплуатирования массы. Но с другой стороны, очень многое в Персии ... находится в том же первобытном состоянии, в каком они, вероятно, были и при Кире ... Насреддин-шах, бесспорно, – государь, сравнительно, гуманный и доброжелательный. Но у него есть страсти более сильные, чем служение государству; это – женщины и драгоценности, или личное обогащение»⁶⁰¹. Здесь М. Алиханов-Аварский рассуждал крайне рационально, полностью игнорируя тот факт, что среди духовенства и населения Ирана было довольно много искренне верующих, мысливших совсем иными категориями, нежели «секуляризованные умы».

В этом контексте сомнительным представляется и тезис, что «соглашение было заключено вопреки желанию правящих кругов Ирана»⁶⁰². Большая часть людей, находившихся у власти в Иране, интересовалась не столько проблемами страны, сколько личными выгодами. «Гилянский консул А.А. Петров, – сообщал современный исследователь, – характеризуя действительное состояние соседнего государства в начале 80-х гг. XIX в. писал: «Что представляет из себя настоящая Персия и её правительство, Персия Сассанидов, Махмуда Газневийского, наконец, шаха Аббаса и Надира? Нынешние правители Персии представляют из себя какой-

то ряд бездарностей, стоящих ниже всякой посредственности, ряд личностей единственное качество и способность коих заключаются в безмерном эксплуататорстве. Все действия, шаги и меры, предпринимаемые ими на поприще управления, помимо систематического разорения края, ведут лишь к одной цели, как было замечено то ранее, дискредитировать их в глазах не только всех правительств Европы, но даже и своего народа, который, несмотря на вековой гнёт и забитость, не лишён и до сих пор ещё многих нравственных качеств и интеллектуальных способностей»⁶⁰³. Во многом такому положению вещей способствовала нестабильность правящей верхушки, когда место у кормила власти по шахскому расположению/нерасположению мог занять/потерять любой человек⁶⁰⁴.

«Выбор и назначение визирей, министров зависят от каприза шаха, равно как и их увольнение, – писал в 1886 г. Е.М. Белозерский. – Поэтому всякий министр есть ни что иное как случайный баловень счастья; в его жизни и карьере всё зависит от того, хорошо ли он успел опутать шаха, удачно ли подделался к особенно любимой жене его⁶⁰⁵ разными подарками и приношениями и успел ли подмазать тысячи колёс в придворном персидском механизме, очень сложном по своему устройству; заскрипи хоть одно колесо, и министру придётся быть настороже и бороться. Персидский придворный мир, это – совершенно шахматная игра, где более искусный и опытный дольше и безнаказаннее двигает своими фигурами без проигрыша. Никто конечно больше не сознаёт шаткости своего положения, как эти случайные детища счастья; за то они и пользуются этим моментом в своей жизни, беря направо и налево, с богатого и бедного, с вдовы и сироты. Они исходят из той точки зрения, что бери они или нет, всё равно скоро наступит такой день, когда их уволят: в виду этого лучше брать, чем не брать»⁶⁰⁶. «Благодаря такому отношению к делу главы государства, на самые высшие посты, сплошь да рядом, попадают здесь люди самые недостойные, развивающие только продажность, которая и без того царит в Персии как нигде в мире, – как бы дополнял его более ранний автор. – Никакое удовлетворение просителя, истца или потерпевшего немислимо в этой стране без пишкеша (подарка), и, напротив, здесь нет ничего невозможного, когда пущены в ход деньги. Этот традиционный порядок вещей, вернее – продажность, в

такой степени восалась в персидские воззрения и нравы, что пишкеши и подношения составляют не только главный ресурс всего служилого люда Ирана, от садразама до последнего мирзы, но далеко не последний источник дохода и самого шаха»⁶⁰⁷.

Показателен пример одного из офицеров ПКБ – Керим-хана. «В 1878 г. он поступил простым всадником в полк, потом, по протекции русского полковника Д., в 1880 году командовал полком. В 1882 году он был генералом и имел уже отличный дом и в нём богатую обстановку. Бывши совсем безграмотным, он в 1885 году сделался начальником кавалерии в Исфахане у Зелл ос-Солтане. В 1894 году он приезжал даже в С.-Петербург для поздравления его величества государя императора с восшествием на престол. Таких случаев масса в Персии и никого это там не удивляет», – писал Мисль-Рустем⁶⁰⁸. Не менее интересен пример министра юстиции Визирь-Незама. «Ещё сравнительно недавно в Тегеране его помнят простым каменщиком, строившим дворец шаха, с которым он породнился затем, выдав за него свою дочь; это и было единственной причиной его возвышения, вопреки всяким государственным соображениям и интересам, – сообщал М. Алиханов-Аварский. – С продажной душой, с плутовским выражением рябой отталкивающей физиономии, совершенно безграмотный фанатик и отъявленный враг Европы и её цивилизации, Везирь-Низам олицетворяет собою, по выражению персов, «самого большого вора и самое большое несчастье Ирана» ... берёт с обеих сторон, но всегда склоняется только на сторону более заплатившего»⁶⁰⁹.

Шах был очень податлив к лести⁶¹⁰. «В Персии легче найти гарнец драгоценных камней, чем пару бескорыстных людей, – писал один из российских авторов, – ... сам шах не только плохой сыщик последних, но далеко не отличается и бескорыстием. В деле выбора людей он руководствуется простым капризом, не требуя от них ни образования, ни даже простой грамотности»⁶¹¹. В результате, даже самые благие желания Насреддин-шаха тормозились или вообще «замораживались» неквалифицированными и часто незаинтересованными исполнителями, при попустительстве самого правителя. «Куда не взглянешь, всюду шаха обманывают, а он или ничего не замечает, или не хочет замечать», – писал российский наблюдатель⁶¹². Отсутствие стабильной правящей элиты порождало у чиновников

своеобразный менталитет. Доминируя над низшими, пресмыкаясь перед высшими, они стремились к личным обогащению и славе, абсолютно не заботясь об интересах государства и общества ⁶¹³.

Изменения охватили не только представителей государственной власти, но и другие привилегированные слои: духовенство, торговцев, родовую аристократию. Детальное рассмотрение формирования иранской интеллигенции и буржуазии не входит в наши задачи ⁶¹⁴, однако следует отметить, что и она волновалась интересами Ирана лишь потому, что вмешательство великих держав мешало её собственному бесконтрольному обогащению. Естественно, были и исключения. Однако людей, подобных Таги-хану ⁶¹⁵ и Хусайн-хану ⁶¹⁶, которые наряду со своим положением, были озабочены ситуацией в стране, было немного. К тому же, их судьба в случае серьёзных реформ, исходя из реалий второй половины века, была бы незавидной. С одной стороны, модернизации Персии сопротивлялась основная масса населения, проникнутая традиционным религиозным сознанием, с другой стороны – основная масса верхних слоёв общества (особенно – духовенство), не желавшая терять свои привилегии. «Шах волен в животе и смерти, имуществе и семье каждого; но на самом деле он всецело в руках духовенства и сеидов, то есть потомков пророка ... Если шах не будет им подчиняться, то легко может сам подвергнуться опасности лишиться престола ... Народная масса, – писал Мисль-Рустем, – фанатики, почему среди неё важную и первенствующую роль играет духовенство, ненавидимое, однако, в душе самими персами, как главные грабители и разорители народа» ⁶¹⁷.

К тому же иранские «реформаторы» страдали серьёзным недостатком, который мог свести на нет все их начинания. Большая часть из них, восприняв от европейской цивилизации внешние формы (причём, иногда «транзитом» через Османскую империю) механически, не прониклась буржуазным (в широком смысле этого слова) сознанием. Российский исследователь В.И. Батюк отмечал, что «социальный переворот в Европе Нового времени сопровождался и переворотом в сознании, появлением личности нового типа, буржуазной личности. Пожалуй, именно вот эта буржуазная личность – раскрепощённая, предприимчивая, инициативная – стала главной причиной всех успехов Европы и Северной

Америки»⁶¹⁸. Индивидуализм, опирающийся на протестантскую этику и дух наживы – вот основные составляющие собирательного образа европейского буржуа⁶¹⁹. «Появление буржуазной личности – индивидуалиста – означало смертельную угрозу для традиционного общества с его патриархальными феодальными связями между людьми, непререкаемым авторитетом церкви и божественным правом монархов», – писал указанный автор⁶²⁰. Именно в среде буржуазии укрепляется и развивается понимание государственных интересов в форме национального суверенитета (понимаемого как право каждой нации – коллектива граждан – на самоопределение), теория которого разрабатывалась европейскими мыслителями с XVII в.⁶²¹

Большинство же иранских «реформаторов» лишь поверхностно восприняли европейские образцы, зачастую некритически увлекаясь новыми идеями. Однако на практике они мыслили и действовали исходя из традиционных категорий⁶²². «Европейский свет» коснулся этих людей, как отмечал М. Алиханов-Аварский, «ровно настолько, чтобы достаточно плохо говорить по-французски и не считать оскверняющим общество гяуров. И довольно, ибо больше здесь и не требуется, а очень оевропеившихся даже просто не любят все, не исключая и самого шаха»⁶²³. В турецком варианте первой половины XIX в. о таком типе людей, хорошо выразился российский офицер Ф.Ф. Торнау. Он противопоставлял бездуховности «новых османов», которые отреклись от своей культуры, но не прониклись чужой, «старых» турок с их устоявшимися традиционными религиозными нормами общегития⁶²⁴. В иранском варианте отчасти ту же тенденцию, только среди офицерского корпуса, отметил Мисль-Рустем: «обмундировываются они (офицеры пехоты – О.Г.) большею частью не в австрийскую форму (с момента приглашения в 1878 г. австрийской военной миссии для обучения пехоты, пехотные полки и их командный состав пытались переодеть в австрийскую форму по единому образцу – О.Г.), а в персидские «сардари», т. е. сюртуки с массой складок в виде юбок, а на голове носят туземные «кула» из сукна или барашка. Мундиры австрийского покроя они ненавидят, как и всё европейское, так как большая часть офицеров ярые фанатики; европейскую форму носят в строю только молодые офицеры, выпущенные из училища»⁶²⁵. Э. Хобсбаум, вслед за французами, называл этот слой населения

«эволю» – «приспособленцы», «небольшие группы населения, в основном правящие классы и горожане, получавшие какие-то выгоды от новшеств, но осуждавшиеся большинством, смотревшим на них, как на чужаков, отступников»⁶²⁶. С этим трудно полностью согласиться в отношении Ирана да и Востока вообще. Часть «западников» действительно представляла собой обыкновенных приспособленцев, искавших личную выгоду. Тип такого персианина приводил К.-О.Г. Баумгартен: «за месяц до моего прибытия в Туршиз, из Мешхеда туда был назначен правителем принц Махомед-мирза, молодой человек, говорящий по-французски, щеголяя бульварными оборотами речи; я слышал в Себзеваре, что он воспитывался в Англии и пользуется от англичан небольшими субсидиями. В разговоре со мной он уверял в своих симпатиях к русским и всячески старался узнать предстоящий мне маршрут, рассказывая вместе с тем о путешествии хорасанского английского консула полковника Иета. Принц был прислан сюда, как сам выражался: “pour exercice des impots”, что в точном переводе значит “для принудительного сбора податей”, при чём он конечно не забудет собрать и на свою долю»⁶²⁷.

Однако были среди них и люди, искренне захваченных европейскими образом жизни, идеями и пр. Но они в большей степени напоминали детей, копирующих взрослых, которые представляют в их глазах авторитет, но не вкладывающих в действия и поступки того смысла, который им дают старшие. Типичным примером такого рода деятелей в Каджарской монархии может служить мирза Малкольм-хан, автор множества литературных произведений о необходимости реформ в Персии, но легко менявший свои взгляды в зависимости от личных обстоятельств⁶²⁸.

мирза Малкольм-хан

Важным препятствием на пути реформ были Англия и Россия, стремившиеся (каждая по своим причинам) к консервации феодальных отношений в Иране. Обе эти страны не были заинтересованы в усилении шахской власти и модернизации страны, поскольку добиваться получения экономических и политических уступок было легче добиваться при слабом центральном правительстве, а реализовывать их – при неконкурентноспособной экономике⁶²⁹. Борьба между указанными державами и замораживание железнодорожного строительства в Иране, как нам представляется, затормозили втягивание последнего в мировую капиталистическую систему, которую формировали европейские государства. Однако глубоким заблуждением было бы считать, что этот процесс принёс бы Стране льва и солнца исключительно положительные результаты. Как показала дальнейшая история, распространение капиталистических отношений и включение Персии в новые глобальные экономические отношения привели к превращению его в политический и сырьевой придаток ведущих держав мира, государство, чья внешняя и внутренняя политика напрямую зависели от решений, принимавшихся вне его границ. В складывавшихся условиях конца XIX в. Иран в любом случае проиграл бы более развитым экономически и лучше организованным политически государствам Запада. Будь он опутан сетью железных дорог, процесс превращения в полуколонию, а то и в колонию, ускорился бы в разы. Для внутренней жизни страны проникновение капиталистических отношений, несмотря на утверждения советских и западных историков об их «прогрессивности», всё же несли больше бед, нежели выгод. Часть современников, и многие из последующих поколений исследователей это прекрасно осознавали и отразили в своих работах. Лучше всего двойственность указанного процесса была показана в исследованиях историков СССР, поскольку поиск недостатков капиталистической системы, критика колониализма были их основными задачами, с которыми они вполне хорошо справлялись⁶³⁰. Вторжение капиталистических отношений привело к огромному росту налогов и различных поборов, воровству и откровенному грабежу простого населения представителями верхушки. «До 1880 г., – сообщал российский наблюдатель в начале XX в., – в Персии мало было крупных богачей-миллионеров и владельцев, но в 1900 г. их можно считать целыми сотнями»⁶³¹. Происходит резкая экономическая

поляризация иранского общества. В традиционном социуме верхи преимущественно ограничивались определённой частью производимого продукта и власти. Капиталистическая конкуренция, возможность получить больше, чем это было возможно в обычных условиях, привели в действие человеческий фактор, слабо ограниченный рамками обычаевых норм и практик. Этим фактором стала жадность. Вкупе с честолюбием, снобизмом, которые особенно были присущи выходцам из низов, пробившимся наверх социальной лестницы, она сыграла важную роль в распаде традиционных социально-экономических отношений и резком расслоении в среде населения Каджарской державы.

В первую очередь указанные процессы сказывались на крестьянстве, составлявшем основную часть населения страны. Наиболее удачно их изложил советский исследователь З.З. Абдуллаев. «Рост аренды и купли-продажи земельных участков, развитие товарного хозяйства, углублявшаяся дифференциация и образование рынка рабочей силы – всё это характерные признаки эволюции капиталистических отношений, которые в той или иной степени проявляли себя в сельском хозяйстве Ирана в изучаемый период, – писал он. – ... Вся беда заключалась в том, что обезземеливание крестьян в деревне не сопровождалось развитием капиталистического сельского хозяйства, способного обеспечить поставляемую деревней рабочую силу. Если с одной стороны расшатывались основы натурального хозяйства, то с другой – именно господство капиталистических держав в экономической и политической жизни приводило к тому, что эволюционировавшие элементы капиталистических отношений лишались соответствующих нормальных условий для развития и расцвета»⁶³².

Мотивы и причины политики двух великих европейских держав относительно Персии были, в общем, схожи, хотя во времени и в частности различались. Целью России ещё в 1870-х – 1880-х гг. английские политические деятели и националистически настроенные иранские газеты, выходившие за пределами Ирана, называли консервацию страны. «Подлинной целью (России – О.Г.) было удержать Персию, имеющую взаимосвязи с народами Европы, в состоянии дремоты, чтобы улучшить своё положение», – писала газета «Ахтар» от 5 декабря 1888 г.⁶³³. Английский посол в Петербурге в 1880-х гг. Роберт Морье так формулировал задачи

российской политики. «Россия склоняется к созданию своего собственного порядка в азиатских присоединённых территориях, используя преимущества железных дорог и всех других великих двигателей цивилизации. Она убеждена, что станет путеводной звездой для всех соседних азиатских народов, которые должны рано или поздно устремиться к ней. Поэтому чем хуже состояние этих соседей, чем больше их нищета и упадок, тем ближе она к достижению своей цели. Поэтому персы и другие азиаты должны продолжать вариться в своем собственном соку, – это кредо, которое Россия противопоставляет нашим ясным призывам к объединенному энергичному действию»⁶³⁴. Хотя в словах Р. Морье отчётливо просматривается раздражение неудачей переговоров с Санкт-Петербургом по вопросу о разделе сфер влияния в шахском государстве, отчасти эти определения были верны. Не смотря на то, что в правящих кругах империи было много сторонников активной экспансии (прежде всего – экономической и политической) в Каджарскую монархию, тем не менее, реальное положение дел было таковым, что Россия до начала 1890-х гг. не могла её реализовывать. Связано это было с экономической неразвитостью страны в сравнении с Англией. Поэтому лучшей политикой была признана «консервация» Ирана с целью недопущения усиления британского влияния. Если английская торгово-политическая экспансия являлась дополнительным стимулом, обусловившим активизацию политики России в Центральной Азии в 1860-х – 1870-х гг.⁶³⁵, то относительно Персии она в 1880-х гг. играла ту же роль, только реализовывалась другими методами. Резервирование мест монопольного владения в борьбе с более сильным (реально или представлявшимся таковым) конкурентом было общим методом и для российского, и для британского империализмов⁶³⁶. В Иране, без сомнения были люди (к их числу относился и шах), которые понимали, что власть в своей стране они могут сохранить лишь играя на противоречиях двух держав (впрочем, были и такие которые ставили на одну из них, но их было немного; больше было «флюгеров», которые исходя из собственных властных интересов колебались то в одну, то в другую сторону). Примером может служить проект постройки порта в Энзели и дороги Энзели – Тегеран, предложенный русским правительством Насреддин-шаху. Казалось бы, это предложение сулило Ирану большие выгоды. Но персидская сторона всячески задерживала его реализацию,

поскольку на совете при шахе было принято решение не допустить строительства любой ценой. Причины были просты – на Каспийском море Персия флота не имела по Туркманчайскому договору 1828 г. Что до дороги, то, как отмечал В.А. Косоговский по этому поводу, «персы понимают смысл этой дороги возможно даже лучше, чем европейцы ... персы никогда не позволят построить дорогу, которая даст русским прямой доступ к сердцу страны»⁶³⁷.

4.3. Английские интересы в Иране и политика России в начале 1890-х гг.

В этой связи важно остановиться на мотивах английской политики относительно Персии. Вопреки утверждениям Ф. Казем-заде, Англия и не собиралась «продвигать экономическое развитие» Персии. В своих рассуждениях он исходил из неверных посылок, что англичане с экономической точки зрения должны были инвестировать свои капиталы в более выгодные рынки⁶³⁸. Из слов историка следует, что англичане хотели развивать экономику Ирана, но внутренние обстоятельства местного уклада жизни не позволяли им это сделать, делали это развитие невыгодным. В этом утверждении есть доля истины. Однако оно не полностью соответствует действительности.

Общественный строй страны обусловил внешнюю политику. Развитие капитализма, изменения под его воздействием социальной структуры населения и менталитета англичан сказывались здесь очень отчётливо. «Захват есть главный движущий принцип буржуазии», – отмечал в своё время К. Маркс⁶³⁹. Полновесно эту мысль выразил в 1877 г. на страницах журнала «Девятнадцатое столетие» Е. Дэйси. «Если вы – бизнесмен, – писал он, – то не сможете руководствоваться примитивными догмами христианства»⁶⁴⁰. Главной движущей силой экспансии Великобритании были промышленный капитал и английские коммерсанты, купцы, судовладельцы, миссионеры. В последней трети XIX в. на первый план выходят финансисты Сити⁶⁴¹, связанные с экспортом капитала, страховыми и транспортными операциями, эксплуатацией колоний и зависимых стран⁶⁴². Колониальная политика Англии базировалась в рассматриваемый период на экономическом проникновении и подчинении с помощью военных и

дипломатических методов важнейших составляющих экономик стран Востока. Иногда, из политических или иных соображений, это делалось «впрок», с целью недопущения появления конкурента. В последней трети XIX в. активная защита интересов британских деловых кругов превратилась в одну из первоочередных функций правительства⁶⁴³. Английские концессии в Каджарской державе, «освоение» юга страны, свидетельствовали, что политические мотивы здесь шли рука об руку с экономическими, и зачастую сложно утверждать, какие из них играли первенствующую роль. Иран стал выгодным рынком сбыта английских товаров, который шёл в основном через Индию⁶⁴⁴. В течение всего XIX в. Англия занимала первое место в общем объёме внешнеторгового оборота Персии⁶⁴⁵. Многие наблюдатели и историки подчёркивали, что англичане в течение века вывозили из страны серебро в больших количествах⁶⁴⁶. Разочарование (до некоторой степени) английских деловых кругов в Иране произошло в начале 1890-х, после провала концессии Д. Тальбота. Но даже сама эта концессия свидетельствовала о стремлении влиять на экономику страны и получать из этого возможно большие выгоды.

Характерным в указанном отношении является пример, приведённый на Особом совещании 4 февраля 1890 г. И.А. Зиновьевым. «Хорошо известно, – сообщил он собравшимся, – что, опираясь на свои многочисленные коммерческий и военный флоты, обеспечивающие её сообщениями с её колониями, Англия упорно противодействовала прорытию Суэцкого канала⁶⁴⁷ на том лишь основании, что предприятие это должно было облегчить доступ в Индийский океан судам других наций. Но когда противодействие это оказалось бесполезным, и канал был довершён благодаря энергическому содействию Франции, все усилия англичан были направлены к тому, чтобы подчинить своему контролю этот новый путь. Пользуясь благоприятными обстоятельствами, великобританское правительство скупило большую часть акций компании канала, умножило число своих станций в Красном море и, наконец, в тех же видах, решилось на крайне отважный шаг, а именно – на занятие своими войсками Египта⁶⁴⁸, обеспечивающее за Англией беспорное господство над путями, соединяющими Европу с Индийским океаном»⁶⁴⁹. Этот пример замечательно характеризует внешнюю экономическую политику британской

короны и показывает, что политики, курировавшие персидскую политику империи Романовых, вполне обоснованно опасались предлагавшегося англичанами сотрудничества в деле «развития» Ирана.

Место Каджарской империи во внешней политике Великобритании определялось как экономическими интересами, так и политическими соображениями. Как отмечал автор статьи в энциклопедии «Ираника», «британские имперские интересы в Персии в каджарский период были в первую очередь обусловлены заботой о безопасности колониальной Индии и, во-вторых, торговлей, телеграфной связью, а также финансовыми или другими договорными соглашениями»⁶⁵⁰. Иран считался важным стратегическим плацдармом в средневосточной политике Англии. Концепция обороны Индии предполагала включение если не всей, то части Персии в сферу британского влияния⁶⁵¹. Опасения экспансии России в сторону Индии хотя и были, в общем, малоосновательны, но также имели большое влияние на политику англичан относительно Каджарской державы. Современный исследователь утверждает, что «с 60-х гг. XIX в. Россия имела оформленные стратегические планы ведения военных действий на Востоке в случае столкновения с Великобританией и широкомасштабной войны в Европе». Со стороны России угроза Индии «становится способом давления на Великобританию при решении спорных вопросов европейской и азиатской политики»⁶⁵². Как убедительно показал Олег Евгеньевич Алпеев, подготовка к войне с Великобританией на Среднем Востоке непрерывно велась в России с 1885 по 1914 г. Планируя войну в Центральной Азии, сотрудники Главного а затем Генерального штаба на протяжении всего указанного периода рассматривали «поход в Индию» всего лишь «как дальнейшую задачу действующих на этом театре войск. Ближайшая и главная задача всегда оставалась неизменной – разгром соединенных англо-афганских войск в предгорьях Гиндукуша, после которого могло последовать наступление в британские владения. Поэтому основное содержание всех подготовленных в Петербурге и Ташкенте оперативных планов составляли действия на территории Афганистана, а «Индийский поход» считался «номером сверх программы» и детально не разрабатывался. Подготовка к войне в Центральной Азии преследовала целью не завоевание Индии и даже не демонтаж британского

владычества в Южной Азии, а только военное поражение вооружённых сил Великобритании в регионе». В России считали, что его можно было достичь не только прямым вторжением в пределы Индостана, но и активной обороной. Поэтому большее внимание уделялось планированию оборонительной или контрнаступательной операции на территории Афганистана, нежели разработке плана наступления к индийским границам ⁶⁵³.

В то же время, многочисленные российские проекты военных экспедиций в Индию использовались и англичанами для оправдания колониальной экспансии в государствах Среднего Востока.

Вне сомнения, большое влияние на борьбу держав вокруг Ирана оказывал и культурный фактор. Стереотипы имперскости ⁶⁵⁴ – представления каждой из сторон друг о друге, о себе самих, о своих роли и месте в мире, о Персии и персах и т.п. – опосредовали практически все планы и действия в этом соперничестве. На внешнюю политику Великобритании относительно России обывательские стереотипы, которые отчасти навязывались правительством и интеллектуалами, влияли довольно серьёзно. В сознании обывателя «десятилетиями культивировался образ «алчной» и «напористой» России, воспитывались недоверие и страх перед ней», – писал В.В. Дегоев ⁶⁵⁵. И хотя его слова относились к началу Крымской войны, они не утратили актуальность в течение всего XIX в. В условиях демократического политического режима не только политики оказывали влияние на общественное мнение, но обратная связь была не менее сильна. Определённую роль играли престижные мотивы. Желание не уронить честь великой державы, влияние в глазах шаха, подпитывали поступки российских и английских политиков и военных. Не преуменьшая значения экономических и политических мотивов, следует помнить, что историю всё же творят люди. Поэтому человеческий фактор, включавший личные амбиции, культурные стереотипы и т.п., оставался значимым в международных отношениях вокруг Ирана.

1892 г. стал, на наш взгляд, значимым в англо-русском соперничестве в Персии. 6 января 1892 г. Насреддин-шах издал фирман об отмене табачной монополии во всех областях Ирана ⁶⁵⁶. 26 января указанием из Кербелы был снят запрет на курение. Английская инициатива потерпела поражение. Успех

антимонопольной борьбы российского представителя рикошетом ударил по одному из самых успешных проектов русского правительства – ПКБ. Во-первых, поведение Н.Я. Шнеура не могло не остаться без последствий в глазах шаха, которого он должен был защищать. Во-вторых, действиями (точнее – бездействием) «казаков» был скомпрометирован их непосредственный начальник – военный министр и губернатор Тегерана Камран-мирза Наиб ос-Солтане. Ведь толпу от дворца разогнала не «опора престола» – «казачья» бригада, а отряд сарбазов, расстрелявший манифестантов⁶⁵⁷.

Иван Алексеевич Вышнеградский

Английская компания от аннулирования монополии также понесла значительные убытки. Был на время подорван интерес английских деловых кругов к Ирану, как объекту капиталистических предприятий. Переговоры между иранским правительством и компанией привели к подписанию соглашения о компенсации⁶⁵⁸. Тегеран обязался выплатить 500 000 фунтов стерлингов в возмещение ущерба. Поскольку денег в казне не было, шах нуждался в ссуде. Е.К. Бюцов хотел «определённых условиях предоставить шаху средства, чтобы освободить его от британского влияния»⁶⁵⁹. Однако министр финансов Иван Алексеевич Вышнеградский, проводивший с 1887 г. политику на уменьшение бюджетного дефицита России, воспротивился такой комбинации, объясняя свою позицию отсутствием нужных средств. В результате, борьба английского и русского представителей за право выдать ссуду привела к тому, что правительство Ирана обратилось за займом в Шаханшахский банк. Весной⁶⁶⁰ 1892 г. было подписано соглашение, по которому Персия получала требующуюся сумму под 6 % годовых

под обеспечение поступлений южных таможен с выплатой в течение 40 лет⁶⁶¹. Это был первый внешний займ каджарского правительства. Хотя Е.К. Бюцов и доносил в Петербург, что «выговоренные персами условия гораздо лучше, нежели те, какие предлагали или, вернее, требовали англичане, и что персидское правительство уверяет, что оно могло им противостоять только благодаря поддержке, обещанной нами»⁶⁶², это была неудача русской политики. С этого времени шахское казначейство попало в долговую зависимость от Англии. Как верно отмечал советский исследователь Б.В. Ананьич, «с этого момента началась сплошная полоса финансовых кризисов персидского правительства»⁶⁶³.

Поражение англичан в борьбе за табачную монополию было компенсировано займом лишь отчасти. В мае того же года шахским правительством был утверждён устав «Персидского страхового и транспортного общества», созданного на основе концессии от 9 ноября 1890 г., дарованной шахом Л.С. Полякову⁶⁶⁴. «Задача его, – писал российский наблюдатель, – производить перевозку и страхование товаров по всей Персии, при чём персидское правительство предоставило обществу монополию по делу транспортирования, – монополию весьма важную, если принять во внимание, что компания может не допустить в Персии открытия какого-либо английского предприятия, преследующего одинаковые цели»⁶⁶⁵. 28 марта 1892 г. был высочайше утверждён устав «Товарищества для торговли и промышленности в Персии и Средней Азии» (бывшего «Товарищества для торговли и промышленности в Персии»), возглавлявшегося московским купцом Августом Матвеевичем Гезеном, главным акционером которого являлся Л.С. Поляков⁶⁶⁶. Борьба за Персию шла с переменным успехом, но чаша весов стала клониться в пользу России. Ярче всего это проявилось в изменении позиции мирзы Али Асгар-хана Амин ос-Солтане, занимавшего с 13 марта 1887 г. до 11 ноября 1896 г. пост садразама или первого министра.

Али Асгар-хан

Али Асгар-хан в России долго считался английским ставленником или проанглийски настроенным. Интересную зарисовку о жизненном пути Амин ос-Солтане оставил Ф. Казем-заде. «Он был внук грузина, захваченного иранцами во время похода Ага Мохаммед-хана в 1795 г., — писал он. — Грузинский пленник был подарен Казем-хану Каджару, и в его хозяйстве он остался слугой до конца жизни хозяина. Приняв ислам, Зал-хан (мусульманское имя грузина), женился на женщине из Исфохана и обзавелся семьей. Когда Казем-хан умер, Зал-хан с семьей остался с дочерью хозяина. Молодая госпожа вышла замуж за Мохаммед-шаха, и Зал-хан оказался в услужении у императрицы Ирана. Когда её сын, Насреддин-мирза, был назначен правителем Азербайджана, четыре сына Зал-хана были отправлены вести его домашнее хозяйство. Третий из них, Эбрахим, был особенно любим молодым принцем. В 1848 г. Насреддин вззошел на трон. Эбрахим переехал в Тегеран и взял вторую жену из Исфохана, которая родила ему шесть сыновей и двух дочерей. Старшим из этих детей был Али Асгар, будущий фаворит и премьер-министр Насреддин-шаха. Эбрахим не жалел ни сил, ни средств на обучение своего старшего сына. К шестнадцати годам способный и привлекательный Али Асгар в совершенстве владел персидским и арабским. Поговаривали, что его привлекала жизнь дервиша, поэзия и учение суфизма, но отец, ставший важным придворным чиновником и носивший титул Амин ос-Солтане («доверенное лицо шаха»), уговорил его пойти на службу к шаху. Когда ага Эбрахим умер в 1883 г., Насреддин-шах даровал титул отца мирзе Али Асгар-хану. После того его взлёт был быстр. В 1884 г. он участвовал в тайных переговорах с английской Миссией, где считался

другом Британии. Он был в доверительных отношениях с Артуром Николсоном и помогал ему в его деятельности против русского посланника А.А. Мельникова. Ко времени прибытия Вольфа в Тегеран мирза Али Асгар-хан Амин ос-Солтане был после шаха самым важным человеком в Персии. Умный, чувствительный, воспитанный, честолюбивый, беспринципный и развращённый деньгами, Амин ос-Солтане оставался фаворитом шаха вплоть до убийства властителя в 1896 г.»⁶⁶⁷. «В настоящее время Эмин-Султан (т. е. поверенный царя) главный государственный человек в Персии, имеющий громадное влияние на ход и внешних и внутренних дел этой страны, – писал о нём С. Уманец в 1890 г. – Это хитрый и умный честолюбец, при этом обладающий симпатичной внешностью и образованием. Он большой поклонник Англии, и, благодаря его поддержке, английское влияние в Персии приобретает всё больше и больше силы»⁶⁶⁸.

Однако проанглийские симпатии Али Асгар-хана нельзя объяснять исключительно его личными взглядами (хотя, возможно, они также играли определённую роль). Как свидетельствует работа Ф. Казем-заде, английская ориентация садразама была тесно связана с британскими «инвестициями» в него. В частности, за поддержку табачной монополии он получил около 15 000 фунтов стерлингов⁶⁶⁹ и 500 акций⁶⁷⁰. Характерным примером является также участие Амин ос-Солтане в выдаче концессии английскому подданному австралийцу Уильяму Ноксу д'Арси на разработку нефтяных месторождений в Южной Персии в 1901 г. Садразам, считавшийся тогда уже прорусски настроенным, не только скрыл переговоры между правительством шаха и англичанами, но и активно способствовал получению концессии. Российский посланник К.М. Аргиропуло, пытаясь объяснить непонятное для него поведение Али Асгар-хана, писал 29 июня 1901 г., что им «руководило желание смягчить недовольство англичан для прекращения их участия в интригах, направленных против него»⁶⁷¹. Однако на деле всё оказалось куда более прозаичнее – У.Н. д'Арси за получение концессии уплатил взятку в размере 50 000 туманов⁶⁷². «В самом деле, необходимым условием для получения какой-либо области в управление есть поднесение пишкеша ... больше которого никто не поднёс. Заседания и приёмы у садразама есть ничто иное, как безобразный торг этим товаром», – писал в 1894 г. А.Г. Туманский, характеризую

процесс назначения на административные должности в Иране в период премьерства Али Асгар-хана ⁶⁷³.

Вообще, приверженность персидских чиновников России или Англии не следует переоценивать, навешивая «ярлыки», как это делали многие современники и историки. В определённой степени и они заботились о государственных интересах. Но эта забота была обусловлена не столько абстрактными представлениями, сколько личными выгодами, обидами и т.п. Большое влияние имела также внутренняя борьба между представителями управленческой верхушки. Так, упоминавшийся Малькольм-хан стал ярким противником концессии Д.Ф. Тальбота после того, как в результате провала аферы с лотереей и интриг против него Али Асгар-хана впал в немилость ⁶⁷⁴. После смерти шаха и отстранения Амин ос-Солтане, «как только его жалованье было возобновлено, он забыл о всех принципах, которые защищал на страницах газеты «Канун», и вновь стал послушным рабом царя царей» ⁶⁷⁵. Камран-мирза Наиб ос-Солтане, один из сыновей Насреддин-шаха, враждовавший с Али Асгар-ханом, рассматривался историками как человек, которого русские могли завербовать в борьбе против монополии ⁶⁷⁶. И это при том, что сами российские наблюдатели отмечали его проанглийскую ориентацию.

Не был исключением и Али Асгар-хан. «Это ещё молодой человек (имеются в виду 1880-е гг. – О.Г.), – писал Мисль-Рустем, – лет 38, умница, красивый, любезный, богатый и любимец шаха. Он сын простого червордара – погонщика мулов, очень понравившийся шаху» ⁶⁷⁷. Выходец из низов, он настроил против себя многих из окружения шаха ⁶⁷⁸. Классическим примером из его политической биографии, подтверждающим высказанные нами выше утверждения, является его борьба с шахским сыном Масуд-мирзой Зелл ос-Солтане. В середине 1880-х гг. оба они считались сторонниками проанглийской ориентации Персии. Тем не менее, и тот, и другой не могли терпеть друг друга. Это объяснялось причинами личностного характера, обусловленными разностью происхождения при одинаково высоком положении. В результате, когда англичане решили сделать ставку на принца, как на своего агента влияния и, возможно, будущего шаха, Амин ос-Солтане «сыграл в пользу» русской миссии. Шах доверял ему больше, чем своим сыновьям (возможно,

не без основания опасаясь за своё положение на троне). «Через Амин-Султана, – сообщал Мисль-Рустем, – всё и делается в Персии. Часто он именем шаха делает важные распоряжения. У него заискивают и одаривают его даже представители европейских держав ... Когда он ездит по улицам, то бросает в народ деньги, почему за его каретой всегда бежит толпа. Он вообще популярен в народе и любимец шаха, который иногда даже принимает его в эндеруне, т. е. женской половине»⁶⁷⁹. В Петербурге, видимо, также сделали ставку на Амин ос-Солтане⁶⁸⁰. Под влиянием садразама и российского посланника в 1887 г. Насреддин-шах лишил старшего сына всех постов, кроме поста губернатора Исфахана⁶⁸¹.

Масуд-мирза Зилл ос-Солтане

Наиболее непримиримым из ненавистников Али Асгар-хана был Камран-мирза. Табачная концессия, в которой садразам принимал непосредственное участие, дискредитировала его в глазах населения. Эта дискредитация была «отягощена» интригами и откровенным давлением со стороны русской миссии. В начале 1892 г. отношения Амин ос-Солтане с русским посланником дошли до открытой враждебности⁶⁸². Однако уже спустя некоторое время «премьер-министр стал осторожно изменять свою позицию, сдвигаясь ближе к России»⁶⁸³. Объяснялось это не только необходимостью получения денег на покрытие аннулирования концессии. Авторитет Али Асгар-хана в Персии резко упал. А по

опыту предыдущих садрамамов (как мирза Таги-хан, мирза Хосейн-хан) он понимал, что даже расположение шаха не может гарантировать ему в сложившейся ситуации не только его положение, но и жизнь. Амин ос-Солтане решил ориентироваться на более сильный из внешних факторов, которым становилась Россия.

FOR AUTHOR USE ONLY

ГЛАВА 5

«ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ОТНОСИТЕЛЬНО ВОСТОКА И ИРАНА

5.1. С.Ю. Витте и изменения методов персидской политики Российской империи

К концу правления Александра III Персия по-прежнему оставалась важна для России в стратегическом отношении. Со временем, под влиянием моды на империализм⁶⁸⁴, российская внешняя политика в Иране становится действительно агрессивной и направленной на решение главной задачи – подчинению Ирана русскому влиянию и вытеснению Англии. В определённой степени успех здесь сделал свой вклад в развязывание русско-японской войны 1904–1905 гг., в которую Россию втянула фактически Великобритания. Она же и выиграла от этой войны больше всех, в том числе и в Персии, где российское правительство вынуждено было пойти на раздел сфер влияния.

Российская позиция по разделу Персии (нежелание даже обсуждать этот вопрос) с перспективой полного подчинения этой страны русскому влиянию, объяснялась агрессивной оборонительной политикой, проводившейся Великобританией на южных рубежах России с конца XVIII в., а также резкими противоречиями между двумя великими державами в «Восточном вопросе». Великобритания старалась не допустить создания угрозы для «жемчужины британской короны» – Индии – на дальних подступах, заодно стремясь подчинить себе мировые торговые коммуникации и важные территории. Своим поведением Англия фактически провоцировала Россию на активную политику в Азии, поскольку своими действиями она угрожала рубежам империи Романовых и внутреннему спокойствию порубежных территорий России. В свою очередь, в Британии защитные действия России рассматривали как доказательство её агрессивности. В итоге в обеих странах сформировался пласт политиков, военных и

общественных деятелей, которые рассматривали политику другой страны как исключительно агрессивную и выступали за активное ей противодействие. Но если в Англии первоначально формирование этой группы было вызвано желанием не допустить потери уже захваченного, не дать вырасти сильному конкуренту на международной арене, то в России «ястребы» формировались именно под воздействием английских провокаций, двуличной и агрессивной в отношении России политики.

Однако задачи русской политики в Иране постепенно менялись. Ещё в 1885 г. один из российских публицистов писал: «мы сами должны двинуться в Персию и, пока возможно, взять её рынки в наши руки почти без боя; если же мы и в следующие 10–15 лет этого не сделаем, то наши более ловкие и более искусные европейские конкуренты займут наше место и ототрут нас от персидских рынков ... Понятно, если наши купцы захотят сейчас же иметь большие барыши и выгоды, то они ошибутся; действуя же настойчиво, хотя и медленно в интересах будущего, они не могут не выиграть. Иностранцы не спят, а думают и дело делают ... В виду этого нашему купечеству нужно сплотиться и начать работать вместе, помня мудрую пословицу, что под лежащий камень и вода не течёт ... Самым опасным конкурентом России в Персии является Англия, благодаря её умению действовать и энергии, с которой она ограждает свой интерес в начале даже с явным ущербом для себя»⁶⁸⁵. В целом кредо российской политики, выдвинутое ещё И.А. Зинovieвым, не менялось. «Россия политически должна преобладать в Персии», – резюмировал его публицист К.А. Скальковский⁶⁸⁶.

Здесь следует отметить, что советские авторы и некоторые современные, на наш взгляд, заблуждались (вольно или в силу идеологической обусловленности), считая, что «во второй половине XIX века ... на первый план выходит осуществление экономических задач российского капитализма в этой стране»⁶⁸⁷. Как уже отмечалось, российский капитализм был не настолько силен, а правительство не слишком заинтересовано в поддержке частных инициатив русских предпринимателей. До 1893 г. главным было обеспечение военно-политической безопасности царского государства, а экономические проекты имели второстепенное значение. Но с 1893 г. методы давления и запугивания постепенно

вытесняются экономическими. Как отметил историк О.А. Никонов, «только к последней четверти XIX в. российские власти осознали необходимость выработки четкой экономической программы, которая бы сочетала предпринимательскую инициативу и трезвый государственный расчёт»⁶⁸⁸. Основной задачей российской дипломатии в Иране становится обеспечение экономических преимуществ России и её подданных. И инициаторами здесь выступали не «промышленники и предприниматели», а государственные деятели. Отчасти это было вызвано своеобразной модой конца века, связанной с внутренним курсом на развитие экономического потенциала России и совершившимся промышленным переворотом. Отчасти же – ориентировкой на внешнюю политику вне Европы ведущих европейских держав, прежде всего Великобритании. В этом ракурсе Иран рассматривался уже не только с военно-стратегических позиций как противник Турции, Афганистана и Великобритании. Как отмечал русский публицист К.А. Скальковский, «Персия прогрессирующая экономически, является для России более выгодным рынком, чем Персия разорённая»⁶⁸⁹.

Сергей Юльевич Витте

В России новый курс был тесно связан с именем Сергея Юльевича Витте⁶⁹⁰. В августе 1892 г. он был назначен министром финансов, а уже с начала 1893 г. стал воплощать в жизнь свои взгляды на экономическое будущее России⁶⁹¹. Как отметил Е.К. Тарле, «основой всех воззрений Витте на внешнюю политику является глубокое убеждение, что Россия не может и не должна воевать»⁶⁹². Продолжая линию своих предшественников, он выступал за всемерное поощрение русской промышленности и финансов и защиту их от более развитых конкурентов, активное железнодорожное строительство, привлечение в экономику империи иностранных

инвестиций. Причём линию эту должно было проводить государство. Понимая происходившие в мире изменения, он вполне обоснованно считал, что Россия должна стать великой экономической державой, иначе она потеряет свой теперешний статус. В импорте иностранного капитала и в развитии (при помощи этого капитала) промышленности в России С.Ю. Витте видел одну из главных задач, к решению которых должна стремиться государственная власть⁶⁹³. Главной целью своей политики С.Ю. Витте видел экономическую независимость и самодостаточность России. Достигнув высокого уровня промышленного развития, империя могла, по его мнению, занять прочные позиции на рынках Среднего, Ближнего и Дальнего Востока⁶⁹⁴. Связывая протекционизм с необходимостью привлечения иностранных капиталов в экономику России, министр финансов предполагал с их помощью активно включиться в борьбу за рынки сбыта на Востоке. Уделяя особое внимание развитию промышленности, С.Ю. Витте считал, что со временем она достигнет высокого уровня развития. А это сделало бы русские товары не только конкурентноспособными на международном рынке, но и дало бы возможность выплачивать «проценты на капиталы, полученные в Европе ... из выручки от вывоза в Азию»⁶⁹⁵.

Азиатским странам вообще в его стратегии отводилась особая роль⁶⁹⁶. Империя должна была, по его рассуждениям, продукцией своей промышленности покрыть потребности азиатских стран, «которые находятся или должны находиться» под влиянием России. «Ведь владычество метрополии над колониями, – писал С.Ю. Витте, – укрепляется ныне более всего силою не оружия, а торговли»⁶⁹⁷. Вошедшие в состав Российской империи страны и территории Средней Азии должны были стать плацдармом для экономической экспансии на иранском направлении. Результатом её должно было стать создание торгово-экономического пространства, охватывающего среднеазиатский регион и сопредельные районы Ирана. Этот регион должен был стать источником хлопка-сырца для российской текстильной промышленности с последующей реализацией её на восточных рынках⁶⁹⁸. Тем не менее, прекрасно понимая экономическую слабость империи Романовых, министр финансов вполне осознавал слабую заинтересованность русской промышленности во внешних рынках. Поэтому государство должно было, с

одной стороны, стимулировать и поддерживать этот интерес, а с другой – включиться в борьбу за рынки с другими развитыми экономически державами впрок, на перспективу. Как верно отметили авторы одной из биографий С.Ю. Витте, «с помощью казённых и «нейтральных» иностранных капиталов правительство (в данном случае – С.Ю. Витте, направлявший эту политику – О.Г.) и рассчитывало, не скупясь на затраты, сделать то, что было ещё не по плечу слабой отечественной частной инициативе»⁶⁹⁹. Все эти идеи были положены в основу нового внешнеэкономического курса, основы которого были заложены в 1893 г. Новый курс относительно Азии (в том числе, и Ирана) был инициирован С.Ю. Витте, но окончательно утверждён Александром III. Внешняя политика была прерогативой главы дома Романовых, а идеи русской экспансии в Азию совпадали с взглядами императора на место управляемой им страны в мире⁷⁰⁰.

С.Ю. Витте немедленно по вступлении в управление Министерством финансов поставил вопрос о необходимости расширения «русско-азиатской торговли» на том основании, что пограничные с Россией страны Азии «служат рынками сбыта» русских мануфактурных изделий и «торговое в этих странах значение России находится в самой тесной связи» с её «политическим влиянием»⁷⁰¹. В апреле 1893 г. по его же инициативе при Министерстве финансов было создано «Особое совещание по торговле с азиатскими государствами» из представителей министерств финансов, военного и иностранных дел⁷⁰². На нём, в частности, были рассмотрены и вопросы торговли с Персией. Как отмечал в своём обобщающем докладе начальник Закаспийской области А.Н. Куропаткин, в 1883 г. торговый оборот России с Персией составлял 11 200 000 руб., в 1893 г. оборот по ввозу и вывозу уже составлял до 27 300 000 руб., а за 20 последних лет вырос более чем в 4 раза. Тем не менее, «ценность вывозимых из Персии продуктов всё время превышала стоимость ввозимых нами товаров»⁷⁰³.

Основными причинами неудач русской торговли в Иране назывались совершенное незнание «необходимых потребностей страны, или же неурядицы в самом устройстве подобных предприятий»⁷⁰⁴. Имелось и множество иных затруднений в виде отсутствия хороших путей сообщения, длительное оформление товаров на таможнях, нежелание торговцев из России торговать на низкую прибыль,

пошлины и пр. «Русская торговля продолжает страдать в Персии оттого, что богатые торговцы могут, давая взятки, платить менее пошлин, чем мелкие, – отмечал российский публицист, – а торговля ведётся преимущественно мелкими торговцами»⁷⁰⁵. К тому, по удачному замечанию советского исследователя Николая Николаевича Бобынина, «в то время, как английские капиталисты сами прокладывали себе дорогу в Иран, а правительство лишь помогало им, то русскому правительству самому приходилось тащить на буксире своих капиталистов»⁷⁰⁶.

«Вывозная торговля иностранных государств, главным образом Англии, в общей сложности превышает торговлю России почти в два раза и притом обороты по торговле с Персией завершаются с балансом в пользу Европейских государств», – писал в своём докладе царю 1895 г. А.Н. Куропаткин⁷⁰⁷. «Не взирая на первобытное состояние персидской культуры и ремёсел (имелось в виду почти полное отсутствие промышленного производства и преобладание ручного труда в форме мануфактуры – О.Г.), покупаем постоянно в Персии более, нежели продаём, и являемся относительно персиян должниками по балансу», – вторил ему более поздний автор⁷⁰⁸. «Такое положение вещей, в виду относительной близости к Персии русских промышленных районов, не может быть признано нормальным и со стороны России необходимы новые усилия и меры, дабы на важных, примыкающих к нам персидских рынках Россия получила преобладающее значение», – отмечал А.Н. Куропаткин⁷⁰⁹. Мнение это полностью согласовывались с выводами совещания. В целях улучшения торговли оно в первую очередь «признало желательным» приобретение в собственность казны Ссудного общества Персии⁷¹⁰. За этим последовали и другие меры.

В начале 1894 г. С.Ю. Витте представил Александру III доклад о необходимости расширения русско-азиатской торговли. Он аргументировал тем, что пограничные с Россией страны Азии служат рынками сбыта русских мануфактурных изделий. Увеличение оборотов будет способствовать как развитию русской промышленности, так и улучшению торгового и платежного балансов. Наконец, «торговое в этих странах значение России находится в самой тесной связи» с её политическим влиянием⁷¹¹. В развитие идей С.Ю. Витте к концу октября 1893 г. в Департаменте торговли и мануфактур, возглавляемом В.И. Ковалевским,

была разработана программа развития промышленности и торговли России. Суть её сводилась к защите русского производителя от иностранной конкуренции путём тарифной политики. Согласно программе, правительство должно было обеспечить руководство этим процессом, а также нравственно и материально содействовать частным предпринимателям, когда «частный почин» был «или невозможен, или слишком слаб»⁷¹². Указанное положение касалось не только внутреннего, но и внешних рынков. Если до этого времени деятельность и инициатива российской буржуазии и государства в Иране шли как бы «на параллельных курсах», то с 1893 г. государство активно вмешивается в экономическую деятельность русских в Персии, корректируя и направляя её в свою пользу, а то и вовсе беря в собственные руки.

Так, именно в контексте указанных замыслов в 1893 г. состоялось, например, продление полученной в 1873 г. при содействии русской дипломатии купцом Степаном Мартыновичем Лианозовым (Лионозовым) концессии на право ловли рыбы в южной части Каспийского моря. Арендный договор был заключён на 25 лет на очень выгодных для российского предпринимателя условиях. Он должен был платить персидскому правительству 20 000 полуимпериалов⁷¹³ в год до 1902 г., а затем – по 23 000. До этого арендная плата составляла 63 000 полуимпериалов в год⁷¹⁴. Этим же годом датируется попытка российского правительства упорядочить курс крана по отношению к рублю и, одновременно, вытеснить иранскую монету из обращения как основную в Средней Азии. 16 июля 1893 г. ввоз персидских кранов в пределы азиатских владений империи был запрещён специальным указом. Впрочем, данная мера не возымела должного действия и 29 июля 1894 г. была отменена⁷¹⁵. В 1894 г. было решено учредить таможи на границе Закаспийской области и Хорасана, воспретить ввоз в пределы России иностранной серебряной монеты для регулирования курса серебра⁷¹⁶. Это решение было реализовано⁷¹⁷.

Начинается также своеобразное «прощупывание» южных рынков. «В последнее время некоторые русские фирмы Тегерана, напр. Бр. Поляковы высылают русскую мануфактуру в Йезд по большой торговой дороге Кум–Кашан (Исфахан) и Каин», – отмечал в начале 1890-х гг. русский путешественник⁷¹⁸. Способствовать продвижению российской торговли должны были консулы. В 1893 г. был утверждён новый консульский устав, в котором впервые отдельно были выделены страны

Востока⁷¹⁹. В частности правилам деятельности и обязанностям консулов в Иране была посвящена целая глава⁷²⁰.

К 1893 г. Россия имела в Иране только 4 консульства⁷²¹ – Тебризское (генеральное), Рештское, Астрабадское и Мешхедское (генеральное, с 1889 г.). Они были учреждены в разное время «для покровительства отечественной торговле и своих подданных, проживающих в пределах, порученных консулам провинций»⁷²². Кроме того, консулы назначали в крупные торговые центры своих агентов. Чаще всего это были армяне. Так, в городе Бирдженд (центр эмирата Каин), являвшимся центром торговых операций Каинского эмирата, от русского генерального консула находился «агент, доносящий 2 раза в неделю в Мешхед обо всех имеющих значение фактах и происшествиях; наряду с этим агент занимается мелочной и чайной торговлей и маклерствует в скупке и продаже сырья»⁷²³. В Тегеране состоял при Миссии на должности старшины купцов (Туджар-баши) шушинец, «весьма сомнительной нравственности»⁷²⁴. В январе 1894 г. хаджи мирза Мохаммед-Таги-Ширази, йездский мелик од-туджар, т. е. глава городского купечества, был утверждён русской Миссией в звании российского торгового агента, «и теперь он известен как векиль-од-доуле, т. е. агент государства (подразумевается Российского). Хаджи мирза Мохаммед-Таги-Ширази имеет обширнейшие торговые сношения и свои собственные агентуры в Бомбее, Гонконге, Каире, Александрии, Константинополе, Тегеране, Бухаре, Мерве, Ашхабаде и проч.»⁷²⁵. В Бирдженде неофициальным консульским агентом России являлся некий «молодой персиянин»⁷²⁶. Тем не менее, этого было явно недостаточно. Большая часть Ирана, в том числе и номинально находившийся под влиянием России север страны, оставалась вне охвата. Отсюда скудость информации о центральных и южных рынках. А.Н. Куропаткин в 1895 г. обращал внимание на этот факт и предлагал учредить консульства в Исфahanе и Мохаммерре, назначить коммерческих агентов в Тегеран, Тебриз и Мешхед, с перспективой изучения ими рынков юга и центра Ирана⁷²⁷.

Ещё в 1893 г. Ала-Абадская газета «Пионер» констатировала, что Хорасан превратился в основной источник русских товаров на Сеистанском рынке. Этому способствовало завершение в 1885 г. строительства Закаспийской железной

дороги⁷²⁸. Русским правительством были отчасти учтены уроки неудач Н.Н. Коншина и Кудрина. Армянские торговые дома и «Товарищество для торговли и промышленности в Персии» изменили политику в сфере торговли русскими товарами. Например, качество русских ситцев стало превосходить английские товары и по материалу и по расцветке – торговцы стали изучать предпочтения местного населения⁷²⁹. Появление качественных и соответствующих местному вкусу тканей московских, тверских и иваново-вознесенских фабрик, отмечал современный российский историк, стремительно изменило соотношение конкурентов на хорасанском рынке. Если в 1890 г. на долю российских тканей приходилось 1/9 часть всех ввезённых в регион тканей, то к 1893 г. 1/3 всего потребительского спроса обеспечивалась продукцией русских фабрик⁷³⁰.

Видимо для лучшей сговорчивости персидского правительства в 1893 г. наконец была удовлетворена просьба шаха, с которой он обращался ещё с 1882 г., об учреждении в Ашхабаде иранского консульства⁷³¹. Было также завершено определение пограничной черты и использования вод пограничных рек на основании подписанной 27 мая 1893 г. «Конвенции между Россией и Ираном о разграничении в Средней Азии»⁷³². Представители Персии и России Эмин-незам и подполковник ГШ Эдуард Карлович фон Клодт подписали протокол о пользовании водой реки Герируд⁷³³. В конце 1893 г. произошли изменения и на границе Закаспийской области с Персией: вместо уступленного Персией России селения Фирюзе к Ирану отошло селение Хисар и участок земли на правом берегу р. Аракс⁷³⁴.

Одним из важнейших шагов в рамках политики экономического «освоения» Персии русским капиталом под руководством государства стала посылка туда в 1893 г. чиновника для особых поручений департамента торговли и мануфактур Министерства финансов Михаила Львовича Томара⁷³⁵. Его главной задачей была разведка экономического положения Персии и возможностей для России в иранской экономике. По возвращении в 1894 г. из командировки им была подготовлена обстоятельная работа, увидевшая свет в 1895 г.⁷³⁶ Основная идея, проходящая через неё – определения выгод и невыгод для Российской империи в её финансово-торговых отношениях с Ираном и в конкурентной борьбе за иранский рынок с

другими европейскими державами. Как отмечал безымянный рецензент в 1896 г., «конечный вывод, к которому приводят данные, сообщаемые автором «Экономического положения Персии»» заключался в том, что «при крайне низком культурном состоянии» населения Ирана и «очень ограниченных потребностях спрос на европейские товары внутри Персии не может поэтому быть настолько большим, чтобы представить для России сколько-нибудь важный внешний рынок»⁷³⁷. Тем не менее, М.Л. Томар отмечал, что географическое положение России даёт благоприятные возможности для конкуренции с европейскими державами (прежде всего – с Британской империей). Однако через всю работу проходила мысль о том, что русское предпринимательство в Иране разобщено, не имеет централизованной организации, общей цели и выгодных путей сообщения, и именно поэтому не процветает.

5.2. А.Н. Куропаткин и экономическое изучение Ирана

Алексей Николаевич Куропаткин

Параллельно с министерством финансов действовали и военные. Здесь одним из главных идеологов и реализаторов новой политики стал А.Н. Куропаткин⁷³⁸. 27 марта 1890 г. он в чине генерал-лейтенанта ГШ был назначен на должность начальника Закаспийской области, командующего расположенными в ней войсками и заведующего Закаспийской железной дорогой⁷³⁹. Возглавляемая им область по «Временному положению об управлении Закаспийской областью» от 6 февраля 1890 г. была выведена из подчинения Кавказской администрации⁷⁴⁰. Её начальник

стал подчиняться непосредственно военному министру и получил большую самостоятельность и обширные права: по военной части – командующего округом, по гражданской – генерал-губернатора. В области существовал областной военный штаб по подобию окружного. Она непосредственно граничила с Персией, поэтому роль её в отношениях между двумя государствами сделалась значительной. «Закрепляя прежние функции закаспийского начальника, – верно отметили авторы одной из последних монографий, посвящённых политике России в Центральной Азии, – новый закон дополнял их важнейшими дипломатическими полномочиями и обязанностями по обеспечению охраны государственной границы»⁷⁴¹. Фактически, начальник области становился одним из проводников и координаторов внешней политики империи Романовых относительно Ирана. Поэтому не удивительно, что у А.Н. Куропаткина сформировались собственные взгляды на отношения с южным соседом. В общих чертах суть их была сформулирована им ещё в 1878 г., когда он занимал должность начальника Азиатской части Главного штаба⁷⁴². «Занятие нами сильной позиции в Средней Азии есть одно из средств облегчить выполнение общей исторической задачи России – разрешение согласно славянских интересов Восточного вопроса»⁷⁴³.

По его инициативе начиная с 1890 г. разворачивается систематическое изучение Хорасана⁷⁴⁴, а затем и всей Восточной Персии офицерами штаба войск области. Экспедиции их имели военно-статистический характер с акцентом на сбор сведений о путях сообщения (правда, у некоторых офицеров имелись и специальные задания, рассмотрение которых не входит в наши задачи)⁷⁴⁵.

Леонид Константинович Артамонов

Начало им было положено поездкой откомандированного в 1889 г. из Кавказского военного округа на должность обер-офицера для поручений в штаб Закаспийской области капитана ГШ Леонида Константиновича Артамонова – признанного специалиста по Северной Персии⁷⁴⁶. Он был направлен командующим войсками Закаспийской области «со стратегической целью для рекогносцировок в приграничной к Афганистану полосе в окрестностях урочища Гюмбезли для выборки места под опорный пункт и исследования путей к нему от Теджена и Мерва»⁷⁴⁷. Экспедиция его длилась с 16 декабря 1890 по 26 января 1891 г. А с 20 июля 1891 г. по 6 января 1892 г. Л.К. Артамонов посетил Астрабад-Шахрудский район Персии и Северный Хорасан⁷⁴⁸. Он был прикомандирован к российскому консульству в Астрабаде. Помимо рекогносцировки путей сообщения и изучения их пропускной способности для продвижения войск, капитан собрал военно-статистические сведения о посещённых территориях. Изученный район представлял большое значение для военной разведки штаба войск Закаспийской области, поскольку в случае занятия линии Астрабад – Шахруд Хорасан совершенно изолировался от остальной территории Персидской монархии⁷⁴⁹. Кроме того, Л.К. Артамонов посетил туркменские кочевья для того, чтобы собрать сведения о деятельности английских агентов среди них и блокировать британское влияние. В 1893 г. 4 месяца Л.К. Артамонов находилась в составе Международной комиссии по урегулированию вопроса о воде р. Кушка, собрав сведения о пограничной с Афганистаном полосе и о Гератской провинции⁷⁵⁰.

2 мая – 6 ноября 1889 г. помощник начальника строевого отделения штаба Закаспийской области причисленный к ГШ ротмистр Иван Иванович Стрельбицкий в Восточном Хорасане обрекогносцировал пути, ведущие из Закаспийской области к Мешхеду⁷⁵¹. Поездка эта была прервана раньше времени. Поэтому в августе – декабре 1891 г. И.И. Стрельбицкий, уже в должности помощника старшего адъютанта штаба области, был прикомандирован к российскому генеральному консульству в Мешхеде для изучения Хорасана и путей, ведущих из России к Герату через Восточную Персию, а также разведки русско-афганской границы и сбора сведений о положении в Сеистане⁷⁵². В сентябре–октябре 1891 г. под руководством есаула, временно исполнявшего должность помощника старшего

адъютанта штаба войск Закаспийской области Андрея Ивановича Кияшко была проведена полевая поездка офицеров штаба Закаспийской области для сбора военно-статистических сведений в Ашхабадском уезде. В январе–феврале 1892 г. он был командирован в Каракала для изучения причин и масштабов туркменских грабительских набегов – аламанов. В апреле–июне 1892 г. А.И. Кияшко совершил рекогносцировку участка границы с Персией от восточного берега Каспийского моря до поста Гаудан. В июле 1893 – январе 1894 гг., уже переименованный (с сентября 1892 г.) в капитаны ГШ, участвовал в комиссии по учреждению таможенных постов в Закаспийской области вдоль границ с Ираном и Афганистаном⁷⁵³.

Андрей Иванович Кияшко

Владимир Алоизиевич Орановский

Кроме того, в 1892 г. командирован был для рекогносцировки маршрутов вдоль афганской границы обер-офицер для поручений при штабе войск области капитан ГШ Владимир Алоизиевич Орановский⁷⁵⁴. В июле 1893 г. он же произвёл рекогносцировку Херабата и участка русско-персидской границы в пределах Закаспийской области⁷⁵⁵. Недостающие сведения о Хорасане штабом Закаспийской области были получены также от генерального консула в Мешхеде Петра Михайловича Власова. С апреля по июль 1892 г. он совершил поездку по северу Хорасана, а в 1894 г. дополнил её двумя новыми работами⁷⁵⁶. Особое внимание он, как консул, уделил торговым вопросам, отметив, в частности, что торговля России с Хорасаном после 1881 г. значительно возросла, однако далека от главной цели – вытеснения конкурентов⁷⁵⁷. П.М. Власов указывал, что англичане очень активно и различными способами продвигают свою торговлю в Герате и Хорасане, «не заботясь вначале о выгодах и не отступая перед затруднениями и убытками, лишь бы обеспечить за своими товарами афганские рынки и отнять у России хорасанские»⁷⁵⁸. Здесь же он отмечал «настоятельные нужды» русской торговли в Хорасане, среди которых были необходимость установления почтового сообщения между Мешхедом и Ашхабадом, открытия русского банка в Мешхеде⁷⁵⁹.

Петр Михайлович Власов

Помимо чисто военных, офицеры и консулы собирали информацию о положении и настроениях среди населения, экономике, политико-административном устройстве и его функционировании, о деятельности англичан и пр.

В 1894 г. А.Н. Куропаткин запросил у военного министра разрешения на ещё 3 командировки офицеров в Иран. Как отмечал в своём обращении 10 марта 1894 г. к П.С. Ванновскому А.Н. Куропаткин, И.И. Стрельбицкий и Л.К. Артамонов обследовали районы, ограниченные с севера и востока русской границей, а с юга и с запада – линией Гязь – Дамган, Себзевар – Нишапур – Турбет и Хейдари – Каин – Биджан – Них – Насирабад. Однако не исследованным остался северо-восточный Хорасан, а в нём 2 операционных линии: Астрабад – Мешхед – Герат и Теджен – Серахс – Герат. Для обследования указанного района начальник области решил командировать В.А. Орановского ⁷⁶⁰. Одновременно с ним в Иран были отправлены ещё 2 офицера ГШ. Первым был прикомандированный к штабу войск Закаспийской области поручик лейб-гвардии Волынского полка (с 1856 г. квартировавшегося в Варшаве) Карл-Отто Георгиевич Баумгартен ⁷⁶¹, служивший в Закаспии с 1893 г. заведующим картографическим отделением штаба войск ⁷⁶². Вторым офицером был и направленный в 1891 г. из Главного штаба в распоряжение командующего войсками Закаспийской области Гвардейской артиллерии штабс-капитан Александр Григорьевич Туманский, с 1893 г. исполнявший должность помощника начальника Мангишлакского уезда. Особенностью двух последних назначений было то, что оба офицера имели хорошую языковую подготовку. К.-О.Г. Баумгартен получил образование на офицерских курсах восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел в 1890–1893 гг., освоив арабский и фарси; А.Г. Туманский окончил те же курсы в 1891 г., изучив арабский, турецкий и фарси ⁷⁶³.

Экспедиция В.А. Орановского, выехавшего одновременно с К.-О.Г. Баумгартеном, длилась с апреля по август 1894 г. Его исследование носило военно-географический характер с уклоном на изучение путей сообщения. Последние он изучал с перспективой дальнейшей разработки в колёсные дороги для военных целей – наступления на Герат или войны с Персией ⁷⁶⁴. Торговая составляющая занимала в отчёте В.А. Орановского незначительное место ⁷⁶⁵.

Две другие командировки имели несколько отличный от всех предыдущих характер. Очевидно, что посылка К.-О.Г. Баумгартена и А.Г. Туманского также находилась в русле решений Особого совещания и была вызвана не только

инициативой А.Н. Куропаткина. Военное министерство со своей стороны занималось изучением Ирана в основном через штабы Кавказского военного округа и Закаспийской области. Поездки указанных офицеров были санкционированы военным министром по согласованию с начальником Закаспийской области ⁷⁶⁶. Но главное, что свидетельствует в пользу нашей версии – это задачи, поставленные перед К.-О.Г. Баумгартеном и А.Г. Туманским, а также их собственные отчёты ⁷⁶⁷. К.-О.Г. Баумгартен получил от А.Н. Куропаткина инструкцию, где были изложены требования к его исследованию и определён путь следования ⁷⁶⁸. Он должен был изучить Хорасан, Йезд и Кирман, А.Г. Туманский – Южную Персию и пути, ведущие к Персидскому заливу. Не смотря на наличие значительного материала военно-статистического характера, основное место в работах, предоставленных после возвращения, занимал анализ экономического положения изученных ими районов и Персии в целом, путей сообщения, состояния и перспектив русской торговли, коммерческой деятельности англичан и других европейских подданных.

28 апреля поручик лейб-гвардии Волынского полка К.-О.Г. Баумгартен прибыл в Кучан – центр одноимённого ханства на севере Персии. Он посетил Хорасан, Йезд, Кирман, горную систему Ширкух, персидский Белуджистан. Поездка поручика длилась 4 месяца и 16 дней и окончилась 6 сентября того же года ⁷⁶⁹. А результатом стала полномасштабная работа, опубликованная в 1896 г. Главной его целью было «выяснить те данные, применение которых может послужить к развитию торговых сношений с Персией вообще, а русско-персидской торговли в частности» ⁷⁷⁰. Основное внимание поручик уделил следующим вопросам. «Выяснено какие затруднения может встретить обращение существующих вьючных путей в колёсные, при чём обращено внимание на перевалы, подъёмы, спуски и на обеспечение путей водою, фуражом и топливом, – подводил он итоги своей работы. – Описаны главнейшие по пути рынки, при чём обращено внимание на количество находящихся там русских и английских фабрикатов. Собраны сведения по движению караванов, о срочности и цене доставки английских товаров от Персидского залива к северу до Мешхеда включительно. Сверх того, собраны сведения (насколько это было возможно при непрерывном движении вперёд) статистического, этнографического и

административного характера, а также и сведения важные в военном отношении»⁷⁷¹. Общая стоимость поездки составила 2 700 рублей без расходов на снаряжение экспедиции⁷⁷².

Исследование его имело торгово-географический характер и чётко распадалось на 2 составляющие – географическую и торговую. В географическом отношении поручика в первую очередь интересовали пути сообщения «ведущие от Закаспийской военной железной дороги и Хорасана вглубь восточной Персии и далее к портам Персидского залива»⁷⁷³. Описывая подробно все местности, по которым он проезжал, К.-О.Г. Баумгартен основной акцент делал на маршруты. Он фиксировал климатические условия, количество переходов, уровень обеспеченности их фуражом, пищей, водой, постоем и пр., что относилось к военно-топографическому описанию⁷⁷⁴, анализировал возможности и стоимость разработки их в качестве торговых и военных путей в интересах России, особое внимание обращая на пригодность их для колёсного движения и возможность преобразования вьючных путей в колёсные. В частности, К.-О.Г. Баумгартен анализировал значение тех или иных дорог «для распространения наших товаров из северного Хорасана по центральной и южной Персии»⁷⁷⁵. Относительно военного их использования К.-О.Г. Баумгартен писал очень мало. Только один путь – Кучан–Беш-Агач–Карагуль–Султанабад–Себзевар – важный с торговой точки зрения, проанализирован им и в военном отношении. Являвшийся естественным продолжением Ашхабад-Кучанской колёсной дороги, он требовал разработки в колёсный, так как «в стратегическом отношении ... мог бы оказаться чрезвычайно важным для наступления большого отряда (с колёсными обозами) от Себзеvara на Туршиз и далее к югу, через Хаф, к границам Афганистана»⁷⁷⁶. Имевшаяся на тот момент Ашхабад-Кучанская дорога рассматривалась «лишь началом той линии разработанных путей, которые рано или поздно должны пересечь Хорасан»⁷⁷⁷ и являлась частью пути, связывавшего Ашхабад и Мешхед (колёсный путь Ашхабад–Кучан–Мешхед)⁷⁷⁸.

«Все приведенные пути проходят с севера на юг и связывают изолированные друг от друга долины, которые протянулись между высокими параллельными горными хребтами; – это и есть самое рациональное решение вопроса в каком направлении следует прокладывать пути не только в Хорасане, но и по всей Персии,

где горные хребты тянутся с северо-запада на юго-восток, разделяя всю страну на множество разной ширины долин, которые или совершенно изолированы друг от друга, или перевалы расположены далеко по концам, причём неизбежны длинные обходы вдоль долин. Было бы лишним распространяться о значении этих путей, ибо самым веским доказательством есть проведение Ашхабад-Кучанского колёсного участка, являющегося лишь началом той линии разработанных путей, которые рано или поздно должны пересечь Хорасан», – резюмировал поручик ⁷⁷⁹.

Делая выводы по первой части своего исследования, поручик выделил 2 магистральных направления от Закаспийской железной дороги к южным портам Персии «и целую сеть второстепенных, частного значения, троп» ⁷⁸⁰. Первое магистральное направление – от Ашхабада до Кирмана, второе – от Ашхабада до Йезда. «Для развития нашего торгового движения в посещённых провинциях важны лишь те участки пройденных магистральных направлений, которые проходят по Хорасану; остальные же, по ничтожности караванного по ним движения, а главное ввиду полной их неустроенности, не могут иметь почти никакого влияния; кроме только что указанных причин, нужно иметь ввиду также и то обстоятельство, что все ввозимые из России в центральные провинции товары направляются не по пройденным путям, а по линии Гязь–Шахруд–Йезд, как более короткой, и что сырьё, производимое центральными провинциями (не говоря уж о сырье Йезда и Кирмана), сбывается не на север, а на юг, к Персидскому заливу; лишь очень небольшое количество туземных тканей и других кустарных произведений Йезда, Исфахана и Кирмана направляется в Хорасан на удовлетворение скромного спроса его населения; пробовать же воспользоваться этими путями для распространения сферы русского торгового влияния казалось бы делом неблагоприятным в силу того обстоятельства, что в южных и центральных провинциях утвердились прочно и навсегда английско-индийские торговые фирмы, которые не только довольствуются минимальным барышом, но готовы даже нести убытки, чтоб со временем, конечно, возместить их. В пользу высказанного выше мнения о необходимости ограничить сферу нашего торгового влияния лишь Хорасаном говорят также и материальные издержки, которые пришлось бы понести в противном случае, т. е. имея в виду подготовить один или оба магистральные, пройденные пути для колёсного или

только правильного вьючного движения; расходы эти были бы столь велики, что не окупились бы никогда (внизу имеется приписка: «Командующий войсками Закаспийской области с этим мнением не согласен» – О.Г.) ... благоразумно ли было бы готовить эти пути, которыми могли бы воспользоваться также и войска, наступающие с юга или юго-востока Персии на Хорасан? Ответ ясен, как ясно и то, что следует, наоборот, воспользоваться теми климатическими и географическими препятствиями, которыми природа так щедро наделила центральную и юго-восточную часть Персии, введя весь Хорасан в сферу нашего исключительного влияния и господствуя в тех пунктах и на тех путях, которые служат естественными продолжениями линии Кирман–Тун и Бирдженд–Турбет–Исахан (Хейдари)»⁷⁸¹. «Имеются ещё второстепенные пути, – отмечал офицер, – если первые будут обращены в колёсные, то вторые можно было бы оставить в теперешнем их состоянии, разработав лишь поверхностно самые трудные перевалы; таким образом, получилась бы довольно развитая сеть подвозных, вьючных путей, которыми население более отдалённых частей Хорасана могло бы пользоваться для сбыта сырья в пунктах главных линий»⁷⁸².

Из своих наблюдений ротмистр составил рекомендации для российского правительства. «Следовало бы ... совершенно вытеснить с рынков Хорасана все предметы ввоза нерусского происхождения, – писал он, – (кроме индиго и чая); тогда как в западных провинциях (а в особенности в юго-западных) сыплются концессии на проведение новых и новых колёсных путей, в Хорасане дело кончилось лишь участком Баджгир–Доулет–Абад, остальной путь – до Кучана и от него до Мешхеда почти не нуждался в разработке и ... в настоящее время стал хуже, нежели был до этой последней»⁷⁸³.

Торговая компонента имела в отчёте К.-О.Г. Баумгартена наиболее широкое наполнение. «Орудиям и войсковым обозам всегда предшествовала мирная повозка торговца; эта истина как нельзя более применима к Персии, где материальное могущество играет такую видную роль и поработает алчного, корыстолюбивого туземца всецело, делая его вашим покорнейшим слугою», – писал поручик⁷⁸⁴. Главное, что его интересовало – перспективы торговли России с посещёнными им провинциями. При этом акцент делался на вопросе, как достичь здесь

доминирующего влияния. Поручика интересовали занятия населения, имевшееся сырьё, его обработка и сбыт, продукция, которую производили в разных районах страны, кто, куда и как покупал и вывозил сырьё и готовые изделия, цены на них, статьи и объёмы ввоза-вывоза в туманах. Он подробно рассмотрел процессы подготовки сырья и производства готовой продукции. Изучил К.-О.Г. Баумгартен деятельность местных и иностранных торговцев, рассмотрел особенности конкуренции привозных товаров с русскими в Иране. Так, он отмечал, что конкуренция с английскими товарами на южных ранках (в частности – в Йездской провинции, которую поручик исключил из сферы возможного российского влияния) будет сложна, «в виду дальности расстояния, которая исключает всякую возможную конкуренцию наших товаров с подвозимыми от Персидского залива английскими товарами»⁷⁸⁵.

Особое внимание было уделено им предметам ввоза и вывоза из исследованных провинций, а также состоянию русской торговли здесь. Исходя из полученных данных, поручик указывал, какие товары из России и при каких условиях могли бы найти сбыт на рынках Персии. «Оживлённый и правильно поставленный ввоз, – резюмировал он, – может существовать лишь при условии основательного ознакомления со вкусами, потребностями и достаточностью населения, при содержании в разных пунктах деятельных агентов, которые давали бы знать фабрикантам и оптовым торговцам о появляющемся спросе и настроении местных рынков. Без указанных средств и без помощи правительства, русские произведения, заводские и фабричные, не будут в состоянии конкурировать с ввозом других государств, несмотря даже на непосредственное соседство и близость к границе больших торговых центров Персии»⁷⁸⁶. Определил поручик и меры для улучшения русской торговли «на развитие русско-хорасанской торговли вредно влияет полное отсутствие транспортного и комиссионерского дела», – писал он⁷⁸⁷.

Резюмируя настоятельные нужды российской торговли в Хорасане, поручик отмечал: «здесь сделана попытка резюмировать настоятельные нужды нашей торговли в Хорасане и сгруппировать их в порядке, соответствующем значению и важности: а) разработанные и приспособленные к колёсному движению линии Кучан–Себзевар–Туршиз–Баджишан и Мешхед–Турбет-Исахан (Хайдери)–

Баджистан, во всяком же случае – первую казалось бы рациональным предложить разработку заслуживающему доверия товариществу, получив путём дипломатического давления на персидское правительство концессии на разработку и эксплуатацию предположенных путей; при этом должно иметь в виду, что всякая поддержка и вообще участие русского правительства следует оставлять в глубокой тайне; противное послужило бы поводом к возбуждению подозрений шахского правительства и местных, провинциальных властей, которые начали бы ставить препятствия и смотреть недоброжелательно на подобные начинания, истолковывая их превратно; лишь в случае явных несправедливостей персидских властей следовало бы, казалось, искать официальной защиты у своего правительства или его представителей; б) Понижение до *minimum*'а товарных тарифов Закасп. воен. жел. дор. на провоз главнейших статей ввоза и вывоза; безусловное понижение тарифа на провоз сушёных фруктов и орехов, привлекая таким образом значительный груз на Ашхабад, тогда как теперь фрукты идут во вьюках из Туршиза и Турбета к южным портам Каспийского моря; в) учреждение банковских контор (отделений) в Мешхеде и Себзеваре, что чувствительно облегчит денежные операции при торговых сделках; в этом отношении очень поучителен пример англичан, которые имеют банки в Мешхеде, Тебризе, Тегеране, Исфahanе, Йезде, Ширазе, Бендер-Бушире и др. пунктах; г) закрытие Душака, Каахка, Серахса и Пул-Хатуна для транзитных товаров (мануфактуры, чая, индиго и проч.), оставив открытою только линию Гаудан–Ашхабад; д) учреждение русского вице-консульства в Себзеваре, как втором торговом центре Хорасана (после Мешхеда); непосредственное и немедленное покровительство русско-поданным в сношениях с местными жителями; регистрация и регулирование торговых сделок; судебное разбирательство смешанных гражданских дел, – всё это вопросы настолько важные, что сами говорят в пользу утвердительного решения их; е) устройство почтово-телеграфного сообщения по линиям Ашхабад–Кучан–Мешхед и Кучан–Себзевар; почтовое сообщение должно бы состоять в пересылке обыкновенной, заказной и денежной корреспонденции и в перевозке пассажиров; с этим связано устройство почтовых станций и некоторых придорожных сооружений; ж) установление со стороны персидского правительства одинаковой таможенной пошлины как на южном

побережье Каспийского моря, так и на сухопутной Хорасанской границе ... з) пересмотр 9 § Туркманчайского мирного договора (22 февраля 1828 г.), т. е. только тех его параграфов, которые определяют права и обязанности русско-подданных, занимающихся торговлей в пределах Персии. До сих пор русско-подданным приходилось и приходится полагаться на добросовестность персов, при разного рода торговых сделках, а не на определяющее эти операции право; регулирование и обеспечение всех трансакций, подробное выяснение, а главное – расширение прав русско-подданных, занимающихся торговлей в Персии, приведёт, казалось бы, к большой свободе и развитию торговли. Особенно важным было бы приобрести право аренды или купли земельных участков для пользования ими как в культурном отношении, так и для возведения построек; с этим связаны вопросы пользования водой, найма рабочих и проч., которые основываются на специальных толкованиях мусульманского права; далее следует выяснить может ли русско-подданный, приобретя, положим, в собственность или арендовав земельный участок, отдать его, в свою очередь, в аренду туземцу и проч.; теперь договором допущено лишь наём и приобретение в собственность построек, – жилых домов, лавок, амбаров, складов для сохранения товаров и проч., ныне в Хорасане (да и вообще в Персии) около 8/4 поверхности ждёт ещё обработки и культуры; туземец же боится расширять свои запашки, плантации и т. п. в виду произвольного, непомерного увеличения взимаемых с него податей; оставаясь верным своим примитивным способам обработки земли, персиянин не знает и боится всяких новшеств, тогда как, под руководством специалиста-европейца, мог бы на деле убедиться в громадной разнице результатов; наконец, регистрация всякого рода письменных обязательств, контрактов, расписок и проч. и засвидетельствование их у консула, а где такового нет – у местных властей (§ 2-й, дополнение к Туркманчайск. мирн. договору) не привилась и не привьётся, так как даёт возможность корыстолюбивым персидским властям сделать заключения о благосостоянии одного из контрагентов (именно туземного) и извлечь из последнего материальную пользу. Персиянин считает представителей администрации своими врагами и не доверяет последней никаких документов; не менее важно основательное выяснение порядка судебных разбирательств по смешанным делам, – до сих пор практиковалось внесение жалоб в

консульство, которое входило в сношения с чиновником для дипломатических сношений (Каргузар) при правителе провинции; там, где консульств нет, возникает бесконечная переписка и связанная с ней проволочка.

Вот в чём состоят нужды нашей торговли в Хорасане, которая, казалось бы, должна много выиграть, в случае указанным выше мерам (или хоть первым четырьём) суждено будет исполниться», – писал поручик. И далее приводил ещё несколько рекомендаций «к оживлению нашей торговли в Хорасане». Они включали следующее:

«1. Организация транспортного предприятия с главными конторами в Ашхабаде, Себзеваре и Мешхеде; второстепенные агентуры, – в Турбет-Исхане, Нишапуре, Туршизе и Баджистане; персонал служащих должен слагаться по возможности из русских, допуская армян лишь на второстепенные должности; центр управления предприятием – в Ашхабаде.

2. Предприятие должно заниматься доставкой обработанных русских произведений из Ашхабада во все пункты Хорасана и скупая сырьё (хлопок и шерсть) по заказу русских фабрикантов, отправлять его в Ашхабад для дальнейшего вывоза в Россию.

3. Тщательно следя за качеством сырых произведений, агентуры должны взять на себя устройство более совершенных (машинных) способов очистки, сортировки, прессовки и укупорки хлопка и шерсти.

4. Ознакомившись с вверенными им округами, агенты понемногу и осторожно, под верное обеспечение хлопком и шерстью, могут попробовать выдачу мелких ссуд (лицам, заслуживающим доверия) на самых льготных условиях дешёвого кредита; это даст населению возможность расширить свои плантации и сблизить его с потребителями»⁷⁸⁸.

К.-О.Г. Баумгартен разделил посещённый им регион Ирана на 2 торговых района: северный (Хорасан «от Герируда до Себзеvara и от Закаспийской военной железной дороги до линии Турбет-Исахан (Хейдари) – Туршиз) и южный (Йездская и Кирманская провинции с Персидским Белуджистаном). Между указанными районами он выделил промежуточную полосу, «которую в торговом отношении можно отнести и к тому и к другому; население её, в действительности, сбывает

своё сырьё на север и на юг и получает европейские фабрикаты частью русского, частью индийского, английского, французского и австрийского происхождения»⁷⁸⁹.

Северный район, по мнению поручика, находился в торговом отношении под русским влиянием со времени занятия Россией Закаспийской области. Цель же России здесь – расширить торговлю в Хорасане и овладеть ею всецело и безвозвратно, «во что бы то ни стало»⁷⁹⁰. «Южный район, находится под влиянием европейских и индийских торговых фирм; влияние это установилось с 1879 и 1880 годов, т. е. со времени открытия Суэцкого канала; открылись агентуры в двух южных портах Бендер-Бушире (Абушер) и Бендер-Аббасе ... учреждено английское консульство, а около года тому назад открыто вице-консульство в Йезде (вице-консул вместе с тем директор отделения “Persian Imperial Bank”); в Равере и Кирмане также имеются неофициальные консульские агенты, не говоря уж об агентах, существующих по десяти лет в Ширазе, Бендер-Аббасе и других пунктах ... северная граница этого района ныне идёт уже по линии Кирман–Йезд–Исфахан»⁷⁹¹.

Характеризуя среднюю или промежуточную полосу, поручик отмечал, что «за последние 5 лет, та промежуточная, свободная от какого-либо определённого торгового влияния, полоса уже стала много меньше и притом такие её центры, как Йезд⁷⁹² и Кирман, уже заняты английскими торговыми агентами, которые устроили там как бы наблюдательные посты, угрожающие превратиться в заставы, чтоб выставить вперёд новую линию аванпостов. Заданием нашим является противодействие этому постепенному движению, начавшемуся недавно и оставленному до сих пор без всякого внимания со стороны нашей отечественной торговли; эта последняя представлена в Хорасане несколькими русско-подданными армянами⁷⁹³ и персами, которые по большей части ведут незначительные операции при почти минимальных оборотных капиталах; одни лишь фирмы Братьев Микиртичевых (русс. под.) и Туманянц (перс. под.) ведут в Хорасане более значительные операции. Хотя указанная выше промежуточная полоса и не представляет собою ничего соблазнительного в смысле поля распространения наших фабрикатов и вывоза сырья (по причине пустынности и малонаселённости), но ею следует воспользоваться как трудно проходимым препятствием, расположенным впереди фронта занятой позиции, и утвердиться в ней во всех тех

пунктах, которые находятся на возможных путях наступления; это даёт, притом, возможность привести в порядок пути сообщения Хорасана и подготовить их для возможно большего ввоза, а, главное, легкостью и доступностью сбыта довести культурные районы Хорасана до полного напряжения его производительных сил; это тем более важно для России, что местность, о которой идёт речь, может легко стать базой дальнейших операций, которую, казалось бы, следовало заблаговременно подготовить»⁷⁹⁴.

Поручик детально рассмотрел влияние особенностей менталитета и внутривосточных отношений на межгосударственные отношения в сфере торговли «Ещё в августе 1889 года Мир-Алем-хан (правитель Бирдженда – О.Г.) принимал очень любезно бывшего там ротмистра Стрельбицкого, послал ему подарки и, вообще, оказывал всевозможные почести как представителю России. Теперь же о моём прибытии Мир-Исмаэль-хану (наследовавшему умершему Мир-Алем-хану – О.Г.) известно стало тотчас же по вступлении нашем в город; но даже обычное, неизбежное появление какого бы то ни было административного лица не воспоследовало; это считается нарушением самых элементарных правил персидского этикета, и не прошло незамеченным среди многочисленного общества, населяющего караван-сарай, где каждый комментировал это обстоятельство по-своему и, конечно, не в лестном, для престижа русского имени, смысле. Объяснить это можно, казалось бы, единственно полною индифферентностью, с которою отнеслись в Ашхабаде к посланному Мир-Алем-хана в январе 1889 года, что не дано было с нашей стороны ни малейшего денежного подарка и не приняты были меры, чтобы товар, присланный эмиром каинским и составлявший его собственность, был продан возможно выгоднее. Присылка такого товара с просьбою продать его в Ашхабаде, была лишь простым предлогом со стороны правителя завязать с русскими властями сношения и пользоваться денежными субсидиями, которые можно было выхлопотать ему от нашего правительства. Потерпев у нас неудачу, эмир с излишком вознаградил себя щедрыми субсидиями англичан и с того же момента влияние этих последних значительно усилилось в Каине и Сеистане. Всем этим наглядно объясняется невнимание со стороны как некой администрации ко всякому иностранцу, кроме англичан»⁷⁹⁵.

Характеризовал детально российский офицер и особенности ведения торговых дел в Иране. «Персиане, – писал он, – стремятся купить всё возможно дешевле, не заботясь о добротности, а лишь о пестроте рисунка и большей ширине ткани. Оптовые торговцы должны давать товар в кредит, на срок от 10—12 месяцев, со скидкой 12–15 в год»⁷⁹⁶. «В Персии отсутствуют совершенно комиссионёрские предприятия; следствием этого сношения возможны лишь при посредстве торговых фирм, основавшихся в стране и имеющих в деле крупные капиталы. Для совершения торговых сделок как европейцы, так и туземцы пользуются посредничеством маклеров – дэллал, которые подыскивают покупателей, ведут переговоры о цене и выполняют платежи; в мелких сделках дэллал имеет по 1% с обеих сторон, а при больших ещё 2% наградных (provisions); дэллал не отвечает за регулярное и верное внесение платы и за то, если сделка расстроится; положение его вполне обеспечено получением установленного обычаем %; лучшая гарантия его честности кроется в желании сохранить за собою свое занятие; он ведёт списки сделкам, заключённым при его посредничестве, где записывает звание контрагентов, место жительства, количество и цену продаваемых или покупаемых предметов, условия платежа и т. д.; покупатель подписывает занесённые дэллалом сведения приложением своей именной печати и тут же выдаёт долговое обязательство (в случае рассрочки платежа) на выплату условленной суммы в определённый срок; при этом покупатель представляет поручительство своей личности и состоятельности в том конечно случае, если продавец его не знает лично.

Торговые фирмы, ввозящие обработанные произведения в Персию, продают товар лишь оптом, но при продаже, напр., шёлковых, железных и стальных изделий случается иногда и по мелочам. Сроки платежей – очень длинные, а потому продавец должен сразу же набавить следуемый % ... Законный торговый % в Персии равен 1% в месяц, а потому персидские купцы при выдаче долговых обязательств стараются уменьшить сроки, на которые выдаются обязательства, но конечно никогда не платят в означенное время и требуют продолжения срока без набавки следуемого за это %; по персидским же обычаям за просрочку % не взимается и продавец теряет, таким образом, по 1% за каждый просроченный месяц. Причины

просрочек при платежах не вызываются ни несостоятельностью, ни злым умыслом, но просто склонностью персиян откладывать всё до последней возможности, даже и тогда, когда эта просрочка не влечёт за собою материальной выгоды. Поэтому европейский купец должен вперёд предусмотреть означенные выше обстоятельства и, вообще, приноровиться к обычаям страны, а главное, вооружиться невозмутимым терпением, – иначе он не добьётся никакого успеха и оттолкнёт туземных покупателей. Займы под залог имущества отличаются в Персии необыкновенно высоким % – до 25–26% годовых, причём процент выплачивается ежемесячно; закладываемое имущество (земельное, драгоценности, ковры, золотая и серебряная посуда и проч.) должно превышать ценностью занимаемую сумму; в случае невыкупа в означенный срок, заложенное имущество пропадает и переходит в руки заимодавца; при мелких займах годовой % доходит до 60%, что составляет 5% в месяц. Но и в подобных случаях, сделанный заём должен быть обеспечен каким-либо ценным имуществом»⁷⁹⁷.

Наконец, последнее важное для торговли условие – таможи и пошлины, были рассмотрены поручиком отдельным параграфом. «Таможенные пошлины являются чрезвычайно важным условием для ввоза и вывоза; иностранные подданные согласно договору платят на границе 5% стоимости товара (как при ввозе, так и вывозе) деньгами или товаром и затем уже освобождены от всех внутренних пошлин (тут же следует отметить, что турецкие подданные платят лишь 4%). Туземные купцы при ввозе и вывозе платят лишь 3% стоимости товара, но эта норма колеблется, ибо во многих пунктах взимается тарифная пошлина смотря по предмету ввоза или вывоза; кроме того, туземцы платят ещё дорожную пошлину с каждого вьючного животного или вьюка в каждом из лежащих на пути населённом центре провинции; в общем эта пошлина (рахдари) взимается в размере 2 кран с вьючного животного; но если по дороге попадётся несколько таких внутренних таможенных застав, то конечная пошлина представляет собою солидную цифру ... До 1881 г. все таможи каждой провинции отдавались на откуп с торгов какому-либо лицу, предлагающему наибольшую сумму дохода; эти откупщики отдавали в свою очередь отдельные таможи на откуп другим лицам и т. д., при чём дело сбора пошлин было всецело ведено на так называемых “коммерческих основаниях” без

всякого правительственного контроля и ведение годовых отчётов; требуемая правительством сумма вносилась ежегодно министру таможенных сборов (плюс новогодний пишкеш, приличный высокому положению “везирь-гумрук”), а сверх этого в руках личного состава таможенных учреждений оставалась сумма равная 66% с вносимой министру; в 1882 г. последовали попытки централизовать сбор таможенных пошлин и взимать их при участии особо организованного персонала под начальством Эмин ос-Солтане; но когда приглашённый для организации таможенного ведомства армянин предложил вести регулярные отчёты и списки, ему предложено было молчать и не вмешиваться в дальнейшее дело; была сделана попытка повышения пошлин с товаров, ввозимых и вывозимых туземными купцами до 7 кранов с вьюка; но те протестовали и порешено было сойтись на 5 кранов; в общем же сущность дела не изменилась и всё осталось по-старому, – чиновники Эмин ос-Солтане будут вносить требуемую сумму, а кроме того оставлять себе значительный “мудахиль”, т. е. доход, конкурируя между собой для привлечения возможно большего количества товаров на занимаемую каждым таможенню ... В Хорасане, по границе с Закаспийской областью, таможенный надзор учреждён на линии Кучан–Ашхабад в селении Шахниль (персидский Баджгир); здесь же сходятся тропы из Ширвана и Бами-Сафиабада; тропа из Буджнурда входит в область через Хейрабад и Фирюзу; далее надсмотрщики имеются в Мехедабаде, Хейрабаде и Робате (Дерегез), в Хакистере (Мешед-Каахка), Арчингане, Каратскяне, Чааче ж Чайчидере»⁷⁹⁸.

Попутно К.-О.Г. Баумгартеном были собраны сведения военно-статистического характера, не составлявшие его основного задания, касавшиеся организации власти и жизни на посещённых территориях, численности и уровня жизни населения различных населённых пунктов, административно-территориального устройства, характеристик правящих особ, вооружённых сил и системы обороны.

А.Г. Туманский – будущий известный военный востоковед – выехал из Ашхабада 18 марта 1894 г. со своей женой. Ехал он, правда, несколько иным путём. По Каспийскому морю он прибыл в на пароходе общества «Кавказ и Меркурий» в Баку, затем 22 марта приплыл в Энзели, откуда направился в Тегеран. Здесь он

оставил свою жену и затем он посетил Хамадан, Буруджирд, Исфahan, Шираз, Нейриз, Бендер-Аббас, на обратном пути – Кирман, Йезд, а 27 октября прибыл в Тегеран, откуда в ноябре вернулся в Россию. Его отчёт менее содержателен, нежели у К.-О.Г. Баумгартена. Он представляет собой подневные записи с точной и детальной фиксацией пути, которым ехал офицер, с заметками, касающимися его основных заданий. Их было 2: изучение путей в Южную Персию с точки зрения перспектив русской торговли и особенностей торговли в регионе. Имелись и второстепенные задачи: пути сообщения изучались им попутно и для военных целей, а также было обращено внимание на вооружённые силы посещённых провинций.

В целом его исследование походило на исследование К.-О.Г. Баумгартена⁷⁹⁹. Значительное внимание штабс-капитан уделил внешней и внутренней торговле Персии. Он охарактеризовал сырьё и продукцию, производившиеся в рассмотренных им областях, цены на них, статьи ввоза-вывоза, таможенные пошлины. Особое внимание штабс-капитан обратил на коммерческую деятельность англичан, характеризовал положение и перспективы русской торговли. Описание крупных городов, как и у К.-О.Г. Баумгартена, сочеталось у А.Г. Туманского с раскрытием их роли в торговле. Помимо этого, штабс-капитан много места отвёл изучению путей сообщения. Его интересовали возможности движения (колёсные, вьючные, тропы и пр.) и преобразования путей в колёсные, окружавшие местности, селения с целью продовольствования, фуражировки, постоя, особенности климатических условий. Рассматривал он также поселения, занятия местного населения, особенности жизни. Его работа не содержит общих выводов – в основном это просто констатация фактов и изложение обобщений. Однако материалы, собранные А.Г. Туманским, также стали основой для дальнейшего планирования российской внешней политики (в первую очередь торговой) относительно Ирана.

Следует также отметить, что в 1893 г. со стороны Кавказа по Ирану из Тегерана к Персидскому заливу совершил поездку поручик барон Николай Николаевич фон дер Ховен⁸⁰⁰. Он с 1892 г. учился на Офицерских курсах восточных языков при Азиатском департаменте МИД, изучая персидский и

арабский язык⁸⁰¹. В 1893 г. был командирован в Тегеран для языковой и страноведческой стажировки. В период стажировки и совершил рекогносцировку путей из Джульфы в Тегеран, а оттуда в Шустер и к Персидскому заливу, изучив наиболее удобные маршруты движения на юг Персии с военной и торговой точки зрения.

Не вызывает сомнения, что данные и выводы экспертов-разведчиков оказали существенное влияние на дальнейшее направление российской политики относительно южного соседа в экономической и других сферах. Можно с уверенностью утверждать, что если исследования офицеров ГШ, проводившиеся до отправки экспедиций К.-О.Г. Баумгартена и А.Г. Туманского, формировали военно-стратегический взгляд А.Н. Куропаткиным значения Персии в политике России, то поездки К.-О.Г. Баумгартена и А.Г. Туманского оказали значительное влияние на видение начальником Закаспийской области экономических перспектив империи Романовых на иранских рынках. А.Н. Куропаткин очень детально изучил их исследования и, хотя не во всём был согласен (в частности с К.-О.Г. Баумгартеном), активно использовал их в своих докладных записках царю. Изучая через посредство разных источников перспективы российской политики в Иране, А.Н. Куропаткин стал активным сторонником экономических методов. Общая политическая цель – подчинение Ирана российскому влиянию – была «облачена» в экономическую «оболочку». Цедью ставилось укрепление российских финансово-промышленных инициатив с помощью государства для достижения стратегической цели. Важным фактором в подчинении Ирана российскому влиянию он видел прокладку дорог как к персидской границе из России, так и от границы в глубь Персии. «Англичане спешат с постройкою пути к Тегерану от р. Каруна, – заявлял он. – Мы можем бороться с ними только ускорением проложения колёсного пути Энзели – Казвин к Тегерану же. Англичане и немцы спешат приблизиться к границам Персии проложением железных дорог через Малую Азию. Мы можем ослабить угрожающую нашим интересам опасность только скорейшим проложением железной дороги от Тифлиса через Эривань и Джульфу к Тебризу»⁸⁰².

5.3. Реализация новой политики России в Иране

С 1893–1894 гг. к характеристике внешней политики России относительно южного соседа вполне применима формулировка министра иностранных дел начала XX в. «Главная цель, которая преследовалась нами, в зависимости от исторических условий, различными путями и средствами в течение многолетних сношений с Персией, может быть определена нижеследующим образом: сохранить целостность и неприкосновенность владений шаха, не ища для себя территориальных приращений, не допуская преобладания третьей державы, постепенно подчинить Персию своему господствующему влиянию, без нарушения однако как внешних признаков ее самостоятельности, так и внутреннего её строя. Другими словами, наша задача – политически сделать Персию послушным и полезным, то есть достаточно сильным, орудием в наших руках, экономически – сохранить за собою обширный персидский рынок для свободного применения на оном русского труда и капиталов, причём тесное соотношение и взаимодействие политических и экономических результатов, уже достигнутых нами, создаст ту прочную почву, на которой мы должны развивать плодотворную деятельность нашу в Персии»⁸⁰³.

Наиболее значимым и удачным шагом русского правительства в указанном направлении стало приобретение Ссудного банка. Ф. Казем-заде привёл интересную версию его перехода в руки государства. По его мнению, иранская ссудная компания не процветала в силу внешних условий (падение цен на серебро). Поэтому «в начале 1894 г. директор Иранской ссудной компании Шаскольский отправился в Москву, чтобы сообщить своим руководителям, что дела нужно ликвидировать. Поляковы решили проконсультиться с правительством, и Шаскольский поехал в Санкт-Петербург, чтобы обсудить проблему с новым министром финансов С.Ю. Витте, энергичным и честолюбивым государственным деятелем, который превратил Министерство финансов в соперника Министерства иностранных дел. Витте сказал ему, что русское правительство решило купить все акции Иранской ссудной компании (известной также как Ссудный банк) и вести все её дела в Тегеране. Будет назначен новый директор, но Шаскольский может остаться, если пожелает, причём его жалование будет удвоено»⁸⁰⁴. Получается, что инициатива

передачи банка в государственное ведение исходила от Я.С. Полякова, но при этом параллельно было принято решение об этом на государственном уровне, причём о решении этом Я.С. Поляков не знал до беседы с С.Ю. Витте. К сожалению, вопрос о том, насколько верно такое предположение, остаётся открытым. Как следует из приведенного выше материала, мысль о приобретении контроля над Ссудным банком Персии была озвучена российским правительством ещё весной 1893 г. С уверенностью можно утверждать, что личные связи финансиста в русских правительственных кругах дали ему возможность повлиять на принятие своего банка «под крыло» державной власти. Как и большинство предприятий, получением концессии и созданием Ссудного общества Персии Я.С. Поляков преследовал какие-то личные спекулятивные цели. Об этом свидетельствует сама эпопея с его формированием⁸⁰⁵. Да и вообще, большинство концессий, как им, так и его братом Л.С. Поляковым, судя по исследованию Б.В. Ананьича, приобретались ради того, чтобы либо выгодно сдавать их в «субаренду», либо перепродавать третьим лицам опять-таки с выгодой для себя⁸⁰⁶.

Однако в данном случае реализовать свою цель банкир до конца не смог. Дела банка шли неважно. По сообщениям М.Л. Томара, «Ссудный банк Персии основанный Я.С. Поляковым в Тегеране на предмет выдачи ссуд под всякие товары, производства аукционов по всей Персии и всякого рода банкирских операций, до самого последнего времени имел весьма небольшое значение. Основной капитал его 2 миллиона франков был наполовину поглощён расходами на концессию, т.е. подарками различным персидским сановникам, содействовавшим выдаче её, другая половина уменьшилась вследствие падения цены серебра. Не имея отделений в других городах Персии и не обладая достаточными средствами, банк не мог заниматься переводами, а выдача ссуд под товары мало привилась в Тегеране, к тому же в ней и не представлялось особой потребности в этом городе, из коего ничего не вывозится. Поэтому операции банка приняли характер исключительно ломбардный и в этом смысле были бы успешны, если бы расходы по администрации и содержанию помещения не поглощали небольших доходов предприятия»⁸⁰⁷. И тут Я.С. Поляков, как говорится, «попал в струю». Идеи С.Ю. Витте о всемерной поддержке русской частной инициативы в Азии полностью соответствовали со

стремлением Я.С. Полякова извлечь выгоду из своего банковского предприятия. Действительно ли он «решил проконсультироваться с правительством», сказать сложно. Но, скорее всего, имея связи в высших кругах, он получил определённое представление о смене приоритетов империи в Азии и решил выгодно пристроить своё невыгоравшее дело ⁸⁰⁸.

В начале апреля 1894 г. С.Ю. Витте, ссылаясь, в частности, на решение Особого совещания, представил в Комитет финансов подробный проект покупки Государственным банком акционерного дела Я.С. Полякова. В проекте подчеркивалось, что развитию русской торговли в Персии может способствовать только «кредитное учреждение с большими средствами» и что эта задача не по плечу ни Ссудному обществу Персии, ни работавшему в Персии отделению Московского международного торгового (коммерческого) банка ⁸⁰⁹, которые недостаточно сильны и не могут противостоять там английскому влиянию ⁸¹⁰. Ссылаясь на то, что Ссудное общество Я.С. Полякова не имеет никаких перспектив укрепить свое положение, так как «московские торговые фирмы, обладающие значительными средствами, уклоняются от собрания капитала, необходимого для учреждения в Персии сильного русского банка», а «Государственный банк не может открыть в Тегеране свое отделение» по политическим соображениям, С.Ю. Витте и выступил с проектом, предусматривавшим превращение Ссудного общества Персии в предприятие государственного типа, имеющего, однако, внешние признаки частного банка ⁸¹¹.

Однозначно можно утверждать также, что на приобретение банка государством повлияли сообщения о неважном состоянии дел Шаханшахского банка, полученные правительством России из разных источников ⁸¹². «Будущность банка ... представляется не блестящей», – резюмировал М.Л. Томар ⁸¹³. Имелась реальная возможность подчинить финансы Персидской монархии русским интересам. Отчасти можно согласиться и с мнением Шаскольского, что «реальной причиной реорганизации ссудной компании было опасение русского правительства потери своего престижа, если лопнет русское учреждение в Персии; кроме того, Императорский банк мог бы приобрести за бесценок дело Поляковых в случае ликвидации» ⁸¹⁴. Тем не менее, главной причиной всё же был новый

внешнеэкономический и, а, следовательно, и внешнеполитический курс, активным вдохновителем которого был С.Ю. Витте.

4 апреля 1894 г. проект министра финансов был обсуждён в Комитете финансов, двенадцать дней спустя утверждён Александром III, а к 1 мая 1894 г. Государственный банк уже вступил в управление Ссудным обществом Персии, переименованным к тому времени в Ссудный банк Персии⁸¹⁵. На заседании Комитета финансов 4 апреля 1894 г. были определены и задачи вновь образованного банка: содействовать «развитию активной торговли русских в Персии, сбыту туда русских фабрикатов, распространению среди персидского населения российских кредитных билетов, а равно вытеснению из Персии английских произведений»⁸¹⁶.

Таким образом, с 1894 г. Ссудный банк Персии начал действовать в Тегеране формально как частное учреждение, а в действительности – как филиал русского Государственного банка, который не только оплатил расходы, связанные с покупкой Ссудного банка Персии, но и предоставил его администрации в виде оборотного капитала 375 000 рублей. Открытие русского банка в Тегеране ознаменовало собой непосредственный переход самодержавия к активной экономической политике в Иране, рассчитанной на завоевание персидского рынка и вытеснение из Персии английского соперника⁸¹⁷. Постепенно банк превратился в посредника между Россией и Ираном в финансово-экономических вопросах. Как отмечала Л.М. Кулагина, «при его посредстве и на его же имя испрашивались у иранского правительства различного рода концессии ... банк сосредоточил в своих руках все операции, связанные с ввозом и продажей в Иране русских товаров, выступая преимущественно в качестве посредника между русскими фабрикантами и персидскими купцами – клиентами банка, открывая и тем и другим необходимый кредит»⁸¹⁸. По словам исследовательницы, «с 1895 г. через Учётно-ссудный банк в Иран устремились русские государственные капиталы в виде займов шахскому правительству, концессий на постройку дорог, чеканку монеты и т. д.»⁸¹⁹.

С подачи русского правительства Ссудный банк взял на себя организацию транспортного дела в Иране в интересах России. Ещё на упоминавшемся совещании 1893 г. отмечалось, что главным тормозом для развития русско-иранской торговли в российских интересах служило отсутствие в Иране удобных дорог⁸²⁰. М.Л. Томар,

характеризуя деятельность «Персидского страхового и транспортного общества», также констатировал, что «отсутствие дорог и правильных колёсных сообщений мешают обществу приносить ощутительную пользу»⁸²¹. В то же время, запрет железнодорожного строительства, навязанный шаху в 1890 г., давал только один выход – прокладку колёсных и шоссейных путей сообщения на севере Страны льва и солнца.

В своей работе М.Л. Томар сообщал, что «порты, через которые в настоящее время европейская торговля проникает в Персию, весьма неудобны», особенно акцентируя внимание на том, что наибольшие неудобства с естественной точки зрения представляют именно порты Каспийского моря, через которые шла большая часть русской торговли. «Неудобства и непригодность персидских портов побуждают европейцев искать других путей, которые бы дали доступ в Персию», – писал чиновник⁸²². Речь шла о сухопутных сообщениях. М.Л. Томар указывал, что империя Романовых в конкурентной борьбе за персидские рынки много выиграла от постройки и эксплуатации Закаспийской железной дороги. Из один из главнейших городов Персии – Мешхед – был связан с Ашхабадом колёсной дорогой⁸²³. Однако со стороны Кавказа ситуация была иной. В то время, как англичане строили железные дороги по направлению к персидской границе (Кветто-Кандагарская и дороги в Азиатской Турции) и обладали возможностью использовать в качестве «опорных пунктов» сирийские порты и гавань Бомбея («и далее, через Индию, Афганистан и Белуджистан»), «наше удобнеее сообщение с Западной Персией через Баку или Батум и кавказскую границу ... представляет сверх 426 вёрст железнодорожного пути от Баку и 413 от Батума целых 365 вёрст колёсной дороги»⁸²⁴. Поскольку для Персии действовал запрет на постройку железных дорог, то рекомендации чиновника Министерства финансов сводились к следующему. «В целях развития русско-персидской торговли и успешной конкуренции с европейцами, – резюмировал он, – казалось бы весьма желательным озаботиться об улучшении одной из важнейших и наиболее к тому пригодных персидских гаваней Каспийского моря, именно Энзелийской⁸²⁵ и соединить Закавказскую железную дорогу с каким-либо пунктом нашей кавказской границы хотя бы и узкоколейной линией, которая ... сосредоточила бы большую часть торгового обмена западной

Персии с Россией ... Такая дорога должна была бы направиться через Эривань и далее к Шахтагинской заставе, или к Джульфе, от которых направляются важнейшие пути в плодородные части Азербайджана и Курдистана»⁸²⁶. Рассматривая с точки зрения выгод для российских торговых интересов путей сообщения, которые должны были связать Кавказ и Западную Персию, М.Л. Томар особое внимание уделил дорогам от Энзели, поскольку именно здесь проектировалась русскими инженерами шоссейная дорога к Тегерану. По его мнению, без налаживания «правильного» торгового судоходства по Каспийскому морю, необустроенность Энзелийского порта и отсутствие в ближайшее пятилетие перспектив постройки железной дороги, вкупе с характером местности и особенностями караванной торговли делали постройку шоссе не выгодной. Наиболее удачным вариантом представлялась прокладка «простой колёсной дороги шириной в 2 метра»⁸²⁷.

Как видно, в Петербурге и на Кавказе из разных соображений (экономических, политических и военно-стратегических) мнения о необходимости коренного изменения внешней политики относительно Персии учли. По крайней мере, все пожелания, высказанные М.Л. Томаром, впоследствии были реализованы⁸²⁸. В этом ключе интересна поездка ротмистра 33-го драгунского Изюмского полка В.К. Бельгарда через северо-восточную Персию в Тегеран в 1893 г.

Владимир Карлович Бельгард

На основании резолюции военного министра от 21 января 1893 г. 22 января было издано распоряжение о командировании ротмистра Владимира

Карловича Бельгарда с места службы в Тифлис. Предполагалось отправить его в Иран в качестве инструктора ПКБ. Помимо задач, относившихся к ПКБ, в Тифлисе ротмистру было поручено «по возможности исследовать ... провинцию Мазандеран с целью связать между собой существующие уже описания Азербайджана с описаниями Хорасанской провинции». Здесь речь шла о поездках офицеров ГШ штаба войск Закаспийской области⁸²⁹, а также о командировках капитана ГШ Л.К. Артамонова в иранский Азербайджан в 1889 г. и работах офицеров ПКБ. Кроме того, В.К. Бельгард должен был сделать рекогносцировку пути из Решта в Казвин, а также составить топографическое описание пути из Казвина в Тегеран⁸³⁰. Кавказское начальство использовало командировку офицера для получения необходимой информации о состоянии указанных маршрутов одновременно в рамках разведывательных работ штаба округа и подготовки к строительству колёсной дороги Решт–Казвин в составе более крупного проекта – пути от Энзели к Тегерану, который рассматривался как наиболее значимый из всех путей, ведущих к столице шаха⁸³¹. Все пути по Мазандерану были исследованы русскими топографами. В.К. Бельгарду необходимо было изучить то, что не было затронуто топографическими съёмками, и сделать обобщающую работу.

Поездка офицера состоялась в апреле – первой трети мая 1893 г. По прибытии в Тегеран он оформил свои исследования и переслал их в штаб Кавказского военного округа. В 1895 г. они были опубликованы в специальном издании российского Военного министерства⁸³².

Поездка В.К. Бельгарда частично отвечала 3-м задачам внешней политики России относительно Ирана: военно-стратегической, военно-политической и политико-экономической. Им был изучен театр возможных боевых действий, связаны исследования офицеров и топографов штабов Кавказского военного округа и Закаспийской области, изучены пути сообщения и показан лучший вариант для движения русского отряда к Тегерану в случае необходимости вмешательства России в иранские дела. Сведения о путях сообщения были использованы для разработки российской дорожной концессии.

Во-первых, В.К. Бельгард решал военно-тактические и стратегические задачи. Рекогносцировки путей сообщения и театра возможных боевых действий вообще

использовались военными для составления и обновления планов военных действий. Русских офицеров в Иране интересовали дороги с наступательной точки зрения – для быстрого занятия центральных городов – Тегерана, Тебриза, Мешхеда, Астрабада – в случае войны. Материалами этих рекогносцировок активно стали с 1890-х гг. пользоваться для продвижения русских торговых товаров в северные районы Персии, а затем и дальше. Исследование В.К. Бельгарда должно было связать описания Азербайджанской провинции (зона ответственности Кавказского военного округа) с описаниями Хорасанской провинции (в ведении штаба Закаспийской области) – на тот момент наиболее значимых для российской военной разведки областей Ирана.

Во-вторых, работы русского офицера находились в ключе дорожного строительства, развёрнутого русским в Иране в 1890-х гг. С 1893 г. наиболее значимым «проводником» русской политики в дорожном вопросе стал Л.С. Поляков. Как отмечалось, большая часть предприятий Л.С. Полякова в Персии имели махинаторский характер, являлись результатом его инициативности⁸³³. Концессии он получал не столько, чтобы их реализовывать, сколько для того, чтобы выгодно «перепоручить» кому-либо. В начале 1890-х гг. его стремления совпали с государственными. Поэтому начинания Л.С. Полякова нашли поддержку со стороны дипломатического ведомства, Военного министерства и Министерства финансов. Русский посланник добивался их осуществления, а в течение 1890-х гг. – начала 1900-х гг. «жизнеспособные» его концессии были выкуплены государством либо по настоянию Л.С. Полякова, либо под давлением со стороны чиновников⁸³⁴.

5 июня 1893 г., ещё до поездки М.Л. Томара, Л.С. Поляков при поддержке русского посланника получил для Персидского страхового и транспортного общества концессию до 1970 г. на постройку колёсной дороги от побережья Каспийского моря первоначально до Казвина, а затем приобрёл участок дороги от Казвина до Тегерана с правом взимать пошлины на протяжении всей дороги⁸³⁵. Для осуществления концессии было создано «общество Энзели-Тегеранской дороги»⁸³⁶. Не смотря на неудобства Энзелийского порта⁸³⁷, он оставался единственным пригодным портом и для военных, и для торговых целей. Каспийское море военными России рассматривалось как наиболее оптимальный коммуникационный

путь для обеспечения наступления на главный город Ирана. Тем более, что именно отсюда шли кратчайшие пути к Тегерану. Соответственно, этими же соображениями руководствовались в Петербурге, развивая новую экономическую политику. Чаще всего используемым из путей сообщения был путь от Энзели на лодках до деревни Пир-Базар, оттуда к Решту по шоссе, а из Решта через Казвин до Тегерана⁸³⁸. Из 5-ти дорог он был самым длинным, но самым обеспеченным. Судя по тому, что в разных источниках относительно концессии говорится то о шоссе, то о колёсной дороге⁸³⁹, первоначально вопрос о том, что из себя должен был представлять указанный путь, оставался открытым. Министерство путей сообщения командировало для исследований своих инженеров, а по поручению Л.С. Полякова (не без решения военного начальства) Северный Иран посетил штабс-капитан Глиноецкий⁸⁴⁰. Они определили основное направление дороги, а Глиноецкий составил приблизительную смету расходов. Причём, судя по всему, планировалась ими прокладка шоссе – отсюда и отмеченные разногласия в литературе. М.П. Томар при ближайшем знакомстве забраковал и отдельные намеченные участки дороги, и вообще идею шоссеиной линии, исходя из экономических соображений⁸⁴¹. В 1895 г. А.Н. Куропаткин сообщал: «летом сего года концессии кончается срок, но к работам ещё не приступлено»⁸⁴². 7 ноября 1895 г. было подписано итоговое соглашение, по условиям которого «Общество Энзели-Казвинской дороги получало от шаха ряд привилегий»⁸⁴³. Колёсное сообщение на участке Энзели–Казвин было открыто лишь в 1899 г.⁸⁴⁴, после того, как через Министерство финансов концессия была продлена на несколько изменённых условиях.

Однако изучение местностей, где должны были проходить важные со стратегической точки зрения дороги, было начато штабом Кавказского военного округа задолго до получения права на их постройку. Такой подход свидетельствует, что за новой концессией стояло русское правительство. Это было отчасти новшеством во внешней политике империи Романовых относительно своего южного соседа. В ближайшие годы такая ситуация станет закономерной. Относительно самой концессии существуют некоторые неясности, разъяснение которых, возможно, сможет детализировать историю русско-иранских отношений начала 1890-х гг. Как указывал Ф. Казем-заде, вопрос о постройке шоссе, соединившего бы

Тегеран с российской границей, был поднят в октябре 1891 г. министром финансов И.А. Вышнеградским⁸⁴⁵. Здесь же указанный автор отмечал, что «тем временем Лазарь Поляков получил право строить дорогу между Тегераном, Тебризом и Джульфой на русской границе с веткой от Тебриза до Борруджерда и Хамадана. Он также получил право держать два парохода на озере Урмии»⁸⁴⁶. Объяснялось это тем, что Джульфа рассматривалась военными наиболее удобным пунктом наступления к Тегерану дорогой Джульфа–Тебриз–Тегеран, тогда как другие носили лишь вспомогательный характер⁸⁴⁷.

Не смотря на то, что историк приводил отдельные статьи договора, не совсем понятно, о каком именно соглашении идёт речь. Из существующих источников и литературы известно, что первую концессию на прокладку шоссейного пути русские получили в 1893 г.⁸⁴⁸. Отсутствие точной даты у Ф. Казем-заде затрудняет датировку его сведений, хотя косвенно можно говорить об осени 1891 г. Не совсем также ясно, какую именно и почему позицию занимал Петербург относительно этого соглашения. Из работы американского историка становится очевидным, что Е.К. Бюцов и кавказское начальство были за развитие строительства, однако проблема заключалась в его финансировании и противодействии Л.С. Полякову со стороны правительства и «кавказской и торговой пароходных компаний» на Каспийском море⁸⁴⁹. В итоге, борьба завершилась в пользу Л.С. Полякова в июне 1893 г.⁸⁵⁰. Тем не менее, она не повлияла на изменение главной задачи – дорогу в любом случае должны были построить. Вопрос состоял в том, кто именно и на каких условиях. Свидетельством тому является работа офицеров и топографов Кавказского военного округа, которые при изучении рассматриваемого района особое внимание в период между 1889–1893 гг. обращали на возможные маршруты для шоссейных дорог.

Помимо военно-стратегического значения дорог от русской границы к центральным городам Ирана, у Министерства иностранных дел России имелись и другие соображения. В сжатом виде они были изложены в инструкции новому посланнику в 1904 г., когда старые и новые концессии (полученные после 1895 г.) были приобретены российским правительством. «Придавая особое значение всей совокупности дорожной и транспортной деятельности нашей не только в силу

непосредственных экономических для нас выгод, но и с политической точки зрения, – отмечалось в ней, – как средству удовлетворения насущных потребностей местного населения и борьбы с наветами англичан, возлагающих на нас ответственность за отсутствие железных дорог в Персии, поручая постоянному вниманию вашему всяческое содействие означенной деятельности, а также надзор за правильным развитием оной, ибо серьезные упущения в этом деле могут лишь самым нежелательным образом отразиться на престиже русского имени и не должны быть ничем оправдываемы ввиду жертв, приносимых нашей казной»⁸⁵¹.

В-третьих, маршрутные работы, выполненные В.К. Бельгардом в апреле 1893 г., имели также военно-стратегическую цель. Их описания, изданные в 1895 г., свидетельствуют о том, что на Кавказе готовили планы возможного вмешательства в персидские дела в случае смерти шаха, а также для планирования войны на Кавказско-персидском театре. Это не значит, что таких планов не разрабатывалось ранее. Но новая активизация по их созданию и активная разведывательная деятельность, связанная с ними, вписывались (совпали или были непосредственно вызваны – нуждается в дальнейшем уточнении) в изменения политики относительно Ирана, инициированные С.Ю. Витте. «Известно, что в Персии ни одно восшествие на престол не происходило без довольно продолжительных беспорядков и народных волнений, – писал В.К. Бельгард. – Нет сомнения также и в том, что со стороны двух сыновей шаха принцев Зелл ос-Солтане и Наиб ос-Солтане могут быть обнаружены стремления захватить престол, пользуясь отсутствием валиата (наследника престола – О.Г.), избранника России»⁸⁵². В России действительно опасались такого развития событий⁸⁵³. Поскольку по традиции персидские дела входили в зону ответственности кавказского начальства, то естественно, что именно в Тифлисе в первую очередь были обеспокоены реализацией планов по поддержанию восшествия на иранский престол дружественно настроенного России наследника. Главной опасностью была, судя по всему, потеря Тегерана. Поэтому разработки В.К. Бельгарда и маршруты, исследованные и описанные им, имели одну цель: утвердить власть нового правителя. Поскольку двор валиата находился в Гебризе, откуда до Тегерана нужно было ещё добраться, то цель эта могла быть достигнута либо контролем над столицей, либо посылкой в Персию «летучего» русского отряда,

либо совмещением этих двух вариантов. ПКБ в указанных планах отводилось значительное место⁸⁵⁴. Ещё в февральской инструкции 1887 г. российскому посланнику Н.С. Долгорукову указывалось, что «Положение принца Камран-мирзы Наиб ос-Солтане выгодно в том отношении, что, живя в Тегеране, он быстрее может захватить весьма значительное личное состояние шаха и, благодаря этому, составить около себя партию. Но Тегеран, в свою очередь, может подвергнуться нападению и с севера и с юга»⁸⁵⁵. Поскольку В.К. Бельгард ратовал за комплексное использование бригады и «летучего» отряда⁸⁵⁶, который должен был возможно быстрее подойти к Тегерану. ПКБ предполагалось использовать для захвата дворца и казны. Её численный состав и моральные качества вряд ли позволяли надеяться на захват контроля над городом⁸⁵⁷. Отрабатывая маршруты от российской границы к Тегерану, ротмистр имел задачу, прежде всего, определить возможности в наиболее короткий срок перебросить русский отряд к столице Персии в случае военных действий или сложностей с передачей шахского престола⁸⁵⁸. «При условии посылки русского летучего отряда, – писал он, характеризуя путь Тегеран – Шерестанек – Валиабад – Бауде – Саре – Чаулус, – по исследуемому пути, отряд этот прибудет к стенам Тегерана ранее валиата, или, в худшем случае, одновременно с ним, и тогда наследник вступит в столицу в сопровождении русских войск. Наконец, задача, которую может взять на себя ПКБ, обучаемая русскими офицерами, во время беспорядков, которые последуют в Тегеране после кончины шаха, в высшей степени облегчится с появлением под стенами столицы русского летучего отряда»⁸⁵⁹.

Таким образом, в начале 1890-х гг. в методах русской политики относительно Персии происходит существенное изменение. Вместо политического давления на первый план выходит активное экономическое проникновение. В силу слабости русского предпринимательства в сравнении в первую очередь с британским, функцию его поддержки фактически берёт на себя государство. Главная цель – поставить Персию в экономическую зависимость от Российской империи и укрепить русское политическое влияние при шахском дворе. 1891–1894 гг. условно можно считать периодом выработки новой стратегии и разведки, а с 1894 г. начинается активная реализация указанного плана в форме концессий, а позже – займов.

ГЛАВА 6

ФОРМИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КУРСА ОТНОСИТЕЛЬНО ИРАНА В НАЧАЛЕ ЦАРСТВОВАНИЯ НИКОЛАЯ II

6.1. Взгляды Николая II на Иран

Николай II

20 октября 1894 г. скончался Александр III. Ему наследовал старший сын Николай II (короновался 14 мая 1896 г.). Известно, что отец не готовил основательно цесаревича к управлению великой державой⁸⁶⁰. Он был посвящён далеко не во все вопросы внешней политики. Чаще всего знания Николая Александровича ограничивались поверхностными сведениями. Поэтому, прежде, чем перейти к краткой характеристике международных отношений России с Персией и вокруг неё в 1894–1896 гг., следует остановиться на личности Николая II, который в рассматриваемое время стремился подражать своим предшественникам и проводить самостоятельный внешнеполитический курс.

Новый император не вполне обладал качествами, присущими самодержавному правителю. Он отличался слабым, добронравным и впечатлительным характером, ординарным умом и легко поддавал под чужое влияние. В случае же неудач самоустранялся от важных государственных задач⁸⁶¹. Как писал российский исследователь В.В. Дегоев, «то, что в “обычном” человеке достойно прощения,

умиления или права именоваться добродетелью, способно превратить личность императора России в трагедию для страны»⁸⁶². Исследователи также отмечали как один из главных недостатков нового царя «неспособность обобщать информацию и предложения, поступавшие от разных ведомств, вырабатывать на этой основе курс политики и следить за его неуклонным проведением»⁸⁶³. Единственное, что характеризовало его как самодержца, это искренняя вера в незыблемость для страны самодержавного строя и в свою роль её олицетворителя и хранителя. Именно поэтому влияние окружавших его людей имело определённые пределы: если оно шло вразрез с его собственными взглядами на вещи, Николай II проявлял «упрямую самолюбивую волю»⁸⁶⁴. Трудно согласиться с мнением П.В. Мультипули, о том, что «главный итог внешней политики императора Николая II заключается в том, что он был первым из государственных деятелей, кто духовно-нравственную основу возвёл в основание мировой политики»⁸⁶⁵. Достаточно вспомнить хотя бы Александра I с его идеей Священного союза, или Николая I – «последнего рыцаря» самодержавия⁸⁶⁶. Тем не менее, духовный, религиозный фактор действительно играл значительную роль не только в жизни императора, но и в его внешнеполитической деятельности. Он был глубоко верующим человеком, и вера эта влияла на всё его царствование⁸⁶⁷.

Константин Петрович Победоносцев

Кроме того, великодержавные амбиции, честолюбие, воинственность и самонадеянность – эти качества первое десятилетие правления проступали в николаевской международной политике очень отчётливо. В рассматриваемый период правитель Российской империи был особенно увлечён внешнеполитической сферой. Можно согласиться с авторами обобщающей работы по истории внешней

политики России конца XIX – начала XX вв., что «в первые годы правления царь плохо разбирался в международных проблемах, был политически неопытен ... и, может быть, поэтому более самостоятелен и «смел» в поисках внешнеполитических целей»⁸⁶⁸. Тем не менее, его самостоятельность находилась в рамках того кругозора и идей, которые сформировали в нём близкие к нему люди до восшествия на престол. Если во внутриполитических вопросах большое влияние на будущего монарха имел обер-прокурор святейшего Синода Константин Петрович Победоносцев⁸⁶⁹, то внешнеполитические представления формировались под воздействием Николая Михайловича Пржевальского⁸⁷⁰ и Эспер Эсперовича Ухтомского⁸⁷¹.

Николай Михайлович Пржевальский

Интерес к Востоку у Николая II значительно возрос после упоминавшегося путешествия его в бытность цесаревичем в 1890–1891 гг.⁸⁷² и наложился на идеи двух указанных личностей. Суть внушённых ими наследнику представлений сводилась к формуле «будущее России – в Азии». Причём, поскольку увлечены оба были главным образом Дальним Востоком и Центральной Азией (куда не были включены Персия (Западная Азия в политическом, Западная и Центральная – в географическом отношениях) и Афганистан), то не удивительно, что дальневосточный вектор российской азиатской политики стал главенствующим вплоть до поражения в русско-японской войне 1904–1905 гг.

Эспер Эсперович Ухтомский

Плоды воспитания и личных качеств императора не замедлили сказаться на его внешнеполитических инициативах. Персия по-прежнему оставалась на вторых, а то и на третьих ролях в международных планах нового царя и его окружения⁸⁷³. Однако это не означало, что политика здесь проводилась пассивно. Если в конце правления Александра III активизация её только наметилась, то с воцарением его сына «экспансия» империи в Страну льва и солнца развернулась невиданными доселе темпами и масштабом. Осенью 1897 года Николай II, гостивший у родственников в Дармштадте, в разговоре с британским дипломатом довольно ясно высказал свою точку зрения на эту страну. Император не верил в возможность существования слабых и зависимых буферных государств, а коррумпированное и слабое правительство Персии делало перспективы её превращения в сильный и самостоятельный барьер между Российской и Британской империями слишком призрачными. Поэтому, хотя России и не нужны новые территории, по личному мнению Николая лучшим решением проблемы стало бы исчезновение персидской преграды между границами владений Лондона и Петербурга на Среднем Востоке⁸⁷⁴. В своём дневнике от 16 февраля 1903 г. тогдашний военный министр А.Н. Куропаткин сделал следующую запись. «Я говорил Витте, – фиксировал он содержание разговора с министром финансов, – что у нашего государя грандиозные в голове планы: взять для России Маньчжурию, идти к присоединению к России Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы»⁸⁷⁵. Как ни парадоксально, но такие идеи относительно Ирана, вызрели в голове Николая II именно под воздействием С.Ю. Витте и А.Н. Куропаткина, хотя оба они и не являлись сторонниками аннексии

соседнего государства. Как отмечал Анатолий Венедиктович Игнатьев, «Николай II не обладал твёрдостью характера Александра III и поначалу легко поддавался влиянию окружающих, нередко даже меняя под их воздействием свои решения. Но к этому нужно сделать некоторые оговорки. Во-первых, воспитание и пример отца заложили в его сознании тот взгляд на миссию России в мире и свою роль в её осуществлении, от которого он не отступал. Во-вторых, свою уступчивость Николай признавал как слабость и со временем разработал ряд приемов, позволявших ему, не вступая в полемику, в которой он был не мастер, проводить собственную точку зрения. Убеждение в своей правоте давала ему вера в то, что Бог не оставит своего помазанника в минуту трудных решений»⁸⁷⁶. В первое время реальная роль царя в решении иностранных дел была минимальной. Он старался избегать каких-либо новаций и следовал рекомендациям родственников и министров⁸⁷⁷. Именно С.Ю. Витте и А.Н. Куропаткин с 1890-х гг. выступали главными идеологами-вдохновителями наступательной политики империи относительно Каджарской монархии⁸⁷⁸. Первый представлял как бы «экономическое крыло», а второй – «военно-политическое» (хотя экономические методы виделись ему не менее важными). Поскольку взгляды министра финансов мы охарактеризовали выше, остановимся подробнее на том, каким видел место Ирана в политике России А.Н. Куропаткин.

6.2. Программа А.Н. Куропаткина

Окончательно оформились взгляды А.Н. Куропаткина на политику России относительно южного соседа после его личной поездки в Тегеран 12 января – 23 февраля 1895 г. Он был отправлен в Персию Николаем II с посольством. Официально целью поездки было объявление Насреддин-шаху о вступлении на престол нового царя (это была обычная практика не только в русско-иранских отношениях)⁸⁷⁹. Кроме того, в круг его задач входило обсуждение пограничных вопросов⁸⁸⁰. Неофициально же начальник Закаспийской области ознакомился с положением при персидском дворе и в стране вообще. В силу того, что командировка имела официальный характер, видел будущий военный министр в

основном только то, что ему показывали: жизнь населения по пути следования, тегеранский гарнизон и пр. В Иране он имел продолжительное общение с шахом, его первым министром, другими персидскими сановниками. Значительный объём информации был им получен от российского дипломатического представителя в Тегеране и командира ПКБ. Кроме того, в качестве важного источника информации выступали отчёты офицеров штабов Закаспийской области и Кавказского военного округа, с которыми генерал ознакомился до поездки. По возвращении из Тегерана А.Н. Куропаткин 25 марта был принят царём⁸⁸¹. Результатом миссии стал отчёт А.Н. Куропаткина императору⁸⁸². Как начальник Закаспийской области – приграничной с Персией – А.Н. Куропаткин не мог не знать о позиции Петербурга относительно Ирана и, конечно, имел представление о различных подходах в этом вопросе среди высших чинов империи. Тем не менее, основываясь на знаниях, полученных им за предшествующую деятельность, сведениях офицеров своего штаба и штаба соседнего военного округа, дипломатических агентов, собственном опыте, он сформулировал личный взгляд на проблему. Выводы А.Н. Куропаткина находились в русле решений Особых совещаний по Персии 1890 и 1893 гг. Однако они отличались большей широтой и детализацией.

В докладе 1895 г. были сформулированы основные цели и задачи русской политики относительно южного соседа. А.Н. Куропаткин выступал здесь как сторонник не военно-политической, а экономической экспансии, во многом разделяя взгляды С.Ю. Витте. Тремя основными составляющими доклада 1895 г. были политическая, военная и экономическая. А.Н. Куропаткин постоянно подчёркивал, что Россия отстаёт от ведущей капиталистической державы мира Великобритании. Её генерал одновременно видел опасным противником⁸⁸³, но при этом ставил в качестве ориентира в смысле методов деятельности по продвижению и отстаиванию своих интересов. А.Н. Куропаткин заключал, что Россия не должна отставать от Англии⁸⁸⁴. Однако трезво оценивая слабость российской экономики в этом соревновании, считал необходимым, чтобы государство активно помогало своим экономическим и политическим агентам, проводя протекционистскую политику. Политические рекомендации начальника Закаспийской области были краткими. «Поддержание преобладающего влияния нашего в Персии и на будущее

время является настоятельно необходимым», – формулировал он главную цель России относительно Ирана. России важно «заботливо охранять целостность Персидского государства. Если не для нас, то для детей и внуков наших вся Персия должна войти в сферу русских политических и экономических интересов ... Охраняя целостность Персии на нашей 2 000-вёрстной границе, Россия не может допустить, чтобы со стороны границ Турции, Афганистана или со стороны Персидского залива последовало занятие той или другой части персидской территории. Равно, мы не можем допустить, чтобы на престоле Персии находилось лицо, не признанное Россиею», – заключал А.Н. Куропаткин⁸⁸⁵. Отсюда одной из главных задач он видел «поддерживать любыми средствами благорасположение шаха, наследника и садразама к России, выполняя по возможности их просьбы. Личные отношения в Персии имеют огромное значение»⁸⁸⁶.

К этой главной цели – подчинению Персии в перспективе российскому влиянию – были привязаны в докладе все остальные. Относительно военной составляющей генерал подчёркивал, что «вооружённые силы в Персии в настоящее время незначительны, не устроены и не обучены должным образом. Но материал имеется хороший и если явятся опытные инструкторы и прекратится воровство сумм, ассигнуемых шахом на армию, то в Персии может быть создана значительная военная сила ... Принимая на себя миссию по охране целостности этой страны, мы, по видимому, должны влиять на персидское правительство ... дабы в Персии не развивались и не совершенствовались вооружённые силы», – делал вывод А.Н. Куропаткин⁸⁸⁷. В качестве мер для достижения этого, генерал предлагал следующее. «Представляется ... желательным, – писал он, – ... влиять на шаха, дабы он не только не увеличивал, но даже сокращал денежные отпуска на армию. Необходимо вытеснить из Персии иностранных инструкторов, не допускать приглашение таковых вновь, увеличить в крайности число русских инструкторов для внешнего обучения персидских войск. По всем этим вопросам, указывая шаху наше испытанное миролюбие, необходимо внушать ему и его ближайшим помощникам убеждение, что поддержание в Персии спокойствия не только внешнего, но и внутреннего должно быть прежде всего основано на дружбе с Великою Россиею»⁸⁸⁸.

Главное внимание А.Н. Куропаткин уделил экономической политике России в Иране. «За последние 20 лет наши торговые обороты с Персиею увеличились более, чем в 4 раза, – констатировал он. – Необходимо, однако, отметить, что ценность вывозимых из Персии продуктов всё время превышала стоимость ввозимых нами товаров. Вывозная торговля иностранных государств, главным образом Англии, в общей сложности превышает торговлю России почти в 2 раза и притом обороты по торговле с Персиею завершаются с балансом в пользу европейских государств»⁸⁸⁹. К тому же, таким образом, замечал А.Н. Куропаткин, Россия ввозила в Персию серебро и деньги, в то время как остальных европейские государства вывозили⁸⁹⁰.

Выделяя 3 главных торговых района – Азербайджанский, Тегеранский и Хорасанский, – пути к ним, и состояние русской торговли в целом, – А.Н. Куропаткин отмечал, что «мы не являемся полными хозяевами даже на северных рынках Персии»⁸⁹¹. Наиболее обеспеченными интересы русской торговли он считал на Хорасанском рынке. «Несмотря на то, что мы вошли в соприкосновение с этим рынком только 14 лет тому назад, мы прочнее обеспечили его за собою, чем первые два рынка (Тебризский и Тегеранский)», – констатировал он⁸⁹². Одной из главных причин этого начальник Закаспийской области считал отсутствие хороших путей сообщения. А.Н. Куропаткин отмечал, что относительно путей Тегеранского и Тебризского торговых районов «нами ничего не сделано ... и пути, ведущие к нам из Закавказья, остаются в том же неустроенном виде, в каком они были, когда в 1827 году войска наши ... наступали к Тебризу»⁸⁹³. «При таких условиях, – делал он заключение, – нам остаётся или уступить персидский рынок иностранцам, или продолжать и развивать правительственную поддержку для поддержания и укрепления нашего торгового положения в Персии ... Если при нынешнем развитии России рынок Персии представляется для нас недостаточно важным, то мы должны работать в интересах детей и внуков наших. Через 50 лет в России будет 250 000 000 населения. Тогда весь персидский рынок до Персидского залива включительно станет для русского народа насущно необходимым. Если мы упустим его теперь из своих рук или дозволим занять Англии ту или другую часть территории Персии, то в ближайшем историческом будущем это вызовет необходимость огромных жертв с нашей стороны, дабы вернуть потерянное»⁸⁹⁴.

«Такое положение вещей, в виду относительной близости к Персии русских промышленных районов, не может быть признано нормальным и со стороны России необходимы новые усилия и меры, дабы на важных, примыкающих к нам персидских рынках Россия получила преобладающее значение», – завершал свой вывод генерал⁸⁹⁵.

Необходимо заметить, что он вполне адекватно раскрыл причины такого положения российской торговли в Персии и разработал довольно обширный план по продвижению русских торгово-экономических интересов в Каджарской монархии. «Такое явление, – писал А.Н. Куропаткин, – объясняется, прежде всего, вообще недостаточным ещё промышленным развитием России. Переход от страны земледельческой к земледельческо-промышленной ещё не завершился у нас. Мы нуждаемся, поэтому, в покровительственной таможенной системе ... Не смотря на такую защиту извне, наша промышленность не справляется ещё в должной степени даже с потребностями внутреннего рынка. Поэтому для наших фабрикантов персидский рынок представляется маловажным, и они не способны положить столько же труда на завоевание этого рынка, сколько кладут, например, фабриканты английские, которые без внешних рынков существовать не могут. Добавим, что со стороны наших торговцев нет ещё достаточной предприимчивости, знания местных условий, знания языка. Наш крупный предприниматель не идёт на риск, как англичанин или американец, и в то же время не признаёт возможным довольствоваться барышом, вполне удовлетворяющим купца-иностранца, ибо необходимо затем иметь в виду, что в настоящее время в России необходимый для каждого предприятия капитал находится труднее и оплачивается значительно дороже, чем за границу»⁸⁹⁶.

А.Н. Куропаткин наметил грандиозную программу распространения российского политического и торгово-промышленного влияния в Иране, которая впоследствии была в основном реализована или реализовывалась русским правительством. Она включала в себя контроль над политической и военной ситуацией в стране, поощрительные меры для русской торговли, улучшение и прокладку путей сообщения (в частности, железных дорог) под российским контролем⁸⁹⁷. «С нашей стороны, – писал А.Н. Куропаткин, – представляется, по-

видимому, необходимым не допускать персидское правительство к разрешению постройки железных дорог в Персии где бы то ни было иначе, как с согласия русского правительства»⁸⁹⁸. Пути эти, по замыслу будущего военного министра, должны были связать Иран с Россией и обеспечить быструю и бесперебойную доставку российских товаров на рынки Персии. Он вновь поднимал вопрос, рассматривавшийся в 1890 г., о постройке железной дороги до Тебриза⁸⁹⁹. Обращая внимание на активное строительство железных дорог в Малой Азии и активности здесь представителей Германии, А.Н. Куропаткин отмечал: «эти линии, если мы не поспешим с постройкою железной дороги до Тебриза, могут в ещё большей степени, чем ныне, отнять от нас самый важный в Персии Азербайджанский рынок с г. Тебризом»⁹⁰⁰. «Англичане спешат с постройкою пути к Тегерану от р. Каруна, – заявлял он. – Мы можем бороться с ними только ускорением проложения колёсного пути Энзели – Казвин к Тегерану же. Англичане и немцы спешат приблизиться к границам Персии проложением железных дорог через Малую Азию. Мы можем ослабить угрожающую нашим интересам опасность только скорейшим проложением железной дороги от Тифлиса через Эривань и Джульфу к Тебризу»⁹⁰¹. А.Н. Куропаткин указывал, что Россия отстаёт в гонке с Англией и Германией, поэтому отмечал необходимость скорейшего принятия указанных мер, а в особенности – постройки железной дороги. «Мы можем только тогда быть спокойны за сохранение наших интересов в Персии, когда будем иметь для отстаивания сих интересов сплошной железнодорожный путь: Петербург–Москва–Тебриз–Тегеран»⁹⁰². Проект этот, правда, не был реализован – правительство сочло за лучшее в 1900 г. ещё на 10 лет заморозить железнодорожное строительство в Иране.

Программа А.Н. Куропаткина предполагала также следующее⁹⁰³:

1. Необходимость принятия мер к понижению фрахтов за перевозку грузов по Каспийскому морю. «Надо спешить для сего устройством портов в Петровске, в устье Волги, в Энзели и принять меры к обеспечению нужд нашего торгового флота в персидских портах пристанями и пакгаузами».
2. Облегчить кредит по торговле с Персией продуктам российского производства.

3. «Устранить таможенные затруднения, вследствие которых русский товар, проникнувший в центральные провинции Персии, оплачен не 5%, а иногда 15% пошлиною».

4. Назначить консулов в Йезд и Мохаммеру и коммерческих агентов в главные торговые пункты Персии.

5. Продолжать действие поощрительных мер по ввозу в Персию русских хлопчатобумажных изделий и сахара.

«Но все вышеприведенные меры не принесут достаточно пользы, если в голове сих мер не будет поставлена постройка необходимых дорог, ведущих к центрам Персии торговым и административным: Тебризу, Тегерану и Мешхеду, – писал А.Н. Куропаткин. – ... Необходимо начать уже разрешённую к постройке железную дорогу до Эривани. Разрешить продолжение её до Джульфы. Добиться разрешения шаха на продолжение её в персидских пределах от Джульфы до Тебриза. Построить колёсную дорогу от персидского порта Энзели до Казвина, откуда уже существует колёсная дорога до Тегерана. Дать порту в Энзели должное устройство. Построить колёсную дорогу от пограничного пункта на Каспийском море Астара до Тебриза ... Улучшить состояние колёсной дороги от Ашхабада к Мешхеду. Улучшить состояние Гязьёкого порта. Необходимы пристани, пакгаузы и устройство дорог от этих пунктов через болотистую полосу. Принятие всех этих мер может доставить нам твёрдое положение на рынках Тебризском, Тегеранском и Мешхедском»⁹⁰⁴.

В дальнейшем, по мнению А.Н. Куропаткина, постепенно следовало экономически подчинить себе всю Персию. Здесь он развивал идеи бывшего посланника в Персии князя Н.С. Долгорукова, считавшего, что Россия обязана позаботиться о средствах утверждения своего влияния и на юге Ирана⁹⁰⁵. «При помощи этих мер, – писал он, – мы заложим через эти пункты как бы первую мирную параллель. Став твёрдо на вышеуказанных рынках, мы подготовим возможность продвигаться экономически далее к югу, дабы со временем заложить вторую мирную параллель от Керманшаха через Исфahan, Йезд к Кирману. Наконец, с занятием этой второй линии станет возможен успех в борьбе с англичанами и за выходы к Персидскому заливу и Индийскому океану»⁹⁰⁶.

«Без принятия вышеуказанных мер, – завершал свои рассуждения А.Н. Куропаткин, – мы можем потерять даже то, что нами в Персии уже достигнуто»⁹⁰⁷.

30 мая 1895 г. Николай II сделал в своём дневнике запись: «Читал с интересом отчёт Куропаткина о его поездке зимою в Персию»⁹⁰⁸. Думается, именно под воздействием позиции начальника Закаспийской области с 1895 г. то, что современный публицист назвал «русским наступлением в Персию»⁹⁰⁹, начавшимся примерно с 1893 г., приобретает новые черты. Главной целью постепенно становится не просто соревнование с Великобританией, но вытеснение её влияния с территории Ирана различными методами, главными из которых должны стать экономические. Идея подчинения российскому влиянию Ирана была не нова для русской дипломатии⁹¹⁰. Однако до этого предпочтение отдавалось методам политического и военного характера. Во второй половине 1895 г. «было провозглашено, что соревнование с Англией отныне должно выражаться, прежде всего, в сфере экономических интересов»⁹¹¹. Именно этим объясняется нежелание российского правительства всерьёз вступать в переговоры о разделе сфер влияния в соседней стране, которые настойчиво предлагал Лондон⁹¹². «В руководящих кругах господствовало даже убеждение, – констатировал на Особом совещании 1 февраля 1907 г. министр иностранных дел А.П. Извольский, – что Персия должна всецело подпасть под русское влияние, и что нам надо стремиться к свободному выходу в Персидский залив, с проведением железнодорожной линии через всю Персию и созданием укрепленного пункта на означенном заливе»⁹¹³. Стратегически контроль над всей Персией казался более важным, чем лишь над её частью.

Основные задачи внешней политики России в Персии в видении А.Н. Куропаткина, уже главы Военного министерства, к концу XIX в. можно проследить из писем его министру иностранных дел Михаилу Николаевичу Муравьеву апреля и мая 1899 г. Генерал указывал, что в Персии не нужно стремиться сейчас к разделу сфер влияния с Англией. Он подчёркивал, что предстоящее строительство железных дорог в Северной Персии «неминуемо, при надлежащей постановке дела, приведёт к усилению и расширению в названной стране нашего влияния»⁹¹⁴. А.Н. Куропаткин указывал, что в связи с большими

расходами на Дальнем Востоке и необходимостью укрепления русско-афганской границы Военное министерство ждут значительные финансовые траты. «Между тем ... мы ещё до сих пор не усиливаем наше положение на персидской границе со стороны Тебриза проложение железной дороги до Джульфы ... При этих условиях вполне нежелательно пеереходить ныне в Персии к более активной, чем в настоящее время, политике, ибо такой переход неизбежно вызовет расходы, что замедлит наше усиление на Дальнем Востоке и на афганской границе»⁹¹⁵. Военный министр предполагал, что через несколько лет, когда Россия укрепится на обоих направлениях, «настанет время и для действий в Персии», которые должны будут включать, в первую очередь, укрепление влияния в Тебризском, Тегеранском и Хорасанском районах⁹¹⁶. Именно поэтому генерал предлагал на время задержать строительство железных дорог, поддерживать существующее парвительство во избежании смут. «Территориальные приобретения от Персии для России излишни», – резюмировал он⁹¹⁷. «Денежную помощь, – рекомендовал А.Н. Куропаткин, – желательно оказать французскими капиталами с нашей гарантией ... При современном положении Персии вкладывание в эту страну капиталов представляется делом рискованным. Поэтому мы должны обеспечить свои обязательства перед Францией, наложив руку на северные таможи Персии». Кроме того, военный министр рекомендовал добиваться от Англии, чтобы она не занимала персидскую территорию⁹¹⁸.

6.3. Общие основания для активизации русской политики в Иране

В целом, во внешней политике России на Востоке Персия, как и при предыдущих двух императорах, занимала периферийное положение. Тем не менее, курс, начатый при Александре III, при новом императоре получил логическое развитие. Хотя центр азиатских интересов России переместился при Николае II на Дальний Восток, общий наступательный порыв во внешней политике ощущался и здесь.

Формально для такой политики имелись все необходимые предпосылки. Россия граничила с Ираном уже не только на Кавказе, как в начале века, но и в

Центральной Азии⁹¹⁹. Причём пограничные районы сравнительно успешно управлялись и перестраивались под русским контролем для пользы империи. Фактически политика относительно Ирана формировалась в 1890-х Кавказской администрацией⁹²⁰ и управлением Закаспийской области. Налаживание внутренней администрации, постройка дорог, телеграфных линий и пр. давало возможность в случае необходимости быстро реагировать на военно-политические и экономические вызовы со стороны южного соседа. До 1898 г. продолжалась постройка Закаспийской железной дороги, отдельные участки которой вводились в строй по мере продвижения российской власти в Средней Азии⁹²¹. Дорога стала одной из главнейших торговых артерий между империями Каджаров и Романовых и, одновременно, была важным военно-стратегическим путём⁹²². Каспийское море и его побережье к середине 1890-х гг. фактически превратилось в вотчину русского влияния⁹²³. Под контролем России находились Закаспийский край, были проведены железные дороги до Батума, Баку, приняты меры для поощрения ввоза в Персию сахара и хлопчатобумажных изделий. Покорение туркмен и порядки, установившиеся на территории русской Средней Азии привлекали простое население приграничных персидских областей. «В Фехрабаде насчитывается до 150 домов, – писал российский наблюдатель, – и жители его почти все являются собственниками большого количества верблюдов (до 600 голов в селении). Они водят караваны от Теббеса и Туна на Себзевар, Кучан и Ашхабад. Многие из них, узнав во мне русского, расхваливали мне Ашхабад, где бывали неоднократно; отзывались с восторгом о железной дороге, которую видели там первый раз в жизни, и о порядке и чистоте города. В Фехрабаде имеется новый караван-сарай, построенный иждивением одного из йездских купцов; в полуверсте к юго-западу от караван-сарая – отличный новый аб-амбар, вода которого была хорошего вкуса и сравнительно свежа; но её не хватает на всё лето. Жители говорили, что будь здесь хозяевами русские, то наверное было бы не один, а 10 хоузов и не приходилось бы прибегать к горько-солёной кярызной воде»⁹²⁴

«Русское влияние основывается главным образом на престиже её силы, – констатировал другой русский офицер, – выразившейся в покорении Средней Азии, причём особенное впечатление на население северо-восточного Хорасана произвело

завоевание Хивы и Закаспийского края. Действительно, до этих завоеваний положение населения рассматриваемых округов (пограничных с Россией областей в Центральной Азии – О.Г.) было весьма печально: постоянно угрожаемые нападением туркменских аламанов, жители не имели возможности спокойно производить полевые работы в самом близком от селений расстоянии; выходя из селений для запашки или сбора хлеба, они брали всегда с собой оружие, а поблизости места работ воздвигали особые башни, в которых искали убежища в случае нечаянного нападения. Торговля была стеснена вследствие небезопасности путей сообщения и караваны не решались отправляться в путь без сильного конвоя. Множество жителей уводилось туркменами ежегодно в плен и продавалось затем в рабство на базарах Средней Азии, а особенно в Хиву. После занятия нашими войсками этого пункта ... всё ... население вздохнуло свободно с прекращением аламанов и могло приняться за работу и торговлю, не опасаясь за свою жизнь или свободу. Ту силу, которая покорила исконного врага перасиянина – туркмена, с которым он тщетно боролся много десятков лет и который держал в страхе и трепете весь север Персии, население этих стран не может не уважать и не преклоняться перед ней. Затем после введения в Закаспийском крае русского управления, основанного на гуманности и справедливости, население рассматриваемого района имеет постоянно перед глазами ту разницу, которая существует в материальном положении покорённых нами туркмен, коим предоставлено пользоваться одинаковыми правами с победителями и дано полное обеспечение жизни, свободы и собственности, с их собственным положением под управлением персидской администрации, основанной на произволе, насилии и беззаконии. Сравнивая своё положение с положением нашего подданного туркмена, приграничное с нами население рассматриваемого района должно почувствовать тяготение к России и, наоборот, неудовольствие и злобу к режиму своего правительства. Между населением северных округов района и Закаспийской области установились весьма оживлённые торговые сношения, которые, представляя весьма большую статью доходов, способствуют вместе с тем ознакомлению с нашими порядками. При решении всевозможных пограничных вопросов, в которых затронуты интересы наших и персидских подданных, большое

значение всегда имеет голос России, причём вопрос решается так, как это выгодно для наших подданных. Подобное положение, вызывая мелкие вспышки неудовольствия против нас со стороны заинтересованного в этом вопросе персидского населения, вместе с тем способствует в общем к укоренению сознания, что слабому шахскому правительству не под силу бороться с могуществом России и одного слова русского императора достаточно для присоединения к России всего Хорасана; вместе с тем в народе существует глубокое убеждение, что это должно когда-нибудь совершиться. Действительно, престиж русского имени стоит во всех рассматриваемых странах весьма высоко, основываясь на страхе и уважении; но симпатии к нам чувствует только народ, а отнюдь не правительство и ханы, относящиеся к нам недоброжелательно. Этот последний факт объясняется тем обстоятельством, что установление прочной власти среди туркмен Закаспийской области повлияло на уменьшение доходов, получаемых ханами, ибо главная статья доходов приграничных с нами ханов Дергёзского, Кучанского и Келатского заключалась в прибыли, получаемой от набегов на туркменские аулы, а прибыль эта была между тем весьма значительна, доходя у одного Кучанского хана до 200 000 туманов в год. Кроме того водворение прочной власти в области имело следствием уменьшение самостоятельности всех этих ханов и поставило их в более зависимое отношение к центральному персидскому правительству. Бывший вполне самостоятельным в своих действиях в прежнее время, Кучанский хан должен теперь строго придерживаться получаемых от шахского правительства инструкций. Поименованные обстоятельства, а также идущее нам во вред иностранное влияние являются причинами того, что все высшие правительственные лица в районе относятся к нам недоброжелательно, не стесняясь высказывать это при всяком случае нашим официальным лицам, как наш генеральный консул в Хорасане»⁹²⁵.

Помимо неосознанного, русским правительством использовалось и сознательное формирование из персов своих сторонников путём приобщения персидской знати к русской культуре и вообще ко всему русскому⁹²⁶. Речь, правда, шла в первую очередь, о каджарских принцах. Так, персидские принцы находились на русской службе. Ещё в войну 1877–1878 гг., к примеру, в Аладжинском сражении 2–3 октября 1877 г. был ранен поручик Нижегородского драгунского полка эмир

Казым-мирза (Касым-мирза) Каджар, который служил и далее, вышел в отставку генералом⁹²⁷. При штабе Кавказского военного округа состояли: генерал-майор Риза-Кули-мирза в запасе армейской кавалерии, ротмистр Лейб-гвардии казачьего его величества полка Шахрух-мирза⁹²⁸. Это далеко не полный перечень имён выходцев из персидской знати, служивших в России и формировавшихся здесь как будущие агенты влияния империи Романовых в Иране.

Значительное влияние на «европеизацию» и «прививку» симпатий к России оказывали и члены русской военной миссии. Особенно здесь преуспел В.А. Косоговский, возглавлявший ПКБ с 1894 по 1902 г. и сделавший её самой популярной частью вооружённых сил Каджарской монархии⁹²⁹. К тому же именно под его руководством в 1896 г. власть после смерти Насреддин-шаха почти беспрепятственно перешла к Мозаффарэддин-шаху⁹³⁰. Стимулируя приверженность России и европейским порядкам, русские инструкторы также, сами того не желая, воспитывали в иранских офицерах ПКБ идеи национализма (успехи соседней «неверной» страны естественно вызвали стремление части персидских военных соответствовать ей, чтобы на равных противостоять или же просто быть не хуже) и желание переустройства вооружённых сил и общества Персии по европейским образцам, но на собственной основе и без внешнего вмешательства. Не касаясь идей, которые двигали умами различного рода «модернистов» и монархистов, следует заметить, что наиболее продвинутые офицеры ПКБ из местного населения не просто усваивали опыт русских учителей и хорошо служили шаху и отчасти России (например, в деле военной агентуры), но и становились людьми нового мировоззрения, понимавшими пороки и недостатки существовавшего строя. Они были заряжены на изменения, в том числе и силой оружия. В этих офицерах сочетались и конституционалистские, и патриархальные, и религиозные взгляды, и личные амбиции, и идеи этнического национализма, и идея преобразования Ирана сильной рукой, основным инструментом которого виделась национальная армия без внешнего руководства (прежде всего освобождение от России и Англии). Если офицеры, устраивавшие бунт в ПКБ в 1906 г.⁹³¹ возможно и направлялись идеалистически понятыми принципами национализма и социализма, но скорее всего, были людьми, желавшими «половить рыбку» в мутной воде революции, то

создававшие новое государство во главе с Реза-ханом в своей голове имели не только личные амбиции, но руководствовались интересами государственными и идеями этнического национализма⁹³².

Мозаффаруддин-шах

Продвижение в Персию обеспечивалось также и внутренним экономическим подъёмом, который переживала Россия. Период с середины 1880-х до середины 1890-х гг. вошел в историю страны как «золотое десятилетие» в развитии экономики. Государство активно покровительствовало развитию собственной промышленности, банковского дела, транспорта, связи. Введённый в 1891 г. единый таможенный тариф носил уже не просто протекционистский, а запретительный для иностранного производства характер. Он имел целью «создать в России свою собственную обрабатывающую промышленность, – отмечал в 1899 г. С.Ю. Витте, – которая содействовала бы росту нашей экономической, а, следовательно, и политической самостоятельности»⁹³³. При этом постепенно набирало силу привлечение иностранных инвестиций, которое окончательно было закреплено как стратегическое направление с при С.Ю. Витте. После временного закрытия для России сначала лондонского финансового рынка в 1885 г. в связи с событиями на Кушке⁹³⁴, а затем – берлинского из-за таможенных противоречий⁹³⁵, происходит переориентация империи на Францию в качестве основного капиталовкладчика⁹³⁶. Особенно увеличились французские инвестиции в русскую экономику и банковскую сферу после сближения начала 1890-х гг.⁹³⁷. Внутриэкономическая политика,

которую проводили министры финансов, стала приносить успехи довольно быстро. К 1880-м гг. завершился промышленный переворот, быстрыми темпами шло железнодорожное строительство, которое как локомотив вытягивало за собой остальные промышленные отрасли, втягивало в активную экономическую жизнь все новые и новые районы империи. В 1892–1893 гг. промышленный подъём охватил все отрасли экономики, особенно тяжёлую индустрию⁹³⁸. В 1890-е гг. страна приступает к индустриализации, которая преобразовала промышленное лицо страны: возникают новые отрасли, новые промышленные районы, формируются целые слои и классы, которых раньше в России просто не было. 1890–1899 гг. – десятилетие, ставшее первой фазой русской промышленной революции, совпавшей с наибольшим притоком иностранных капиталов⁹³⁹. Из аграрной страны империя быстро превращается в аграрно-индустриальную державу⁹⁴⁰.

В то же время, с начала 1890-х гг. Россия вступает в новую фазу развития, охватившую постепенно ведущие страны мира с середины 1870-х гг. В историографии (особенно марксистской) эта фаза получила название империализм⁹⁴¹. Данный термин нуждается в пояснении. До сих пор мы использовали его в качестве характеристики внешнеполитического курса России и Англии, определяя как политику захвата территорий или установления над ними политического или экономического контроля. Однако такое широкое понимание не даёт полноценного представления об изменениях, происшедших в международных отношениях в 1870-х – 1914 гг. До сих пор термин «империализм» для этого времени является дискуссионным. И дискуссия эта была начата примерно с конца XIX в. На данный момент существует два основных подхода к пониманию империализма в указанное время⁹⁴². При этом их сторонники рассматривают его в разных плоскостях, что затрудняет понимание и не позволяет найти общее определение. Для первой точки зрения важнейшим является военно-политическая (культурная) экспансия как таковая⁹⁴³. Связывается она, главным образом, с культурными и политическими причинами, а также личностными взглядами государственных деятелей, её иницилирующих и осуществляющих. Экономический фактор долгое время сторонниками первого подхода игнорировался, либо ему отводилась незначительная роль. Со временем, под влиянием второго подхода,

причины экономического порядка занимают достойное место среди иных в определении термина. Однако применительно к событиям рубежа веков такое его толкование мало что даёт.

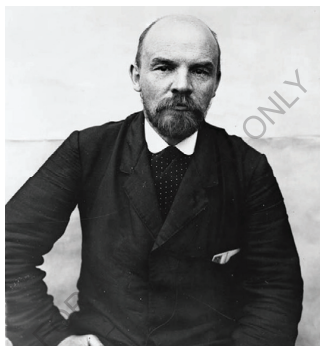
Для сторонников второй точки зрения (преимущественно марксистов) империализм – это не политика государств, а этап в развитии капитализма⁹⁴⁴. Социально-экономическое развитие, как в государственном, так и в мировом масштабе, по их мнению, обуславливает внешнюю политику, делает её «империалистической», т. е. захватнической. Классическим в этом подходе остаётся определение В.И. Ульянова (Ленина). Суть империализма в том, что он является высшей и последней стадией развития капитализма, которая предшествует социалистической революции. Соответственно, империализм характеризуется концентрацией капитала и производства, приводящей к возникновению монополий; созданием финансового капитала и финансовой олигархии на основе слияния банковского и промышленного капиталов; вывозом капитала; образованием монополистических союзов капиталистов, делящих мир; территориальным разделом мира крупнейшими державами⁹⁴⁵.

Джон Аткинсон Гобсон

Оба определения имеют точки соприкосновения и оба могут быть применимы к периоду последней трети XIX – начала XX вв. Однако оба они раскрывают лишь части того, что происходило в мире в рассматриваемое время. Капитализм действительно вступил в новую стадию своего развития, основные черты которой были выделены Д. Гобсоном и В.И. Ульяновым (Лениным)⁹⁴⁶. В то же время, и

империализм в широком понимании этого слова также поднялся на новую ступень. Главной определяющей в экспансионистских планах и действиях ведущих держав мира стали экономические факторы. Такое положение вещей было обусловлено изменениями в капитализме, а те, в свою очередь, сформировали новое видение задач внешней политики, идеологическое их обоснование, средства и методы. В этом смысле Россия хотя и отстала от стран «первого эшелона модернизации»⁹⁴⁷, однако в силу своего статуса и не могла остаться в стороне от происходивших процессов. Экономическая слабость на первых порах компенсировалась протекционистской государственной политикой, а затем государство стало играть роль двигателя и «резерванта» для своих капиталистов.

Владимир Ильич Ульянов (Ленин)

На волне резкого экономического подъёма политика, предложенная относительно Ирана, не казалась эфемерной. Однако, многие ведущие государственные деятели прекрасно понимали, что, несмотря на экономический рост и приток капиталов из-за рубежа (главным образом, французских), Россия всё же по-прежнему не в состоянии была ещё на равных тягаться с Англией на экономической площадке. Отсюда – использование широко метода получения тех или иных выгод в Иране впрок. Причём основными «двигателями» выступали министерства финансов и иностранных дел, то есть фактически все мероприятия проводились не за счёт частных инициатив, а казёнными средствами. Как и внутри империи, вне её политика «ускоренной модернизации» проводилась под контролем

и на средства государства. Однако это не означало, что экономические меры имели исключительно пассивный характер. На особом совещании по вопросу о финансово-экономической политике России в Персии 7 июня 1904 г., министр финансов Владимир Николаевич Коковцов заметил: «Россия, не ограничившись выдачею денежных ссуд шахскому правительству, приняла непосредственное участие в экономической жизни Персии», после чего перечислил, в каких именно формах⁹⁴⁸.

Большую роль в усилении влияния России в Персии сыграл Е.К. Бюцов. Е.К. Бюцов – «чопорно натянутый» человек, как охарактеризовал его В.Н. Ламсдорф⁹⁴⁹ – одна из многих недооцененных фигур российской дипломатии. Его деятельность в Иране практически не изучена (больше известна его работа на Дальнем Востоке⁹⁵⁰), хотя именно он заложил основы для усиления русского влияния в этой стране с конца XIX в. В 1895 г. А.Н. Куропаткин, посетивший Иран, писал в докладе царю: «Престиж и имя России в Персии стоят очень высоко ... таким положением в Персии мы обязаны во многом заслугам энергичного и опытного представителя России в Тегеране тайного советника Бюцова, каждое слово которого пользуется большим значением, и к которому как шах, так и все персидские сановники относятся с глубоким уважением»⁹⁵¹. В.А. Косоговский в 1895 г. в дневнике приводил слова итальянца на иранской службе, капитана графа Монтефорто, который был начальником тегеранской полиции. Они хорошо характеризуют положение Е.К. Бюцова: «каждое слово Посланника – это капля масла, попавшая на бумагу: капнули, и расплывается, расплывается, расплывается»⁹⁵².

Политику, проводившуюся в Персии Е.К. Бюцовым можно охарактеризовать фразой: укрепление русского влияния за счёт ослабления британского любыми законными в дипломатии средствами. Именно благодаря его умелым действиям в последние годы своей жизни Насреддин-шах переориентировался на империю Романовых. Следствием стали существенные результаты, как политического, так и экономического характера. В плане продвижения русских интересов в Иране наиболее плодотворным оказался 1895 г. Распространяя своё влияние на Хорасан, в январе 1895 г. Россия открыла правильные таможенные действия на закаспийской границе с Ираном⁹⁵³. В том же году, благодаря настойчивости русской стороны,

через Серахс была проведена телеграфная линия, соединившая Мешхед с Астрабадом⁹⁵⁴. В Мешхеде было открыто почтовое отделение, а между российским и иранским уполномоченными было подписано соглашение об обмене между странами простой и заказной корреспонденцией. Пунктом обмена стал Гаудан⁹⁵⁵. Таким образом Закаспийская область получила сравнительно надёжные средства связи с Хорасаном, что имело как стратегическое, так и экономическое значение. Правительство Персии также в 1895 г. открыло переговоры о займе в России, которые прервались, однако, в связи с убийством в 1896 г. Насреддин-шаха⁹⁵⁶. В том же году общество Энзели-Тегеранской дороги Л.С. Полякова 7 ноября 1895 г. получило концессию на 75 лет на строительство порта в Энзели с правом установления от имени персидского правительства и с его согласия правил для движения судов и стоянки их в порте, а также взимания денежного сбора с судов и постройку и эксплуатацию Казвино-Хамаданской колёсной дороги 19 декабря 1895 г. до 1970 г.⁹⁵⁷.

Мортимер Дюранд

Успехи Е.К. Бюцова облегчались неудачным выбором английского дипломатического представителя. С 1894 по 1900 гг. этот пост занимал Мортимер Дюранд. М. Дюранд был англо-индийским чиновником, долгое время работавшим в индийском правительстве. Он считался специалистом по восточным странам, обладал обширными знаниями о Персии, говорил на фарси⁹⁵⁸. Один из его подчинённых, Чарльз Гардинг, понимал, что назначение М. Дюранда в Тегеран было ошибкой из-за неприязни персов к англо-индийским чиновникам. Гардинг

вспоминал о своем начальнике: «Он был очень жесток в своей манере общения с персами, и я вскоре обнаружил, что они ненавидели его из-за его непреклонной манеры, его необычайной скрытности и плохого фарси, на котором он говорил и который они называли “афгани”»⁹⁵⁹.

6.4. Россия и Иран после смерти Насреддин-шаха (1896–1907 гг.): обзор отношений

Со смертью в апреле 1896 г. Насреддин-шаха, убитого фанатиком, для Персии закончилась целая эпоха. Несмотря на все свои недостатки, это был умный правитель. Ему удалось не только сохранить независимость своей страны, ловко используя противостояние англичан, русских и других европейских держав, но и долго находиться у власти. Вступив на престол в 1848 г. 17-тилетнем возрасте при поддержке России и Англии, Насреддин-шах оставался правителем Персии 48 лет. И его авторитет в стране был достаточно высоким. Об этом свидетельствует то, что шах трижды покидал своё государство (что было впервые в истории Каджарского Ирана) и при этом никто не покушался на то, чтобы занять его престол. Умело манипулируя своим окружением, заручась поддержкой Англии и России, Насреддин-шах сумел сохранить власть очень долго. Хотя он постепенно уступал давлению России и Великобритании в «открытии» своей страны для их концессий, однако, заботясь о своей власти, не допускал полного подчинения Персии⁹⁶⁰.

Сменивший его Мозаффарэддин не имел ни авторитета, ни талантов отца. Всё его правление – это прогрессирующий экономический упадок Персии, которым не замедлили воспользоваться европейские государства. С новым шахом в Тегеран прибыла целая группа «тюрков» – так стали называть тебризцев и вообще всех азербайджанцев, прибывших в столицу с Мозаффарэдином⁹⁶¹. «Вся голодная стая азербайджанцев, – писал наблюдавший события 1896 и последующих лет В.А. Косоговский, – явилась в Тегеран наподобие первых крестоносцев: голодная, оборванная, нисколько не подготовленная к выполнению государственных обязанностей, но вместе с тем алчная, ненасытная, с безграничным самомнением. Можно думать, что даже такая твёрдая рука, как рука Насреддин-шаха, едва-едва

могла бы сдерживать таких ... буянов, а чего же можно ожидать от “тётушки” Мозаффара (Так иронически отзывались о шахе окружающие его лица, имея в виду его слабый характер)? Ну, вот он и начал, уступая диким и наглým требованиям своих “тюрков”, назначать кому прибавку в 3–5 тысяч, кому покупку дома в 10–15 тысяч туманов ... и, в конце концов, “прибавок и новых пожалований” накопилось *больше того*, чем было убавлено, т. е. и *по этой статье государственной сметы* получился огромный и совершенно неожиданный перерасход и притом перерасход такой, что уже пришлось пошевелить кассу Насреддин-шаха, так тщательно им накопывшуюся в течение целого полувека его царствования»⁹⁶².

Во второй половине 1896 г. командир ПКБ В.А. Косоговский в своём дневнике отмечал: «главнейшая причина недостатка финансов – это *слабость* центральной власти, т. е. престола по отношению к провинциям: несмотря на всю продажность, лихоимство и корыстолюбие Насреддин-шаха, [перед ним] трепетали все персы от первого до последнего, а европейцы уважали, чему немало способствовал режим его полувекового царствования; этого же (Мозаффарэдин-шаха – О.Г.) – никто и в грош не ставит. Провинциальные гг. губернаторы прямо, открыто, наотрез отказываются платить малиат (поземельная и подушная подати – О.Г.), выжидая, что будет дальше и как вообще сложатся обстоятельства. Но для народа этот неплатёж не только неутешителен, но, напротив, крайне тяжёл. Не посылая малиатов в казну, губернаторы тем не менее продолжают собирать по-прежнему малиат с вверенных им провинций, *пока впрёдь до выяснения обстоятельств*, в свой карман, выжидая, что будет дальше. Народ все это видит, понимает и волнуется. Такие порядки в стране долго продолжаться не могут, и, если эти порядки продолжатся, последствия могут быть крайне неутешительные»⁹⁶³.

Быстро и нерационально тратя деньги, Мозаффарэдин-шах и его окружение привели страну к финансовому кризису⁹⁶⁴. Денег на удовлетворение шахских прихотей требовалось всё больше, но брать их было неоткуда. Поэтому правительство увеличивало налоги и сборы, а также начинает искать внешних займов. Первым таким займом стал русский 1897 г.⁹⁶⁵. За займами следовали концессии, невыгодные для Ирана. К началу мировой войны Персия была должна

6 754 000 фунтов стерлингов, из которых доля России составляла 4 750 000 фун., а Англии – 2 004 000 фун.⁹⁶⁶.

К русским правящим кругам со временем пришло осознание того, что Россия не в состоянии за счёт казны обеспечивать растущие потребности пришедшего к власти Мозаффарэддин-шаха и даже свои собственные не территории всей Персии. Оказалось, что экономический рост империи имел значительные недостатки, в первую очередь – неравномерность (в том числе и развитие промышленности в ущерб аграрному сектору) и «завязанность» на европейский финансовый рынок благодаря политике привлечения инвестиций, проводившейся С.Ю. Витте. Это проявилось уже в 1891 г., когда в восточных степных районах России разразился голод. В конце 1899 г. страну охватил экономический кризис, вызванный общемировым кризисом. Тем не менее, для империи он оказался очень длительным и тяжёлым, проявив все недостатки «ускоренной модернизации»⁹⁶⁷. При всей неоднозначности реформ С.Ю. Витте, следует отметить, что в результате их Россия стала постепенно превращаться для Европы в крупного должника (из-за государственных и частных займов) со всё увеличивавшимся государственным долгом и экономической зависимостью от иностранного капитала⁹⁶⁸.

Неравномерность экономического развития и иные внутренние проблемы привели к постепенной переоценке возможностей Российской империи относительно Персии. «На почве персидских дел, – говорилось на Особом совещании 7 июня 1904 г., – России приходится вести нелёгкую борьбу с серьёзным соперником в лице Англии, которая обладает большими материальными средствами и может вынести более значительные, чем Россия, денежные жертвы»⁹⁶⁹. Здесь же было отмечено, что «результаты, достигнутые существующими банковским, дорожным и транспортным предприятиями, побуждают к продолжению деятельности последних, – постепенному расширению их, для приобретения прочного преобладания над иностранцами, которое должно служить наилучшим залогом усиления общего влияния России в Персии». Тем не менее, продолжение решения свидетельствует, что либо начавшаяся 27 января 1904 г. война с Японией, либо «рационализация» высших государственных деятелей, либо то и другое вместе привели к осознанию авантюристичности политики «захвата на будущее», усиленной в

1895 г., но начавшейся ещё при Александре III. «С этой точки зрения, – заключало решение Особого совещания, – не представляется оснований высказываться против сосредоточения в русских руках и новых предприятий, если они являются достаточно выгодными сами по себе. Напротив, с полным сомнением следует отнестись к мысли о закреплении за собой возможно большего числа концессий в Персии, как средства борьбы против иностранных предприятий. Таковые концессии, добытые лишь ради того, чтобы они не достались иностранцам, остались бы неиспользованными за недостатком средств или необеспеченностью самого дела. Они содействовали бы только распространению нежелательных нареканий на русское имя, во избежание чего правительству предстояла бы необходимость поддерживать их и нести новые бесполезные жертвы»⁹⁷⁰. Рационализм финансово-экономической и политической линии России относительно Ирана был выражен в шести пунктах заключительного решения Особого совещания⁹⁷¹. Главным их мотивом было стремление «относиться с крайней осмотрительностью ко всяким дальнейшим денежным восполнениям шахскому правительству»⁹⁷². На Особом совещании 7 сентября 1906 г. указывалось: «из средств казны мы израсходовали на персидские займы и предприятия в Персии свыше 72 миллионов рублей, слагающихся из нижеследующих сумм:

1	Учётно-Ссудный Банк Персии	21 350 000
2	Энзели-Тегеранская дорога, Хамаданская дорога и Энзелийский Порт	10 681 000
3	Тебризская дорога	4 690 200
4	Персидское Страхование и Транспортное Общество	200 120
5	Рейсы в Персидский Залив по конец 1906 года	1 460 000
6	Долгосрочные займы	28 972 124
7	Ссуды 1903, 1904 и 1905 гг.	3 223 810
8	Ссуда и кредиты Наследнику Шахского Престола	1 627 500
	Итого	72 204 754

С другой стороны нам известно, что Персия задолжала Англичанам не более двух миллионов рублей; сопоставляя эти две цифры, во всяком случае придётся признать, что обоюдное влияние России и Англии далеко не пропорционально

принесённым денежным жертвам, и сделать тот вывод, что деньги нужно уметь тратить и кроме того располагать моральной силой, иначе в экзотической стране не приобрести прочного влияния. Можно ли серьезно говорить о том, чтобы вытеснить кого бы то ни было из Персии и целиком подчинить её русскому влиянию. Ответ несомненно был отрицательным, так как кроме Англии постройка Багдадской железной дороги приближает и Германию к Персии и притом к таким областям, которые ближе всего связаны с Россией самыми разнообразными интересами. Наконец, при том внутреннем положении, в коем находятся ныне владения Шаха, установление исключительного влияния России грозило бы в ближайшем будущем перспективой военного усмирения целой страны. В виду этих соображений Министр Финансов полагает, что углубляться в Персию мы никоим образом не должны. Наши задачи — обслуживать соседние с Россией провинции, не допуская туда влияния Англии и Германии. Как ни желательно сузить нашу сферу деятельности, чтобы не отвлекать Россию от того процесса восстановления сил, которому она должна прежде всего себя посвятить, мы не можем отрешиться от пограничных, особенно северо-западных, провинций Персии ... пытаюсь указать предел таковым, Статс-Секретарь Коковцов намечил в своем отзыве от 2 Сентября № 451, сообщенном участникам Совещания, линию Касри-Ширин – Хамадан – Тегеран – Мешед – Асхабад, которая с одной стороны закрывает выход Багдадской дороги в Персию и защищает доступы к Закаспийской железной дороге, а с другой – захватывая столицу страны – проводит естественную границу той сферы, в которой мы уже успели заручиться концессиями и вообще стать прочной ногой. Этой линией мы должны ограничиться и твёрдо решить не идти далее на юг. Переходя к финансовой стороне дела, по мнению Статс-Секретаря Коковцова, необходимо окончательно отказаться от системы подачек Персидскому Правительству на неизвестные нужды, так как этим путём мы фактически постепенно теряем наше влияние в стране. Чтобы вернуть хоть часть наших затрат, нужно, договорившись по возможности с Англией, обосновать законность наших притязаний на известную сферу влияния и приступить к эксплуатации наших прав при содействии капиталов мелких нейтральных государств, например бельгийцев, уже завязавших сношения с Персией и создавших себе там реальные интересы. В этой же области

концессионных предприятий должны мы искать и средства восполнения Персидской Казне и способы обеспечения её долговых обязательств⁹⁷³.

После русско-японской войны 1904–1905 гг. в силу, главным образом внутриэкономических и политических проблем царское правительство вообще отказалось от идеи подчинить весь Иран своему влиянию. К.Н. Смирнов писал: «Славой русского солдата долго держался наш престиж в Персии, и только после несчастной для нас японской войны началось антирусское движение»⁹⁷⁴. «Можно ли серьёзно говорить о том, – заявил на особом совещании 7 сентября 1906 г. министр финансов В.Н. Коковцов, – чтобы вытеснить кого бы то ни было из Персии и целиком подчинить её русскому влиянию? Ответ, несомненно, должен быть отрицательным, так как кроме Англии, постройка Багдадской железной дороги приближает и Германию к Персии ... наконец, при том внутреннем положении, в коем находятся ныне владения шаха, установление исключительного влияния России грозило бы в ближайшем будущем перспективой военного усмирения целой страны»⁹⁷⁵.

Революция в России 1905–1907 гг. и в Иране 1905–1911 гг. также ослабили позиции империи Романовых в Тегеране. Этим воспользовались английские дипломаты. Если Россия всегда делала ставку на шаха и поддержание политической стабильности в стране, британцы активно поддержали антишахские силы, обвиняя при этом Россию в подавлении свободы в Иране⁹⁷⁶. Результатом стало англо-русское соглашение от 18 августа 1907 г. по делам Персии, Афганистана и Тибета⁹⁷⁷. Конвенция закрепила раздел Ирана на английскую и русскую сферы влияния с «буферной зоной» между ними⁹⁷⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Внешнеполитический курс России относительно Ирана во второй половине 1850-х – первой половине 1890-х гг. характеризовался основной стратегической целью – стремлением сохранять целостность и неприкосновенность владений шаха, не ища для себя территориальных приращений не допуская преобладания третьей державы, постепенно подчинить Персию своему господствующему влиянию, без нарушения, однако, как внешних принципов ее самостоятельности, так и внутреннего строя⁹⁷⁹. Сначала главным заданием было не допустить попадания Персии под влияние Великобритании, а позже – политический и экономический контроль над южным соседом. До 1890-х гг. никакого специально разработанного плана по целенаправленному подчинению Ирана в России не было. Русские представители действовали исходя из ситуации.

До второй половины 1870-х гг. предпочтение отдавалось мерам морального влияния на иранское правительство. С назначением посланником И.А. Зиновьева окончательно вырабатывается подход, согласно которому Россия должна преобладать в Персии. В силу экономической слабости империи Романовых в сравнении с Великобританией, главными методами воздействия на шаха и его сановников становятся политическое давление или запугивание, либо договорённости – полюбовно или с позиции силы. Злоупотребление «силовыми» методами давления привело в конце 1880-х гг. к тому, что Насреддин-шах и его главные министры стали отстраняться от России и идти на уступки Англии.

Успехи 1860-х – первой половины 1880-х гг. были обеспечены отчасти недоверием персидского правительства к Англии из-за проигранной войны 1856–1857 гг. и вообще позиции Великобритании относительно территориальных приращений Ирана на востоке и юго-востоке. Отчасти успехи объяснялись надеждами, что Россия поможет решить пограничные споры с Османской империей в пользу Персии, отчасти – умелыми действиями русских дипломатов, особенно А.И. Зиновьева. Одной из забот русского правительства было содействие российским торговцам в Персии. Но до 1890-х гг. целенаправленной политики в

этом вопросе не велось. Хотя русские предприниматели и торговцы постепенно утверждались в северных провинциях Ирана, их деятельность чаще всего носила недостаточно активный характер.

Смена методов и приоритетов внешнеполитического курса к Персии происходит в России в начале 1890-х гг. Она совпала с назначением на пост посланника Е.К. Бюцова, который и должен был реализовывать новый курс. Суть его сводилась к созданию условия для экономического и политического контроля над Ираном в будущем. Главными становятся экономические методы проникновения и контроля. Получение концессий и экономических выгод для России делалось как бы впрок. Главным инициатором и покровителем экономических начинаний стало выступать государство. Объяснялось это недостаточными финансовыми возможностями империи Романовых в сравнение с главным конкурентом – Великобританией. С этим же была связана и запретительная политика в железнодорожном вопросе.

Обвинять русское высшее руководство и дипломатов в агрессивной политике по отношению к Персии, как это делал, например, Д.Н. Кёрсон, нельзя. Они мыслили и действовали в рамках современного им понимания мирового устройства и роли в нём великих держав и наций. Понимание это было сформировано в Западной Европе, а Россией заимствовано. Империя должна облагораживать и обулаивать мир, снижать уровень конфликтности, преступности, способствовать развитию свободной торговли, должна руководить и наставлять малые нации, воспитывать «дикарей» и «варваров», неся им цивилизацию. Естественное сопротивление «материала» должно подавляться мирными или, если нет другой возможности, силовыми методами. Результат – «свет» цивилизации во всём мире⁹⁸⁰.

Естественно, за таким пониманием стояли и вполне конкретные задачи. Русские политические круги сочетали в своей политике прагматизм с романтизмом. Прагматизм заключался в отстаивании интересов своей страны как относительно Ирана, так и в борьбе за сферы влияния с другими великими державами, в первую очередь с Великобританией. Романтизм же проявлялся в форме своеобразного легитимизма и веры в то, что честные и открытые отношения (между монархами в том числе) – есть залог хороших отношений между соседними державами.

Романтизм преобладал во внешней политике России по отношению к южному соседу до последней трети 1870-х гг. Затем он постепенно уходит на второй план, а главенствующее положение занимает прагматизм, выразившийся в отстаивании русских интересов в борьбе с Великобританией и обеспечении безопасности российской границы на Среднем Востоке.

Политика России относительно Персии не может рассматриваться вне англо-русского соперничества в Азии («Большой игры»). И Россия, и Англия (Лондон) были заинтересованы поставить Персию под свой контроль. Но в России хорошо понимали неспособность экономически конкурировать с «мастерской мира», поэтому предпочитали оградительную политику. В Лондоне же и в Калькутте (Симле) видели цивилизаторскую миссию англичан в экономическом освоении Ирана с выгодой в первую очередь для Великобритании и под контролем Великобритании. Поэтому оградительная политика России, тормозившая расширение английских экономических и политических интересов в Иране, не могла не вызывать раздражения и обвинений в сторону России в нежелании нести цивилизацию. В этой связи нельзя полностью согласиться с мнением П. Бабича о том, что Россия не имела плана продвижения своего влияния в Иране, не стремилась превратить его в свой доминион в ближайшем будущем⁹⁸¹. Общая линия действий России в иранском вопросе была выражена ещё И.А. Зиновьевым – поставить южного соседа под российский контроль. Однако Иран был на задворках российской внешней политики, поэтому идея эта реализовывалась sporadически. Лишь с момента прихода на пост министра финансов С.Ю. Витте ситуация изменилась: появился и конкретный план, начали разрабатываться и активно реализовываться шаги, приведшие к тому, что к началу русско-японской войны 1904–1905 гг. английское влияние в Иране было сильно поколеблено.

Острее была критика со стороны Великобритании, что объяснялось раздражением политической и экономической верхушки общества, тем, что кто-то мешает (сопротивляется) строить мир по их лекалам. Россия же перестраивать мир и Иран не собиралась. Обе стороны исповедовали прагматическую линию в отношении Ирана. Но прагматизм этот зиждился на разном уровне экономического развития и политического могущества. И поэтому прагматизм каждой из стран было

сложно совместить мирными средствами. Несмотря на красивые заверения британского правительства, как в Лондоне, так и в Калькутте (Симле) хотели видеть не сильную Персию, а зависимую политически и экономически от английского влияния. Россия действительно играла консервирующую роль, что было нормально, учитывая экономическую слабость в сравнении с Великобританией. Но в России не стремились к расчленению Персии и всегда были заинтересованы в сохранении целостности государства, в отличие от Англии, ставившей на сепаратистки настроенные части населения и на протяжении XIX в. способствовавшей отколу от Ирана и его территорий.

FOR AUTHOR USE ONLY

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В тексте названия «Персия», «Иран», «Каджарская монархия» (от династии Каджаров, которая правила в Персии в 1796–1925 гг.) будут употребляться как синонимы. Ираном (Высочайшее государство Иран) называли свою страну сами её жители, а Персией её именовали европейцы. Слова «Россия», «Русское государство» и производные от них (русский, российский и т. п.) мы будем употреблять в тексте (если это не оговорено) в политическом, а не в этническом значении. То же касается слов «Персия» и «Иран», а также производных от них.

² Аблова Н.Е. Политика России и Англии в Иране после Крымской войны. 1856–1881 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1982. 186 с.

³ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. 544 с.; Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. 92 с.; Никонов О.А. Развитие межгосударственных отношений в Азиатско-Каспийском субрегионе в XVIII–XIX вв. Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2011. 621 с.

⁴ Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914. М.: Кучково поле, 2018. Т. 3. Внешняя политика императоров Александра II и Александра III. 1855–1894. 904 с.; Т. 4. Внешняя политика императора Николая II. 1894–1914. 768 с.; История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М.: Междунар. отношения, 1999. 384 с.; История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. М.: Международные отношения, 1997. 674 с.

⁵ Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М.: РОССПЭН, 2012. С. 389–474.

⁶ Лурье С. Imperium. Империя – ценностный и этнопсихологический подход. М.: АИРО-XXI, 2012. С. 19.

⁷ При всём разнообразии определения империи классическим считается принадлежащим Ш.Н.Айзенштадту. По его мнению, термин «империя» используется «для обозначения политической системы, охватывающей большие, относительно сильно централизованные территории, в которых центр, воплощённый как в личности императора, так и центральных политических институтах, образовывал автономную единицу. Далее, хотя империи обычно основывались на традиционной легитимации, они часто использовали некоторые более широкие, потенциально универсальные политические и культурные ориентации, выходившие за пределы того, что было свойственно любой из составляющих империи частей» [Каспэ С.И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М.: РОССПЭН, 2001. С. 20]. Но оно во многом носит формальный характер, поэтому целиком нам неприемлемо.

⁸ См., напр.: Кревельд М., ван. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. 544 с.; Фурсов К.А. Держава-купец: отношения английской Ост-индской компании с английским государством и индийскими патримониями. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. 364 с.; Фурсов К.А. Трансформация английской Ост-Индской Компании: от купца к державе-купцу // Восток. 2007. № 1. С. 56–71. Полития – обозначения политической единицы любого уровня (политической организации того или иного общества), то есть оно используется в качестве родового для таких понятий как «независимая община», «вождество», «племя», «государство». Полития может означать либо данное государство, всю совокупность граждан конкретной страны, либо совокупность институциональных форм и процессов, посредством которых осуществляется управление данной страной. В широком смысле полития – другое наименование политической системы. Его обычно используют, когда хотят дать обозначение политической организации того или иного общества, свободное от аналитических содержаний термина «система» или от метафизических, правовых или территориальных значений понятия «государство». Он часто фигурирует в дискуссиях о формах или типологиях политических систем, в особенности когда преследуется цель классифицировать политические системы в их целостности, а не конкретные институты, группы или политические подсистемы внутри того или иного общества.

⁹ Помня о видовом единстве, изучая его отдельные проявления, следует помнить о времени, месте и др. сопутствующих факторах, которые могут существенно изменять отдельные типы, отдаляя или приближая их к видовому определению-образцу. Образцы эти должны быть результатом обобщения учёными изучения различных типов.

¹⁰ Впрочем, отрицать полезность «обратного» варианта исследования мы не собираемся. Он даёт возможность посмотреть на изучаемые объекты совсем под иным углом зрения. Но нельзя его абсолютизировать. Проблема учёных, работающих в данном ключе, заключается в том, что «за деревьями» они перестают «видеть лес», считая частности важнее целого, либо вообще отрицая возможность его существования. Созданный ими ещё до исследования «трафарет» часто разбивается об изучаемые на его основе частности. Это приводит к разочарованию в «трафарете», к утверждениям о том, что единого определения (истории и т.п.) создать невозможно, об их множественности, либо, напротив, к насильственной подгонке под «трафарет» исторического материала.

¹¹ Все иллюстрации, помещённые в тексте, взяты из открытых источников и не являются плодом творчества автора данной книги.

¹² Лучше – цели практической политики. Ходарковский М. В чём Россия «опережала» Европу или Россия как колониальная держава // Политическая концептология: Журнал меадисциплинарных исследований. 2013. № 2. С. 85–91.

¹³ Там же. С. 85.

¹⁴ По истории Российской империи см.: Боханов А.Н. Российская империя образ и смысл. М.: ФИВ, 2012. 592 с. (данная книга ценна в первую очередь тем, что она отличается от «секулярных» работ, доминирующих в историографии истории России; а ведь мировоззрение и миропонимание людей в XIX в., не говоря уж о боллее ранних веках, в России носило в основном не прагматично-секулярный, а религиозный характер; работа А.Н. Боханова, при всех её неточностях и несуразностях, откровенных фантазиях автора, позволяет увидеть российскую историю сквозь «призму православия» глазами православного, чего, к сожалению, так не хватает многим историкам, пишущим общие работы по истории России с позиций людей XX–XXI вв.); Капеллер А. Россия – многонациональная империя. М.: Традиция–Прогресс–Традиция, 2000. 344 с.; Каспэ С. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика (Политология России). М.: РОССПЭН, 2001. 255 с.; Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007. 688 с.; Лурье С. IMPERIUM. Империя – ценностный и этнопсихологический подходы. М.: АИРО-XXI, 2012. 272 с.; Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х т. СПб.: Изд. Дмитрий Буланин, 2018; Миронов Б.Н. Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М.: Весь мир, 2014. Нольде Б.Э. История формирования Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 848 с.; Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. Сб. ст. М.: Новое издательство, 2005. 696 с.; Российская империя в сравнительной перспективе, Сб. ст. М.: Новое изд-во, 2004. 384 с.; Российская империя от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М.: Русская панорама, 2011. 880 с.; Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть: 1150 лет российской государственности. М.: РОССПЭН, 2012. 462 с.; Сайнаков Н.А. Методологические проблемы изучения империй в современной историографии // Методологические и историографические проблемы вопросы исторической науки. 2007. Вып. 28. Томск: Изд-во Томского ун-та. С. 288–296. Интересный, хотя очень заидеологизированный подход дан в работе [Новая имперская история Северной Евразии. Часть I: Конкурирующие проекты самоорганизации: VII–XVII вв. / под ред. И. Герасимова. Казань: «Ab Imperio», 2017. 364 с.; Новая имперская история Северной Евразии. Часть II: Балансирование имперской ситуации: XVIII–XX вв. / под ред. И. Герасимова. Казань: «Ab Imperio», 2017. 630 с.; см. также критическую рецензию на неё: Немцев М.Ю. История совладания с многообразием. Рец.: Новая имперская история Северной Евразии. Часть I: Конкурирующие проекты самоорганизации: VII–XVII вв. / под ред. И. Герасимова. Казань: «Ab Imperio», 2017. 364 с. Новая имперская история Северной Евразии. Часть II: Балансирование имперской ситуации: XVIII–XX вв. / под ред. И. Герасимова. Казань: «Ab Imperio», 2017. 630 с. // Историческая экспертиза. 2017. № 4. С. 283–293]. Авторы не скрывают, что «непосредственной задачей является деконструкция «схемы русской истории», практически в неизменном виде сохраняющейся со времен Карамзина» [<https://www.colta.ru/articles/literature/16199-nashey-zadachey-yavlyayetsya>]

dekonstruktsiya-shemy-russkoy-istorii-sohranyayuscheysya-so-vremen-karamzina]. Пытаясь показать многообразие вариантов имперского развития на протяжении веков, авторы работы сами впадают в крайность. Помимо слабого знания фактического материала, в «русском блоке» курса бросается в глаза нелюбовь ко всему, что связано с историей России: названию, общественному устройству, государственному строю, менталитету, культуре, народу. В этом авторы работы сильно перекликаются с «историками» в некоторых постсоветских государствах. К сожалению, такое видение к науке не имеет отношения, а основано исключительно на националистических или иных фантазиях. Фактически, сами того не понимая, они разрушают традиционное представление в угоду политическим интересам, оперируя не столько научным подходом, сколько идеологическими построениями. Об этом ярко свидетельствует использование авторами термина «Московия» по отношению к Русскому государству до Петра I, выдумка ими «Роусьской земли», чтобы как бы оторвать собственно русскую (российскую?) историю от истории Руси. Русь, действительно писалась в древних документах как «роусь», но по сути эти слова – одно и то же, т.к. со сверемнем буква «о» отпала естественным путём. Надуманным выглядит и тезис о том, что Московская Русь не является непосредственным потомком Древнерусского государства. «Роусьская земля» была, якобы предшественником Русского царства. На самом деле, для знакомого с источниками историка очевидно, что Русь «Киевская» была одновременно предшественником Руси Московской, а Русь Московская была одной из преемниц Руси «Киевской». Древняя Русь после монгольского завоевания, а то и раньше, трансформировалась в несколько политических центров, которые с натяжкой можно назвать её «правопреемниками». Однако понятие о Руси нигде не исчезло. Великого князя Василия II титуловали «царём всея Руси» не только потому, что нужно было идеологически что-то обосновать, но и потому, что эта Русь существовала в действительности. К тому же князья московские, как и другие, помнили о своём происхождении от князей Древней Руси. Русь похожа на древнюю Грецию, где все считали себя эллинами, но при этом постоянно воевали друг с другом, и полисная идентичность порой значила больше, чем эллинская. Важным фактом было и то, что глава православной церкви на русских землях, оставаясь киевским по названию, резиденцию свою перенёс сначала во Владимир, а затем в Москву. А в средневековье именно церковь была главнейшей скрепой, которая объединяла понятие «Русь». Общеизвестный факт, что Русью книжники продолжали именовать и Русь Владимирскую, и раздробленную, и Московскую, и Литовскую. Да и не только они. С. Герберштейн, например, именовал Московию «столицей» или «главой» Руси [Герберштейн С. Записки о Московии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Gerberstein/frametext1.htm>]. Самоназвание «русин» долгое время оставалось единым для славянского населения западно- и восточно-русских земель. Возможно, общерусской идеи в головах простых русинов и не было, но она сохранялась у интеллигенции того времени – книжников. И именно они напоминали об этом единстве в XVI–XVII вв., когда

стремились воссоединить русские земли под властью русского царя [Зализняк А.А. Об исторической лингвистике [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430714/Ob_istoricheskoy_lingvistike, https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430984; Из истории русской культуры: В 5 т. М.: Языки русской культуры, 1996–2002; Каревин А. Малоизвестная история Малой Руси. Очерки межрусских отношений. – М.: Международный Институт Новейших Государств, 2012. 224 с.; Кром М.М. Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 256 с.; Лаппо И.И. Идея единства русского народа в юго-западной Руси в эпоху присоединения Малороссии к Московскому государству. Прага: Единство, 1929; Лихачёв Д.С. Национальное самосознание Древней Руси. Очерки из области русской литературы XI–XVII вв. М.: АН СССР, 1945. 118 с.; Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI–начала XVIII века. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. 320 с.; Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Представления об этнической номинации и этничности XVI–начала XVIII века. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 400 с.; Седов В.В. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М.: Языки славянской культуры, 1999. 321 с.; Соловьёв А.В. Великая, Малая и Белая Русь // Вопросы истории. 1947. № 7. С. 24–38; Сосенков Ф.С. Идеи единства Русской земли в героическом эпосе XII–XIV вв. // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 3. С. 9–14; Сосенков Ф.С. Идея единства Руси в отечественной политико-правовой мысли периода татаро-монгольского нашествия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. С. 64–68; Суляк С. Русины в истории: прошлое и настоящее // Русин. 2007. Т. 10. С. 29–56; Толочко П.П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная. СПб.: Алетейя, 2005. 218 с.; Толочко П.П. От Руси до Украины. Пути исторической памяти. К.: Издательский дом Дмитрия Бугаго, 2020. 232 с.]

¹⁵ Интересные данные относительно бюрократизации Российской империи в сравнении в европейской приведены в исторической справке Л. Писарьковой. Её данные лишний раз подтверждают указанный выше тезис. «Министерская реформа начала XIX века, – отмечает она, – способствовала дальнейшей бюрократизации системы государственного управления, получившей наиболее полное развитие при императоре Николае I. Именно в годы его правления численность бюрократии росла особенно быстрыми темпами. Если в 1842 году работу государственной машины обеспечивало 74,5 тысячи чиновников и канцеляристов, то в 1857 году для этих целей потребовалось уже 122,2 тысячи человек, т. е. в 1,6 раза больше. Если соотнести эти сведения с общей численностью населения (59,3 миллиона человек в 1858 году), то окажется, что на каждого служащего приходилось 480 жителей России. Но даже в самый «бюрократический» период своей истории Россия в этом отношении по крайней мере в два раза отставала от Австрии, Франции и Великобритании. Например, в Австрии уже в 1804 году при населении в 21,8 миллиона человек

насчитывалось 102 тысячи чиновников, т. е. на каждого из них приходилось по 214 жителей ... В 1913 году при населении в 155,4 миллиона человек на каждого из 575 тысяч предполагаемых чиновников приходилось лишь 270 граждан России. По подсчетам Б.Н. Миронова, в 1910 году на каждого служащего, занятого в государственном и общественном управлении, приходилось: в России — 161, Англии — 137, США — 88, Германии — 79 и Франции — 57 человек. Совершенно очевидно, что с учетом огромной территории Российская империя на протяжении всей своей истории не имела достаточного числа чиновников для организации бюрократического государственного управления по европейским стандартам» [Писарькова Л. Много ли чиновников было в России? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2004/2/2004_2_33.html].

¹⁶ Под колонией мы понимаем зависимую территорию, находящуюся под властью иностранного государства (метрополии), без самостоятельной политической и экономической власти, управляемую на основе особого режима. Соответственно колониализм для нас – система эксплуатации незападных обществ европейскими государствами периода генезиса и господства капитализма, направленная на извлечение экономической выгоды с помощью внеэкономических форм контроля (военной угрозы либо установления административной системы на колонизируемой территории). Предполагает наличие стран-колонизаторов, извлекающих выгоду из обладания колониями, и колоний, являющихся источником сырья, рынком сбыта и сферой приложения капиталов [Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М.: Аквилон, 2014. С. 218–220]. Что же до колонизации – то это процесс заселения и освоения каким-либо народом новых территорий, который может совпадать, а может и не совпадать с колониализмом. В этом случае колония – это поселение пришлого населения на новой территории, заселённой, как правило, иноэтничным элементом. Наиболее доступно особенности этих понятий изложены в работах Л.С. Васильева [Васильев Л.С. Всеобщая история: В 6 т. М.: Высшая школа, 2010. Т. 4. Новое время (XIX в.). С. 367–458; Васильев Л.С. История Востока. М.: Юрайт, 2011. Т. 2. С. 13–36.]. Не смотря на то, что в последних работах этого автора отчётливо проступает обида на советскую власть, неприятие марксистской методологии и отрицание того, что духовный и экономический факторы в истории человечества всегда шли рука об руку, в целом его обобщения несут в себе большую познавательную ценность. При этом, Л.В. Васильев, утверждая примат идеи (сознания) над экономикой (бытием), сам того не замечая, всем своим материалом и рассуждениями противоречит себе, неосознанно доказывая, что даже в основе идей лежат бытово-экономические мотивы. Колония во втором значении имеет много общего с другими типами государств, но и существенно отличается от них. В первую очередь, отличие заключается в том, что «колония» – понятие, связанное в первую очередь с экономикой, в то время как остальные смежные термины опосредованы главным образом политикой [См.: Всемирная история: В 6 т. Т. 5: Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации. М.: Наука, 2014. С. 15–16]. Для

чёткого понимания их укажем, какими другими смежными определениями мы оперируем в своём исследовании. Так, под протекторатом мы имеем в виду форму межгосударственных отношений, при которой одно государство находится под защитой (в первую очередь военной) другого государства. Протекторатом также называется защищаемое государство. Государство, осуществляющее протекторат, называется протектором. При этом суверенитет защищаемого государства частично делегируется протектору: защищаемое государство не полностью суверенно во внешнеполитических делах при почти полном сохранении суверенитета во внутренних делах (в частности сохраняется форма правления и, например, собственная династия правителей). Впрочем, это не исключает и то, что внутренняя власть в протекторате непрямо или тайно контролируется протектором. Вассальное государство – это, находящееся в подчинении другому государству, но сохраняющее своего правителя. Такое государство обычно лишено прав поддерживать дипломатические отношения и заключать договоры, ограничено в других видах внешних отношениях, но сохраняет самостоятельное внутреннее управление с некоторыми ограничениями. Правитель вассального государства сохраняет статус и титул, бывшие у него до заключения вассального договора. Вассальное государство – термин который в переносном смысле можно использовать как синоним протектората в широком смысле слова. Марионеточное государство – это государство, номинально независимое, но фактически проводящее политику, диктуемую создавшей его державой. Как правило, такие государства создаются заинтересованными державами для реализации собственных целей опосредованно. Термин этот к протекторату не применим.

¹⁷ Ходарковский М. Степные рубежи России. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.

¹⁸ Именно с этого времени можно с большими оговорками говорить о колониальном характере российской политики в Средней Азии, на Кавказе [Детально вопрос о «колониальной» сущности России изложен Н.И. Никитиным: Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть: 1150 лет российской государственности. М.: РОССПЭН, 2012. С. 428–455]. До середины XIX в. только Русская Америка может рассматриваться как действительно колония в современном, западном понимании этого слова [Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки: До конца XIX века. М.: Наука, 1982. 288 с.; Алексеев А.И. Судьба Русской Америки. Магадан: Кн. изд-во, 1975. 328 с.; Виньковецкий И. Русская Америка: заокеанская колония континентальной империи, 1804–1867. М.: Новое лит. обозрение, 2015. 320 с.; Головин П.Н. Обзор русских колоний в Северной Америке. СПб.: Типография Морского министерства, 1862. 196 с.; История Русской Америки (1732–1867). М.: Международные отношения, 1997. Т. 1. 480 с., Т. 2. 472 с., Т. 3. 555 с.; Фёдорова С. Русская Америка: от первых поселений до продажи Аляски. Конец XVIII века – 1867 год. М.: Ломоносов, 2011. 268 с.; Фёдорова С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии: (конец XVII века – 1867 г.). М.: Наука, 1971. 296 с.], а также отчасти Сибирь [История Сибири с древнейших времен до

наших дней. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968–1969. Т. 1. Древняя Сибирь. 456 с.; Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. 540 с.; Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма. 530 с.; Т. 4. Сибирь в период строительства социализма. 504 с.; Т. 5. Сибирь в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму. 472 с.; Кирьяков В.В. Очерки по истории Переселенческого движения в Сибири (в связи с историей заселения Сибири). М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и К^о, 1902. 370 с.; Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.; Шумилов В.А. История географо-геологического освоения Сибири и Севера России. М.: Языки славянской культуры, 2005. 424 с.]. О российских «колониализме», «колониальности», «колониальных институтах» нужно говорить осторожно, прежде всего, определившись с понятиями. Рассуждения, например, о колониальных проектах на Кавказе в первой половине XIX в., о «колониальном захвате» Средней Азии и т.п. мы рассматриваем в большей степени как дань моде, некритическое заимствование западных концепций или идеологические штампы, но никак не отражение реальности формирования и развития Российской империи. Для более глубокого анализа и обобщений необходимо беспристрастное научное изучение, в том числе и сравнительный анализ, но на общих основаниях, всемирноисторической имперской практики. И понимание того, что долгое время империя представляла собой высшую стадию государства, политико-экономической, культурной организации пространства.

¹⁹ Каррер д'Анкокс Э. Евразийская империя. История Российской империи с 1552 г. до наших дней. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 432 с.

²⁰ Дихотомия «спиральное вверх – линейное» развитие. Долгое время именно «спиральное» развитие являлось нормой.

²¹ Мак Нил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. К.: Ника-центр; М.: Старклайт, 2004. 1064 с.

²² Хотя здесь следует оговориться, что к концу империи православие здесь уже не было единым и разделялось минимум на 3 крупных «блока»: официальное, старообрядческое и сектантское. Что же до единства высших и образованных слоев империи в православной вере, то к началу XX в. хотя многие из их представителей и позиционировали себя православными, реально настоящих верующих среди них было немного. Среди же интеллигенции большинство составляли атеисты [Верг П. Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.]. Во многом это объяснялось тем, что Пётр I подчинил церковь государству, сделав из неё государственное учреждение и, одновременно, превратив православие в первенствующую конфессию [Смолич И.К. История Русской Церкви: 1700–1917: В 2 ч. М.: Валаамский монастырь, 1997. Ч. 1. 800 с.; Ч. 2. 798 с.; Цыпин В.А. История Русской Православной Церкви, 1917 – 1990: Учебник для православных духовных семинарий. М.: Издательский дом Хроника, 1994. 256 с.].

²³ Относительно белорусского и украинского народов следует заметить, что идея «разорванности» русского народа после распада Древнерусского государства и образования минимум двух центров «собираения русских земель» – Московского государства и Великого княжества Литовского (а то и раньше – Галицко-Волынского и Владимиро-Суздальского княжеств) – оставалась господствующей в умах великорусских государей и знати долгое время. Земли восточных славян, отошедшие к Великому княжеству Литовскому, а затем к Речи Посполитой, в Москве (а затем и в Петербурге) не без основания рассматривали как временно утраченные русские, заселённые русскими. Правда русскость понималась не в современных категориях, а в категориях бывшей государственной, религиозной, языковой общности. Ведь северо-западная Русь образовалась в основном из переселенцев из Руси центральной и восточной – территории современной Украины. И там, и здесь простое население именовало себя «русинами», «русьскими», исповедовало православие и говорило на очень близких друг другу наречиях (долгое время диалектическое разделение русских земель проходило по линии «север – юг», где севером была Новгородская земля, а югом – восточная, центральная и западная Русь) [Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.]. Отсюда вполне законный с точки зрения российских властей термин «воссоединение» по отношению к событиям 1654 г., когда Войско запорожское Богдана Хмельницкого приняло протекторат московского царя, принеся ему присягу на верность [Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в 3-х томах. М.: Из-во АН СССР, 1953. Т. 3. Завершение борьбы украинского народа за воссоединение с Россией. Переяславская рада. (1651–1654 годы). 646 с.; Греков И., Королюк В., Миллер И. Воссоединение Украины с Россией в 1654. М.: Госполитиздат, 1954. 112 с.; Переяславська Рада 1654 року: (історіографія та дослідження): збірник. К.: Смолоскип, 2003. XX+890 с.; Решение Земского собора о воссоединении Украины с Россией // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. М.: Юридическая литература, 1985. Т. 3. Акты Земских соборов [Электронный ресурс]. Режим доступа: Библиотека электронных ресурсов Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/1653.htm>; Украинское национальное движение и проблема Переяславской Рады: взгляды и оценки (XIX – XX вв.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/135528/>; нами осознанно взяты наиболее одиозные работы с обеих сторон, дополнены документами и исследованием причин неоднозначности современных трактовок Переяславской рады]. Да и само местное простое население рассматривало в основной массе этот акт как воссоединение. Как отмечал А. Каревин, цитируя П. Кулиша, «воссоединение, провозглашенное Переяславской радой, обуславливалось не волонтаристским решением Богдана Хмельницкого. Это воссоединение вызревало в душах и умах лучших русских людей задолго до событий Освободительной войны 1648–1654 годов. “Великая идея воссоединения Руси жила много веков безмолвно в наших разорённых, убогих и забвенных светскою наукою монастырях”, – отмечал выдающийся малорусский писатель и историк Пантелеймон Кулиш ... Достаточно

указать на восторг, с каким в малорусских селах и городах встречали ехавших на Раду царских посланцев. Встречали все: казаки, духовенство, мещане, крестьяне» [Каревин А. Сумерки невежества. Технология лжи, или 75 очерков о современной фальсификации истории Украины. М.: Центрполиграф, 2016. С. 91]. Отсюда же и господствовавшее в среде имперских элит и образованных людей вплоть до конца существования империи представление о единстве великорусского, малорусского и белорусского народов как составных частей большого русского народа. Наиболее организованное изложение оно получило в «Синописе Киевском» или «Синописе, или Кратком описании о начале русского народа», изданном в Киеве в 1674 г. [Дмитриев М.В. Этнонациональные отношения русских и украинцев в свете новейших исследований // Вопросы истории, № 8. 2002. С. 154–159; Мечта о русском единстве. Киевский синопис (1674). М.: Европа, 2006. 248 с.; Пештич С.Л. «Синопис» как историческое произведение // Труды Отдела древнерусской литературы. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. XV. С. 284–298; Ткаченко В.В. «Синопис» и преподавание истории России в XVIII в.: об одном историографическом мифе // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. Сборник статей участников V Всероссийской научно-практической школы-конференции молодых ученых (9 ноября 2017 г.). Институт Российской истории РАН Москва, 2018. С. 41–49]. Эта книга стала одним из наиболее популярных на территории бывших земель Древнерусского государства изданием по истории до середины XIX в. Она же развивала среди значительной части читающих идею общерусского единства на основе православной культуры. Основания для него имелись в раннем времени общей истории, языке, культуре. Но за время раздробленности на восточнославянских территориях Речи Посполитой постепенно оформились предпочылки для создания новых этносов – велико-, мало- и белорусов. В ходе этногенеза и под воздействием исторических условий они могли быть созданы (что в конечном итоге и произошло), могли разделиться на большее количество народов, а могли снова объединиться в один народ.

²⁴ Цинская империя – Китай эпохи правления маньчжурской династии Цин (1644–1912 гг.) [Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цин. XVII – начало XX века. М.: Восточная лит., 2005. 712 с.].

²⁵ Так называемая «отсталость» российского государства во многом была обусловлена пониманием того, что в этом мире всё временно, суетно, а главное – жизнь в мире загробном. Отсюда – большая религиозность и небольшая забота о «земном».

²⁶ Исключение до некоторой степени составляли униатская и католическая церковь. Но первую российские православные иерархи и правители обоснованно рассматривали как искусственное явление, созданное во многом насильственным путём католиками для продвижения, в первую очередь, папской власти и своей трактовки христианства [Дмитриев М.В., Флоря Б.Н., Яковенко С.Г. Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в

Белоруссии в конце XVI – начале XVII в. М.: Индрик, 1996. Ч. 1. 199 с.; 1999. Ч. 2. 197 с.]. Вторая же рассматривалась как еретическое отклонение от «нормального» христианства, под которым подразумевалось православие [Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 783–808; Романчук А. Греко-католическая церковь в пределах Российской империи в первой трети XIX в.: проблемы и перспективы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zapadrus.su/zaprus/istbl/553--xix-94.html>, <http://zapadrus.su/zaprus/istbl/556--xix-.html>, <http://zapadrus.su/zaprus/istbl/558--xix-.html>].

²⁷ Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. М.: НЛЮ, 2006. С. 80.

²⁸ Российский царь с 1682 г., император с 1721 по 1725 гг. О модернизации Российского государства см.: «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 255 с.; Гавров С. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М.: Едиториал УРСС, 2004. 352 с.; Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке традиции и модернизация. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 326 с.; Миронов Б.Н. Российская модернизация и революция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. 528 с.

²⁹ Бросается в глаза, например, что армия его к последней четверти века имела много общих черт с российской армией первой половины XVIII в. и с европейскими армиями раннего Нового времени. Однако потенциала для дальнейшего развития у неё не наблюдалось.

³⁰ Великий князь Московский с 1462 по 1505 гг., государь вся Руси: «Иоанн, Божьей милостью государь и великий князь вся Руси, Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Тверской, Пермский, Югорский и Болгарский и иных» [Борисов Н. Иван III. М.: Молодая гвардия, 2006. 691 с.; Скрынников Р.Г. Иван III. М.: АСТ, 2006. 290 с.].

³¹ Как в России, так и на землях восточных славян, находившихся в составе Речи Посполитой, население именовало себя русинами (рускими, русьскими). Поэтому естественно в Польском государстве (формально Речь Посполита была многонациональным государством, империей-республикой, но доминирующее положение поляков, польского языка и католицизма позволяет говорить о ней и как о Польском государстве в широком смысле слова) не могли называть соседнее государство его настоящим названием, так как это лишало бы легитимности власть поляков над своим русским населением. А поскольку Западная Европа знакомилась с Россией через Польшу, то латинизированное название «Московия» прижилось и там [Карнаухов Д.В. Исторический образ Московии в польской хронографии эпохи Возрождения // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология». 2008. № 10. С. 101–114; Кудрявцев О.Ф. Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М.: Русский мир, 1997. 408 с.; Хорошкевич А.Л. Россия и

Московия. Из истории политико-географической терминологии // Acta Baltico-slavica. 1976. Т. X. С. 47–57].

³² Дашков С.Б. Цари царей — Сасаниды. История Ирана III — VII вв. в легендах, исторических хрониках и современных исследованиях. М.: СМИ-АЗИЯ, 2008. 352 с.; Daryae Touraj. Sasanian Persia: The Rise and Fall of an Empire. I.B.Tauris, 2008. 256 p.

³³ Боев Э.Б. Идеология государственного национализма в Иране в период правления династии Пехлеви (1925–1979 гг). Дисс. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2017. 227 с.; Фрай Р. Наследие Ирана. М.: Восточная литература, 2002. 464 с.

³⁴ Лурье С.В. От древнего Рима к России XX века: преемственность имперской традиции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/020/073/1218/013Luo.pdf>. Отчасти титул великого князя также можно считать символом высшей власти, поскольку в нём воплощалось старшинство в роде Рюриковичей и, соответственно, среди других князей на русских землях.

³⁵ Сургуладзе В.Ш. Грани российского самосознания. Империя, национальное сознание, мессианиззм и византизм России. М.: W. Bafing, 2010. 480 с.; Трепавлов В.В. Белый царь. Образ монарха и представление о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Восточная литература РАН, 2007. 255 с.

³⁶ Если Иван III принял за основу византийскую модель империи (или даже шире – римскую, поскольку «царь» – производное от «кесарь», «цезарь», как именовали правителей в Западной и Восточной римских империях [Горский А.А. О титуле «царь» в средневековой Руси (до середины XVI в.) // Одиссей. Человек в истории. 1996. С. 205–211; Филошкин А.И. Термины «царь» и «царство» на Руси // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 144–148]), отразившуюся, в том числе, и в титуле «царь», то Пётр I – западноевропейскую, также ведущую свою традицию к Древнему Риму, но несколько иную модель, что выразилось в принятии им титула «император».

³⁷ Впрочем, учитывая особую роль «брачной дипломатии» в истории, начиная с Древнего мира, такое явление было нормой. Необычным было бы, если бы династия была «чистой» в этническом отношении. Каджары назначали наследниками принцев крови, т.е. рождённых от правителя и каджарки. Но учитывая этническое многообразие гарема, родственники (даже братья, как в случае с сыновьями Насреддин-шаха) будущего шаха были этнически смешанной крови. Впрочем, это не было главным. Главным было соблюдать принцип наследования для избежания кровавой борьбы за власть.

³⁸ Флоря Б.Н. Избрание царя Михаила // Родина. 2013. № 2. С. 2–7.

³⁹ См.: Васильев Л.С. История религий Востока. М.: Книжный дом «Университет», 1999. С. 160–163; Кошева С.В. Мусульманское право о природе власти. Дисс. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2001. С. 82–107; Мехди Санаи. Политическая мысль в исламском обществе // Иран: ислам и власть. М.: Институт востоковедения РАН; Крафт+, 2002. С. 6–13.

⁴⁰ Богданов Л.Ф. Персия в географическом, религиозном, бытовом, торгово-промышленном и административном отношении. СПб.: Первая центр. Вост. электропеч. И. Бораганского, 1909. С. 118–119; Инаят Х., Лофт М. Восстание обездоленных: бунт или революция? // Родина. 2001. № 5. С. 136. Об отношениях духовенства и шахов см.: Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX века). М.: Наука, 1978. С. 43–48.

⁴¹ Асатрян Г.С. Этническая композиция Ирана: От «Арийского простора» до Азербайджанского мифа. Ереван: Кавказский центр иранистики. 2012. С. 61.

⁴² Грачёва Е.З., Мартыненко А.В. Каджарский Иран в XIX веке опыт цивилизационного анализа. Саранск: Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева, 2015. С. 33–44; Кулошин Н.Д. Шиитская модель теократии: от имамата к вelayат-е факих // Полития. 2007. № 4. С. 90–103; Мартыненко А.В. К вопросу о социокультурных особенностях шиизма в каджарском Иране [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sotsiokulturnyh-osobennostyah-shiizma-v-kadzharском-irane/viewer>; Сиземская И.Н. Мессианизм как форма русского самосознания // Философские науки. 2008. № 7. С. 39–52.

⁴³ Тюркская династия, правившая в Иране 1501—1722 и 1729—1736 гг.

⁴⁴ В частности, это проявилось в заимствовании более ранней терминологии государственного аппарата, официальном языке (фарси) и культуре, а также претензии на древность имперской власти, отразившуюся в названии государства «Иран» и титула правителя «шаханшах» («шаханшах-и Иран воджуд-и ала хазрат-и агдас-и хомайун»). И.П. Петрушевский отмечал, что официальная терминология «Иран» и «шаханшах» не несла в себе какую-либо национальную идею, и со времен Сасанидов в Передней и Средней Азии с этими терминами связывалось теоретическое представление о «всемирной» монархии [Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX вв. Л.: Издательство ЛГУ, 1949. С. 38]. «Феномен иранского монархического национализма уходит своими корнями в эпоху древних персидских империй Ахеменидов и Сасанидов, – отмечал современный историк, – когда в представлении иранцев мир состоял из двух частей: собственно Ирана и всего остального (Иран ва ан-Иран). Унаследованный династией Сасанидов от эллинизированной парфянской династии Аршакидов институт шаханшаха являлся выражением абсолютного верховенства царствующего дома. Для подчёркивания величия пришедшая к власти династия Сефевидов также стала величать правителей Ирана шаханшахами. В умах иранцев Иран воспринимался как центр вселенной. С давних пор иранский этноцентризм стал составной частью мировоззрения населения этой страны. Неслучайно, например, что почти тысячу лет спустя после крушения династии Сасанидов, столицу Сефевидской империи ставили вровень с остальным миром: Эсфахан – несф-е джахан! (Исфахан – полмира – О.Г.)» [Тер-Оганов Н.К. От военной модернизации к национализму и национальному государству в каджарском Иране // History and Historians in the Context of the Time. 2015. Vol. (14). Is. 1. P. 40].

⁴⁵ По крайней мере, формально: из него комплектовались вооружённые силы, им колонизовали окраины империи, его отчасти противопоставляли инородцам.

⁴⁶ Жигалина О.И. Этносоциальная эволюция иранского общества. М.: Восточная литература, 1996. С. 40–73.

⁴⁷ Впрочем, этническая картина Ирана намного сложнее, чем она дана в представленном нами упрощённом варианте [Асатрян Г.С. Этническая композиция Ирана: От «Арийского простора» до Азербайджанского мифа. Ереван: Кавказский центр иранистики. 2012. 130 с.; Жигалина О.И. Этносоциальная эволюция иранского общества. Ин-т востоковедения РАН. М., Восточная литература, 1996. 264 с.].

⁴⁸ В Иране не было крепостного права в его российском варианте. Лично свободные крестьяне арендовали землю у тех, кто ею владел от имени государства. В России схожая ситуация складывается только после отмены крепостного права в 1861 г.

⁴⁹ В Иране преобладающее значение имеет направление в шиизме, сторонники которого именуется шииты-двунадесятники, или иснаашариты. Они представляют умеренное направление в шиизме, в отличие от исмаилитов. Его сторонники признают своими духовными руководителями 12 имамов из рода Али ибн Абу Талиба, двоюродного брата и одного из ближайших соратников пророка Мухаммада. Они верят, что двенадцатый имам исчез в малолетнем возрасте в 873–874 гг. Это так называемый «скрытый имам», возвращения которого в качестве мессии (Махди) шииты-двунадесятники ожидают и поныне. Делятся на основное большинство и «алавитское» меньшинство.

⁵⁰ Жигалина О.И. Этносоциальная эволюция иранского общества. Ин-т востоковедения РАН. М., Восточная литература, 1996. С. 67–68. Подробнее о национализмах в России и Иране см.: Боев Э.Б., Воронкова Г.В. Национальная политика шахского правительства Ирана в 1925–1979 годах [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2015_12-1_05.pdf; Галкина Е.С. Становление нации и пути национализма в Иране [Электронный ресурс]. Режим доступа: [vestnik.rsu.edu.ru/pdf/7_\(32\).pdf](http://vestnik.rsu.edu.ru/pdf/7_(32).pdf); Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М.: НЛО, 2006. 248 с.

⁵¹ Бартольд В.В. Иран. Исторический обзор. Ташкент: Востказгосиздат, 1926. 124 с.; Богданов Л.Ф. Персия в географическом, религиозном, бытовом, торгово-промышленном и административном отношении. Пособие для слушателей курсов востоковедения. СПб.: Электропеч. И. Бораганского, 1909. 146 с.; История Ирана. М.: Изд-во МГУ, 1977. 497 с.; Крымский А. История Персии, ее литературы и дервишеской теософии: В 3 т. М.: Типография Х. Улицкого, А. Голованевского, 1909–1917. 212+274+468 с.; Ру Ж.-П. История Ирана и иранцев. От истоков до наших дней. СПб.: Евразия, 2015. 430 с.; Фрай Р. Наследие Ирана. М.: Восточная литература, 2002. 464 с.; Ша'бани Р. Краткая история Ирана. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. 384 с.; Шитов Г.В. Персия под властью последних каджаров. Л.: Издательство Академии Наук СССР,

1933. 230 с.; Gherardo G. The idea of Iran. An essay on its origin. Roma: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1989. 227 p.; Keddie N.R. Qajar Iran and the Rise of Reza Khan 1796–1925. Mazda Publishers, 1999. 142 p.; Moazami Behrooz. State, Religion, and Revolution in Iran, 1796 to the Present. Palgrave Macmillan, 2013. 208 p.; The Cambridge History of Iran: In 7 Vol. Cambridge University Press, 1968–1991; The Idea of Iran [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.soas.ac.uk/lmeicis/the-idea-of-iran-series/>; The Oxford Handbook of Iranian History. Oxford University Press, 2011. 432 p.

⁵² Ру Ж.-П. История Ирана и иранцев. От истоков до наших дней. СПб.: Евразия, 2015. С. 14, 27.

⁵³ История Ирана. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 4.

⁵⁴ Там же. С. 27. О иранских языках см.: <https://iranicaonline.org/articles/iran-vi-iranian-languages-and-scripts>.

⁵⁵ Бартольд В.В. Иран. Исторический обзор // Работы по исторической географии и истории Ирана. М.: Восточная литература, 2003. С. 229–336.

⁵⁶ Бартольд В.В. Сочинения. М.: Наука, 1971. Т. 7. С. 230.

⁵⁷ Большая Энциклопедия. СПб.: Тип. Книгоиздательского Т-ва Просвещение, 1902. Т. 10: Идумэя – Китченер. С. 163; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Имидоэфиры — Историческая школа. СПб.: Семеновская Типолиитография (И.А. Ефрона), 1894. Т. 25. С. 307. Сравни: Бартольд В.В. Сочинения. М.: Наука, 1971. Т. 7. С. 34.

⁵⁸ Настольный энциклопедический словарь. М.: Изд. товарищества А. Гранат и Ко, 1895. Т. 3. Грация-Кальдерон. С. 1897. О формировании границ «Большого Ирана» см.: Бартольд В.В. Историко-географический обзор Ирана // Работы по исторической географии и истории Ирана. М.: Восточная литература, 2003. С. 31–228; <https://iranicaonline.org/articles/iran-i-lands-of-iran>.

⁵⁹ Бартольд В.В. Сочинения. М.: Наука, 1971. Т. 7. С. 231.

⁶⁰ Риттер К. Иран. Перевёл и дополнил Н.В. Ханьков. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1874. Ч. 1. С. 3–4.

⁶¹ Бартольд В.В. Сочинения. М.: Наука, 1971. Т. 7. С. 35.

⁶² <https://iranicaonline.org/articles/iranian-identity-ii-pre-islamic-period>;
<https://iranicaonline.org/articles/iranian-identity-iii-medieval-islamic-period>;
<https://iranicaonline.org/articles/iran-v1-peoples-survey>; <https://www.iranicaonline.org/articles/iran-v2-peoples-pre-islamic>; https://ru.qaz.wiki/wiki/Greater_Iran.

⁶³ <https://www.iranicaonline.org/articles/eran-eransah>. Анеран – то, что не принадлежало к «земле ариев», позже его место занимает Туран – земли кочевников [<https://iranicaonline.org/articles/aneran>; [https://ru.wikipedia.org/wiki/Туран_\(страна\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Туран_(страна))].

⁶⁴ Бартольд В.В. Сочинения. М.: Наука, 1971. Т. 7. С. 231.

⁶⁵ Там же. С. 232.

⁶⁶ <https://www.iranicaonline.org/articles/iranian-identity-iv-19th-20th-centuries;>
[https://profile.ru/abroad/kakie-idei-i-istoricheskie-obstoyatelstva-sformirovali-vneshnepoliticheskuyu-samoidentifikaciyu-irana-137978/.](https://profile.ru/abroad/kakie-idei-i-istoricheskie-obstoyatelstva-sformirovali-vneshnepoliticheskuyu-samoidentifikaciyu-irana-137978/)

⁶⁷ Боев Э.Б. Идеология государственного национализма в Иране в период правления династии Пехлеви (1925–1979 гг). Дисс. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2017. 227 с.; Галкина Е.С. Становление нации и пути национализма в Иране [Электронный ресурс]. Режим доступа: [vestnik.rsu.edu.ru/pdf/7_\(32\).pdf](http://vestnik.rsu.edu.ru/pdf/7_(32).pdf); Нации и национализм на мусульманском Востоке / Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульченко. М.: ИВ РАН, 2015. 488 с.; <https://iranicaonline.org/articles/iranian-identity-i-perspectives>.

⁶⁸ Гольдберг А.Л. Три «послания Филофея» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://odrl.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=aP_4рја6w5s%3D&tabid=2275; Корневский А.В. Когда и кем была изобретена теория «Москва – Третий Рим» // *Ab Imperio*. 2001. № ½. С. 87–124; Корневский А.В. Филофей Псковский: портрет книжника на фоне текстов // *Диалог со временем*. Вып. 11. М.: УРСС, 2004. С. 182–198; По М. Изобретение концепции «Москва – третий Рим» // *Ab Imperio*. 2000. № 2. С. 61–86; Стремоухов Д.Н. Москва – Третий Рим: источник доктрины // *Из истории русской культуры*. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 2. Кн.1. Киевская и Московская Русь. С. 425–441; Усачев А.С. «Третий Рим» или «Третий Киев»? (Московское царство XVI века в восприятии современников) // *Общественные науки и современность*. 2012. № 1. С. 69–87.

⁶⁹ Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2006. Т. 9. Конец XV – первая половина XVI века. С. 301–302.

⁷⁰ Синицина Н.В. «Третий Рим». Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. 416 с.

⁷¹ Тимошина Е.В. Теория «Третьего Рима» в сочинениях «Филофеева цикла» // *Правоведение*. 2005. № 4. С. 183.

⁷² По М. Изобретение концепции «Москва – третий Рим» // *Ab Imperio*. 2000. № 2. С. 86.

⁷³ Дмитриев М.В. Выступление на семинаре Христианство, ислам, иудаизм и протонациональные и национальные дискурсы в истории Европы (Средние века – XIX в.). Секция «Святая Русь» и Русь как «Новый Израиль», Москва – «Третий Рим»: конфессия, *patio* и протонациональные дискурсы в восточнославянских культурах X– XVII вв. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/rus_israel.htm; Карташёв А.В. Судьба Святой Руси // *Православная мысль*. Труды Православного Богословского института в Париже. 1928. Вып. 1. С. 134–156; Лепяхин В. Иконичный образ святости: пространственные, временные, религиозные и историософские категории Святой Руси [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/330.htm>, <https://pravoslavie.ru/333.html> <https://pravoslavie.ru/332.html>, <https://pravoslavie.ru/340.html>; Осоват А. Святая Русь как состояние души [Электронный ресурс].

Режим доступа: <https://arzamas.academy/courses/45/3>; Суслов М.Д. «Святая Русь»: геополитическое воображение в современной Русской православной церкви // Политическая наука. 2013. № 2. С. 142–164.

⁷⁴ Жуковский В.А. Святая Русь. Письмо князю П.А. Вяземскому 23 июля (5 августа) 1848 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gosudarstvo.voskres.ru/zhuikovsk.htm>.

⁷⁵ Бердяев Н.А. Славянофильство и славянская идея // Судьба России (опыты по психологии войны и национальности). М.: Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1918. С. 135–142; Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 704 с.; Глазков А.П. Эсхатологическая историософия в русской религиозной философии: от славянофилов к неопатриотическому синтезу. М.: КНОРУС; Астрахань: АГУ, ИД «Астраханский университет», 2016. 200 с.; Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. М.: Мысль, 1983. 272 с.; Каплин А.Д. Мирозозрение славянофилов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 449 с.; Кожин В.В. О главном в наследии славянофилов // Вопросы литературы. 1969. С. 1–23; Славянофильство: pro et contra. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2009. 1056 с.; Цимбаев Н.И. Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. М.: Издательство Московского университета, 1986. 272 с.

⁷⁶ Барабанов Е.В. «Русская идея» в эсхатологической перспективе // Вопросы философии. 1990. № 8; Гириринский В.И. Русская идея как философско-исторический и религиозный феномен. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2010. 175 с.; Гулыга А.В. Русская идея и её творцы. М.: Эксмо, 2003. 447 с.; Кочеров С. В поисках Русской Идеи. Русская идея как философская проблема: концептуальный, философско-исторический и аксиологический анализ. Саарбрюккен: Lambert Academic Publishing, 2012. 367 с.; Кочеров С.Н. Русская идея: сущность и смысл. Н.Новгород: НГПУ, 2003. 186 с.; Криницкая Г.С. Русская идея: В 3 кн. Томск: Томский государственный университет, 2013–2015. 164+187+95 с.

⁷⁷ Болдин В.А. Панславистские политические концепции: генезис и эволюция. М.: Аквилон, 2018. 376 с.; Григорьева А.А. Панславизм: идеология и политика: 40-е годы XIX – начало XX века. Иркутск: ООО Издательство Аспринт, 2013. 200 с.

⁷⁸ Это могут быть восточнославянские народы, либо православные славяне, потомки жителей Киевской Руси, либо те, кто считает себя русским.

⁷⁹ Василик В. Русский народ. Русский мир. Русская цивилизация // Русин. 2009. № 1. С. 125–140; Лексин В.Н. Русская цивилизация и русский народ // Журнал Института Наследия. 2018. № 2 (13) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-tsivilizatsiya-i-russkiy-narod>; Морозов Н.М. Концептуализация исторического знания о российской цивилизации на рубеже XIX–XX вв. Практика, 2014. 401 с.; Свистунов М.Н. Российская цивилизация и православие: диалектика взаимоотношений и перспективы развития [Электронный ресурс]. Режим

доступа: [https://openscholarship.wustl.edu/etd/65](https://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/SCIENTIFICARTICLES/2006/Svistunov; Экарева И.Л. Истоки, становление и развитие российской цивилизации: (исторический аспект исследования): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006. 648 с.; Chinese Spirit, Russian Soul, and American Materialism: Images of America in Twentieth-Century Chinese and Russian Travelogues [Электронный ресурс]. Режим доступа: <a href=).

⁸⁰ Для появившегося в 1920–1930-х гг. евразийства центральной идеей было то, что российская цивилизация принадлежит не к европейской или азиатской категориям или цивилизациям, а к Евразии. Таким образом, она объявлялась самодостаточной, соединяющей в себе черты Востока и Запада. «Россия не есть ни Азия, ни Европа, но представляет собой особый географический мир», – писал П.Н. Савицкий [Попков Ю.В., Тюгашева Е.А. Феномен евразийства [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-evraziystva>]. Первые евразийцы настаивали на том, что Россия – наследница Монгольской империи, а не Киевской Руси, смещая, таким образом, акцент в «передаче империи» с Запада на Восток [Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация. Новосибирск: Параллель, 2010. 449 с.; Иванов А.В., Попков Ю.В., Тюгашев Е.А., Шишин М.Ю. Евразийство: Ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2007. 243 с.; Никитенко Е.В. Историческая концепция евразийцев [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-kontseptsiya-evraziytssev>; Основы евразийства. М.: Арктогея-Центр, 2002. 800 с.; Прохорова Г.А. Евразийская концепция российской истории [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23528>; Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. Сборник трудов евразийцев. М.: Беловодье 1997. 521 с.

⁸¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. 816 с.

⁸² Тойнби А.Дж. Постигание истории. М.: Айрис-Пресс, 2002. 640 с.; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.; Шпенглер О. Закат Западного мира. М.: Альфа-книга, 2014. 1085 с.

⁸³ Платонов О.А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа. М.: Алгоритм, 2010. 944 с.

⁸⁴ Горлова И.И., Гриценко В.П. Российская цивилизация и «Русский мир» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-tsilivilizatsiya-i-russkiy-mir>; Россия как цивилизация: материалы к размышлению. М.: Редакция журнала Мир России, 2015. 466 с.

⁸⁵ Алейникова С.М. «Русский мир»: белорусский взгляд [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://istmat.info/node/58775>; Гронский А. Русский мир в поисках содержания [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/russkij-mir-v-poiskah-soderzhaniya/>; Игумен Евфимий (Моисеев). Концепция «Русского мира» как цивилизационный проект XXI века [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kurskpds.ru/articles/kontseptsiya-russkogo-mira->

как-tsilivizatsionnyu-proekt-khkhhi-veka/; Козловцева Н.А. «Русский мир» как теоретическое понятие в современном социально-гуманитарном знании // Обсерватория культуры. 2017. № 14 (3). С. 284–292; Кривоусков В.В. Концепт «Русский мир»: принципы и возможности методологических подходов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-russkiy-mir-printsipy-i-vozmozhnosti-metodologicheskikh-podhodov>; Кривоусков В.В. Цивизационные идентичности Запада и Востока: Место и роль «Русского мира» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilizatsionnye-identichnosti-zapada-i-vostoka-mesto-i-rol-russkogo-mira>; Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2005. 536 с.; Нарочницкая Н.А. Русский код развития. М.: Книжный мир, 2013. 352 с.; Нарочницкая Н.А. Русский мир. СПб.: Алетейя, 2007. 320 с.; Петухов В.В., Бараш Р.Э. Русские и «Русский мир»: исторический контекст и прочтение // Полис. 2014. № 6. С. 83–101; Тишков В.А. «Русский мир»: смысл и стратегии // Стратегия России. 2007. № 7. С. 5–15; Фатюшенко В.И. Русский мир в контексте мировых цивилизаций: курс лекций. М.: Гнозис, 2009. 205 с.

⁸⁶ https://ruxpert.ru/Русский_мир.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Кочеров С.Н. Русский мир: проблемы определения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. Философия. № 5. С. 163–164.

⁸⁹ Под элитой мы понимаем представителей управленческого аппарата, правящую верхушку.

⁹⁰ Волков С.В. Элитные группы традиционных обществ. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 2017. 467 с.

⁹¹ Это не значит, что в Иране не формировалась «денежная элита». Но её влияние на политические процессы не было значительным.

⁹² Firoozeh Kashani-Sabet. *Frontier Fictions: Shaping the Iranian Nation, 1804–1946*. I.B.Tauris, 2000. 328 p.

⁹³ Ведь нельзя же говорить о ребёнке, что он отсталый только потому, что он не обладает опытом 40-летнего человека, или о столяре из-за того, что он не пишет исторические книги, как профессиональный историк.

⁹⁴ Отсюда целый ряд проектов «индийских походов», появившихся во второй половине 1850-х гг. [Алпеев О.Е. «Священный огонь» русского Генерального штаба. Планирование «похода в Индию» военным ведомством России, 1885–1914 гг. // Русский сборник. 2018. Т. 26. С. 320–387; Кубанов К.Г. Походы в Индию в проектах российских военных и политических деятелей XVIII – начала XX вв. Автореф. ... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2007. 27 с.].

⁹⁵ Киняпина Н.С. Средняя Азия во внешнеполитических планах царизма (50–80-е годы XIX в.) // Вопросы истории. 1974. № 2. С. 36–37.

⁹⁶ Бушев П.П. Герат и англо-иранская война 1856–1857 гг. М.: Издательство восточной литературы, 1959. 249 с.

⁹⁷ Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 18–20.

⁹⁸ Kaveh Farrokh. Iran at War. 1500–1988. Oxford: Osprey, 2011. P. 163–143; War and Peace in Qajar Persia. Implications Past and Present. Londres et New York, Routledge, 2008. P. 19–122

⁹⁹ Колобакин. Очерк вооружённых сил Персии в 1883 г. и население как источник комплектования персидской армии (Составлен по русским и иностранным источникам) // СМА. 1883. Вып. 4. С. 42.

¹⁰⁰ Белозерский. Н.Н. Письма из Персии от Баку до Испани // СМА. 1887. Вып. 25. С. 41–42; Блюмер. Состояние Тавризского гарнизона в мае 1891 г. // СМА 1891. Вып. 49. С. 40; Колобакин. Очерк вооружённых сил Персии в 1883 г. и население как источник комплектования персидской армии (Составлен по русским и иностранным источникам) // СМА. 1883. Вып. 4. С. 53, 71; Уильс. Современная Персия. Картинки современной персидской жизни и характера. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1887. С. 178–180.

¹⁰¹ Абдуллаев Ю.Н. Астрабад и русско-иранские отношения (вторая половина XIX – начало XX в.). Ташкент: Фан, 1975. С. 41.

¹⁰² Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 446. Д. 37.

¹⁰³ РГВИА. Ф. 446. Д. 37. Л. 1.

¹⁰⁴ Причинами «Большой игры» были: 1) взаимные представления русских и англичан друг о друге 2) стремление Британии к мировому господству диктовало необходимость не допустить появления сильного конкурента. Англо-американский взгляд на «Большую игру» (её идея и разработка принадлежат главным образом перу английских, а затем и американских политиков, журналистов и историков) хорошо отражён в работах Е.Ю. Сергеева [Сергеев Е.Ю. «Большая игра» в российско-британских отношениях второй половины XIX – начала XX века: новый взгляд // Российская история. 2011. № 5. С. 3–15; Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012 454 с.; Сергеев Е.Ю. «Большая игра» России и Великобритании в Центральной и Восточной Азии (вторая половина XIX – начало XX века) // Новая и новейшая история. 2011. № 3. С. 82–91]. В русскоязычную историографию термин был заимствован отсюда, и в последние десятилетия появляются интересные исторические и публицистические работы, в которых исследователи пытаются показать российский взгляд на проблему [Леонтьев М. Большая игра. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2012. 348 с.; Ниязатов М. Россия на Востоке: противостояние великих держав (XIX век). СПб.: Петербургское востоковедение 2015. 640 с.; Постников А.В. «Большая игра» в Азии против России: история и современность. Чита: ЗабГУ, 2015. 77 с.; Постников А.В. «Исторические права» соседних государств и география Памира как аргументы в «Большой игре» Британии и России (1869–1896) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/39358/1/AS117_002.pdf; Постников А.В. Схватка

на «Крыше Мира»: Политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке. М.: Памятники исторической мысли 2001. 415 с.]. Если в Англии опасались расширения владений России как угрожавшим, в первую очередь, господству Соединённого королевства на морских торговых путях, то в России Великобритании рассматривали как эгоистичную и антирусски настроенную страну, политика которой нацелена на расшатывание устоев русской монархии и на ограничение российских интересов в свою пользу. Для России важными факторами идеологического и экономического характера были установление контроля на черноморскими проливами Босфором и Дарданеллами, а также освобождение славян из-под османского владычества и восстановление православного царства, утраченного с завоеванием турками Византийской империи. В Британии видели в России опасного противника идеям продвижения «*Rex Britannica*» в мировом масштабе, хотя реально, конечно, экономика России вплоть до конца существования империи была не в состоянии тягаться на равных в первой экономике мира. Фактически ни после 1907 г., ни после распада империи Романовых противостояние не прекратилось [Демурин Д.М. Русско-английское соглашение 1907 года и противостояние России и Великобритании в Персии накануне Первой мировой войны // Русский сборник. М.: Модест Колеров, 2008. Т. 5. С. 93–124; Шевель А.А. Англо-русское сотрудничество и соперничество в Персии в 1905–1914 гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 190–195; Ширяев М.В. Англо-російське протистояння у Середній Азії та Афганістані в 1907–1922 рр. Дис. ... канд. іст. наук. Луганськ, 2006. 202 с.]. Только теперь основным противником стала советская Россия, а затем СССР, а после ослабления Соединённого королевства его место на арене противостояния заняла другая держава, стремившаяся к мировому господству – США. В последнее десятилетие в условиях новой «холодной войны», развязанной против России со стороны США, многие публицисты возродили термин в подправленном виде – «Новая Большая игра», которую рассматривают как борьбу за ресурсы новой Центральной Азии (Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркмению и Узбекистан) в треугольнике Россия – Китай – США (впрочем, географические рамки у некоторых публицистов и политологов могут отличаться, но Россия и США как 2 противника присутствуют во всех прогнозах и раскладках, поскольку подавляющее большинство из них составляется в центрах, так или иначе связанных с североамериканской федерацией) [Михалёв А.В. «Новая Большая Игра» в Центральной Азии: фактор Монголии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 2. С. 35–41; Ahrari M.E., Bealthe J. *New Great Game in Muslim Central Asia*. Washington, D.C.: Institute for National Security Studies, National Defense University, 1996. 94 p.; Ahrari M.E. *The New Great Game in Muslim Central Asia*. Honolulu: T.H. University Press of the Pacific University Press of the Pacific, 2002. 91 p.; Cooley A. *Great Game, Local Rules and the New Great Power Context in Central Asia*. Oxford University Press, 2012. 272 p.; Durrani A. *South Asia in the New Great Game* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wikileaks.org/>; Fata D.P. *Arctic Security: The New*

Great Game? // Rajan Menon New Great game in Central Asia [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00396338.2003.9688581> Central Asia: A New Great Game? - Strategic Studies Institute - Army www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdf/files/pub117.pdf; Klevevan L. The New Great Game: Blood and Oil in Central Asia. New York: Grove Press, 2004. 295 p.; Makni Dr. The New Great Game: Oil and Gas Politics in Central Eurasia. New York: Raider Publishing International, 2008. 312 p.; Matthew E. The New Great Game and the new great gamers: disciples of Kipling and Mackinder // Central Asian Survey. 2003. Vol. 22(1). P. 83–103; Mullerson R. Central Asia: A Chessboard and Player in the New Great Game. New York: Columbia University Press, 2007. 400. p.; Puddephatt A., Torreblanca J.I., Prislán N. The New Great Game [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ecfr.eu/page/-/The_New_Great_Game_ECFR.pdf; Qamar F., Sumera Z. New Great Game: Players, Interests, Strategies and Central Asia // South Asian Studies A Research Journal of South Asian Studies. 2014. Vol. 29. № 2. P. 623–652; Rosenberg E., Gordon D., Maruyama E., Sullivan A. The New Great Game. Changing Global Energy Markets, The Re-Emergent Strategic Triangle, And U.S. Policy. Center for a New American Security. 2016. 67 p.; Stutte C.T. An Examination Of Central Asian Geopolitics. Through The Expected Utility Model: The New. Great Game. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Public Affairs in the College of Health and Public Affairs at the University of Central Florida Orlando. Florida Fall Term, 2009. 111 p.; Weitz R. Averting a New Great Game in Central Asia [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.issueelab.org/resources/281/281.pdf>.

¹⁰⁵ Поверенный в делах действительный статский советник Николай Адрианович Аничков отсутствовал в Тегеране [Кавказский календарь на 1858 год. Тифлис, типография Канцелярии Наместника Кавказского, 1857. Отд. 2. С. 502].

¹⁰⁶ РГВИА. Ф. 446. Д. 35. Л. 2.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Вопрос о причинах движения России в Центральную и уже – в Среднюю Азию, имеет давнюю традицию [Данков А. Г. Отечественная и британская историография о соперничестве России и Великобритании в Центральной Азии: XIX – начало XXI вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2009. 248 с.]. Одни историки называли главными факторами экономические, другие – политические. Исконная агрессивность русских, рок, Божья воля, цивилизаторская миссия и др. – все эти причины в той или иной степени упоминались историками, и даже назывались в качестве ведущих. На наш взгляд, можно вполне согласиться с российским учёным Олегом Рудольфовичем Айрапетовым, выделившим 4 мотива движения России в Среднюю Азию. Первым и главным он определил «усиливавшееся англо-русское противостояние, дававшее Петербургу возможность имитировать угрозу британским позициям в Индии». Действительно, англичане своими действиями сами провоцировали русское движение на юг. Кроме того, исследователь выделил в качестве причин окончание Кавказской войны, освободившее часть войск с Кавказа, освоение

подступов к Средней Азии и расширение знаний о ней, и, наконец, кризис хлопковых поставок в Россию [Айрапетов О. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М.: Европа, 2006. С. 289]. По отношению к политике России в Средней Азии вполне применим термин Наили Ермухановны Бекмахановой «оборонительный экспансионизм», предполагавший экспансию для защиты собственных границ [Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. Историко-географическое исследование. М.–СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. 240 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vipbook.info/nauka-i-ucება/istory/256661-prisoedinenie-centralnoy-azii-k-rossiyskoy-imperii-v-xviiiix-vv.html>].

¹⁰⁹ Халфин Н. А. Три русские миссии. Из истории внешней политики России на Среднем Востоке во второй половине 50-х годов XIX века // Труды среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина. Новая серия. Вып. 78. Исторические науки. 1956. Кн. 13. 86 с.

¹¹⁰ Айрапетов О. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М.: Европа, 2006. С. 288.

¹¹¹ Там же. С. 289–295.

¹¹² Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М: Прометей, 2015. С. 50.

¹¹³ Айрапетов О. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М.: Европа, 2006. С. 295; Давлетов Д., Ильясов А. Присоединение Туркмении к России. Ашхабад: Ылым, 1972. С. 40.

¹¹⁴ Абдуллаев Ю.Н. Астрабад и русско-иранские отношения (вторая половина XIX – начало XXв.). Ташкент: Фан, 1975. 132 с.; Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. С. 46–47. Персы считали туркмен своими подданными, в то время, как сами туркмены в большинстве своём рассматривали себя не зависимыми ни от кого. Попытки персидских властей покорить их оканчивались постоянными неудачами. Наиболее знаменитым в этом отношении был поход 1860 г. (или 1861 г. – в источниках даты разнятся [Аннанпесов М. Каджарская война 1860 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.turkmeniya.narod.ru/gajar-war.html>]; Бартольд В. Историко-географический обзор Ирана // Работы по исторической географии и истории Ирана. М.: Изд-во Восточной литературы 2003. С. 69; Гродеков Н. И. Война в Туркмении. СПб, 1883. Т. 1. С. 40; История Туркменской ССР. Ашхабад: Изд-во НП ТуркмССР, 1957. Т. 1. Кн. 2. С начала XIX в. до Великой октябрьской социалистической революции. С. 91; Куропаткин А.Н. Завоевание Туркмении: (Поход в Ахал-теке в 1880–1881 гг.): С очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. СПб.: Изд-во В. Березовского, 1899. 235 с.; Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. С. 26; Мухаммед Али-ал-Хусейни. Мервская битва С. 3 // «Дженг-е-Мерв» как персидский источник по изучению истории Южного Туркменистана середины XIX в. Ашхабад: Ылым. 1990 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/m.asien.htm>] на Мерв. Армия шаха насчитывавшая более

20 000 человек с 34 (или 33-мя) орудиями «и с многочисленной иррегулярной конницей» (цифры эти также нужно принимать с оговоркой: в разных источниках численность указана различная – 12 или 13 000 пехоты, 10 000 кавалерии, но не менее 20 000 войска [Мухаммед Али-ал-Хусейни. Мервская битва // «Дженг-е-Мерв» как персидский источник по изучению истории Южного Туркменистана середины XIX в. Ашхабад: Ылым, 1990. С. 28] были разгромлены текинскими туркменами. «Поражение ... было ужасное, – характеризовал итоги войны российский офицер. – Едва около трёхсот всадников спаслись в бегстве с главнокомандующим; всё остальное бежало, побросав оружие и артиллерию, и было или перебито, или взято в плен. Преследуя жалкие остатки персидских воинов, но главное в погоне за принцем (Султан-Мурад-мирзой – начальником персидских войск – О.Г.), текинская конница с небольшим в сутки проскакала с лишним 120 вёрст и достигла Серакса, где были сделаны громадные заготовления для армии, и, что называется, стёрла этот пункт с лица земли в то самое время, когда пешие собратья этих туркмен чинили самый беспощадный разнос с войсками и запасами, остававшимися в Порсу. Таков был конец этого злополучного нашествия персов. В Мерве сосредоточилась после этого такая масса пленных и оружия, что цена на невольника-перса спала с 500 рублей на 5, а за ружьё едва платили два–три крана» [Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 230–231]. Неудачи в войнах привели к тому, что персидские власти стали активно использовать принцип «разделяй и властвуй» в отношении туркмен. Они искусственно поддерживали старую вражду между отдельными туркменскими племенами, а также разжигали новые очаги противостояния, используя всё это в своих целях. Особенно активно такая политика стала проводиться после покорения Россией Ахал-Теке и Мерва [Артамонов Л.К. Современное положение туркмен в Астрабадской и Бужнурдской провинциях Персии // Поездка в Персию, Астрабад-Шахрудский район и Северный Хоросан: Военно-статистическое исследование. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1894. Ч. 1–2. С. 63–135].

¹¹⁵ Абдуллаев Ю.Н. Астрабад и русско-иранские отношения (вторая половина XIX – начало XXв.). – Ташкент: Фан, 1975. С. 45.

¹¹⁶ Айрапетов О. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М.: Европа, 2006. С. 294–295; Горшенина С. Теория «естественных границ» и завоевание Кульджи (1870–1871 гг.): Автопортрет российских военно-дипломатических элит Санкт-Петербурга и Туркестана // *Ab Imperio*. 2014. № 2. С. 102–165.

¹¹⁷ Сергеев Е.Ю. «Большая игра» в российско-британских отношениях второй половины XIX – начала XX века: новый взгляд // *Российская история*. 2011. № 5. С. 3.

¹¹⁸ Андреев А. И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та; Нартаг, 2006. С. 57; История Ирана. М.: Изд-во Московского ун-та, 1977. С. 256–262.

¹¹⁹ Rawlinson H.C. Memorandum on the Central Asian Question, dated juli, 1868 // Rawlinson H.C. England and Russia in the East: A Series of Papers on the Political and Geographical Condition of Central Asia. London: John Murray, 1875. P. 263–292.

¹²⁰ Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке (XIX – начало XX в.). Анализ внешнеполитических концепций. М.: Наука, 1990. С. 89–101; Кубанов К.Г. Походы в Индию в проектах российских военных и политических деятелей XVIII – начала XX вв. Автореф. ... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2007. С. 5; Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 14. Следует отметить одну важную особенность внешней политики Великобритании на Среднем Востоке и в Иране, в частности. Хотя основные вопросы внешнеполитической стратегии решались в Лондоне, однако большое влияние на их выработку и реализацию оказывали представители английской короны в Индии. До начала XIX в. сношения с Персией велись главным образом через Ост-Индскую компанию [Фурсов К.А. Держава-купец: отношения английской Ост-индской компании с английским государством и индийскими патримониями. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. 364 с.]. После подписания 13 ноября 1814 г. тайного Тегеранского союзного договора Великобритании с Каджарской монархией дипломатические отношения были официально переданы из Индии в Англию, и была учреждена постоянная дипломатическая Миссия во главе с поверенным в делах [Салихова Д.Б. Российско-иранские отношения во второй четверти XIX века. Дисс. канд ист. наук. Махачкала, 2007. С. 31–32]. В резиденции наследника шахского престола в Тебризе была учреждена постоянная британская дипломатическая миссия, которая представляла не Ост-Индскую компанию, а британскую корону [Семёнов Л.С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е годы XIX в. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. С. 24–27]. Тем не менее, тесная связь между Лондоном и Калькуттой (Симлой, которая с 1864 г. была летней резиденцией британской Индии) продолжала сохраняться. В начале 1823 г. отношения с Ираном были вновь возвращены английским правительством в ведение Компании [Там же. С. 83–84], а в 1824 г. Миссия была преобразована в Посольство во главе с министром-резидентом [Салихова Д.Б. Российско-иранские отношения во второй четверти XIX века. Дисс. канд ист. наук. Махачкала, 2007. С. 45]. Окончательно Лондон вернул себе право дипломатических сношений с Тегераном в середине века. С августа 1858 г. управление Индией по «Акту о лучшем управлении Индией» было взято Центром в свои руки (из компетенции Министерства по делам Индии передано в Форин офис), а в 1876 г. королева Виктория была коронована императрицей Индии [Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. С. 95]. Англия фактически силами сначала Ост-Индской компании, а затем индийского правительства проводила собственную внешнюю политику на Среднем Востоке. Во второй половине XIX в. существовало своеобразное разделение сфер ответственности: Форин офис отслеживал ситуацию в северных

провинциях Ирана и в столице, а правительство Индии – на юге страны и в Персидском заливе [Там же. С. 209]. Поэтому, когда речь идёт об английской (британской) политике, подразумеваются позиции различных политических кругов империи в целом.

¹²¹ Детальнее о различных подходах к политике на Среднем Востоке в английском обществе на протяжении второй половины XIX в. см.: Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке (XIX – начало XX в.). Анализ внешнеполитических концепций. М.: Наука, 1990. С. 70–148.

¹²² «По большей части эти комментаторы и критики были русофобами с ярко выраженными «ястребиными» взглядами, – характеризовал основных распространителей указанной точки зрения П. Хопкирк. – Они утверждали, что единственный способ остановить продвижение русских заключается в проведении наступательной политики. Это означало, что следует действовать первыми – либо вторжением, либо созданием покладистых буферных государств – сателлитов на вероятных путях вторжения. К сторонникам наступательной политики относились и честолюбивые молодые офицеры индийской армии и политического департамента, включившиеся в новый бодрящий спорт в пустынях и на перевалах Высокой Азии. Участие означало приключения и продвижение по службе, а возможно, даже место в истории империи. Альтернативой была скука полковой жизни на душных и знойных равнинах Индии» [Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004. С. 31–32].

¹²³ Дронова Н.В. Тезис о «русской угрозе» как фактор российско-британского имперского соперничества в 70-е годы XIX века [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://indonet.ru/Statya/Gde-nahoditsya-%E2%80%99Cklyuch-k-Indii>. П. Хопкирк утверждал: «Что бы ни говорили историки сегодня, в то время русская угроза Индии представлялась весьма реальной. В конце концов она казалась очевидной для любого, бросающего взгляд на карту. Четыре столетия подряд Российская империя неуклонно расширялась со скоростью примерно 55 квадратных миль в день или около 20 000 квадратных миль в год. В начале девятнадцатого века Российскую и Британскую империи разделяло в Азии более 2 000 миль. К концу столетия это расстояние сократилось до нескольких сотен миль, а в отдельных районах Памира оно не превышало двух десятков. Поэтому ничего удивительного, что многие боялись, что казаки всего лишь сдерживают своих лошадей, пока в Индии делается то же самое» [Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004. С. 32]. Однако с ним можно согласиться лишь отчасти. Реальной угрозой Индии казаться действительно могла с Индийского похода 1801 г. [о нём см.: Бездосный В. Наполеоновские планы Николая Петровича // Родина. 2008. № 7. С.45–51; Захаров В.А. Индийский поход Павла I // Старый Кирибей [П.Н. Шабельский-Борк]. Павловский гобелен: Сб. ст. М., 2011. С. 66–79, 95–104 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Zaxarov_00.pdf; Кубанов К.Г. Походы в Индию в проектах российских военных и политических деятелей XVIII – начала XX вв. Автореф. ... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2007. С. 17–18], но реальной стала только с последней трети XIX в., когда Россия

развернула активную экспансию в сторону на юг от своих границ. С этого времени российские политики и военные стали рассматривать возможность вторжения в Индию не только гипотетически но и в практическом плане [Алпеев О.Е. «Священный огонь» русского Генерального штаба. Планирование «похода в Индию» военным ведомством России, 1885–1914 гг. // Русский сборник. 2018. Т. 26. С. 333–350; Снесарев А.Е. Афганистан. С. 16 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.cawater-info.net/afghanistan/pdf/cnesarev.pdf]. Хотя проекты их различались, но цели их (если отбросить имперское самолюбие) можно обозначить точно: давление на Англию в решении вопросов Ближнего Востока и Европы. В то же время завоевание «жемчужины» Британской империи и включение её в состав России оценивались как невозможные или невыгодные.

¹²⁴ «Сама доктрина «закрытой границы» не отвергала намерения англичан укрепиться на приграничных с Индией территориях (в частности в Афганистане), – отмечала Н.Н. Лисицина. – Её действенная сторона заключалась не в осуществлении «прямых и наступательных» акций, а в проведении политики «жесткой руки в бархатной перчатке» и в подготовительных мерах к возможным наступательным операциям» [Лисицина Н.Н. Закаспийский край в англо-русских отношениях: 1880-е – 1907 гг. Дисс. канд. ист. наук, М., 2006. С. 58]. Указанную доктрину также принято называть доктриной «искусной бездеятельности» [Кубанов К.Г. Походы в Индию в проектах российских военных и политических деятелей XVIII – начала XX вв. Автореф. ... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2007. С. 5].

¹²⁵ Детальнее про различие в подходах британских общественных и военных деятелей к политике на Среднем Востоке см.: Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке (XIX – начало XX в.). Анализ внешнеполитических концепций. М.: Наука, 1990. 166 с.; Лисицина Н.Н. Закаспийский край в англо-русских отношениях: 1880-е – 1907 гг. Дисс. канд. ист. наук, М., 2006. С. 56.

¹²⁶ Венюков М.И. Россия и Англия в Персии // Русский вестник. 1877. Т. 131. № 10. С. 447.

¹²⁷ О политике англичан в Средней Азии и Персии см.: Сухоруков С.А. Англо-персидские отношения в середине XIX века. Дис. ... канд. ист. наук, М., 2003. 227 с.

¹²⁸ С начала 1860-х гг. в рамках «Большой игры» началось своеобразное контраступление России в Азии. Помимо экономических причин, обусловлено оно было политическими факторами. Действия империи Романовых особенно в Средней Азии, а также на Среднем и Дальнем Востоке в целом стали ответом на длительную агрессивно-подрывную политику Великобритании на азиатских рубежах России. Апогеем её стала спровоцированная дипломатическим представителем Лондона в Стамбуле Чарльзом Стрэтфордом Каннингом русско-турецкая война, переросшая в Крымскую войну России против европейской коалиции в 1853–1856 гг. Именно осознание уязвимости границ империи в Азии подвинуло российское руководство после войны к продвижению в Центральной Азии, а затем и к стремлению поставить Персию под свой контроль. Если задачей британской политики было создание вокруг России пояса враждебных ей, но

дружественных Англии стран и территорий, то российская политика исходила из обратного: сформировать вокруг азиатских границ «буфер» от Британии из дружественных или подконтрольных государств и территорий.

¹²⁹ К истории англо-русского соглашения 1907 г. // Красный архив. 1935. Т. 2/3 (69/70). С. 13. В работе Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 125 эта цитата неверно приписана перу И.А. Зиновьева, хотя в целом она полностью соответствовала взглядам указанного дипломата.

¹³⁰ Детальнее см.: Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. 544 с.

¹³¹ Абдуллаев Ю.Н. Астрабад и русско-иранские отношения (вторая половина XIX – начало XXв.). Ташкент: Фан, 1975. 132 с.

¹³² Там же. С. 52–90; Смирнова Л. М. Англо-русское соперничество в Центральной Азии в 70–90-е годы XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 116–118.

¹³³ Историография «Восточного кризиса» 1875–1878 гг. обширна. Своеобразный свод её содержит работа В.А. Золотарёва [Золотарёв В. А. Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. – апофеоз Восточного кризиса. М.: Animi fortitudo, 2005. 568 с.]. Из последних работ следует отметить: Косев К., Дойнов С. Освобождение (1877–1878). София: Академично издателство Марин Дринов, 2003. 231 с.

¹³⁴ Гоков О.А. Российская военная миссия в Иран в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг // Клио. 2014. № 2. С. 90–96; Гоков О.А. Миссия В.А. Франкини в Иран в 1877 г.: военный аспект // Караван. 2020. № 81. С. 16–56.

¹³⁵ Все даты в тексте даны по старому стилю.

¹³⁶ РГВИА. Ф. 446. Д. 41. Л. 17.

¹³⁷ РГВИА. Ф. 446. Д. 42.

¹³⁸ РГВИА. Ф. 446. Д. 41. Л. 21–23. Работа, проделанная В.А. Франкини, была по достоинству оценена и на Кавказе, и в Петербурге. Ходатайство великого князя от 24 января 1878 г. о присвоении ему звания генерал-лейтенанта [РГВИА. Ф. 446. Д. 41. Л. 23] было в том же году (4 апреля 1878 г.) удовлетворено [Список генералам по старшинству. Исправлен по 1-е июля 1878 г. СПб.: Военная типография, 1878. С. 433; Список генералам по старшинству. Исправлен по 1-е сентября 1880 г. СПб.: Военная типография, 1880. С. 433]. В следующий чин – подполковника ГШ – был произведён и В.И. Гибер фон Грейфенфельс [Кавказский календарь на 1879 год. Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского, 1878. Отделение третье. С. 98].

¹³⁹ «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. 358 с.; Загородникова Т. «Индийский поход» Александра II и его последствия // Азия и Африка сегодня. 2005. № 11. С. 51–53; Загородникова Т. «Индийский поход» русской армии и миссия генерала Н.Г. Столетова в Кабул. Восток. 2006. № 4. С. 21–36;

Смирнова Л.М. Англо-русское соперничество в Центральной Азии в 70–90-е годы XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 90–101. Впервые в советской историографии в контексте «Восточного вопроса» миссия была детально рассмотрена Ф. Юлдашбаевой [Юлдашбаева Ф. Из истории английской колониальной политики в Афганистане и Средней Азии 70–80-е годы XIX в. Ташкент: Госиздат УзССР, 1963. С. 96–111], но впоследствии вплоть до 2000-х гг. русскоязычными исследователями акцент делался на её значение для англо- и русско-афганских отношений.

¹⁴⁰ Андреев А. И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та; Нартанг, 2006. С. 62. Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами в Тибет и верховья Жёлтой реки. СПб.: Русское географическое Общество, 1883. [6], IV, II, 476 с. Хотя проект Д.А. Милютин не нашёл поддержки Министерства иностранных дел, тем не менее, военные в Тибет были отправлены. В 1879–1880 гг. своё третье путешествие по Центральной Азии совершил полковник ГШ Николай Михайлович Пржевальский. Правда, Лхасу ему посетить так и не удалось: местные власти отказались пустить его туда [Андреев А. И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та; Нартанг, 2006. С. 60–62; Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 48–49; Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. Третье путешествие в Центральной Азии 1879–1880. М.: Географгиз, 1948. 408 с.]

¹⁴¹ «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. С. 235.

¹⁴² Гоков О.А. Офицеры российского Генерального штаба в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове // Дриновский збірник/Дриновски сборник. 2007. Т. 1. С. 113–115, 122–123; Золотарёв В.А. Противоборство империй. Война 1877—1878 гг. — апофеоз восточного кризиса. М.: Animi Fortitudo, 2005. С. 15–16.

¹⁴³ Мегрелидзе Ш.В. Грузия в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Батуми: Госиздат Адж. АССР, 1955. С. 32; Мегрелидзе Ш.В. Закавказье в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Тбилиси: Мецниереба, 1972. С. 75.

¹⁴⁴ Хотя в этом смысле тезис Шамше Варфоломеевича Мегрелидзе, что причиной военной слабости была небольшая численность иранской армии (60 000), представляется неполным. Важно было не количество, а качество войск и управления ими. Слабость иранской армии была достаточно известна в России. Именно поэтому тут долгое время не было должности постоянного военного агента, да и негласных агентов Россия здесь не держала с 1850-х гг. [Гоков О.А. Военные агенты России второй половины XIX века: к вопросу об определении понятия // Инновации в технологиях и образовании: сб. ст. участников VI Международной научно-практической конференции «Инновации в технологиях и образовании» (17–18 мая 2013 г.): в 4 ч.

Белово: Изд-во филиала КузГТУ в г. Белово, Россия; Изд-во ун-та «Св. Кирилла и Св. Мефодия», Велико Тырново, Болгария, 2013. Ч. 3. С. 310–312]. Но сведений подробных и новых об иранской армии не было. «Разведка» же В.А. Франкини подтвердила, что каджарские вооружённые силы оставляли желать лучшего.

¹⁴⁵ Аверьянов П.И. Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Современное политическое положение турецких, персидских и русских курдов. Исторический очерк. Тифлис: Типография штаба Кавказского военного округа, 1900. С. 158–177; Халфин Н.А., Борьба за Курдистан: Курдский вопрос в международных отношениях XIX века. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963. С. 102–105.

¹⁴⁶ РГВИА. Ф. 446. Д. 41. Л. 20.

¹⁴⁷ Ахмеджанов Г.А. Гератский вопрос в XIX в. Ташкент: Фан, 1971. С. 60–62; Васильев А.Д. Знамя и меч от падишаха. Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI – начало XX вв.). М.: Ин-т востоковедения АРАН, ПРОБЕЛ-2000, 2014. С. 167; Гончаренко А.В. Загострення британо-російських протиріч у Східному питанні в період російсько-турецької війни 1877–1878 рр. // Сумська старовина. 2009. № 28/29. С. 95–105; Присоединение Туркмении к России (Сборник архивных документов). Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1960. С. 153–351; Халфин Н.А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX века) // Труды Среднеазиатского государственного университета им. В.И. Ленина, новая серия. 1957. Вып. 110: Исторические науки. Кн. 24. С. 5–125; Хидоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 197–216.

¹⁴⁸ Сухоруков С.А. Иран: между Британией и Россией. От политики до экономики. СПб.: Алетей, 2009. С. 131.

¹⁴⁹ Халфин Н.А. Борьба за Курдистан: Курдский вопрос в международных отношениях XIX века. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963. С. 104.

¹⁵⁰ Мегрелидзе Ш.В. Закавказье в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Тбилиси: Мецниереба, 1972. С. 76.

¹⁵¹ Там же. С. 75.

¹⁵² Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 110.

¹⁵³ Халфин Н.А. Борьба за Курдистан: Курдский вопрос в международных отношениях XIX века. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963. С. 104.

¹⁵⁴ Хидоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 200.

¹⁵⁵ Халфин Н.А. Борьба за Курдистан: Курдский вопрос в международных отношениях XIX века. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963. С. 104.

¹⁵⁶ Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 200.

¹⁵⁷ Виноградов В.Н. Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая история. 2006. № 5. С. 182–209.

¹⁵⁸ Численность погибших болгар определяется историками и современниками от 25 до 40 000 [Чорній В.П. Болгарія напередодні російсько-турецької війни 1877–1878 рр. // Харків; Софія: Акад. вид-во ім. М. Дринова, 2007. Т. 3. С. 14].

¹⁵⁹ Канева К. Рыцарь Балкан. Граф Н.П. Игнатьев. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. С. 3.

¹⁶⁰ Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 37. Подробнее см.: Там же. С. 37–75. Особое внимание, в отличие от российских коллег, британские представители уделяли налаживанию контактов с иранским духовенством, которое представляло в стране «теневую» власть. «Foreign office» намеренно шел на расширение таких связей в надежде использовать духовных лидеров в борьбе с русским влиянием в стране.

¹⁶¹ 8 апреля 1878 г. – Докладная записка военного министра России генерал-адъютанта Д.А. Милотина императору Александру II относительно действий России в Средней Азии // Русско-индийские отношения в XIX в. Сборник архивных документов и материалов. М.: Восточная литература, 1997. С. 205.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Там же. С. 206.

¹⁶⁴ Решение о продвижении в Туркмению «в видах ближайшего ознакомления с этой неисследованной ещё местностью у упрочения там нашего влияния» [8 апреля 1878 г. – Докладная записка военного министра России генерал-адъютанта Д.А. Милотина императору Александру II относительно действий России в Средней Азии // Русско-индийские отношения в XIX в. Сборник архивных документов и материалов. М.: Восточная литература, 1997. С. 207]. В рассматриваемое время Афганистан ещё рассматривался как возможный союзник. Отношения между Россией и Афганистаном были испорчены после 1878 г.

¹⁶⁵ Присоединение Туркмении к России (Сборник архивных документов). Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1960. С. 153–351; Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 197–216.

¹⁶⁶ Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. С. 411.

¹⁶⁷ Хидоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 211. «Мирза – по-персидски вообще значит грамотный, учёный, если это слово стоит перед именем; если же после имени, то означает высокое, благородное происхождение» [Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Вольнского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование // СМА. 1896. Вып. 63. С. 7].

¹⁶⁸ Косвенно существование идеи использования иранской армии для борьбы с Турцией подтверждают документы о назначении военного агента, в частности «Инструкция». К тому же, если капитан ГШ В.И. Гибер фон Грейфенфельс должен был постоянно оставаться в Тегеране, то В.А. Франкини «должен был ожидать приказаний и инструкций» [РГВИА. Ф. 446. Д. 41. Л. 6]. Видимо, предполагалось, что он будет координировать действия иранских войск, если те вступят в дело. Кроме того, в рапорте главнокомандующему Кавказской армией от 29 августа 1877 г. В.А. Франкини, уже досконально изучив состояние персидских вооружённых сил, высказывал желание «довольствоваться нам нейтралитетом Персии» [РГВИА. Ф. 446. Д. 41. Л. 17].

¹⁶⁹ Абдуллаев Ю.Н. Астрабад и русско-иранские отношения (вторая половина XIX – начало XX в.). Ташкент: Фан, 1975. С. 49.

¹⁷⁰ СМА. 1883. Вып. 4–5; 1884. Вып. 11.

¹⁷¹ Венюков М.И. Россия и Англия в Персии // Русский вестник. 1877. Т. 131. № 10. С. 459; Гоков О.А. Русская военная миссия 1853–1854 гг. в Персию в контексте «Восточного вопроса» // Русский сборник. 2012. Т. 13. С. 74–96.

¹⁷² РГВИА. Ф. 446. Д. 41. Л. 17.

¹⁷³ 8 апреля 1878 г. – Докладная записка военного министра России генерал-адъютанта Д.А. Милютина императору Александру II относительно действий России в Средней Азии // Русско-индийские отношения в XIX в. Сборник архивных документов и материалов. М.: Восточная литература, 1997. С. 206.

¹⁷⁴ Астрахань–Гилян в истории русско-иранских отношений. Астрахань: ИД Астраханский университет, 2004. С. 38.

¹⁷⁵ Риттих П.А. Политико-статистический очерк Персии. СПб.: Типография Н. Финдейзена, 1896. С. 226; Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 25.

¹⁷⁶ Точную численность пехоты в обоих случаях назвать сложно. Формально фоджди были 8-ротные и 10-ротные при штатном составе роты в 100 человек. Фактически же количество человек в каждом из них могло колебаться от 300 до 1 200. «Раньше фоджд означал полк, – писал российский офицер, – но в настоящее время этим словом именуется отдельный батальон, штатный состав которого колеблется от 800 до 1 200 человек [Риттих П.А. Отчёт о поездке в Персию и

Персидский Белуджистан в 1900 году поручика Л.-гв. егерского полка П.А. Риттиха: Ч. 1–2. СПб.: Воен. учен. ком. Гл. штаба. Ч. 1. С. 83].

¹⁷⁷ Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1894. С. 804; Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 26.

¹⁷⁸ Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 26.

¹⁷⁹ Артамонов Л.К. Персия как наш противник в Закавказьи. Тифлис: Тип. Штаба Кав ВО, 1889. С. 37; Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 26.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Мегрелидзе Ш.В. Закавказье в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Тбилиси: Мецниереба, 1972. С. 76.

¹⁸² 3 июля русские главные силы отступили к Кюрюк-дара и Паргету, выставив авангард у Башкадыклара. Вслед за этим на театра войны наступило продолжительное бездействие, вызванное тем, что обе стороны выжидали прибытия подкреплений.

¹⁸³ Третий штурм Плевны 26–31 августа [Военная энциклопедия. Пг.: Т-во И.Д. Сытина, 1915. Т. 18. С. 461–466].

¹⁸⁴ Взятие Горного Дубняка, Телиша, Горного Дубняка в октябре, отражение попыток снятия осады с Плевны и окончательная капитуляция её гарнизона в ноябре 1877 г. на Балканском театре; победа над османской армией в Авлияр-Аладжинском сражении 20 сентября – 3 октября, осада и взятие Карса 13 октября – 6 ноября 1877 г.

¹⁸⁵ Скорее всего, именно для исследования ситуации на ирано-турецком пограничье, а затем для участия в разграничении в сентябре 1877 г. – ноябре 1878 г. был командирован в Иран бывший военный агент (т.е. официальный военный представитель) России при султанском дворе генерал-майор ГШ Александр Семёнович Зеленой. Формально он был послан для военно-географического изучения Персии в связи с персидско-турецким размежеванием [Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г. Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С. 91]. Весной 1879 г. А.С. Зеленой сменил заболевшего главу русской части комиссии по разграничению в Азии Иеронима Ивановича Стебницкого [РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. Св. 484. Д. 55. Л. 104].

¹⁸⁶ Область с центром в Котуре являлась центром пограничных противоречий между Османской империей и Персией на протяжении почти всего XIX в.

¹⁸⁷ Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор. Сан-Стефано, 19 февраля/3 марта 1878 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/FOREIGN/stefano.htm>.

¹⁸⁸ Берлинский трактат Берлин, 1/13 июля 1878 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/berlin.htm>.

¹⁸⁹ Детальнее о судьбе Котура и ирано-османских отношениях см. Халфин Н.А. Борьба за Курдистан: Курдский вопрос в международных отношениях XIX века. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 107 и след.

¹⁹⁰ 26 марта 1878 г. Докладная записка начальника кавказского горского управления генерала В.А. Франкини помощнику главнокомандующего Кавказской армией князю Д.И. Святополк-Мирскому о возможности войны против Англии в Афганистане // «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. С. 47–52.

¹⁹¹ Там же. С. 47–48.

¹⁹² Там же. С. 50–51. Чуть позже начальник Главного штаба в своей записке отмечал, что «В случае же преждевременного союза с Персией или рекогносцировочного движения наших войск с согласия Персии по Хорасану мы должны ожидать со стороны Англии такой же меры, которую она всегда принимала в подобных обстоятельствах – она двинет свой флот в Персидский залив и сделает десант на персидскую территорию, вследствие чего, конечно произойдет война между нею и Персиею, и нам же тогда придётся спасать эти последние государства от ударов Англии» [29 марта 1878 г. – Записка начальника Главного штаба графа Ф.Л. Гейдена по поводу записки барона Н.Е. Торнау о возможности похода на Индию через Персию // «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. С. 60].

¹⁹³ 28 марта 1878 г. – Записка помощника главнокомандующего Кавказской армией князя Д.И. Святополк-Мирского Великому Князю Михаилу Николаевичу, Кавказскому наместнику и главнокомандующему Кавказской армией, о возможном столкновении с Англией, о взаимоотношениях с мусульманами в Азии // «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. С. 52–53.

¹⁹⁴ Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 52.

¹⁹⁵ 3 апреля 1878 г. – Записка генерал-майора А.К. Гейнса о политическом положении и англичанах в Индии, о численности и состоянии её войск и населения // «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. С. 87–88.

¹⁹⁶ Не ранее 19 февраля, не позднее 29 марта 1878 г. – Записка барона Н.Е. Торнау о положении англичан в Индии и об условиях похода на Индию через территорию Персии // «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. С. 63.

¹⁹⁷ 2 апреля 1878 г. – Записка оренбургского генерал-губернатора генерал-адъютанта Н.А. Крыжановского военному министру генерал-адъютанту Д. А. Милютину о возможных действиях в Средней Азии // «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. С. 65.

¹⁹⁸ 29 марта 1878 г. – Записка начальника Главного штаба графа Ф.Л. Гейдена по поводу записки барона Н.Е. Торнау о возможности похода на Индию через Персию // «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. С. 60.

¹⁹⁹ Удачно их определил российский корреспондент и писатель Василий Иванович Немирович-Данченко, назвав «богатырями-разбойниками» [Немирович-Данченко В.И. Скобелев. М.: Воениздат, 1993. С. 15].

²⁰⁰ По образу жизни туркмены разделялись на кочевых – чорва и полуоседлых – чомур. Однако переходы из чомур в чорву и обратно были весьма частыми. В отличие от чорвы, чомуры жили в селениях, но не в домах, а в войлочных кибитках, которые они переносили с места на место. Обитатели каждого селения имели родственных им кочевников – чорва, кочевавших круглый год со своими стадами [Куропаткин А.Н. Завоевание Туркмении (Поход в Ахал-теке в 1880–1881 гг.): с очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. СПб.: Изд. В. Березовского, 1899. С. 93. Детальнее о быте туркменских племён см.: История Туркменской ССР. Ашхабад: Изд-во АН ТуркмССР, 1957. Т. 1. Кн. 2. С начала XIX в. до Великой октябрьской социалистической революции. С. 7–46].

²⁰¹ Куропаткин А.Н. Туркмения и туркмены. СПб.: Тип. В. А. Полетики, 1879. С. 32. Детальнее об аламани см.: Андреев А.П. Туркменский аламан (Эскиз) // Исторический вестник. 1902. № 7. С. 109–141.

²⁰² Никонов О.А. Развитие межгосударственных отношений в Азиатско-Каспийском субрегионе в XVIII–IX вв.: Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2011. С. 520.

²⁰³ Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 51–52, 54–55.

²⁰⁴ Никонов О.А. Развитие межгосударственных отношений в Азиатско-Каспийском субрегионе в XVIII–IX вв. Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2011. С. 524.

²⁰⁵ Записка генерал-майора А.К. Гейнса о политическом положении и англичанах в Индии, о численности и состоянии её войск и населения. 3 апреля 1878 г. // «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. С. 77.

²⁰⁶ Документ № 48. Соображения начальника штаба ген. Павлова по выполнению высочайшего повеления о движении в текинский оазис с целью прочного там водворения нашей власти. Январь 1879 г. // Россия и Туркмения в XIX веке: К вхождению Туркмении в состав России: Сборник документов. Ашхабад: Туркменгосиздат, 1946, переплёт 1947. С. 105. 5 октября 1880 г.

Д.А. Милотин подал императору Александру II записку о задачах империи в Средней Азии в связи с англо-афганской войной, начавшейся в 1878 г., британскими происками при иранском дворе и в Туркмении. В ней военный министр подчёркивал необходимость завоевания туркмен. Он писал: «Судя по фактам, Англия еще очень далека от мирных заявлений, напротив, до сих пор она систематически преследует наступательную против нас политику, которая с каждым годом получает все обширнейшее развитие. Подчинив себе Азиатскую Турцию, разрушив Афганистан, завязав тесные связи с туркменами и усиливаясь склонить также на свою сторону и Персию, она осязательно начинает угрожать Каспийской области. Поэтому оставаться с этой стороны в бездействии признается невозможным, тем более что это бездействие пагубно отразилось бы на все соприкосновенные нам азиатские народы» [Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 57]. После этого весной 1880 г. начались целенаправленные действия царских войск в Туркмении, окончившиеся в 1885 г. покорением или присоединением туркменских племён к России.

²⁰⁷ Решение всех указанных проблем началось сразу после войны. И.А. Зиновьев активно укреплял российское влияние при персидском дворе; было начато постепенное покорение туркменских земель, в 1881 г. была подписана русско-иранская конвенция, фактически делавшая Персию союзницей России в возможной войне, поскольку её секретные статьи открывали Хорасан для русских войск в случае необходимости; начинается активное освоение Хорасана русской разведкой и торговлей, в частности здесь были открыты генеральное консульство и телеграф; в 1880-х гг. была построена Закаспийская железная дорога, открывшая широкие возможности для перевозки товаров, военных грузов и войск; с 1880-х гг. началось также широкомасштабное и систематическое изучение Ирана (особенно северных и центральных провинций) военным ведомством.

²⁰⁸ 8 апреля 1878 г. Доклад военного министра царю о мерах давления на Англию в случае разрыва с ней и месте Туркмении в намечаемых антианглийских демонстрациях // Присоединение Туркмении к России: Сборник архивных документов. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР. С. 335–336.

²⁰⁹ Её во многом осуществил в начале 1880-х гг. состоявший при штабе Кавказского военного округа офицером для поручений капитан (а с 1883 г. – подполковник) ГШ Алексей Михайлович Колобакин [Колобакин. Введение к очерку вооруженных сил Персии в 1883 г. и населения, как источника комплектования Персидской армии // СМА. 1883. Вып. 4. С. 35–49. Колобакин. Очерк вооруженных сил Персии в 1883 г. и населения как источник комплектования Персидской армий // СМА. 1884. Вып. 11. С. 1–33. Колобакин. Очерк вооруженных сил Персии в 1883 г. и населения как источник комплектования Персидской армий. Состав населения Персии по племенам и провинциям // СМА. 1883. Вып. 4. С. 50–110].

²¹⁰ Гоков О.А. Русская военная миссия 1853–1854 гг. в Персию в контексте «Восточного вопроса» // Русский сборник. 2012. Т. 13. С. 74–96.

²¹¹ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 51.

²¹² Гоков О.А. Очерки истории Персидской казачьей бригады (1878–1895): по русским источникам. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2018. 416 с.; Гоков О.А. Персидская казачья бригада в 1878–1895 гг.: Очерки истории в контексте внешней политики Российской империи относительно Ирана (по русским источникам). Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2017. 679 с.; Гоков О. Персидская казачья бригада под руководством В.А. Косоговского: начало преобразований (март 1894 – май 1895 гг.). Bookscripтор, 2019. 163 с.; Норик Б.В. Дневник В.А. Косоговского за 1894–1895 годы // Восточный архив. 2018. № 2. С. 37–50; Норик Б.В. Дневник полковника В.А. Косоговского. Часть 2 // Восточный архив. 2019. № 1. С. 17–28; Норик Б.В. Дневник полковника В.А. Косоговского. Часть 3 // Восточный архив. 2019. № 2. С. 19–32; Норик Б.В. Дневник полковника В.А. Косоговского. Часть 4 // Восточный архив. 2020. № 1. С. 13–25; Норик Б.В. Дневник полковника В.А. Косоговского. Часть 5 // Восточный архив. 2020. № 2. С. 18–29; Норик Б.В. Дневник полковника В.А. Косоговского Часть 6 // Восточный архив. 2021. № 1. С. 17–27; Норик Б.В. Дневник полковника В.А. Косоговского Часть 7 // Восточный архив. 2021. № 2. С. 12–23; Норик Б.В. Первые шаги В.А. Косоговского на посту командира Персидской казачьей бригады (по материалам «Дневника» за 1895 г.) // Иран-наме. 2013. № 3. С. 169–177; Норик Б.В. Рапорт полковника В.А. Косоговского о положении в Персидской казачьей бригаде. 1895 год // Восточный архив. 2018. № 1. С. 20–32; Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. 352 с.

²¹³ Babich P. A Russian officer in Persian Cossack Brigade: Vladimir Andreevich Kosagovskii. Budapest: CEU, 2014. P. 29 (Указанный автор ссылается на мнение М. Аткин, якобы высказанное в её работе Atkin M. Russia and Iran, 1780–1828. Minneapolis: Minnesota Archive Editions, 1980. 232 p. на с. 329–330. Однако таких страниц в книге нет, не нашли мы и само высказывание).

²¹⁴ Babich P. A Russian officer in Persian Cossack Brigade: Vladimir Andreevich Kosagovskii. Budapest: CEU, 2014. P. 53.

²¹⁵ Farrokh K. Iran at War 1500–1988. Oxford: Osprey, 2011.

²¹⁶ Детальнее о личности и правлении Насреддин-шаха см.: Amanat Abbas. The Pivot of the Universe: Nasir al-Din Shah Qajar and the Iranian Monarchy, 1831–1896. Berkeley, Los Angeles, Oxford: University of California Press, 1997. 536 p. Имея в качестве идеала реформатора Петра I, Насреддин-шах старался походить на него. Однако воли и решимости российского императора он не имел. Это касалось и военных реформ. «О военном деле шах, по-видимому, имеет очень смутное понятие, – отмечал Мисль-Рустем, характеризуя новый виток преобразований, начавшийся с конца 1870-х гг., – потому что позволяет дурачить себя покупкою старых удилищ и

вооружения, никуда не годных, у австрийцев и пруссаков» [Мысль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 61–62]. «По обыкновению всех подражателей, шах прежде всего обратил внимание, конечно, на внешность своего воинства и одел пехоту и артиллерию в куртки австрийского покроя, – отмечал русский исследователь. – Затем он снабдил не все войска, а только показную часть их, столичный гарнизон, австрийскими же по преимуществу инструкторами; организовал четыре порядочных оркестра музыки и одну плохую школу для приготовления офицеров, и, наконец, поручил своим чиновникам, изрядно при этом нажившимся, закупить в Австрии оружие, о достоинствах которого не трудно судить по остроумному замечанию одного из правдивых биографов Насреддина, что посланник Австро-Венгрии только для того и сидит в Тегеране, чтобы сбывать персам весь негодный военный материал своего государства... Всё это действительно изменило внешность тегеранского гарнизона, но ровно ничего не внесло в дело улучшения внутренних качеств не только всей армии, но даже этих нескольких батальонов, расположенных в столице и составляющих гордость шаха» [Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 210–211]. Нужно заметить, что по соглашению о приглашении австрийской военной миссии иранская сторона брала на себя обязательство обязательно закупать вооружение и снаряжение австрийского производства [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 47]. Благодаря этому вплоть до 1890-х гг. австрийские фирмы поставляли сукно на обмундирование иранских войск и шахской свиты [Всподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 38]. Значительное количество ружей Верндля и пушек Ухациуса также поступили в персидские арсеналы из Австро-Венгрии за деньги. Русские дипломаты при подписании договора о найме российских инструкторов такой смётки не проявили: вооружение будущая ПКБ получила в дар от России; одежда была закуплена в России, но единоразово и только для ПКБ. Такое положение вещей не было чем-то удивительным. Российская предпринимательская деятельность за пределами империи развивалась не слишком активно. Например, работа современной российской исследовательницы показывает, что в регионе Балкан, Ближнего и Среднего Востока в экономической деятельности Россия к началу XX в. всюду уступала Австро-Венгрии. Исключение составляла Персия, находившаяся к тому времени под плотным политическим контролем империи Романовых. Там же, где такового контроля не было, российские предприниматели проигрывали. Причины этого в том, что те же представители габсбургской монархии тщательно изучали будущее «поле деятельности», приспосабливались к его условиям ориентировались на запросы и потребности местных жителей и на чёткое исполнение договорных обязательств. Кроме того, австрийский бизнес охотно кредитовал местных предпринимателей. Всего этого российские дельцы избегали. Случай с ПКБ австрийской

военной миссией является классическим подтверждением разницы в политическом и экономическом подходах руководителей двух монархий в отношении Ирана [Боташёва Б.З. Экономические связи Австро-Венгрии со странами Балканского полуострова и Ближнего Востока в 1867–1914 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2009. С. 162–194].

²¹⁷ В частности, англичане предлагали свои услуги по реорганизации кавалерии [Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 2. С. 332; Об успехах англичан в деле создания индийской кавалерии см.: Duckers P. The British-Indian Army 1860–1914. Princes Risborough: Shire Publications, 2003. 56 p.; MacMunn G.F. The Armies of India. New Delhi: Lancer Publishers, 2010. 224 p.; Rivett-Carnac S. The Presidential Armies of India. New Delhi: Lancer Publishers, 2010. 477 p.]. Правда, когда именно это произошло – в 1873 г. или позже – неясно. Однозначно оно было сделано между 1873–1878 гг. Однако предложение это не прошло по нескольким причинам, основной из которых была воля шаха. Дело в том, что к концу 1870-х гг., во многом под влиянием русского посланника в Тегеране А.И. Зиновьева, англо-иранские отношения разладились. Значительную роль в позиции персидского правителя сыграло и то, что во время второго путешествия по Европе он хорошо был принят в Петербурге. В Лондоне же королева Виктория «принять его не смогла» [Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60–70-е гг.). Ташкент. Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 215].

²¹⁸ Зиновьев Иван Алексеевич (26 ноября 1835 – 4 февраля 1917). В 1851 г. окончил курс в московском Лазаревском институте восточных языков и поступил на службу в Московский главный архив Министерства иностранных дел, откуда в 1852 г. перешёл в департамент внутренних сношений того же министерства. На службе продолжал занятия восточными языками и в 1855 г. за сочинение «Эпические сказания Ирана» получил степень магистра восточной словесности в Петербургском университете. Занимал разные дипломатические должности на Востоке. В 1871 г. назначен дипломатическим агентом при румынском князе Кароле I и представлял Россию в Комиссии по разграничению сфер влияния европейских держав на Дунае. В 1876 г. аккредитован в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра при шахе персидском. Во время Закаспийской экспедиции 1880 г. консультировал генерала М.Д. Скобелева по политическим вопросам и содействовал в заготовке на территории Персии фуража и продовольствия для русского экспедиционного отряда. В 1881 г. И.А. Зиновьев успешно закончил переговоры с персидским правительством по разграничению между Персией и Закаспийской областью, что дало России возможность завершить подчинение туркменских племён [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz/>].

²¹⁹ Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60–70-е гг.). Ташкент. Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 370, 377.

-
- ²²⁰ Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. С. 411.
- ²²¹ Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып 3. С. 577.
- ²²² Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб.: Тип. В.С. Балашёва, 1884. Т. 4. Приложения. С. 116; Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60–70-е гг.). Ташкент. Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. 456 с.
- ²²³ Аблова Н.Е. Политика России и Англии в Иране после Крымской войны. 1856–1881 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1982. С. 38–39.
- ²²⁴ Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60–70-е гг.). Ташкент. Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 370.
- ²²⁵ История Ирана. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 260. Халфин Н.А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX века) // Труды Среднеазиатского государственного университета им. В.И. Ленина. Новая серия. Вып. 110. Исторические науки. Кн. 21. Ташкент: Издательство САГУ, 1957. С. 115–116.
- ²²⁶ Впоследствии в его заслугу можно поставить подписание русско-персидской пограничной конвенции 1881 г.
- ²²⁷ РГВИА. Ф. 446. Д. 47. Л. 27–28. Интересно, что ещё в 1875 г., анализируя русскую военную политику в Иране после 1840-х гг., российский военный историк М.А. Терентьев писал «Тем не менее, ради противодействия чужеземному влиянию, нам не худо бы разрешить своим офицерам службу в персидских войсках» [Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: Тип. П. П. Меркулева, 1875. С. 206].
- ²²⁸ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 139.
- ²²⁹ Аблова Н.Е. Политика России и Англии в Иране после Крымской войны. 1856–1881 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1982. С. 56.
- ²³⁰ Ляшенко Л.М. Александр II, или История трех одиночеств. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 288–331.
- ²³¹ Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Издательство Пушкинского Фонда, 2001. 418 с.; Барковец О., Крылов-Толстикевич А. Неизвестный император Александр III. М.: Рипол Классик, 2003. 320 с.; Боханов А.Н. Император Александр III. М. Русское слово. 1998. 512 с.; Дронов И.Е. Сильный, Державный...: Жизнь и царствование Императора Александра III. М.: Русский издательский центр, 2012. 752 с.; Император Александр III. СПб.: Тип. князя В.П. Мещерского, 1894 [1895]. 634 с.; Михайлов О.Н. Александр III. Забытый император СПб.: Армада, 1996. 457 с.; Родина. 2015. № 2; Троицкий Н. А. «На земле стоит комод...». Александр III: время, правление, личность // Свободная мысль. 2000. № 5. С. 88–98; Толмачёв Е.П. Александр III и его

время. М.: Terra – Книжный клуб, 2007. 720 с.; Чернуха В. Г. Александр III // Вопросы истории. 1992. № 11/12. С. 46–63; Чулков Г.И.. Императоры: Психологические портреты. М.: Худож. лит., 1993. 382 с.

²³² Константин Петрович Победоносцев был обер-прокурором святейшего Синода – органа управления Русской православной церковью и высшего государственного органа церковно-административной власти, а также и воспитателем будущего Александра III [См. о нём: Вугнес R.F. Pobedonostsev. His life and Thought. Bloomington, Indiana University Press, 1968. 495 p.; К.П. Победоносцев: pro et contra. Личность, общественно-политическая деятельность и мировоззрение Константина Победоносцева в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. СПб.: Изд-во РХГИ, 1996. 576 с.; Попов Е.А. Взгляды К. П. Победоносцева на государственное устройство России // Записки исторического факультета Одесского державного университета им. И. И. Мечникова. Одеса, 1999. Вип. 10. С. 244–248; Полунов А.Ю. Константин Петрович Победоносцев: вехи политической биографии. М.: МАКС-Пресс, 2010. 177 с.; Тимошина Е.В. Политико-правовая идеология русского пореформенного консерватизма: К.П. Победоносцев. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 204 с.; Шафеев А.Р. Политические взгляды К. П. Победоносцева на проблемы взаимоотношения между обществом и государством // Теория и практика общественного развития. 2011. № 2. С. 85–90].

²³³ Манфред А.З. Образование русско-французского союза. М.: Наука, 1975. С. 312.

²³⁴ Сергей Семёнович Уваров – русский антиковед и государственный деятель, министр народного просвещения в 1833–1849 гг. Член Российской академии (1831), почётный член (1811) и президент (1818–1855) Петербургской академии наук. Наиболее известен как разработчик идеологии официальной народности. Согласно этой теории, русский народ глубоко религиозен и предан престолу, а православная вера и самодержавие составляют неперемennые условия существования России. Народность же понималась как необходимость придерживаться собственных традиций и отвергать иностранное влияние [Виттекер Ц.Х. Граф С.С.Уваров и его время. СПб.: Академический проект. 1999. 350 с.; Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // РОССИЯ / RUSSIA. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. М.: ОГИ, 1999. С. 233–244; Доклады министра народного просвещения С.С. Уварова императору Николаю I. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.krotov.info/acts/19/1830/1833119.html>; Фролов Э.Д. Граф Сергей Семенович Уваров и академический классицизм. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/frolov/frol03f.htm>].

²³⁵ История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М.: Международные отношения, 1999. С. 18.

²³⁶ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. М.: ОГИ (Объединенное Гуманитарное Издательство), 2004. С. 225–418.

- ²³⁷ История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М.: Международные отношения, 1999. С. 20.
- ²³⁸ Император Александр III. Сборник материалов. СПб., 1894. С. 498.
- ²³⁹ Лопатников В.А. Пьедестал: время и служение канцлера Горчакова. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 324.
- ²⁴⁰ О его деятельности см.: Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002: В 3 т. Т. 3: Биографии министров иностранных дел. 1802–2002. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
- ²⁴¹ С.Ю. Витте в своих воспоминаниях называл его «секретарём по иностранным делам» [Витте С.Ю. Воспоминания. Детство. Царствование Александра II и Александра III (1849–1894). С. 297 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/w/witte_s_j/text_0010.shtml].
- ²⁴² Император Александр III. Сборник материалов. СПб.: Тип. князя В.П.Мещерского, 1894. С. 498.
- ²⁴³ Российская дипломатия в портретах. М.: Международные отношения, 1992. С. 260.
- ²⁴⁴ Ламсдорф В.Н. Дневник. 1894–1896. М.: Международные отношения, 1991. С. 13.
- ²⁴⁵ О взглядах и деятельности М.Н. Каткова: Хевролина В.М. Власть и общество. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1878–1894 гг. Москва: Институт российской истории РАН, 1999. С. 12–57.
- ²⁴⁶ Феоктистов Е.М. Воспоминания За кулисами политики и литературы 1848 – 1896. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dugward.ru/library/feoktistov/feoktistov_za_kulisami_politiki_i_literatury.html.
- ²⁴⁷ Там же.
- ²⁴⁸ Манфред А.З. Образование русско-французского союза. М.: Наука, 1975. С. 313.
- ²⁴⁹ Айрапетов О. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006. С. 361.
- ²⁵⁰ Игнатъев А.В. Последний царь и внешняя политика // Вопросы истории. 2001. № 6. С. 5.
- ²⁵¹ На большинстве документов, касавшихся Ирана, имелись пометки императора.
- ²⁵² Там же.
- ²⁵³ Ламсдорф В.Н. Дневник В. Н. Ламсдорфа (1886–1890). М. – Л. Государственное издательство, 1926. С. 366–367. Сам В.Н. Ламсдорф не разделял взглядов изложенных в статье, но И.А. Зиновьев был с ними солидарен.
- ²⁵⁴ Ламсдорф В.Н. Дневник. 1891–1892. Москва – Л.: Academia, 1934. С. 215.
- ²⁵⁵ Зиновьев И.А. Россия и Англия в Персии. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1912. С. 6.
- ²⁵⁶ Ламсдорф В.Н. Дневник В. Н. Ламсдорфа (1886–1890). М. – Л. Государственное издательство, 1926.
- ²⁵⁷ Справедливости ради следует заметить, что Н.К. Гирс также был некоторое время связан с Ираном: с 1863 по 1869 гг. он был посланником при шахе. Именно поэтому, имея собственные воззрения на политику здесь, он далеко не всегда соглашался с И.А. Зиновьевым. Хотя негативное

отношение это объяснялось и тем, что министр видел в И.А. Зиновьеве человека, претендовавшего на его место. Тот же, в свою очередь, высказывал желание быть товарищем министра иностранных дел и был разочарован, когда на этот пост назначили другое лицо.

²⁵⁸ Ламсдорф В.Н. Дневник В. Н. Ламсдорфа (1886–1890). М. – Л. Государственное издательство, 1926. С. 90.

²⁵⁹ К истории англо-русского соглашения 1907 г. // Красный архив. 1935. Т. 2/3 (69/70). С. 11.

²⁶⁰ А.А. Мельников родился в 1827 г. По окончании 3-й Санкт-петербургской гимназии и Петербургского университета (по факультету восточных языков с золотой медалью за диссертацию по арабской словесности), поступил в число слушателей учебного отделения восточных языков при Министерстве иностранных дел. Окончив его, 5 сентября 1854 г. вступил в службу при русской Миссии в Персии. В 1857 году был назначен младшим секретарём Миссии. Пробыв 6 лет в Персии, где он основательно изучил персидский язык, в 1860 году был причислен к Министерству иностранных дел, с прикомандированием к Азиатскому департаменту. В 1861 г. назначен переводчиком VII класса при этом департаменте; в 1865 г. – начальником отделения; в 1868 г. – делопроизводителем VI класса, а в 1871 г. – делопроизводителем V класса Азиатского департамента. В 1873 г. был произведён в действительные тайные советники. В 1875 г. назначен вице-директором Азиатского департамента. На этом посту был до 25 февраля 1883 г. [Альманах современных русских государственных деятелей. СПб.: Тип. Исидора Гольдберга, 1897. С. 309–310].

²⁶¹ Белозерский Е.М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 19.

²⁶² Альманах современных русских государственных деятелей. СПб: Тип. Исидора Гольдберга, 1897. С. 309–310.

²⁶³ Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1897. С. 412.

²⁶⁴ Детально русско-персидское разграничение разобрано: Гоков О.А. Русско-иранское разграничение 1881–1886 гг.: к постановке проблемы // Всесвітня історія та актуальні проблеми міжнародних відносин: стат. та матеріали IV Міжнар. наук.-прак. конф., присвяченої пам'яті професора Г.Л. Бондаревського (9–10 квіт. 2013 р., м. Луганськ). Луганськ: ТОВ «Віртуальна реальність», 2013. С. 193–197; Гоков О.А. Русско-иранское разграничение 1881–1886 гг. // Иран-наме. 2019 № ¾. С. 275–293.

²⁶⁵ Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ-С, 2010. С. 221–227; Эйхельман О. Хрестоматия русского международного права: В 2 ч. К.: Университетская типография, 1887. Ч. 1. С. 383–386.

²⁶⁶ Кузьмин-Караваев. Записка генерального штаба полковника Кузьмина-Караваева о введении русского управления в Атеке // СМА. 1886. Вып. 21. С. 128.

²⁶⁷ Белозерский Е.М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 20. Правда, следует отметить, что Е.М. Белозерский был в Тегеране слишком недолго и не проникся внутренней жизнью русских дипломатов, чтобы делать такие глубокие выводы. Да и вообще в его работе слишком идеалистично представлены российские государственные представители и высшие персидские сановники, с которыми он встречался. Тем не менее, общую тенденцию в жизни русской Миссии при А.А. Мельникове он выделил верно.

²⁶⁸ Встречаются два варианта написания его фамилии – Долгоруков и Долгорукий.

²⁶⁹ Мисль-Рустем сообщал о подаренном им императору ковре «замечательно сделанный ковер, с изображением посредине российского орла на белом фоне. Этот ковёр преподнесен князем Д. императору Александру III; на такой ковёр можно заглядеться, но, должно быть, и денег он стоил немало» [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 174], что свидетельствует о близких отношениях между ними. О благоволении к нему в высших сферах постоянно упоминал и В.Н. Ламсдорф [Ламсдорф В.Н. Дневник 1886–1890. М.: Государственное издательство, 1926. С. 157]. Утверждение С.Ю. Витте, что «Император Александр III неблагоприятно к князю Долгорукому» не соответствует действительности [Витте С.Ю. Воспоминания. Детство. Царствование Александра II и Александра III (1849–1894). Л.: Изд-во Слово, 1923. С. 302]. Оно было вызвано тем, что после провала своей дипломатической деятельности на посту посланника в Иране, князь действительно был отозван царём и впал в опалу. Но вплоть до конца 1880-х гг. император ему покровительствовал.

²⁷⁰ Флигель-адъютант (с 1867 г.) и полковник князь Н.С. Долгоруков был одновременно произведён в генерал-майоры с назначением в Свиту его императорского величества 26 февраля 1882 г. [Милорадович Г.А. Список лиц Свиты Их Величеств с царствования императора Петра I по 1886 г. Киев: тип. С.П. Кульженко, 1886. С. 5–6; Список генералам по старшинству. Составлен по 6 января 1906 года. СПб.: Военная типография, 1907. С. 98].

²⁷¹ Список генералам по старшинству. Составлен по 1 июля 1908 года. СПб.: Военная типография, 1908. С. 65.

²⁷² Фактически формирование нового аппарата власти было завершено в 1883 г. [Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 3. 1883 г. СПб.: Государственная типография, 1886. № 1521, 1522, 1619, 1636, 1638, 1673, 1686, 1791].

²⁷³ Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 202.

²⁷⁴ Портрет и биография генерал-адъютанта князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова // Кавказский календарь на 1883 год. Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского, 1882. Отделение 2. Приложение. С. 1–38; Федорченко В.И. Императорский Дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий: В 2 т. Красноярск: БОНУС; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. Т. 1. С. 415–416.

²⁷⁵ Под Туркменией или Туркменской степью в рассматриваемое время подразумевали «обширное пространство, ограниченное с запада Каспийским морем, с юга – персидскими и афганскими, с северо-востока – бухарскими и хивинскими владениями и с севера – Мангышлакским полуостровом» [Куропаткин А.Н. Завоевание Туркмении (Поход в Ахал-теке в 1880–1881 гг.). С очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. СПб.: Издатель В. Березовский, 1899. С. 78].

²⁷⁶ Докладная записка полковника А.Н. Куропаткина начальнику Главного штаба графу Ф.Л. Гейдену с изложением письма генерал-адъютанта М.Д. Скобелева о намерениях Англии в отношении Персии, Герата и будущих преобразований в Азии // «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. С. 282; Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб.: Тип. В.С. Балашёва, 1883. Т. 4. С. 104; Данков А.Г. Цели и задачи британской политики на северо-западных рубежах Индии в работах британских историков конца XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 372. С. 91–97; Лукьянов А.И. Историко-географический фактор в политической эволюции Афганистана. Общественная география: многообразие и единство // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 19. М.–Смоленск: Ойкумена, 2011. С. 170. Мак-Грегор. Оборона Индии. Часть 1 // СМА. 1891. Вып. 43. С.176. Впрочем, Герат называли также и ключом к Каспийскому морю [Салихова Д.Б. Российско-иранские отношения во второй четверти XIX века. Дисс. канд ист. наук. Махачкала, 2007. С. 137]. «Герат имеет большое значение в стратегическом смысле, – отмечал в 1878 г. В.А. Франкини, – и кто первый займёт его, тот будет иметь в своих руках узел главнейших дорог по всем направлениям» [26 марта 1878 г. – Докладная записка начальника кавказского горского управления генерала В.А. Франкини помощнику главнокомандующего Кавказской армией князю Д.И. Святополк-Мирскому о возможности войны против Англии в Афганистане // «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. С. 49].

²⁷⁷ Куропаткин А.Н. Завоевание Туркмении (Поход в Ахал-теке в 1880–1881 гг.): с очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. СПб.: Изд. В. Березовского, 1899. 4+IV+224 с.; Давлетов Д., Ильясов А. Присоединение Туркмении к России. Ашхабад: Ылым, 1972. 254 с.

²⁷⁸ Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб.: Тип. В.С. Балашёва, 1883. Т. 4. С. 105.

²⁷⁹ Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 407.

²⁸⁰ С 1869 г. граница между государствами проходила по р. Атрек [Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб.: Тип. В.С. Балашёва, 1883. Т. 2. С. 14].

²⁸¹ Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ-С, 2010. С. 85.

²⁸² Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука, 1964. С. 58. В оригинале фамилии офицеров поданы без инициалов, как и в документе Российского государственного военно-исторического архива, на который ссылался Б. Маннанов. Это добавило путаницы в идентификацию Кузьмина-Караваева – фактически его заслуги были приписаны Александру Николаевичу Кузьмину-Караваеву [Алексеев М. Военная разведка России: От Рюрика до Николая II: В 2 кн. М.: ИД Русская разведка, ИИА Евразия+, 1998. Кн. 1. С. 261; Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г. Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С. 134; см.: Гоков О.А. К вопросу о личности третьего командира Персидской казачьей бригады // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. 2013. № 1 (260). Ч. 2. С. 83–92]. Интересно, что одновременно для изучения области и путей, соединявших её с одним из крупнейших центров (в том числе и важным религиозным) центров Ирана – Мешхедом, 22 марта – 7 апреля 1881 г. совершил поездку полковник ГШ Ю.Д. Мельницкий [Мельницкий Ю.Д. Маршрутные описания путей между Ашхабадом и Мешхедом, ГШ полковника Мельницкого // СМА 1886. Вып. 23. С. 152–170].

²⁸³ Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука, 1964. С. 58.

²⁸⁴ Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ-С, 2010. С. 221–227; Эйхельман О. Хрестоматия русского международного права: В 2 ч. К.: Университетская типография, 1887. Ч. 1. С. 383–386.

²⁸⁵ Кулагина Л.М., Дунаева Е.В. Граница России с Ираном (история формирования). М.: Ин-т востоковедения РАН, 1998. С. 49; Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ-С, 2010. С. 86. Цитируемый текст почти полностью повторяет слова Б. Маннанова. Поскольку ссылка на источник у Л.М. Кулагиной отсутствует, можно предположить, что пользовались оба автора разными копиями одного документа, хранящимися в Российском военно-историческом архиве (ссылка Б. Маннанова) и Архиве внешней политики Российской империи (его документы лежат в основе исследований Л.М. Кулагиной).

²⁸⁶ Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ-С, 2010. С. 222–223.

²⁸⁷ На деле работу по установлению границы и точному определению некоторых пограничных вопросов (связанных преимущественно с использованием водными источниками) на пространстве от устьев Атрека до Баба-Дармазского родника комиссары начали осенью 1883 г. [Кузьмин-Караваев. Российско-персидская граница между Закаспийской областью и Хорасаном // СМА. 1889. Вып. 40. С. 81].

²⁸⁸ Гоков О.А. Офицеры российского Генштаба в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Вопросы истории. 2006. № 7. С. 142–149; Чириков Е.И. Путевой журнал русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению 1849–1852 // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. 1875. Кн. 9. 101+803 с.

²⁸⁹ Делимитация границы – определение общего положения и направления государственной границы между сопредельными государствами путём переговоров. В ходе делимитации договаривающиеся стороны составляют – как правило, по карте, без проведения работ на местности – описание прохождения линии границы, которое может быть самостоятельной статьёй в международном договоре или в приложении к нему. В соответствии с определённым в договоре положением линии границы она наносится на географическую карту, которая, как правило, является составной частью договора о делимитации границы и в этом качестве служит наглядным свидетельством о положении линии границы. Материалы делимитации служат основанием для последующего этапа определения границы – проведения её на местности (демаркации). Демаркация границы – проведение линии государственной границы на местности с обозначением её специальными пограничными знаками. Она осуществляется на основании документов о делимитации границы (договор, описание линии государственной границы с приложением специальной карты) совместными комиссиями, создаваемыми на паритетных началах. Во время работ по демаркации в рассматриваемое время производилась топографическая съёмка местности, на основании чего составлялась крупномасштабная топографическая карта пограничной полосы, устанавливались пограничные знаки и определялись их топографические координаты. О всех действиях по демаркации границы составлялись специальные документы: протоколы с описанием прохождения линии границы и пограничных знаков (к протоколам прилагаются схемы этих знаков).

²⁹⁰ Англия с конца 1870-х гг. активно старалась вклиниться в русско-иранские отношения по вопросу о туркменских землях Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб.: Тип. В.С. Балашёва, 1883. Т. 2. С. 15, 19]. По этому поводу Н.И. Гродеков с иронией замечал, что местные английские агенты «являлись более ревностными охранителями «прав» Персии, чем сами персияне» [Там же. С. 17]. Детальнее об англо-русских отношениях вокруг присоединения туркменских земель см.: Аблова Н.Е. Политика России и Англии в Иране после Крымской войны. 1856–1881 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1982. С. 143–154.

²⁹¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 17. Д. 5670.

²⁹² Кузьмин-Караваев. Российско-персидская граница между Закаспийскою областью и Хорасаном // СМА. 1889. Вып. 40. С. 125–126. Б. Маннанов относил отправку мирзы Ханлар-хана к январю 1881 г [Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. С. 56].

²⁹³ Кузьмин-Караваев. Записка генерального штаба полковника Кузьмина-Караваева о введении русского управления в Атеке // СМА. 1886. Вып. 21. С. 121. На недостаточность у него сведений о землях, пограничных с Хорасаном, обращал внимание и русский посланник в депеше в министерство от 21 мая 1880 г. [Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб.: Тип. В.С. Балашёва, 1883. Т. 2. С. 19].

²⁹⁴ Хидоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 407.

²⁹⁵ Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб.: Тип. В.С. Балашёва, 1883. Т. 2. С. 103.

²⁹⁶ Там же.

²⁹⁷ Хидоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 408.

²⁹⁸ Там же. С. 409.

²⁹⁹ Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. С. 55

³⁰⁰ Корнилов Л.Г. Историческая справка по вопросу о границах Хорасана с владениями России и Афганистана // СМА. 1905. Вып. 78. С. 3.

³⁰¹ Хидоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 412.

³⁰² Присоединение Туркмении к России (Сборник архивных документов) / Под ред. А. Ильясова. Ашхабад: Изд-во АН ТуркмССР, 1960. С. 484.

³⁰³ Там же. С. 484.

³⁰⁴ Корпус военных топографов (первоначально – Корпус топографов) был создан в 1822 г. для централизованного проведения картографических съёмок на территории России и за её пределами. Детальнее о нём и его деятельности: Глушков В.В. История военной картографии в России (XVIII–нач. XX в.). М.: Б.и., 2007. 527 с.; Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов 1822–1872. СПб.: Военная типография, 1872. 616+151+8 с.; Исторический очерк деятельности корпуса военных топографов в первое 25-летие благополучного царствования Государя Императора Александра Николаевича. 1855–1880. СПб. Военная типография, 1880. 130 с.; Сергеев С.И., Долгов Е.И. Военные топографы русской армии. Можайск: ЗАО СиДиПресс, 2001. 591 с.

³⁰⁵ Присоединение Туркмении к России (Сборник архивных документов) / Под ред. А. Ильясова. Ашхабад: Изд-во АН ТуркмССР, 1960. С. 530. Для определения будущей границы с Персией были направлены военные топографы. Титулярный советник, топограф Сафонов проводил съёмку от Ашхабада до Лютфабада и Каахка; топограф, штабс-капитан Гламаздин – в районе от Ашхабада до Геоктепе; а майор топограф Мепеляев – от Геоктепе до Бами [Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. Историко-географическое исследование. М.–СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 84–85].

³⁰⁶ Хидоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 415–416.

³⁰⁷ Mirza Reza Khan Danesh. *Memories of a Bygone Age: Qajar Persia and Imperial Russia 1853–1902*. Gingko, 2016. P. 84.

³⁰⁸ Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Биобиблиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С. 280. Он также именуется делимитационную комиссию разграничительной.

³⁰⁹ Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 415.

³¹⁰ Там же. С. 418.

³¹¹ Там же. С. 417.

³¹² Первоначально Атеком (правильнее – Этеком («край», «подол», «подошва горы», тюрк.)) считался ряд оазисов, расположенных в предгорьях Большого и Малого Балхана, Кюрендага, Копетдага и Хорасанских гор («Туркменского Кавказа», составляющего естественную границу Ирана с Туркестаном. Этот последний хребет, простирающийся под разными названиями, – Копетдага, Кюрендага, Карадага и гор Гюлистанских, – до самого Парапамиза в пределах Афганистана, считается ... правильным продолжением наших Кавказских гор», – писал М. Алиханов-Аварский [Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 76]. Термин «Туркменский Кавказ» М. Алиханов-Аварский явно заимствовал у Э. Реклю, который так называл горный хребет, составлявший, по его мнению, естественную границу Туркестана (в данном случае – земли тюркских народов, кочевников, Турана) и Ирана (Курандаг, Копетдаг, Гюлистанские горы, Карадаг, далее разрыв р. Герируд, Паропамиз) [Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география. Ч. 9: Передняя Азия, Афганистан, Белуджистан, Персия, Азиатская Турция и Аравия. СПб.: Издание картографического заведения А. Ильина, 1887. С. 118)]. В XIX в. эти оазисы имели уже свои наименования – Ахал, Теджен, Мерв, Иолотан, Пенде. Атеком же стали именовать оазис, расположенный к северу от гор Копетдаг, в Закаспийской области. Он тянулся длинной и узкой полосой. Оазис не был сплошным: обработанными были лишь местности вблизи горных речек и ручьёв. Атек отделялся от лежащего западнее Ахалтекинского оазиса барханными песками, подходившими к подножью гор между Аннау и Гяуарсом. Одно время Атек составлял часть Хорасана и был отдан персидскими шахами во владение туркменам [Бартольд В.В. Историко-географический обзор Ирана // Работы по исторической географии и истории Ирана. М.: Восточная литература, 2003. С. 103–106, 108, 119, 122, 124]. Те выплачивали определённую дань в виде зерна ханам Дерегёза и Келата. Поэтому формально Атек делился на 2 части – Дерегёзский и Келатский. Н.Д. Кузьмин-Караваев указывал, что власть персов здесь была фиктивной (за исключением крайне западной части в районе Лютфабада) [Кузьмин-Караваев. Записка генерального штаба полковника Кузьмина-Караваева о введении русского управления в Атеке // СМА. 1886. Вып. 21. С. 111]. Поэтому формально иранский правитель имел право на этот оазис. Но тот имел важное стратегическое значение,

поскольку он соединял уже присоединённые к России к 1884 г. туркменские земли – оазисы Ахал, Иолотан, Мерв и Теджен – в единое целое. «Пределом Ахалтекинского оазиса считался тогда Гяурс. Дальнейшее его продолжение, ничем, впрочем, не отличающееся, носит название Атека ... Атек играл роль запасной земли и, вследствие постоянных междоусобий и перемещений среди туркменских племен, служил убежищем для разных родов. Атек населён был слабо и последнее время преимущественно туркменами-алиели. Периодичность населения Атека происходила главным образом от набегов и притеснений со стороны правителей Дерегёза» [Маслов А.Н. Россия в Средней Азии (Исторический очерк наших новейших приобретений) // Исторический вестник. 1885. Т. 20. Вып. 5. С. 378].

³¹³ Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 414.

³¹⁴ Там же. С. 415.

³¹⁵ Корнилов Л.Г. Историческая справка по вопросу о границах Хорасана с владениями России и Афганистана // СМА. 1905. Вып. 78. С. 3. «Граница была установлена между Российской империей и Персией, начиная от залива Гасанкули, до Чата границей служило течение р. Атрека. От Чата пограничная черта следовала на северо-восток по вершинам хребтов Сонгудаг и Сагирим и затем, направляясь на север к р. Чандыру, забирала русла этой реки у Чаканкала. Далее пограничная черта шла в северном направлении на вершины гор, отделяющих долину Чандыра от долины Сумбара, по вершинам этих гор следовала на восток к руслу Сумбара, при впадении в него ручья Ашогани, и по руслу Сумбара до развалин мечети Дайнач. Отсюда пограничную черту составляла дорога в Дурун до вершин хребта Копетдага, по вершинам которого граница продолжалась на юго-восток, но, не доходя верховьев ущелья Гермаба, поворачивала к югу, по высотам, отделяющим долину Сумбара от веховьев Гермаба, затем через вершины гор Мисинов и Чуббест, достигала дороги из Гермаба в Расад, проходя в расстоянии одной версты на север от последнего пункта. Далее по горным высотам шла к вершине горы Даланга, откуда севернее селения Хейрабад продолжалась на северо-восток к урочищу Гёккейталь, а затем переходила к ущелью р. Ферюзе и далее следовала на юго-восток и поднималась на вершины горного хребта, ограничивающего с юга долину, по которой пролегалась дорога на Ашхабад и Ферюзе. Затем по гребню этого хребта граница продолжалась до крайней его восточной оконечности. Отсюда пограничная черта переходила на крайнюю северную вершину хребта Асельма и тянулась на юго-восток. Обойдя с севера селение Кельтечинар, она направлялась на узел хребтов Зирику и Кизилдага. От этого горного узла пограничная черта следовала на юго-восток по вершинам хребта Зирику до его выхода в долину ручья Бабадурмаза, откуда принимала северное направление и выходила в оазис на дорогу из Гяурса в Лютфабад, огибая кала Бабадурмаз, который оставался к востоку от пограничной черты. Для установки пограничных знаков договаривающиеся стороны назначили специальных комиссаров» [Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии к

Российской империи в XVIII–XIX вв. Историко-географическое исследование. М.–СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 85–86].

³¹⁶ Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 418–419.

³¹⁷ РГВИА. Ф. 409. Оп. 17. Д. 5670; Ф. 401. 1885. Св. 1100. Оп. 4. Д. 57. Л. 18.

³¹⁸ РГВИА. Ф. 409. Оп. 17. Д. 5670.

³¹⁹ Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука, 1964. С. 60. Проезжавший по пограничным провинциям Персии в июне–июле 1883 г. начальник Закаспийской области генерал-лейтенант А.В. Комаров указывал местным жителям, что все вопросы о праве принадлежности местных земель будет решать особая комиссия, «которая соберётся здесь осенью нынешнего года для решения всех пограничных вопросов и будет состоять из представителей России и Персии» [Алиханов-Аварский М. Название: В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 16]. К слову, и сама эта поездка по приграничным персидским областям, встреча с шахом и местными высшими сановниками (в частности – с Мамедтаги-мирзой Рукн од-Доуле, братом шаха боджнурдским ханом и хорасанским вали) была предпринята как ответ на поездку Насреддин-шаха в Хорасан, якобы для поклонения святым местам. Но проезжал он по пограничным к новоприобретённым Россией территориям Боджнурда и Кучана. А.В. Комаров же выехал ему навстречу с официальной целью поприветствовать персидского правителя. На самом же деле на месте обговаривались конкретные вопросы грядущей демаркации [Там же. С. 3, 169, 180–181, 198].

³²⁰ Mirza Reza Khan Danesh. Memories of a Bygone Age: Qajar Persia and Imperial Russia 1853–1902. Gingko, 2016. P. 78.

³²¹ Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ-С, 2010. С. 85; Кулагина Л.М., Дунаева Е.В. Граница России с Ираном (история формирования). М.: Ин-т востоковедения РАН, 1998. С. 49.

³²² В частности, ею были установлены пограничные столбы, фиксировавшие границу на местности [Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Вольнского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование // СМА. 1896. Вып. 63. С. 19].

³²³ Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. Историко-географическое исследование. М.–СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 89; Кузьмин-Караваев. Записка генерального штаба полковника Кузьмина-Караваева о введении русского управления в Атеке // СМА. 1886. Вып. 21. С. 112.

³²⁴ Mirza Reza Khan Danesh. Memories of a Bygone Age: Qajar Persia and Imperial Russia 1853–1902. Gingko, 2016. P. 80.

³²⁵ Кузьмин-Караваев. Российско-персидская граница между Закаспийскою областью и Хорасаном // СМА. 1889. Вып. 40. С. 110–157.

- ³²⁶ Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. Историко-географическое исследование. М.–СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 93–94; Корнилов Л.Г. Историческая справка по вопросу о границах Хоросана с владениями России и Афганистана // СМА. 1905. Вып. 78. С. 5–6.
- ³²⁷ Корнилов Л.Г. Историческая справка по вопросу о границах Хоросана с владениями России и Афганистана // СМА. 1905. Вып. 78. С. 6.
- ³²⁸ Кузьмин-Караваев. Записка генерального штаба полковника Кузьмина-Караваева о введении русского управления в Атеке // СМА. 1886. Вып. 21. С. 110–157.
- ³²⁹ Кузьмин-Караваев. Российско-персидская граница между Закаспийской областью и Хорасаном // СМА. 1889. Вып. 40. С. 1–134.
- ³³⁰ Кузьмин-Караваев. Записка генерального штаба полковника Кузьмина-Караваева о введении русского управления в Атеке // СМА. 1886. Вып. 21. С. 132–133, 152; Л.М.Кулагина и Б. Маннанов указывали другую дату – 14 августа 1884 г. [Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ-С, 2010. С. 56; Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. С. 74–75]. Но не верить комиссару, лично руководившему работами и подписывавшему протоколы, у нас нет оснований.
- ³³¹ Кузьмин-Караваев. Российско-персидская граница между Закаспийской областью и Хорасаном // СМА. 1889. Вып. 40. С. 90.
- ³³² Кузьмин-Караваев. Записка генерального штаба полковника Кузьмина-Караваева о введении русского управления в Атеке // СМА. 1886. Вып. 21. С. 129.
- ³³³ Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука, 1964. С. 75. У Л.М. Кулагиной о них сказано отдельно от общего блока, посвящённого разграничению 1881 г. Исследовательница лишь констатировала факт установления правил водопользования пограничных рек [Кулагина Л.М., Дунаева Е.В. Граница России с Ираном (история формирования). М.: Ин-т востоковедения РАН, 1998. С. 56]. К слову, она спутала реку Атрек с Атеком, именуя её оазисом [Там же. С. 52–53] с Атеком или Атекским оазисом. Именно Атек, а не Атрек, по просьбе персидского правительства при подписании конвенции 1881 г. был оставлен на 5 лет в переходном положении.
- ³³⁴ Кузьмин-Караваев. Российско-персидская граница между Закаспийской областью и Хорасаном // СМА. 1889. Вып. 40. С. 75.
- ³³⁵ Боронин О.В. К вопросу о периодизации политики России в Средней Азии во второй половине 1860-х – первой половине 1880-х гг. XIX в. [Электронный ресурс]. Режим доступа: izvestia.asu.ru/2005/4/hist/TheNewsOfASU-2005-4-hist-05.pdf. С. 31; Россия и Туркмения в XIX веке. К вхождению Туркмении в состав России. Ашхабад: Туркменское гос. изд., 1946. Док. 127. С. 266–268.

³³⁶ Айрапетов О. До и после Кушки. 1881–1885: контекст внешней политики России // Родина. 2015. № 2. С. 55–57; Лисицина Н.Н. Закаспийский край в англо-русских отношениях: 1880-е – 1907 гг. Дисс. канд. ист. наук, М., 2006. С. 168–210; Лисицина Н.Н. Пендинское сражение 1885 года. Новые документы // Восточный архив. 2004. № 11/12. С. 66–73; Лунёва Ю. «...Из-за Герата мы не забудем Константинополя»: [о вооруж. столкновении между рус. и афган. войсками на р. Кушке 18 марта 1885 г., завершившемся победой рус. войск] // Родина. 2010. № 8. С. 62–64; Хидоятов Г.А. Британская экспансия в Средней Азии: (Пенде, март 1885 г.). Ташкент: ФАН, 1981. 213 с.; Шеманский А.Д. Бой на Кушке и его 25-летний юбилей 18/III 1885 г. – 18/III 1910 г. СПб.: В. Березовский, 1910. 80 с.

³³⁷ Кузьмин-Караваев. Российско-персидская граница между Закаспийской областью и Хорасаном // СМА. 1889. Вып. 40. С. 48–49. Однако оставался неурегулированным вопрос об участке между Бабадурмазом и Тедженом. Окончательное определение пограничной черты и использования вод пограничных рек было завершено в 1894 г. [Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. С. 75–76]. 27 мая 1893 г. была подписана «Конвенция между Россией и Ираном о разграничении в Средней Азии» [Кулагина Л.М., Дунаева Е.В. Граница России с Ираном (история формирования). М.: Ин-т востоковедения РАН, 1998. С. 55], а в 1894 г. договор дополнен статьями о водном разграничении, в соответствии с которым 5/6 воды Теджена считалось собственностью России [Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 57].

³³⁸ Mirza Reza Khan Danesh. Memories of a Bygone Age: Qajar Persia and Imperial Russia 1853–1902. Gingko, 2016. P. 110.

³³⁹ Хидоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 420 К концу XIX в. были построены участки колёсной дороги и шоссе Ашхабад – Кучан – Мешхед, колёсная дорога Серахс – Мешхед через Муздеранский перевал [Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Волынского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование) // СМА. 1896. Вып. 63. С. 329].

³⁴⁰ Родзевич А.И. Очерк постройки Закаспийской военной железной дороги и её значение для русско-среднеазиатской промышленности и торговли. СПб.: Тип. Муллер и Богельман, 1891. 77с.; Сапарова Д.Ч. Влияние Закаспийской железной дороги на развитие русско-иранских торговых связей (90-е гг. XIX в.). Ашхабад: Ылым, 1991. 144 с.

³⁴¹ Хидоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 422.

³⁴² Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией. 1872–1885. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1886. 381 с.

- ³⁴³ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 150–151.
- ³⁴⁴ Витте С.Ю. Воспоминания. Детство. Царствование Александра II и Александра III (1849–1894). Т. 1. Л.: Изд-во Слово, 1923. С. 302.
- ³⁴⁵ Хорошую картину деятельности Н.С. Долгорукова на посту посланника в Иране дал Ф. Казем-заде [Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 150–185].
- ³⁴⁶ Там же. С. 166.
- ³⁴⁷ Там же. С. 164–165.
- ³⁴⁸ Детальнее см.: Киняпина Н.С. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878–1898 гг.). М.: МГУ, 1994. С. 64–90; Косик В.И. Русская политика в Болгарии, 1879–1886. М.: Б. и. 1991. 180 с.
- ³⁴⁹ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 167.
- ³⁵⁰ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 146.
- ³⁵¹ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1850. Л. 94–95.
- ³⁵² О железнодорожном вопросе в Персии см.: Бондаревская Л.Г. Россия и английская экспансия в Персии (русско-английские противоречия по вопросам железнодорожного строительства в конце XIX – нач. XX вв.). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. 28 с.; Попов А. Англо-русское соперничество на путях Ирана // Новый Восток. 1926. Кн. 12. С. 127–148; Попов А. Страница из истории русской политики в Персии // Международная жизнь. 1924. № 4/5. С. 133–164; Рыбачёнов И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М.: РОССПЭН, 2012. С. 392–423.
- ³⁵³ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 143.
- ³⁵⁴ Айзенштат М.П., Гелла Т.Н. Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX веке. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1999. 217 с.; Глеб М.В. Имперская идея в Великобритании (вторая половина XIX в.). Минск: Беларус. Наука, 2007. 192 с.; Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке (XIX – начало XX в.). Анализ внешнеполитических концепций. М.: Наука, 1990. 166 с.; Ковалёва Е.Г. Имперская проблематика в Британии в 80-е годы XIX века // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2009. № 1. Ч. 2. С. 88–90; Парфёнов И.Д. Монополия и империя: Английские привилегированные компании и колониальная экспансия 80–90-х годов XIX в. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1980. 193 с.
- ³⁵⁵ Парфёнов И.Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века : Движущие силы, формы и методы. М.: Наука, 1991. С. 41

³⁵⁶ Английский политический деятель, сторонник и активный идеолог наступательной политики в Азии, направленной против России, «русской угрозы Индии» [Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке (XIX – начало XX в.). Анализ внешнеполитических концепций. М.: Наука, 1990. С. 89–96]. В 1870-х гг. им была сформулирована главная цель британской политики в Иране: достижение максимума влияния и установление контроля над тегеранским двором вплоть до руководства его политикой [Rawlinson H.C. England and Russia in the East; a series of papers on the political and geographical condition of central Asia. London: J. Murray, 1875. P. 296]. Г.К. Роулинсон призывая изменить ориентацию шаха с пророссийской на проанглийскую, внедрить в армию Ирана британских инструкторов из Индии, направлять в Страну льва и солнца побольше британских инвестиций и пропагандировать обучение молодёжи из знатных семей в Англии, чтобы создать из неё в дальнейшем опору английского влияния в стране.

³⁵⁷ Чарыков Н.В. Вопрос о малоазиатских железных дорогах // СМА. 1891. Вып. 49. С. 1, 6. Именно в рамках этих проектов была попытка концессии барона П.Д. Рёйтера 1872 г. Такая постановка вопроса несла в себе явную угрозу не столько российскому влиянию, сколько безопасности русских границ в Азии, так как железные дороги имели двойную цель – торговую и военную. К тому же вслед за железнодорожным строительством следовало постепенное подчинение страны иностранному влиянию «К этому надо прибавить, что, при наличности тех же условий, проведение железных дорог несомненно повлечёт за собою осуществление целого ряда иных, самых разнообразных промышленных предприятий, – писал русский консул в Турции. – ... Все эти дела представят, сверх собственно железных дорог, обширное – и пока ещё почти непочатое – поле для деятельности европейских капиталистов и предпринимателей» [Там же. С. 11–12]. Классическим примером являлась Османская империя 1870-х–1890-х гг., о которой русский консул Н.В. Чарыков писал «в течение последнего десятилетия Турция вступила в тот новый фазис своей экономической и политической жизни, который давно уже обратил на себя внимание русского правительства и который заключается в постепенном переходе в руки западноевропейских правительств и капиталистов различных отраслей не только политического, сколько финансового и экономического управления и быта турецкого государства» [Там же. С. 10]. Именно поэтому, а также в силу экономической слабости, Россия с 1880-х гг. препятствовала постройке железных дорог в Иране.

³⁵⁸ Англо-русское соперничество в Персии в 1890–1906 гг. // Красный архив. 1933. № 1 (56). С. 47–48.

³⁵⁹ Гурко-Кряжин В. Краткая история Персии // История Ирана / Сост. С.А. Шумов, А.Р. Андреев. К. – М.: Альтернатива – Евролинц, 2003. С. 67; Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке (XIX – начало XX в.). Анализ внешнеполитических концепций. М.: Наука, 1990. С. 18; История Ирана. М.: Изд-во Московского ун-та, 1977. С. 256–260; Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 123.

³⁶⁰ Ротштейн Ф.А. Международные отношения в конце XIX века. М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1960. С. 222.

³⁶¹ Богатырёв В.С. Развитие русско-персидской торговли во второй половине XIX века [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ist-konkurs.ru/raboty/2009/1603-razvitie-russko-persidskoj-torgovli-vo-vtoroj-polovine-xix-veka>; Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. 140 с.; Entner M.L. Russo-Persian Commercial Relations, 1828–1914. University of Florida Press, 1965. 80 p.

³⁶² «Вся главная торговля Персии в армянских руках и уж через это одно армяне такая сила, с которой надо считаться. У них же в руках большая часть меняльных лавок и контор, нечто в роде наших банков, делающих все денежные операции и заграничные переводы сравнительно с персиянами дешевле и честнее. Вот вам пример, судите сами. Когда мне понадобилось из Тегерана сделать перевод небольшой суммы денег на Баку, то персияне потребовали с меня за это 20 туманов, теперь больше 70 рублей! ... Кроме того, они до известной степени представляют в азиатской стране европейский элемент, живут по-европейски, вносят в жизнь некоторые удобства и привычки, которые ставят их гораздо выше персиян, живущих по-азиатски, за самыми малыми исключениями. Частью за это превосходство армян над собой, а частью за их интрижный характер и презрительное отношение к себе, персияне терпеть их не могут» [Белозерский Е.М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 7–8]. Армян не зря называли «евреями Востока». В силу невозможности, сохраняя веру, попасть в престижные общественные и государственные структуры, армяне занимали в мусульманских обществах те ниши, которые формально не считались престижными. Главной из них была торговля и ростовщичество. Именно поэтому на Ближнем и Среднем Востоке существовала «армянофобия» и случались периодические преследования армян, как евреев в Европе. И именно поэтому армяне тянулись к России, как единственной единой державе, которая могла их защитить [Гатагова Л. «И сыну грозно возопил...» Армяне как объект фобии в Кавказском наместничестве // Родина. 2012. № 8. С. 82–85].

³⁶³ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 54.

³⁶⁴ Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 25.

³⁶⁵ Там же. С. 28.

³⁶⁶ В 1877 г. И.А. Зиновьев обратил внимание правительства на необходимость развития торговли России в Иране и предложил обратиться к российским мануфактуристам расширить свою деятельность здесь. На этот призыв откликнулся Н.Н. Коншин – крупный текстильный фабрикант [О нём см.: Фёдорова Т.В. Духовно-нравственное и экономическое наследие российской династии

Коншинных в формировании гражданского самосознания и патриотического чувства студентов техникума [Электронный ресурс]. Режим доступа: oktes.ru/internet-konf-2011. Он основал свой центр в Тегеране. С 1884 по 1889 г. общая сумма его прибыли составила 660 036 рублей [Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 29–30]. Импортировал в Персию товаров на 660 000 рублей, а потерял на этом более 100 000 рублей и прекратил свои дела, писал об этом предприятии русский публицист [Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. С. 418]. Н.Н. Коншин столкнулся с серьезной конкуренцией со стороны других европейских фирм, уже давно действовавших в Тегеране и местных торговцев. Так, Е.М. Белозерский со слов главы отделения фирмы в Барфуше Лихушина сообщал: «он рассказал мне такую массу подвохов и мерзостей, устроенных ему на первых порах местными армянами, что нельзя не удивляться, как он остался цел и невредим. Конечно, по простой логике вещей очень понятно, что его и не должны были принять иначе, потому что он прибыл с солидным делом от солидной русской фирмы подрывать их мелкое, но доходное дело; до сих пор они продавали что хотели и за сколько хотели, были господами рынка, а тут вдруг является контора с громадным выбором товаров и дешевле! Если бы этого не было, тогда конечно надобно было бы удивляться» [Белозерский Е.М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 9]. В частности, «в Тебризе открыта контора Циглера с английским капиталом в 2 мил. руб.! И замечательно, как только г. Коншин открыл в Персии свои конторы Циглер и Ко сейчас понизил цены на товар» [Там же. С. 92]. Попытка Н.Н. Коншина организовать выставку российских товаров в Тегеране для привлечения покупателей, натолкнулась на инерцию русских производителей и купцов. Откликнулись на предложение Н.Н. Коншина единицы, прислав товары столь плохого качества и по такой неоправданно высокой цене, что не смогли заинтересовать местных потребителей. Причины своей неудачи предприниматель изложил в письме министру финансов Ивану Алексеевичу Вышнеградскому. «Главнейшей причиной неудачи следует, по моему мнению, признать косность нашего купечества, в силу которой оно проявляет совершенно ничтожную отзывчивость ко всякому новому делу, если только таковое или не поощряется особыми привилегиями от правительства, или не обеспечивается вполне надёжным, и при том сравнительно большим барышом» [Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 30–31]. Государство также никак не помогало продвижению коншинской инициативы. В результате, обороты дома Н.Н. Коншина падали. Если в 1884 г. он ввёз в Иран товаров на 322 884 руб., то к 1889 г. они сократились до 46 638 руб. При этом убытки возрастали в обратной пропорции. (32 029 и 101 356 соответственно) [Там же. С. 31]. Однако, следует обратить внимание и на то, что Н.Н. Коншин также не стремился приспособливаться к местным условиям торговли, что было вообще характерно для русского купечества (в частности, на этом же «прогорел» торговый дом Кудрина в Хорасане). В докладной

записке на имя И.А. Зиновьева, составленной по результатам проверки причин краха торгового дома, среди главных значилась непрактичность Н.Н. Коншина, то есть нежелание вести дела традиционным восточным способом – торговлей в розницу и малыми партиями, высокие комиссионные, покупательский кредит и т.п.) [Там же. С. 31].

³⁶⁷ Томар М.Л. Экономическое положение Персии. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1896. С. 103–106.

³⁶⁸ Там же. С. 103.

³⁶⁹ Работа Хаммата Атаевича Атаева [Атаев Х.А. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII – XIX вв. М.: Наука, 1991. 391 с.] это наглядно подтверждает. Как отмечала Л.М. Кулагина, основывая свой вывод на документах Министерства иностранных дел, «несмотря на сравнительно благоприятные условия, создаваемые для русско-иранской торговли, экспорт российских товаров в Иран был значительно меньше европейского. Немалую роль в этом играло отсутствие опыта и гибкости у русских промышленников. Они не учитывали вкусы и желания иранских потребителей, не сумели приспособиться к потребностям иранского рынка, не использовали благоприятную для себя конъюнктуру. Русские консулы в Иране сообщали в Петербург, что российские промышленники и купцы “воочию, на деле доказали свою полнейшую несостоятельность и незнакомство со способами ведения торговли с Востоком”» [Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. С. 111]. Именно поэтому русская торговля в Персии была сосредоточена в руках местного населения [Там же]. М.Л. Томар отмечал: «однако, между тем, как Коншин потерпел убытки, туземные торговцы (персияне и армяне) с успехом продавали русские товары на персидских рынках» [Томар М.Л. Экономическое положение Персии. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1896. С. 103]. То есть, они умели приспособиться к местным условиям. Тем не менее, правильного вывода М.Л. Томар не сделал. Впрочем, возможно отчасти причиной неудач российских предпринимателей были особенности менталитета русского купечества, несколько отличавшегося от своих западных коллег [Брянцев М.В. Русское купечество: социокультурный аспект формирования предпринимательства в России в конце XVIII – начале XX в. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. 616 с.; Зарубина Н.Н. Православный предприниматель в зеркале русской культуры // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 100–112], а также условия российской внутренней торговли: крупный рынок и отсутствие внешней конкуренции. Долгое время торговцы из России не находили должного понимания от государства в силу разных мировоззренческих убеждений. Управляющий делами посольства в Тегеране А.Е. Лаговский осенью 1857 г. отмечал: «Пользуясь полным покровительством, как императорской Миссии, так и консулов наших в Персии, а, вследствие сего, и возможным содействием персидских властей, агенты означенного дома вели, однако, свои дела столь небрежно, что потеряли всякое доверие к себе со стороны торгового сословия в Персии» [Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.:

Прометей, 2015. С. 21]. Характерной является записка российского чиновника в Персии директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел от 1861 г., в которой тот отмечал: «Горе наше в том, что русские подданные очень избалованы в Персии и хотят обусловливать наше покровительство “национальностью”, а мы хотим обусловливать его справедливостью и параграфами трактата. Между тем пограничная черта, проведённая в 1828 г. по мусульманским провинциям, не сделала, к сожалению, честными тех, которые остались на нашей стороне, и которые теперь наводняют Тебриз и Тегеран» [Там же. С. 21].

³⁷⁰ Журнал мануфактур и торговли. 1843. № 8. С. 283.

³⁷¹ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 173–174, 175.

³⁷² Имеется в виду Новый лондонский восточный банк, который в 1888 г. получил от персидского правительства право выпуска банковых билетов и производства своих операций в главнейших городах Персии [Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны // Красный архив, № 4 (53). 1932. С. 16].

³⁷³ Артамонов Л.К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. С. 48.

³⁷⁴ Babich P. A Russian officer in Persian Cossack Brigade: Vladimir Andreevich Kosagovskii. Budapest: CEU, 2014. P. 70.

³⁷⁵ Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Волынского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование) // СМА. 1896. Вып. 63. С. 337.

³⁷⁶ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 57.

³⁷⁷ Сухоруков С.А. Англо-персидские отношения в середине XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 127.

³⁷⁸ Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 26–27. На это же обращали внимание и некоторые российские наблюдатели XIX в. Так, Е.М. Белозерский отмечал, «Прежде европейские товары большею частью ввозились европейскими купцами; но за последние десять–пятнадцать лет персияне сами принялись за это дело, смекнув, что при этом могут оставаться некоторые барыши, и с тех пор европейских купцов почти отгёрли с своих рынков. Кавказский транзит сильно облегчал дело торговли и для европейских купцов, и для персидских. Последствием от этого было уменьшение сбыта наших товаров. В чём искать причину этого уменьшения? Подумали, подумали, да и нашли, что кавказский транзит всему виною, который и был отменён. Понятно, после запрещения транзита на всём Кавказе наступило страшное затишье в торговле, потому что спрос на наши товары не увеличился, а заграничные пошли в Персию или через Трапезунд, или обходом через

Суэцкий канал и Персидский залив через Бушир. Раз через запрещение транзита спрос на наши товары не увеличился, то надо сделать кой-какие облегчения для персидских купцов: решено было устроить ярмарки в Астрахани и Баку. Философский камень открыт; остаётся только готовить карманы для будущего золота и, потирая руки, ждать его прилива. Однако, опытные в торговле люди, знающие Восток и Персию, положительно сомневаются в серьёзном значении этого новонайденного средства: я не раз слышал от компетентных людей на Кавказе, что запрещением транзита было сыграно в руку европейским государствам ведущим торговлю с Персией, т. е. Англии, Франции и Австрии. А между тем мы находимся в самых выгодных условиях относительно Персии сравнительно с конкурирующими с нами европейскими государствами. Благодаря главным образом небрежности и халатности, с которой наше купечество относится к торговле на Востоке, Персия, как большой торговый рынок, выскользает из наших рук, тогда как сама природа облегчает нам сообщение с этой страной: с одной стороны железные дороги и бассейны Черного моря с Кавказской железной дорогой, а с другой – Каспийское море и громадный бассейн реки Волги, захватывающей нашу самую промышленную часть внутренней России. Казалось бы только воспользоваться этими естественными удобствами и, вместо жалоб на застой, искать расширить район сбыта наших товаров, уменьшив провозную плату и страховую премию на товары, что делают наши конкуренты и чем конечно подрывают наш успех в Персии. На Чёрном море мы имеем субсидированное русское Общество торговли, которое без всякой конкуренции ведёт свои дела и зорко следит за всякой попыткой образовать какое-нибудь новое торговое Общество, могущее так или иначе конкурировать с ним и до некоторой степени подрывать его доходы. На Каспийском море фигурирует тоже субсидированное Общество “Кавказ и Меркурий” и также почти без конкуренции, если не считать сравнительно бедного частного Общества “Лебедь”, которое берёт то для фрахта, что отказывается перевозить “Кавказ и Меркурий”. Между прочим, за горючие материалы Общество “Лебедь” берёт такую высокую страховую премию, что ввозить этот товар в Персию положительно невыгодно. Отсюда понятно такое поразительное явление, что вся Персия получает спички из Вены! ... Факт очень печальный для нас. Такое явление, очевидно, возможно только при отсутствии всякой конкуренции с нашей стороны. А насколько Персия может быть хорошим рынком для наших спичечных фабрик, можно судить по следующему. До сих пор ещё в самой Персии добывают огонь самым примитивным образом. В каждой деревне есть какой-нибудь ресторанчик “кофейный дом”, где имеется или котёл, или горшок, в которых день и ночь поддерживаются горячие уголья. И вот, кому нужно для кальяна или для света, посылают в этот кофейный дом девочку или мальчика, которые, взяв там несколько угольков, возвращаются домой, бережно неся эту ношу на камушках или черепочках. Европейские спички, кебрит-фаранги, считаются до сих пор ещё роскошью богачей. Как же австрийцы находят возможным доставлять спички в Персии с пользой для себя, а мы нет? Очень просто: они запаковывают их в жестяные коробки, герметически закупоривают и через

Адриатическое море, Суэц и Персидский залив доставляют их, как обыкновенный товар, в Бушир; а у нас спички и отправляют спичками, со всем риском подмочки, порчи и проч. Отсюда понятна высокая страховая премия торговых Обществ, берущих на себя ответственность до перевозки. Между тем, прибавьте в это дело желание сбыть товар, энергию и инициативы, и результат был бы совершенно другой; австрийцам не приходилось бы конкурировать. То же самое можно сказать по отношению к целому ряду других товаров: напр., при всём нашем богатстве полотнами, до сих пор не появлялось в персидской продаже ни куска полотна, хотя его расхватали бы на вес золота, – так, по крайней мере, мне было говорено в Тегеране. Если бы мы умели, то могли бы заполнить их рынок нашим сахаром, нашим фарфором, нашим чайным серебром, ножами и перочинными ножичками и тысячью других предметов, за которые там платят большие деньги, как за английское производство. Наши тульские ружья, пистолеты и револьверы могли бы легко конкурировать с заграничными, потому что туда спускается обыкновенно дешёвая дрянь. Мне самому приходилось слышать, когда говорилось о ружье, с некоторой гордостью произносимую фразу: “карэ рус-аст”, т. е. русской работы. То же самое говорилось о русском порохе, употребляемом в Северной Персии. А сколько раз на обратном пути из Персии в России мне приходилось видеть, что персы тащили на своих плечах коляски московской работы Яковлевых, Марковых и Пирогова» [Белозерский Е.М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 89–90].

³⁷⁹ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 39–40.

³⁸⁰ Там же. С. 44.

³⁸¹ Туманский. От Каспийского моря к Хормузскому проливу и обратно, 1894 г. // СМА. 1896. Вып. 65. С. 58–59.

³⁸² Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 33. Правда, следует заметить, что выжившие культуры настолько впечатлили местных жителей своей урожайностью, что они обратились в российское консульство с просьбой прислать им ещё. Просьба была уважена только в 1893 г. Крестьянам было роздано уже до 1 700 пудов семян американского хлопка и на сей раз его выращивание было более успешным: этот хлопок стал поступать на российский рынок [Там же. С. 34].

³⁸³ Сеидов Р.А. Иранская буржуазия в конце XIX – начале XX века (начальный этап формирования). М.: Наука, 1974. С. 51–52.

³⁸⁴ Там же. С. 52.

³⁸⁵ Там же. С. 53.

³⁸⁶ Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 149.

-
- ³⁸⁷ Сеидов Р.А. Иранская буржуазия в конце XIX – начале XX века (начальный этап формирования). М.: Наука, 1974. С. 53.
- ³⁸⁸ Атаев Х.А. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII – XIX вв. М.: Наука, 1991. С. 5.
- ³⁸⁹ Детальнее см.: Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 81–114.
- ³⁹⁰ Лисицина Н.Н. Закаспийский край в англо-русских отношениях: 1880-е – 1907 гг. Дисс. канд. ист. наук, М., 2006. С. 55.
- ³⁹¹ Там же. С. 53–56.
- ³⁹² Либерализм Запада. XVII – XX вв. М.: Изд-во ИВИ РАН, 1995. С. 14–17. Естественно, концепция А. Смита не была единственной и постоянно доминирующей. В самом либерализме в ходе его развития и практического осуществления возникали и исчезали различные подходы к месту государства во внешнеэкономической политике. Довольно сильным было влияние меркантилистских теорий, которые были близки консерваторам. Тем не менее, принцип разграничения функций частного предпринимателя и государства во внешней политике ко второй половине XIX в. играл важную роль, а само сотрудничество имело прагматический характер с обеих сторон.
- ³⁹³ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 92–123, Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 25–27.
- ³⁹⁴ Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 27.
- ³⁹⁵ Аблова Н.Е. Политика России и Англии в Иране после Крымской войны. 1856–1881 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1982. С. 41–42.
- ³⁹⁶ Глеб М.В. Имперская идея в Великобритании (вторая половина XIX в.). Минск: Белорус. Наука, 2007. С. 43.
- ³⁹⁷ Лисицина Н.Н. Закаспийский край в англо-русских отношениях: 1880-е – 1907 гг. Дисс. канд. ист. наук, М., 2006. С. 55.
- ³⁹⁸ Либерализм Запада. XVII – XX вв. М.: Изд-во ИВИ РАН, 1995. С. 27–32.
- ³⁹⁹ Парфёнов И.Д. Монополия и империя: Английские привилегированные компании и колониальная экспансия 80–90-х годов XIX века. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1980. 193 с.
- ⁴⁰⁰ Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860–1914. Очерки истории частного предпринимательства Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1991. С. 81–110.
- ⁴⁰¹ Астрахань–Гилян в истории русско-иранских отношений. Астрахань: ИД Астраханский университет, 2004. С. 126–127; Дадаян Х. Армяне и Баку (1850-ые гг. – 1920 г.). Ереван: НОФ

«НОРАВАНК», 2007. С. 29–30; Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 169–170; Клан Лианосян-Лианозовых [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.armenianarthall.com/index2.php?newsid=139>; Марисова Н.Д. Принципы музейной педагогики в презентационной деятельности по возрождению памяти о семье российских предпринимателей Лианозовых (Лианасян, Лианозовых, Lianozoff) // Каспийский регион: Экономика, политика, культура. 2014. № 2 (39). С. 291–300; Мирзоян М. и Г. Лианозовы. Короли серого и чёрного золота [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.noev-kovcheg.ru/mag/2012-20/3536.html>. В 1873 г., видимо, в качестве своеобразной компенсации за монополию П.Д. Рёйтера, шах предоставил С.М. Лианозову право ловли рыбы в южной части Каспийского моря от р. Атрек до р. Астара сроком на 20 лет [Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. 228; Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 138–139]. 28 апреля 1873 г. в Реште было подписано соглашение между правителем Гиляна Мутаммед оль-Мольком Яхья-ханом и С.М. Лианозовым, утверждённое затем в Тегеране, о взятии в аренду промыслов от Астары до Атрека сроком на 5 лет с возможностью дальнейшего продления договора [Астрахань–Гилян в истории русско-иранских отношений. Астрахань: ИД Астраханский университет, 2004. С. 126; Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 28–29]. Это предприятие стало наиболее удачным из всех российских вплоть до второй половины 1890-х гг. Как отмечал русский путешественник в 1885 г., «в Мешедессере есть таможня, берущая 5 % с рубля по оценке рисов; она со всем северным побережьем Персии отдана в аренду Фареш-хану в компании с тегеранским богатым человеком Акбер-Бегляр-ханом. Все персидские воды и рыбные ловли сданы в аренду астраханскому купцу г. Лианозову за 50 т. туманов, около 200 т. рублей. По понятиям персиян, осетр, севрюга, лососина, белуга – собачья рыба (сак-ман), т. е. поганая рыба; за то они сами едят ман-азад, свободную рыбу, – род форели и для этого у того же г. Лианозова арендуют реки и ручьи, где эта рыба водится!» [Белозерский Е.М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 8].

⁴⁰² Например, в 1881 г. начальник Азиатской части Главного штаба Леонид Николаевич Соболев рекомендовал Н.Н. Коншину «послать караван в Ахалтеке для занятия рынка, дабы не отдать его англичанам», прося того привлечь для этих целей и другие московские фирмы. В результате, была реализована только первая часть пожеланий генерала: московские купцы сочли предприятие слишком рискованным [Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. С. 87–88, Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России. М.: Изд. Восточ. лит., 1960. С. 111–119]. К слову сказать, судьба предприятий Н.Н. Коншина в 1880-х гг. в Персии также сложилась не слишком удачно.

⁴⁰³ Ротштейн Ф.А. Международные отношения в конце XIX века. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 220–221.

⁴⁰⁴ Сателлит (от лат. *Satelles*) – государство, формально независимое, но находящееся под политическим и экономическим влиянием другого государства и пользующееся его покровительством на международной арене.

⁴⁰⁵ Веников М.А. Россия и Англия в Персии // Русский вестник. 1877. Т. 131. № 10. С. 460–469.

⁴⁰⁶ Axworthy M. A history of Iran: empire of the mind. New York: Basic Books, 2010. P. 195.

⁴⁰⁷ Ibid. P. 195.

⁴⁰⁸ Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке (XIX – начало XX в.). Анализ внешнеполитических концепций. М.: Наука, 1990. С. 132.

⁴⁰⁹ О взаимных представлениях и фобиях см.: Ауст М. Россия и Великобритания: внешняя политика и образы империи от Крымской войны до первой мировой войны // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): Сб.ст.* М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 244–265.

⁴¹⁰ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 143.

⁴¹¹ Савинов И. А. «British raj» в произведениях русских путешественников второй половины XIX – начала XX в. // *IMAGINES MUNDI: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.* Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. № 7. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 4. С. 89–92. Правда, его работа очень пристрастна и бездоказательна, но нас интересует именно постановка вопроса.

⁴¹² Белгородская Л.В. Образ Российской империи на страницах британских и американских справочно-энциклопедических изданий XX века. Дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 2009. 594 с.; Ковзель В. Формирование образа России в Великобритании в эпоху средневековья и новое время // *Международные гуманитарные связи: материалы заочных сессий ежеквартальной студенческой научной конференции.* СПб.: Оргкомитет ежеквартальной студенческой научной конференции «Международные гуманитарные связи», 2013. Т. 2. С. 26–36; Королёва С.Б. Миф о России в британской литературе (1790-е–1920-е гг.). Дисс. ... доктора филологических наук. Нижний Новгород, 2014. 461 с.; Ниязатов М. Русофобия: стереотипы, иллюзии и реальность [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article31624.htm>; Нойманн И. Использование Другого: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. С. 99–156; Шаповалов В.Ф. Восприятие России на Западе: мифы и реальность // *Общественные науки и современность.* 2000. № 1. С. 51–67; Шемякин Я.Г. Россия в западном восприятии (специфика образов «пограничных» цивилизаций) // *Общественные науки и современность.* 2008. № 1. С. 133–144]. «Стремление к насаждению среди мусульман идеалов свободы и просвещения и желание не допустить их переход под власть “полуварваров-

московитов»⁴³⁷ определяли мотивацию многих подданных королевы Виктории», – отмечал современный исследователь [Сергеев Е.Ю. "Большая игра" в российско-британских отношениях второй половины XIX – начала XX века: новый взгляд // Российская история. 2011. № 5. С. 4]. Находясь в искреннем заблуждении, помноженном на неверно понимаемую христианскую идею просвещения мира, многие европейцы, в том числе и британцы, стремились насильственным путём навязать свои идеалы народам мира, игнорируя или понимая превратно особенности их культур. В России они встретили сильного, но не совсем понятного противника. Именно это обусловило превратное, а то и презрительно-расистское её изображение в европейской культуре [Нойманн И. Использование Другого: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. С. 99–156]. Отображением такого видения стали указанные представления.

⁴¹³ Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 3. С. 579.

⁴¹⁴ Уманец С. Персидский шах и его двор // Исторический вестник. 1891. Т. Т. 46. № 10. С. 223–239. Апогеем англофобии в русском обществе стал период Второй англо-бурской войны 1899–1902 гг. [Петухов Л.А. Образ Великобритании в российском общественном мнении в период англо-бурской войны (1899–1902 гг.). Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. М., 2008. 31 с.].

⁴¹⁵ Уильс. Современная Персия. Картинки современной персидской жизни и характера. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1887. 279 с.

⁴¹⁶ Ламсдорф В.Н. Дневник. 1891–1892. М.–Л.: Academia, 1934. С. 86–87.

⁴¹⁷ Он был ярким представителем партии «forward policy» второй половины XIX в. относительно России [Данков А.Г. Британская историография второй половины XIX в. об англо-русских противоречиях в Центральной Азии // Вестник Томского государственного университета. 2007. Вып. 300-1. С. 87–90; Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке (XIX – начало XX в.). Анализ внешнеполитических концепций. М.: Наука, 1990. С. 96–98; The Life and Opinions of Major-General Sir Charles Metcalfe MacGregor K.C.B., C.S.I., C.I.E., Quartermaster-General in India. Edited by Lady MacGregor. Edinburgh: William Blackwood & Sons, 1888. Vol. 1. 430 p., Vol. 2. 465 p.].

⁴¹⁸ MacGregor C.M. A contribution towards the better knowledge of the topography, ethnology, resources, camp; history of Persia. Calcutta: Superintendent of Government Printing, 1871. 816 p.

⁴¹⁹ MacGregor C.M. Narrative of a journey through the province of Khorassan and on the n. w. frontier of Afghanistan in 1875. London: W.H. Allen & co., 1879. Vol. 1. 369 p.; Vol. 2. 355 p.; Мак-Герероп Ч.М. Хороссан: Путешествие по северо-восточным провинциям Персии. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1882. Ч. 1. 219 с.; 1886 Ч. 2. 164 с.; Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром. М.: Рипол Классик, 2004. С. 431.

⁴²⁰ MacGregor C.M. The defence of India: a strategical study. Simla, Government central branch press, 1884. 375 p.; МакГрегор Ч.М. Оборона Индии // СМА. 1891. Вып. 43. 264 с.; Вып. 44. 212 с.; МакГрегор Ч.М. Оборона Индии. М.: Изд-во В. Секачев, 2012. 496 с.

⁴²¹ Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром Рипол Классик; М.; 2004. С. 491–495.

⁴²² Постников А.В. «Большая игра в Азии» против России: история и современность Чита: ЗабГУ, 2015. С. 39.

⁴²³ Басханов М.К. Гератский кризис 1885 г. и борьба идей вокруг стратегии упреждения в Средней Азии: Куропаткин против Макгрегора // Мир политики и социологии. 2018. № 12. С. 98.

⁴²⁴ МакГрегор Ч.М. Оборона Индии // СМА. 1891. Вып. 44. С. 115. Работа эта вызвала дипломатические осложнения между Лондоном и Петербургом, сказавшиеся на судьбе её автора [Постников А.В. «Большая игра в Азии» против России: история и современность Чита: ЗабГУ, 2015. С. 40]. Тем не менее, идеи Ч.М. Макгрегора оставались заманчивыми для многих английских офицеров, особенно молодых и амбициозных.

⁴²⁵ Кюрзон Г. Персия и персидский вопрос // СМА. 1893. Вып. 52. С. 223–227. См. о нём: Виноградов К.Б., Бузынина Н.К. Лорд Кёрзон: рекорды тщеславия // Монархи, министры, дипломаты XIX – начала XX в. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. С. 258–290; Сергеев Е.Ю. Британский политик лорд Кёрзон // Новая и новейшая история. 2012. № 6. С. 154–168.

⁴²⁶ Кюрзон Г. Персия и персидский вопрос // СМА. 1893. Вып. 52. С. 224.

⁴²⁷ Там же. С. 225.

⁴²⁸ Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 57.

⁴²⁹ Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. С. 421.

⁴³⁰ Вопреки утверждениям ангажированных или тенденциозных историков типа Э. Аллворта [Аллворт Э. Россия. Прорыв на Восток. Политические интересы в Средней Азии. М.: Центрполиграф, 2016. 383 с.] или авторов коллективной монографии, посвящённой русскому империализму (интересно, что в целом тенденциозная, но наукообразная работа после перевода её на украинский язык, добавления статей украинских публицистов и соответствующих комментариев, превратилась в обыкновенный антирусский памфлет, призванный преформатировать сознание молодых украинских учёных [Російський імперіалізм. К.: Києво-Могилянська академія, 2010. 395 с.]; другой вариант – украинский перевод книги А. Кепелера. Здесь, как и предыдущей работе, предисловие Т. Гунчака, изначально призвано сформировать негативное отношение к Российской империи и всему русскому, что, якобы утверждается переведённой книгой [Капелер А. Росія як поліетнічна імперія. Виникнення. Історія. Розпад.

Львів: Видавництво українського католицького університету, 2005. 12+260 с.; интересно, что российские издатели книги, несущей на себе существенный отпечаток «холодной войны», были более толерантны, отказавшись от навязывания читателю своих взглядов на саму работу и историю России: Капеллер А. Россия – многонациональная империя. М.: Традиция–Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.]. Впрочем, для критики есть основания. Например, автор называет первую главу «Собирание земель Золотой Орды», а вторую – «Экспансия на Запад». Таким образом, формируется представление, популярное на Западе, что Россия являлась наследником Золотой Орды и чуть ли не имела план её восстановления под эгидой Москвы (этот взгляд – результат влияния евразийства [Иванов А.В., Попков Ю.В., Тюгашев Е.А., Шишин М.Ю. Евразийство: Ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2007. 243 с.]), а для западных территорий она являлась захватчиком. Такое утверждение не соответствует реальному положению. Российские государи никогда не рассматривали себя как наследники Золотой Орды, не было и никакого плана по якобы собиранию золотоордынских владений. В то же время, позиционируя себя, как «господарь», «самодержец», «царь» и т.п. вся Руси [Агоштон М. Титул Правителя Московского государства (1474–1533 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2004. № 9. С. 6–15; Золтан А. К предыстории русского «государя» // Из истории русской культуры. Киевская и Московская Русь: Сб. статей. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 2. Кн. 1. С. 554–590; Ивановский В. Государственное право // Известия и ученые записки Казанского университета. 1895. № 5. Раздел «Императорский титул» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.allpravo.ru/library/doc117p0/instrum2817/item2842.html>; Лакнер А.Б. История титула государей России // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1847. Т. 56, № 10/11. С. 81–156; Швецов Н. О чём поведал царский титул [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ufagen.ru/node/5707>], русские цари мыслили в категории необходимости собирания всех русских, т.е. заселённых преимущественно восточными славянами, бывших земель Древней Руси. Тем более, что население нынешних белорусских и украинских земель, находившееся в составе Великого княжества Литовского, Польского королевства, а затем Речи Посполитой, также именовало себя «русинами», как и славянские подданные московского государя), внешнюю политику России в XIX в. нельзя называть исключительно агрессивной и захватнической. Например, на Среднем Востоке её зигзаги зависели от ситуации в «Большой игре» с Великобританией, причём меры России стратегически чаще всего носили оборонительный характер, поскольку вплоть до последней четверти века тон в игре задавала Англия, а Россия была догоняющей стороной. Именно английские агенты действовали вдоль русских границ, стимулируя беспорядки и антироссийские настроения, а не русские – вдоль границ британских владений. Именно англичане стремились создать вокруг России пояс враждебных ей государств, а не русские вокруг Индии или Великобритании. В начале века русские войска освободили Европу от

Наполеона, но не захватили её, как это сделал император всех французов, и не устанавливали здесь прорусские режимы. Балканская и кавказская политика были во многом обусловлены идеями объединения под русским скипетром всех славянских или православных народов, а не стремлением к непомерному расширению (правда, имелись и практические соображения – контроль над черноморскими проливами для обеспечения безопасности русского побережья Чёрного моря и развития русской торговли, а также обладание Кавказским краем для защиты православных грузин и армян). Действительно агрессивной внешняя политика империи Романовых стала только после вступления на престол Николая II. Но и здесь необходимо сделать оговорку. Агрессивность эта была во многом вызвана модой на империализм среди великих держав и стала своеобразным подражанием западным государствам. Активный передел мира, развернувшийся с конца XIX в. не мог оставить в стороне Россию, поскольку не включиться в него означало для части политической верхушки империи уронить великодержавный престиж.

⁴³¹ Лурье С.В. На стыке двух империй. (Русские в Средней Азии и англичане в Индии) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kungrad.com/history/biblio/lurie/>.

⁴³² Характерной в смысле характеристики русской и английской политик в Персии британской стороной является «Кембриджская история Ирана» [The Cambridge History of Iran. From Nadir shah to the islamic republic. Cambridge University Press, 1991. Vol. 7. P. 314–349, 374–425]. В ней дан скорее популярно-идеологизированный, нежели научный их очерк. Так, русско-иранские отношения поданы в негативно-идеалистическом ключе и сведены к российской агрессии и консервации отживших социально-политических и экономических форм, а британская политика характеризуется, как прогрессивная, направленная на развитие Ирана, которому Россия, якобы мешала. Как и в любой лжи, ориентированная на очернение конкурента, здесь есть доля истины. Но подана эта доля так, что абсолютно не раскрывает настоящего положения дел. Реально отношения в треугольнике Россия – Иран – Великобритания были намного сложнее и глубже, чем показано авторами коллективной монографии. Персия стала заложником борьбы двух великих держав. Однако если бы не было той или другой из них, вряд ли Иран смог бы развиваться самостоятельно. В условиях крайне коррумпированного режима и слабости центральной власти при отсутствии англо-русской конфронтации и совершенно ином мировоззрении большей части населения, он скорее всего превратился бы в колонию одной из ведущих держав мира. Что же до «прогрессивных» целей британского правительства (как в Лондоне, так и в Калькутте) относительно Ирана, то лучше всего их реальную составляющую характеризует соглашение 9 августа 1919 г., по которому Иран фактически превращался в колонию Великобритании [Алиев С.М. История Ирана. XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. 97–98]. А соглашение это было этапом более широкого плана создания британской «ближневосточной империи» (в английской традиции Ближний Восток («Near East», применялся первоначально по отношению к владениям османского султана) и синонимичный ему «Middle East» («Средний

Восток»; используется с 1850-х гг.) включали и включают в себя не только территории Оттоманской Порты, но и Иран, Афганистан и часть индийских владений британской короны – современный Пакистан (второй вариант – Иран страны Центральной Азии и Кавказа) [Там же. С. 95–104; Ширяев М.В. Англо-російське протистояння у Середній Азії та Афганістані в 1907–1922 рр. Дис... канд. іст. наук. Луганськ, 2006. 202 с.].

⁴³³ Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны // Красный архив. № 4 (53). 1932. С. 23.

⁴³⁴ Там же. С. 20.

⁴³⁵ Там же. С. 22.

⁴³⁶ Там же. С. 25–26.

⁴³⁷ Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 131–132.

⁴³⁸ Ламсдорф В.Н. Дневник 1886–1890. М.: Государственное издательство, 1926. С. 100

⁴³⁹ Там же. С. 210.

⁴⁴⁰ Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М.: РОССПЭН, 2012. С. 395.

⁴⁴¹ «Облегчение доступа западноевропейских товаров на малоазиатский рынок неизбежно отразится и на торговом положении соседнего рынка персидского, – характеризовал этот вопрос Н.В. Чарыков. – Так известно, главный путь, по коему западноевропейские товары могут проникать в северную Персию, направляется или через Закавказье (Поти или Батум, Тифлис, Эривань, Джульфа, Тебриз) или через Малую Азию (Трапезунд, Эрзерум ... Тебриз). Со времени закрытия кавказского транзита в 1883 году, только последнее направление осталось доступным для западноевропейской торговли ... мы не в состоянии и в настоящее время с успехом бороться с западноевропейской торговлей даже на Тебризском рынке, а также в Тегеране. Решительное преобладание над англичанами мы имеем только в Хорасане, благодаря близости нашей среднеазиатской железной дороги. Надо также иметь в виду, что кроме этого главного пути, английские товары проникают в западную и северную Персию, даже в настоящее время, ещё через Александретту, следуя или на Алеппо и Мосул или на Багдад и Сулиманье. Не подлежит сомнению, что по мере того, как будет осуществляться постройка основной малоазиатской железнодорожной линии Константинополь–Багдад с ветвями к Средиземному и Чёрному морям и к персидской границе, доступ западноевропейских товаров к последней будет становиться всё обеспеченнее и легче и наше положение на персидском рынке, за неимением железнодорожного сообщения России даже с Тебризом, станет соответственно и уже, пожалуй, непоправимо, ухудшаться. Этот успех западноевропейской и особенно английской торговли в Тебризе и Тегеране совпадёт с тем новым и небывалым ещё подъёмом английской предприимчивости в Персии, который обнаруживается там за последнее время и который уже выразился в основании

английско-персидского государственного банка, предоставлении английской компании монопольной разработки всех минеральных богатств Персии, предоставлении другой английской компании табачной монополии в Персии и обещаниях, данных Англии на счёт улучшения путей сообщения между Тегераном и Персидским заливом через Карун. Касаясь здесь лишь торгового значения этих фактов, нельзя не заметить, что сказанное совпадение отразится на нашем торговом положении не только в западной и северной Персии, но и в Хорасане, в Гератской области и в Афганском Туркестане ... Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что постройка малоазиатских железных дорог, проникающих внутрь страны с запада и юго-запада и находящихся в англо-европейских руках, способствуя развитию в Малой Азии англо-европейской торговли и совпадая с усилением торговли этой в Персии, угрожает не только воспрепятствовать дальнейшим успехам нашим по приобретению новых и необходимых нам рынков в Малой Азии, Персии и Средней Азии, но и вытеснит нас из рынков, уже завоёванных нашей вывозной торговлей. Так как предел нашего торгово-промышленного преобладания в западной и средней Азии распространяется довольно далеко на юг, далее нашей политической границы, то необходимо и с нашей стороны употребить все усилия, чтобы удержать за собою экономическое преобладание в означенных пределах» [Чарыков Н.В. Вопрос о малоазиатских железных дорогах // СМА. 1891. Вып. 49. С. 22–25].

⁴⁴² Особые межправительственные совещания – орган и форма выработки внешней политики Российской империи. Как правило, созывались императором для решения наиболее важных вопросов международной политики и выработки курса державы относительно страны или региона. Состав совещаний не был постоянным и находился в зависимости от решавшихся здесь задач. На них присутствовали, помимо императора (даже он бывал не всегда), министры (иностранных дел, военный, финансов и другие) и их товарищи (заместители), начальник Главного штаба, главы отдельных частей разных министерств, военные агенты, послы и другие заинтересованные компетентные лица. К сожалению, роль данного органа в разработке и осуществлении внешнеполитического курса империи Романовых в историографии изучена недостаточно. В качестве примера работы такого рода Особых совещаний может служить совещание по Кашгарскому вопросу 19 марта 1876 г. [Моисеев С.В. Особое совещание по Кашгарскому вопросу (19 марта 1876 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://new.hist.asu.ru/biblio/zalk/162-166.pdf>].

⁴⁴³ Англо-русское соперничество в Персии в 1890–1906 гг. // Красный архив. 1933. Т. 1 (56). С. 46.

⁴⁴⁴ Ламсдорф В.Н. Дневник 1886–1890. М.: Государственное издательство, 1926. С. 347.

⁴⁴⁵ К истории англо-русского соглашения 1907 г. // Красный архив. 1935. Т. 2/3. С. 14.

⁴⁴⁶ Ламсдорф В.Н. Дневник 1886–1890. М.: Государственное издательство, 1926. С. 240.

⁴⁴⁷ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 159–160.

⁴⁴⁸ См. о нём: Науменко О.А. Роберт Солсбери и его время: Викторианская Англия в лицах. СПб.: Издательский дом Нева, 2004. 368 с.

⁴⁴⁹ В историографии указываются разные даты. 1887 г. присутствует в: К истории англо-русского соглашения 1907 г. // Красный архив. 1935. Т. 2/3. С. 13; Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М.: РОССПЭН, 2012. С. 395. Весну 1888 г. в качестве даты предложения называют следующие работы: Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 73; Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны // Красный архив. № 4 (53). 1932. С. 15. Скорее всего, это объясняется тем, что новый английский посланник с полномочиями вступить в переговоры от премьер-министра был назначен в Тегеран в 1887 г., а непосредственное обсуждение вопроса он начал весной 1888 г. Впрочем, вторая дата представляется более обоснованной, поскольку О.А. Никонов ссылается на документы Архива внешней политики Российской империи, да и вторая публикация исходила из дипломатического ведомства и носила служебный характер.

⁴⁵⁰ Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М.: РОССПЭН, 2012. С. 395. Интересно, что после неудачи переговоров о разделе сфер влияния, с подачи британских дипломатов, выходящая в Константинополе на персидском языке газета «Ахтар» в 1888 г. разразилась серией статей, обвиняя Россию в желании «удержать Персию, имеющую взаимосвязи с народами Европы, в состоянии дремоты, чтобы улучшить свое положение» [Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 73].

⁴⁵¹ Англо-русское соперничество в Персии в 1890–1906 гг. // Красный архив. 1933. Т. 1 (56). С. 36. О.А. Никонов считает, что на решение Петербурга повлиял перехват российским посольством в Вене отчёта австро-венгерского военного атташе в Бомбее о состоянии англо-индийской армии. В нем отмечалось, что численность английской армии в Индии не превышает 50 315 человек, а не 70 000, как считалось ранее. При этом отмечалось, что английские офицеры и солдаты жили в слишком комфортных для армии условиях, на что особенно указывал атташе [Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 74].

⁴⁵² Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны // Красный архив. № 4 (53). 1932. С. 15.

⁴⁵³ Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 73.

⁴⁵⁴ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 159.

⁴⁵⁵ Н.С. Долгоруков, пользуясь своей близостью к императору, открыто интриговал перед ним против своего начальника [Ламсдорф В.Н. Дневник 1886–1890. М.: Государственное издательство, 1926. С. 88]. Со своей стороны, последний также не питал приязни к новому посланнику в Тегеране.

⁴⁵⁶ Ламсдорф В.Н. Дневник 1886–1890. М.: Государственное издательство, 1926. С. 90.

⁴⁵⁷ Там же. С. 157.

⁴⁵⁸ Толмачёв Е.П. Александр III и его время. М.: Терра – Книжный клуб, 2007. С. 438–439; Толмачёв Е.П. Миротворец Александр III и его время. М.: Воениздат, 2008. С. 185–186.

⁴⁵⁹ Ламсдорф В.Н. Дневник 1886–1890. М.: Государственное издательство, 1926. С. 157. Брат Н.С. Долгорукого Александр Сергеевич Долгоруков был обер-церемониймейстером двора и действительным статским советником.

⁴⁶⁰ Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. С. 412.

⁴⁶¹ В 1881 г. был присоединён к России Ахалтекинский оазис, затем последовало присоединение остальных туркменских оазисов. А 31 января 1884 г. мервские ханы и уполномоченные признали суверенитет русского императора над Мервским оазисом. В 1885–1887 гг. была определена пограничная черта между Россией и афганскими владениями. Таким образом, большая часть территорий, населённых туркменами, оказались в составе империи Романовых. Как свидетельствуют архивные документы и свидетельства военных разведчиков, между Россией и Ираном сохранялась постоянная напряжённость из-за политики Петербурга относительно туркменских земель [Присоединение Туркмении к России (Сборник архивных документов). Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1960. С. 353–717, Россия и Туркмения в XIX веке: К вхождению Туркмении в состав России: Сборник документов. Ашхабад: Туркменгосиздат, 1946. С. 100–271; Артамонов Л.К. Краткий очерк командировки в Персию для военно-статистического исследования Астрабад-Шахруд-Бастамского района и Северного Хорасана в 1891–1892 гг. // Поездка в Персию, Астрабад-Шахрудский район и Северный Хоросан: Военно-статистическое исследование. Тифлис: Типогр. Канц. Главнонач. гражд. ч. на Кавказе, 1894. Ч. 1–2. С. 25–25]. «Признавая принципиально всех туркмен персидскими подданными» иранские власти очень ревностно следили за возрастающим русским влиянием в приграничной полосе. Особенно это касалось астрабадского вали и правителей пограничных ханств Келата, Боджнурда, Кучана и Дерегёза. В результате расширения российского влияния среди туркменских племён они теряли значительную часть своей автономии, верный источник наживы, поскольку Тегеран выделял на провинцию большие деньги именно для обороны от туркмен (Подробнее с политикой хорасанских властей в отношении туркмен можно ознакомиться в работе Л.К. Артамонова [Артамонов Л.К. Поездка в Персию, Астрабад-Шахрудский район и Северный Хоросан: Военно-статистическое исследование. Тифлис: Типогр. Канц. Главнонач. гражд. ч. на Кавказе, 1894. Ч. 1. С. 69–147].

«После занятия Россией Закаспийского края правительство шаха, из экономических расчётов, значительно уменьшило состав военных сил в Хорасане, – доносил генеральный консул Пётр Михайлович Власов, – так: пехоту с 8-ми до 4-х полков, а кавалерию с 8 000 до 3 700 ч.; тем не менее и этот наличный состав, в особенности кавалерии, числится лишь на бумаге, в действительности же наличность онаго едва доходит до половины» [Власов. Краткий очерк Хорасана: 1894 г. // СМА. 1894. Вып. 56. С. 187]. Ещё две важные причины напряжения в русско-иранских отношениях были изложены Л.К. Артамоновым. «Быстрое возрастание населения в приграничной к нам полосе Хорасана, – писал он о первой, – порождает ныне (и ещё в большей степени будет порождать) множество пререканий из-за пользования водою во всех тех местах, где истоки ручьёв остаются вне наших пределов» [Артамонов Л.К. Краткий очерк командировки в Персию для военно-статистического исследования Астрабад-Шахруд-Бастамского района и Северного Хорасана в 1891–1892 гг. // Поездка в Персию, Астрабад-Шахрудский район и Северный Хорасан: Военно-статистическое исследование. Тифлис: Типогр. Канц. Главнач. гражд. ч. на Кавказе, 1894. Ч. 1. С. 48]. Вторая же сводилась к тому, что раздел туркменских земель между Персией и Россией Атрекской линией породил такое явление, как двоеданничество части туркменских племён, в частности, йомудов и гокланов (гокленов). «Официальная государственная граница разделила племя гоклан на две неравные части, – характеризовал исследовавший «туркменский вопрос» Л.К. Артамонов ситуацию с гокланами, – меньшая (до 1 500 кибит.) на нашей стороне и большая (2 800 кибит.) на персидской территории. Здесь же пребывает голова и сердце всего племени – Клыч-Ишан. Государственный рубеж, разрезав (что называется по живому месту) гоклан, не мог конечно порвать родственных и духовных связей между ними. Не перекочевывая из государства в государство, как это периодически делают йомуды, гокланы поддерживают всё-таки между собою самые тесные сношения. Мало того, такие же связи существуют и с гокланами Хивинского ханства, откуда периодически наезжают муллы для духовного просвещения наших и персидских гоклан. Также точно святоша Клыч-Ишан посылает своих доверенных лиц в Хиву и Бухару, откуда получают священные книги и предметы религиозного характера» [Там же. С. 84–85]. Так как кочевья йомудов находились и на территориях обеих держав, они совершали постоянные перекочёвки из государства в государство. Это, в свою очередь, вызывало споры относительно их правового статуса и права сбора налогов и переманивание пограничными властями разделённых туркмен (как, например, гоклан) в российское или персидское подданство. Кроме того, важным фактором, формировавшим отношения в треугольнике Россия–Иран–туркмены, были англичане, которые через своих агентов старались испортить русско-туркменские отношения, настроив туркмен против России [Записка о двукратной поездке в туркменскую степь великобританского генерального консула в Тавризе полковника Стюарта в 1891 году // Артамонов Л.К. Поездка в Персию, Астрабад-Шахрудский район и Северный Хорасан: Военно-статистическое исследование. Тифлис: Типогр. Канц.

Главнотч гржд. ч. нэ Кэвкэзе, 1894. Ч. 1–2. С. 136–145]. Персидские власти, будучи не в состоянии поддерживать контроль над туркменами, натравливали их друг на друга. Это, частности, касалось отношений между гоклнами и йомудами. Вражда между этими племенами имела давний характер, но поддерживалась и разжигалась настолько, что даже религиозное единство (оба племени исповедовали суннизм) не могло примирить их. «Не смотря на всё своё уважение к святоше Клыч-Ишану, йомуды решительно не внимают его увещаниям, и старания Клыч-Ишана примирить эти враждебные народности остаются до сих пор тщетными», – отмечал русский наблюдатель [Артамонов Л.К. Современное положение туркмен в Астрабадской и Бужнурдской провинциях Персии // Поездка в Персию, Астрабад-Шахрудский район и Северный Хоросан: Военно-статистическое исследование. Тифлис: Типогр. Канц. Главнотч гржд. ч. нэ Кэвкэзе, 1894. Ч. 1–2. С. 86–87]. В свою очередь «ненависть к йомудам персидские гокланы переносят с р. Гюргени и в наши пределы, являясь на аламань в кочевья наших йомудских таифе» [Там же. С. 87]. Претензии же центрального правительства обуславливались тем, что в средние века и раннее новое время земли туркмен входили в состав государств различных династий правивших в Иране. А практически все шахи Каджарской династии до Насредина включительно стремились восстановить былое территориальное величие прежних времён (в частности, идеалом являлась империя Надир-шаха Афшара, правившего 1736–1747 гг. В неё были включены в качестве провинций или вассальных территорий Армения, Азербайджан, Грузия, часть Дагестана, Афганистан, Белуджистан, Хивинское ханство, Бухарский эмират [Axworthy M. The Sword of Persia: Nader Shah, from Tribal Warrior to Conquering Tyrant. London/New York: I.B. Tauris, 2006. 348 p.]. Тем не менее, в XIX в. эти претензии уже были безосновательными. Персидские войска постоянно терпели неудачи в столкновениях с туркменскими племенами. Наиболее знаменитыми были разгромы 1860 (1861) и 1876 гг. [Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. С. 26; 31–32] «При мне ещё, – писал прибывавший в Иране в 1882–1886 гг. Мисль-Рустем, – целый пехотный отряд в 3 000 человек и масса кавалерии (цифры, возможно, несколько преувеличены – О.Г.) были разбиты неорганизованными (с точки зрения европейского военного – О.Г.) шайками туркмен на границе Астрабада, когда шах отправил отряд для наказания туркмен за их грабежи на границе» [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 114]. Исследовавший вопрос в начале XX в. офицер российского ГШ Лавр Георгиевич (Егорович) Корнилов писал: «Власть персидского правительства в землях севернее Копетдага была чисто фиктивной и, по туркменской поговорке, персы появлялись здесь не иначе, как с верёвкой на шее, т. е. в виде пленников, захваченных туркменами во время набегов на владения самого шаха» [Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. С. 46].

⁴⁶² Ламсдорф В.Н. Дневник В. Н. Ламсдорфа (1886–1890). М. – Л.: Государственное издательство, 1926. С. 90.

⁴⁶³ Правда, иранское правительство под влиянием английского представителя, сначала противилось этому, а затем дало согласие, предоставив такое же право Англии [Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. С. 412]. Английский представитель торопился и прибыл в город раньше, получив дипломатическое преимущество над российским коллегой. Но Пётр Михайлович Власов – бывший консул в Реште – оказался очень умелым дипломатом и в годы своего пребывания на посту генерального консула (1888–1897 гг.) добился нейтрализации указанного преимущества. В частности – постройкой внушительной консульской резиденции и своим умелым поведением он завоевал благорасположение и уважение среди местного населения [Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 170–171]. Б. Маннанов указывал, что затем российское представительство было открыто в Турбет-е Хейдари [Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. С. 114–115]. Это утверждение является неточным – к началу 1890-х гг. в Иране было 4 генеральных и простых консульства, но Турбет-е Хейдари среди них не было. Вопрос о создании консульства здесь был поднят только в начале XX в., о чём сообщалось в инструкции русскому посланнику 1904 г. В ней отмечалось, что необходимо позаботиться о «назначении офицера в Турбет-е Хейдари, со званием консула, впредь до того времени, когда представится возможным учредить там законодательным путем штатное консульство» [Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны // Красный архив. № 4 (53). 1932. С. 27]. Скорее всего, здесь находился нештатный представитель Министерства иностранных дел, которого присылали из консульства в Мешхеде. По-видимому, это был негласный военный агент, т. е. офицер на должности по гражданскому ведомству. По крайней мере, с 1901 г. здесь находился штабс-капитан Александр Иванович Ияс – начальник консульского конвоя в Мешхеде, а затем начальник русской противочумной охраны [Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Биобиблиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С. 97]. А.Б. Широкоград указывал дату открытия консульства в Мешхеде 1889 г. [Широкоград А.Б. Россия – Англия: неизвестная война, 1857–1907. М: ООО Издательство АСТ, 2003. С. 398]. Первым генеральным консулом был назначен Пётр Михайлович Власов [Бичехвост Н. Казаки в Африке. Дипломат Власов и негус Менелик [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.proza.ru/2011/06/22/422>; Пётр Михайлович Власов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusdiplomats.narod.ru/ambassadors/vlasov-pm.html>]. Впервые русские консулы в Иран были назначены на основании торгового договора 1717 г. В сентябре 1720 г. состоялось назначение в Персию первых русских консулов – С. Аврамова (консула) и А. Баскакова (вице-консула) [Бушев П.П. Посольство Артемия Волянского в Иран в 1715–1718 гг. М.: Главная

редакция восточной литературы, 1978. 288 с.; Сафронова Е.В. Историческое развитие консульской юрисдикции и организация консульских судов России на Востоке [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.k-press.ru/bh/2002/3/safronova/safronova.asp>]. Однако в 1880-х гг. консульство в Мешехе имело важное стратегическое значение, особенно в контексте англо-русского соперничества на Среднем Востоке. «Для защиты интересов русскоподданных в Хорасане наше правительство содержит в г. Мешехд генеральное консульство, – писал русский офицер в начале 1890-х гг. – В состав его входят: генеральный консул, секретарь, драгоман (официальная должность переводчика и посредника между ближневосточными и азиатскими державами и европейскими дипломатическими и торговыми представительствами. Должность предполагала как переводческие, так и дипломатические функции – О.Г.), переводчик, телеграфист и несколько писарей. Как почётный конвой, при нём состоят 4 кубанских казака. Большим неудобством является неимение в консульстве своего врача, вследствие чего больные должны обращаться за помощью к врачу, состоящему при английском консульстве, что не всегда является удобным». [Орановский. Военно-статистическое описание северо-восточной части Хоросана 1894 г. // СМА. 1896. Вып. 68. С. 107].

⁴⁶⁴ Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. С. 115.

⁴⁶⁵ Shahnavaз S. Britain and South-West Persia 1880–1914: A Study in Imperialism and Economic Dependence. London/New York: Routledge, 2005. P. 12–45. Встречается написание его имени и фамилии «Друммонд-Вольф». В английском варианте пишется и через дефис, но чаще раздельно – Henry Drummond Wolff, Henry Drummond-Wolff. Полностью его имя Wolff, Sir Henry Drummond Charles. Но мы, в силу установившейся традиции, будем именовать его Генри Драммонд Вольф.

⁴⁶⁶ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 159–161.

⁴⁶⁷ Там же. С. 153.

⁴⁶⁸ Медведик И.С. Британские дипломаты в Тегеране: взгляд на англо-российский конфликт в Персии в конце XIX – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 6 (144). История. Вып. 30. С. 117.

⁴⁶⁹ Там же. С. 117–118; Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. С. 208–209.

⁴⁷⁰ Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. С. 208.

⁴⁷¹ Медведик И.С. Британские дипломаты в Тегеране: взгляд на англо-российский конфликт в Персии в конце XIX – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 6 (144). История. Вып. 30. С. 117.

⁴⁷² Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М.: РОССПЭН, 2012. С. 453. И.С. Медведик утверждала, что такая мысль впервые была вброшена в середине 1890-х [Медведик И.С. Британские дипломаты в Тегеране: взгляд на англо-российский конфликт в Персии в конце XIX – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 6 (144). История. Вып. 30. С. 119]. Это не соответствует действительности.

⁴⁷³ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 181–182.

⁴⁷⁴ Англо-русское соперничество в Персии в 1890–1906 гг. // Красный архив. 1933. Т. 1 (56). С. 45. Справедливости ради следует заметить, что идея приобретения Суэцкого канала поддерживалась далеко не всеми политиками Великобритании, а непосредственная инициатива в этом принадлежала премьер-министру Бенджамину Дизраэли [Моруа А. Жизнь Дизраэли. М.: Изд-во политической лит-ры, 1991. С. 183–184; Трухановский В.Г. Бенджамин Дизраэли и королева Виктория // Новая и новейшая история. 1990. № 4. С. 138–153, № 5. С. 145–155; Трухановский В.Г. Бенджамин Дизраэли или История одной невероятной карьеры. М.: Наука, 1993. С. 315–319].

⁴⁷⁵ Англо-русское соперничество в Персии в 1890–1906 гг. // Красный архив. 1933. Т. 1 (56). С. 39.

⁴⁷⁶ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 160.

⁴⁷⁷ Детальнее о ней см.: Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 159–160; Кёрзон Д.Н. Река Карун и коммерческая география юго-западной Персии / сообщено на вечернем заседании Кор. Геогр. Общ. 12 мая 1890 г. г. // СМА. 1892. Вып. 50. С. 47–67; Кулагина Л.М. Английская концессия на судоходство по р. Карун (конец XIX в.) // Иран (Сборник статей). М.: Наука, 1971. С. 92–103; Макутчев А. В. Река Карун в эпицентре борьбы России и Англии за влияние в Персии (Иране) во второй половине XIX в. // Актуальные вопросы современной науки»: Материалы VI международной научной конференции 30–31 мая 2013 года, г. Санкт-Петербург. СПб.: Изд-во Айсинг, 2013. С. 98–106; Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 132 (по новому стилю – 30 октября).

⁴⁷⁸ Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 132–135. Ответом на неё стало продление шахским правительством в декабре 1888 г. концессии 1873 г. на лов рыбы вдоль южного побережья Каспийского моря С.М. Лианозову [Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 169–170].

⁴⁷⁹ Чарыков Н.В. Вопрос о малоазиатских железных дорогах // СМА. 1891. Вып. 49. С. 30.

⁴⁸⁰ С.М. Алиев ошибочно называет дату 13 января [Алиев С.М. История Ирана. XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. С. 44–45]. Однако в этот день, скорее всего, было достигнуто

согласие шаха на концессию. Концессионный же договор был подписан 30 января (текст см.: Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 156–159).

⁴⁸¹ Официально банк назывался Imperial Bank of Persia. Однако в русскоязычной литературе за ним закрепились два названия – Имперский и Шахиншахский (правильнее – Шаханшахский). В силу сложившейся традиции мы будем использовать последнее наименование. Детальнее о деятельности Imperial Bank of Persia в рассматриваемый период см.: [Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 47–59; Humā Nāfiq. Les commercants, la Banque imperiale et la Regie des Tabacs (D'apres l'archive d'Amin-oz-zarb). Paris: Edition Khavaran, 1992. 378 p.]. Королевской хартией от 2 декабря 1889 г. банк был «инкорпорирован», то есть стал рассматриваться уже как государственное предприятие [Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 50].

⁴⁸² Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 172–174; Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 135–137.

⁴⁸³ Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны // Красный архив, № 4 (53). 1932. С. 16.

⁴⁸⁴ Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. С. 413.

⁴⁸⁵ Правда, 7 июля 1889 г. был высочайше утверждён устав «Товарищества для торговли и промышленности в Персии», основателем которого был Л.С. Поляков [Устав Товарищества для торговли и промышленности в Персии и Средней Азии. М.: Типолиитография Ж. Шейбель, 1904. С. 5], однако до 1892 г. серьёзного продолжения эта концессия не получила, поскольку, как и спичечное товарищество, созданное в том же году, имела явно аферистский характер [Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860–1914. Очерки истории частного предпринимательства Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1991. С. 88–89; Ребель А.И. Евреи в России: самые влиятельные и богатые. М.: Эксмо, 2011. 180 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/evrei-v-rossii-samy-e-vliyatelnye-i-bogatye-read-227915-1.html>].

⁴⁸⁶ Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М.: РОССПЭН, 2012. С. 395.

⁴⁸⁷ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 177.

⁴⁸⁸ Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М.: РОССПЭН, 2012. С. 395.

⁴⁸⁹ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 179.

⁴⁹⁰ Ржевуская Е.А. (Радзивилл Кольб-Данвин). Избранные документы из российских и американских архивов // Независимое литературное обозрение. 2009. № 96 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/96/r5.html>.

⁴⁹¹ Там же.

⁴⁹² Ламсдорф В.Н. Дневник 1886–1890. М.–Л.: Государственное издательство, 1926. С. 187.

⁴⁹³ Там же. С. 202. Интересно, что Н.К. Гирс мыслил более практично, считая, что отказ шаху может сильно повредить русско-иранским отношениям. Тем более, что английский посланник при шахском дворе активно склонял персидского владыку ехать в Европу через Константинополь или Трапезунд [Там же. С. 191].

⁴⁹⁴ Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. С. 412.

⁴⁹⁵ Ламсдорф В.Н. Дневник 1886–1890. М.–Л.: Государственное издательство, 1926. С. 240. После этого Н.С. Долгоруков впал в опалу. До 1905 г. он не занимал никаких официальных должностей [Список генералам по старшинству. Составлен по 1 июля 1908 года. СПб.: Военная типография, 1908. С. 65]. С.Ю. Витте приводил в своих мемуарах анекдотический эпизод о том, как князь добивался через генерал-адъютанта Петра Александровича Черевина, состоявшего начальником охраны императора Александра III, чтобы тот уприсил императрицу Марию Фёдоровну назначить его послом на её родину – в Данию. «Я сказал императрице, что вот князь Долгорукий очень упрасивает Вас, чтобы вы назначили его послом в Данию. Но, так как императрица не любит Долгорукого, то она мне и сказала: “Как же я могу просить о назначении его послом, когда место это там занято?” На это я императрице ответил: “Совершенно верно, что место занято, но только согласитесь на то, что если место это будет свободно, то Долгорукий будет назначен туда послом, потому что, раз – продолжал Черевин, – Вы скажете это Долгорукому, он ни перед чем не остановится, поедет в Данию, отправит посла и тогда место будет свободно. Вы пообещайте только ему, что когда место будет свободно, Вы его назначите?”

– Что же, – спрашиваю я – вы сказали это Долгорукому?

– Да, – говорит, – я сказал Долгорукому, чтобы он ехал в Данию, постарался как-нибудь уничтожить посла, тогда место будет свободно, и он будет назначен» [Витте С.Ю. Воспоминания. Детство. Царствование Александра II и Александра III (1849–1894). Т. 1. Л.: Изд-во Слово, 1923. С. 302].

⁴⁹⁶ Аблова Н.Е. Политика России и Англии в Иране после Крымской войны. 1856–1881 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1982. С. 49–50.

⁴⁹⁷ Тайный советник (с 1884 г.) Е.К. Бюцов родился в шведской по происхождению семье потомственных российских дипломатов Бюцовых. Сын действительного статского советника

Карла Карловича Бюцова, бывшего в 1832–1842 гг. генеральным консулом в Данциге, а с 1842 г. в Генуе. В 1856 г. окончил Императорский Александровский лицей и стал секретарём по дипломатической части при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н.Н. Муравьёве. Участвовал в переговорах с Китаем, приведших к заключению в 1858 г. Айгунского договора. С 1858 г. – на службе в Министерстве иностранных дел России. В 1862–1865 гг. был консулом в Тяньцзине, в 1865–1869 – в Хакодате, в 1869–1870 – поверенный в делах в Китае, в 1871 г. стал первым русским консулом в Иокогаме, совместив эту должность с постом поверенного в делах России в Японии. В 1873–1883 – посланник в Цинской империи (при назначении получил чин действительного статского советника), где проявил себя с лучшей стороны. Вместе с Н.К. Гирсом со стороны России и Цзэном Цициэ со стороны Китая Е.К. Бюцов подписал русско-китайский договор об Илийском крае (24.02.1881). Одновременно было подписано торговое соглашение с Китаем, предоставившее русским купцам целый ряд новых льгот. В 1884–1889 – был посланником России в Греции, в 1889–1897 – в Иране [Кириченко О.Б. С. К. Бюцов на службі у дипломатичних установах Російської імперії в Японії // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. 2012. № 6 (241). С. 37–48; <http://www.rusdiplomats.narod.ru/bwcov-ek.html>].

⁴⁹⁸ Биографический очерк генерал-адъютанта, генерал-лейтенанта Сергея Алексеевича Шереметева // Кавказский календарь на 1891 год. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. 1 Отдел. Приложения; Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е сентября 1893 года. СПб.: Военная типография, 1893. С. 73; Федорченко В.И. Императорский Дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий: В 2 т. Красноярск: БОНУС; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. Т. 2. С. 551.

⁴⁹⁹ Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. С. 71; Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Царь-мироворез: поворот к Востоку // Родина. 2015. № 2. С. 58–60.

⁵⁰⁰ Ламсдорф В.Н. Дневник В. Н. Ламсдорфа (1886–1890). М.–Л.: Государственное издательство, 1926. 395 с.; Ламсдорф В.Н. Дневник. 1891–1892. М.–Л.: Academia, 1934. XVI+409+2 с. Исключение составлял лишь период конца 1880-х гг., когда развернулась активная борьба с Англией за железнодорожные концессии. Но даже тогда сообщения из Ирана упоминались лишь после дел в Европе и Османской империи.

⁵⁰¹ Военный разведчик Кавказского военного округа капитан ГШ Л.К. Артамонов так оценивал важность Азербайджана для России. Кроме активной торговли с империей Романовых «через Северный Азербайджан пролегает и транзитный путь, по которому преимущественно ведётся торговля Персии с Европой. В военном отношении Азербайджан выставляет 1/3 и лучшую часть всей пехоты, 1/2 артиллеристов и до 1/2 всего числа отличной иррегулярной конницы ... Будучи единоплеменной царствующему в Персии дому, Азербайджан является наиболее надежной опорой шахского престола и предоставляется в управление его наследнику, постоянно проживающему в

г. Тебризе, самом многолюдном, торговом и оживлённом центре во всём персидском государстве [Артамонов Л.К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис, 1890. С. 85–86].

⁵⁰² Англо-русское соперничество в Персии в 1890–1906 гг. // Красный архив. 1933. Т. 1 (56). С. 46–47.

⁵⁰³ Джалил Дж. Восстание курдов 1880 года. М.: Наука, 1966. 131с.; Камсаракан К.П. Вторжение Шейха Обейд-Уллы в Персию в 1880 году // СМА. 1884. Вып. 11. С. 34–46.

⁵⁰⁴ Подражая Петру Великому, Насреддин-шах также совершал поездки в Европу. Правда, результаты их были несколько иными, нежели у российского реформатора. «Первый раз он объехал Европу в 1873 г., а во второй – в 1878 г., – писал М. Алиханов-Аварский, – причём посетил всемирную выставку в Вене. В третий раз шах объехал Европу в 1889 г., и посетил Парижскую выставку. Путешествия эти заслуживают внимания в том отношении, что предпринимая их, шах должен был, к неудовольствию всего персидского духовенства, нарушить старинный обычай, по которому властелины Персии выезжают из пределов своей страны только с военными целями. Нужно знать Персию и её духовенство для того, чтобы оценить шаг, на который решился Насреддин, подражая своему идеалу, Петру Великому» [Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 137–138].

⁵⁰⁵ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 202; Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 160. Л.В. Строева указывала, что контракт был подписан 9 марта [Строева Л.В. Борьба иранского народа против английской табачной монополии в Иране в 1891–1892 гг. // Проблемы истории национально-освободительного движения в странах Азии. Материалы международной конференции при Ленинградском университете 25–27 января 1961 г. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. С. 164]. В научной литературе встречается ошибочная дата 1891 г. [Новая история Ирана. Хрестоматия. М.: Наука, 1988. С. 259]. Однако, в этом году указанная концессия, видимо, вступила в действие.

⁵⁰⁶ В 1889 г. российский предприниматель Лазарь Соломонович Поляков создал Товарищество промышленности и торговли в Персии и Средней Азии. В том же году через него у бельгийцев была выкуплена концессия на монопольное производство спичек в Персии. Однако предприятие это потерпело крах в силу неумелого ведения дел. Неудачными оказались и попытки заниматься торговыми операциями [Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860–1914 гг. Л.: Наука, 1991. С. 89–90; Томар М.Л. Экономическое положение Персии. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1896. С. 104–105; Чумаков В. Русский капитал. От Демидовых до Нобелей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.e-reading.org.ua/book.php?book=70497>].

⁵⁰⁷ Уманец С. Персидский шах и его двор // Исторический вестник. 1891. № 10. С. 236–237.

⁵⁰⁸ Новая история Ирана. Хрестоматия. М.: Наука, 1988. С. 149.

⁵⁰⁹ Л.М. Кулагина приводила дату 20 ноября [Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 139], однако она представляется ошибочной: даже по новому стилю 9 ноября соответствовало 21 ноября.

⁵¹⁰ Новая история Ирана. Хрестоматия. М.: Наука, 1988. С. 147. К слову, в том же году Л.С. Поляков был назначен персидским генеральным консулом в Москве, а Я.С. Поляков по шахскому фирману в январе был пожалован баронским титулом. Лазарю тот же титул был дан персидским правителем в марте 1894 г. В 1896 г. Яков получил от шаха звание персидского генерального консула в Таганроге [Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860–1914. Очерки истории частного предпринимательства. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1991. С. 81–82]. Правда, титулы эти признаны в России так и не были. Однако такое благоволение шаха показывает, что братья Поляковы были достаточно ловкими дельцами, которых заботили удовлетворение не государственных (какое бы государство они не представляли), а личных интересов и амбиций, какими бы путями они не достигались. Особое положение их в Персии во многом определялось денежными «вкладами» в руки шаха и его чиновников.

⁵¹¹ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 204; Строева Л.В. Борьба иранского народа против английской табачной монополии в Иране в 1891–1892 гг. // Проблемы истории национально-освободительного движения в странах Азии. Материалы международной конференции при Ленинградском университете 25–27 января 1961 г. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. С. 164.

⁵¹² Строева Л.В. Борьба иранского народа против английской табачной монополии в Иране в 1891–1892 гг. // Проблемы истории национально-освободительного движения в странах Азии. Материалы международной конференции при Ленинградском университете 25–27 января 1961 г. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. С. 168.

⁵¹³ Так, А.Н. Куропаткин прямо указывал, что «такою уплатою (5 000 000 рублей в качестве компенсации за отмену монополии – О.Г.) вместе с искусным действием нашей дипломатии английскому влиянию был нанесён сильный удар, а наше влияние в Тегеране стало с 1892–1893 годов преобладающим» [Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 43]. А современный иранский историк утверждал, что «русские, считавшие такую концессию очень выгодной для конкурента, ... тайно и явно противодействовали этому» [Риза Ша'абани. Краткая история Ирана. СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. С. 217].

⁵¹⁴ Сеидов Р.А. Иранская буржуазия в конце XIX – начале XX века (начальный этап формирования). М.: Наука, 1974. С. 170–171. О роли духовенства в Иране см.: Дорошенко Е.А. Шиитское духовенство в современном Иране. М.: Наука, 1975. 171 с.; Дорошенко Е.А. Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911 и 1978–1979 гг. М.: ИВ РАН, 1998. 240 с.; Захаров И.

Каджарский Иран: модернизация и шиитское духовенство // Караван. 2012. № 17. С. 55–65; Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV вв. Курс лекций. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1966. 398 с.

⁵¹⁵ Артамонов Л.К. Краткий очерк командировки в Персию для военно-статистического исследования Астрабад-Шахруд-Бастамского района и Северного Хорасана в 1891–1892 гг. // Поездка в Персию, Астрабад-Шахрудский район и Северный Хорасан: Военно-статистическое исследование. Тифлис: Типогр. Канц. Главнач гражд. ч. на Кавказе, 1894. Ч. 1–2. С. 49.

⁵¹⁶ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 43. Констатация нелюбви иранского населения к религиозным лидерам далеко не во всё соответствовала действительности. Однако последнее утверждение было очень точным – именно шиитское духовенство выступало в качестве сильной защиты простого населения от произвола властимущих.

⁵¹⁷ Артамонов Л.К. Краткий очерк командировки в Персию для военно-статистического исследования Астрабад-Шахруд-Бастамского района и Северного Хорасана в 1891–1892 гг. // Поездка в Персию, Астрабад-Шахрудский район и Северный Хорасан: Военно-статистическое исследование. Тифлис: Типогр. Канц. Главнач гражд. ч. на Кавказе, 1894. Ч. 1–2. С. 39.

⁵¹⁸ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 210. Р.А. Сеидов подтверждает это сообщение ссылкой на Архив внешней политики Российской империи [Сеидов Р.А. Иранская буржуазия в конце XIX – начале XX века (начальный этап формирования). М.: Наука, 1974. С. 171]. Характерно, что такая же политика «молчаливого одобрения и наблюдения» была успешно применена российским консульством в Тебризе в 1892 г., когда в результате неграмотного поведения представителей английского консульства сначала возникла потасовка, чуть не приведшая к смерти сеида, после чего начались выступления иранского духовенства против протестантских миссий, активно осваивавших Иран. В результате, упал престиж англичан, и были закрыты все протестантские церкви в Тебризе [Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 69].

⁵¹⁹ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 211.

⁵²⁰ Там же. С. 214; Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 140; Сеидов Р.А. Иранская буржуазия в конце XIX – начале XX века (начальный этап формирования). М.: Наука, 1974. С. 183.

⁵²¹ Из тегеранского дневника полковника В.А. Косоговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 124–126; Сеидов Р.А. Иранская буржуазия в конце XIX – начале XX века (начальный этап формирования). М.: Наука, 1974. С. 183; Строева Л.В. Борьба иранского народа против английской табачной монополии в Иране в 1891–1892 гг. // Проблемы истории национально-

освободительного движения в странах Азии. Материалы международной конференции при Ленинградском университете 25–27 января 1961 г. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. С. 178–180; Feuvrier J.B. Trois ans à la cour de Perse. Paris: F. Juven, 1900. P. 330–332.

⁵²² Кулагина Л.М. Борьба народных масс Ирана против иностранных концессий и монополий (конец XIX в.) // Проблемы истории Индии и стран Среднего Востока: Сб. статей. М.: Наука, 1972. С. 199.

⁵²³ Из тегеранского дневника полковника В.А. Косоговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 124–125.

⁵²⁴ Кулагина Л.М. Борьба народных масс Ирана против иностранных концессий и монополий (конец XIX в.) // Проблемы истории Индии и стран Среднего Востока: Сб. статей. М.: Наука, 1972. С. 199.

⁵²⁵ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 215.

⁵²⁶ 7 человек было убито и 30 ранено [Кулагина Л.М. Борьба народных масс Ирана против иностранных концессий и монополий (конец XIX в.) // Проблемы истории Индии и стран Среднего Востока: Сб. статей памяти И.М. Рейснера. М.: Наука, 1972. С. 199].

⁵²⁷ Из тегеранского дневника полковника В.А. Косоговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 125. «Посмотрим теперь, как поступили одновременно с этим войска тебризского гарнизона, стянутые ... с большей части Азербайджана и руководимые ... генералом Вагнером, – писал В.А. Косоговский. – Он сам лично говорил мне, хвастаясь своим влиянием на войска: “Когда началось народное волнение, я согнал всех солдат на майдан, запер ворота и две недели продержал их, не выпуская ни одного. И представьте: ни один меня не ослушался и все так и оставались в куче во всё время волнения в Тебризе”».

⁵²⁸ Гоков О.А. Кризис в Персидской казачьей бригаде 1889–1895 гг. // Клио. 2008. № 2. С. 95–98.

⁵²⁹ Строева Л.В. Борьба иранского народа против английской табачной монополии в Иране в 1891–1892 гг. // Проблемы истории национально-освободительного движения в странах Азии. Материалы международной конференции при Ленинградском университете 25–27 января 1961 г. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. С. 180.

⁵³⁰ Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М.: РОССПЭН, 2012. С. 454.

⁵³¹ Детальнее см.: Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860–1914. Очерки истории частного предпринимательства. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1991. С. 84–85. А.Н. Куропаткин отмечал, что слабостью шаха к деньгам «небезуспешно пользуются разные аферисты из иностранцев и частью из русскоподданных, выманивая от его величества разные концессии и обещая ему за то золотые горы» [Всеподаннейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного

поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 28]. Как нам представляется, к братьям Поляковым данная характеристика вполне применима.

⁵³² В некоторых исследованиях его инициалы поданы как А.С., что является явной ошибкой или опечаткой [Алиев С.М. История Ирана. XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. С. 46; Новая история Ирана. Хрестоматия. М.: Наука, 1988. С. 260].

⁵³³ Новая история Ирана. Хрестоматия. М.: Наука, 1988. С. 145; Устав Ссудного общества Персии. СПб.: Артистическое скоропечатное заведение В. Кене и Ко, 1890. 16 с.

⁵³⁴ С созданием банка была связана финансовая афера, которая детально рассмотрена в работе Б.В. Ананьича [Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860–1914. Очерки истории частного предпринимательства. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1991. С. 85–86]. Фактически, как и концессия Д.Ф. Тальбота, Учётно-ссудный банк стал функционировать с 6 мая 1891 г., когда персидским правительством был утверждён его устав [Новая история Ирана. Хрестоматия. М.: Наука, 1988. С. 146]. Именно это дало основание связывать его создание с именем Е.К. Бюцова. Его вмешательство, вне сомнения, имело значение, но концессия на учреждение банка была получена благодаря стараниям поверенного в делах А.Н. Шпейера.

⁵³⁵ Новая история Ирана. Хрестоматия. М.: Наука, 1988. С. 146–147.

⁵³⁶ Детальнее см.: Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 193–195; Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. С. 60.

⁵³⁷ Англо-русское соперничество в Персии в 1890–1906 гг. // Красный архив. 1933. Т. 1 (56). С. 48.

⁵³⁸ Там же.

⁵³⁹ Ф. Казем-заде писал о неосведомлённости российского поверенного в делах. Однако наличие телеграфной связи и важность вопроса позволяют усомниться в таком положении дел. Документы свидетельствуют, что решения Совещания могли быть донесены до А.Н. Шпейера через 1–2 дня после его окончания. К сожалению, вопросы относительно российской политики в Персии в рассматриваемый период фактически не изучены, поэтому здесь мы можем оперировать лишь косвенными данными и предположениями. На наш взгляд, А.Н. Шпейер, добываясь концессии на строительство железной дороги от Решта до Мохаммеры, просто тянул время, отвлекая внимание англичан до приезда в Тегеран российского посланника, имевшего большие полномочия.

⁵⁴⁰ Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М.: РОССПЭН, 2012. С. 453.

⁵⁴¹ Там же. С. 397, 423.

⁵⁴² Бобынин Н.Н. Персия, её экономическое положение и внешняя торговля 1901–1923. Тифлис: Типография Военного Комиссариата 1923. С. 529–532.

⁵⁴³ Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М.: РОССПЭН, 2012. С. 397.

-
- ⁵⁴⁴ Там же. С. 423–424.
- ⁵⁴⁵ Там же. С. 453.
- ⁵⁴⁶ Там же. С. 454.
- ⁵⁴⁷ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 204.
- ⁵⁴⁸ Анаркулова Д.М. Общественно-политическая деятельность Малькольм-хана. Душанбе: Дониш, 1984. С. 94–95; Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 197–202.
- ⁵⁴⁹ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 202.
- ⁵⁵⁰ В инструкции новому посланнику А.Н. Шпейеру от 30 сентября 1904 г. министр иностранных дел указывал иную дату – 27 октября [Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны // Красный архив, № 4 (53). 1932. С. 16].
- ⁵⁵¹ Новая история Ирана. Хрестоматия. М.: Наука, 1988. С. 149. С.М. Алиев в своей работе почему-то указывает 1889 г. [Алиев С.М. История Ирана. XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. С. 46].
- ⁵⁵² Ламсдорф В.Н. Дневник В. Н. Ламсдорфа (1886—1890). М.–Л.: Государственное издательство, 1926. С. 347.
- ⁵⁵³ Там же.
- ⁵⁵⁴ Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 61.
- ⁵⁵⁵ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 178–179.
- ⁵⁵⁶ Подробнее см.: Алиев С.М. История Ирана. XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. С. 46; Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 62; Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 132–133.
- ⁵⁵⁷ Сеидов Р.А. Иранская буржуазия в конце XIX – начале XX века (начальный этап формирования). М.: Наука, 1974. С. 46.
- ⁵⁵⁸ Анаркулова Д.М. Общественно-политическая деятельность Малькольм-хана. Душанбе: Дониш, 1984. С. 34.
- ⁵⁵⁹ Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 62.
- ⁵⁶⁰ Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 133.
- ⁵⁶¹ Хобсбаум Э. Век империи. 1875–1914. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. С. 95.

⁵⁶² Глуходед В.С. Проблемы экономического развития Ирана (20–30-е годы). М.: Наука, 1968. С. 14.

⁵⁶³ Достаточно полно оно изложено в работе М. Алиханова-Аварского [Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 112–150]. «О Насредине много писали и персы, и иностранцы, – отмечал он. – Но первые, в видах ограждения своих пят, а то и головы, поневоле применяют к своим повелителям известное правило, которого римляне держались относительно мёртвых: они или ничего не пишут о шахе или расточают по его адресу напыщенные дифирамбы; истину, следовательно, у них напрасно искать. С меньшей осмотрительностью нужно относиться и к писаниям некоторых европейцев, слишком щедрых на восхваления, очевидно, с предвзятою целью. Если верить им, – Насредин очень рано обнаружил симпатию к западной культуре и, подражая Петру Великому, так энергично повёл дело пересоздания всего персидского строя на современный европейский лад, что вполне заслужил репутацию реформатора своей страны. Они говорят, что шах много боролся и отставал, иногда с опасностью жизни, свои начинания и нововведения, которые возбуждали сопротивление фанатичной среды, наиболее влиятельной в стране, и пришлось далеко не по вкусу закоснелым в своеобразных понятиях персам, в особенности сановникам и приближенным шаха, не настолько развитым, чтобы понимать благие цели реформ, или не столь бескорыстным, чтобы предпочесть общее благо страны своим личным выгодам ... Как воспитанный в сфере самой беззащитной лести, нынешний шах очень падок на подобный фимиам и обыкновенно щедро вознаграждает авторов таких писаний; но правды в них не больше, чем в дифирамбах придворных поэтов» [Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 119]. Он же дал одну из наиболее удачных, на наш взгляд, характеристик персидского монарха и его правления.

⁵⁶⁴ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 20.

⁵⁶⁵ Белозерский Е.М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 94–95.

⁵⁶⁶ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 57.

⁵⁶⁷ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 119–120.

⁵⁶⁸ См., например, характеристику Мисль-Рустема [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 54–63].

⁵⁶⁹ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 120.

-
- ⁵⁷⁰ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 57–58.
- ⁵⁷¹ Уильс. Современная Персия. Картинки современной персидской жизни и характера. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1887. С. 12.
- ⁵⁷² Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 124.
- ⁵⁷³ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 61.
- ⁵⁷⁴ Строева Л.В. Борьба иранского народа против английской табачной монополии в Иране в 1891–1892 гг. // Проблемы истории национально-освободительного движения в странах Азии. Материалы международной конференции при Ленинградском университете 25–27 января 1961 г. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. С. 160.
- ⁵⁷⁵ Там же. С. 161.
- ⁵⁷⁶ Очень яркое изображение этой стороны личности Насреддин-шаха дал в своих бумагах В.А. Косоговский.
- ⁵⁷⁷ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 135.
- ⁵⁷⁸ Строева Л.В. Борьба иранского народа против английской табачной монополии в Иране в 1891–1892 гг. // Проблемы истории национально-освободительного движения в странах Азии. Материалы международной конференции при Ленинградском университете 25–27 января 1961 г. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. С. 161.
- ⁵⁷⁹ Туманский. От Каспийского моря к Хормузскому проливу и обратно, 1894 г. // СМА. 1896. Вып. 65. С. 14.
- ⁵⁸⁰ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 61.
- ⁵⁸¹ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 135. А.Н. Куропаткин в 1895 г. также отмечал, что стекавшиеся к шаху деньги в основном тратились на содержание войск и шахского двора, особенно гарема, а также на личные прихоти его величества [Всподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 28].
- ⁵⁸² Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (далее – АВ ИВР РАН). Ф. 30. Д. 1. Л. 8; Всподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 5; Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 61.

⁵⁸³ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 20.

⁵⁸⁴ Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 123.

⁵⁸⁵ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 135.

⁵⁸⁶ Артамонов Л.К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. С. 86.

⁵⁸⁷ Из тегеранского дневника полковника В.А. Косоговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 17. Кризис такой действительно имел место и продолжался не один год [Мендельсон Л.А. Теория и история экономических кризисов и циклов. М.: Изд-во социально-экономической лит-ры, 1959. Т. 2. С. 384–517; Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. М.: Директмедиа паблишинг, 2008. С. 203]. О сильном понижении стоимости серебра в 1893–1894 гг. писали и русские наблюдатели [Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Волынского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование) // СМА. 1896. Вып. 63. С. 55].

⁵⁸⁸ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 172.

⁵⁸⁹ Анаркулова Д.М. Общественно-политическая деятельность Малькольм-хана. Душанбе: Дониш, 1984. С. 37; Из тегеранского дневника полковника В.А. Косоговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 137–143; Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 51–52; Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 136–137.

⁵⁹⁰ Ламсдорф В.Н. Дневник. 1891–1892. М.–Л.: Academia, 1934. С. 129.

⁵⁹¹ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 44.

⁵⁹² Там же. Л. 48.

⁵⁹³ Там же. Л. 83.

⁵⁹⁴ Абдуллаев Ю.Н. Промышленность и зарождение рабочего класса Ирана в конце XIX – начале XX вв. Баку: Изд-во АН АзССР, 1963. С. 17. В более широком смысле сюрсат – это непостоянные доходы государства, куда помимо указанных реквизиций, входили подарки шаху на новый год и рождество пророка Мухаммада, а также «случайные подарки, штрафы и конфискации» в пользу шаха [Кюрзон Г. Персия и персидский вопрос // СМА. 1893. Вып. 52. С. 199, 202].

⁵⁹⁵ Абдуллаев Ю.Н. Промышленность и зарождение рабочего класса Ирана в конце XIX – начале XX вв. Баку: Изд-во АН АзССР, 1963. С. 18; Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 139; Из тегеранского дневника полковника В.А. Косоговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 150–152; История Ирана. М.: Изд-во

Московского ун-та, 1977. С. 270; Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 123; Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 61. См. красочные описания сюрсата: Абдуллаев Ю.Н. Астрабад и русско-иранские отношения (вторая половина XIX – начало XX в.). Ташкент: Фан, 1975. С. 18; Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 139; Из тегеранского дневника полковника В.А. Косоговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 150–152; Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 123.

⁵⁹⁶ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 61.

⁵⁹⁷ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 102.

⁵⁹⁸ В данном случае автор преувеличивал. В.А. Косоговский указывал, что «номинально, на бумаге, местным жителям за сюрсат уплачивается: им выдают зачётные квитанции ... но ... в большинстве случаев, если шаху или вообще правительству кажется, что расходы не особенно велики ... все расходы производятся безусловно на пишкеш (подарок), т. е. на даровщину» [Из тегеранского дневника полковника В.А. Косоговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 151].

⁵⁹⁹ Семёнов А.А. Как живут персы // История Ирана: Сборник. К.–М.: Альтернатива–Евролинц, 2003. С. 270.

⁶⁰⁰ Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 123.

⁶⁰¹ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 134–135.

⁶⁰² Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 61.

⁶⁰³ Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 63.

⁶⁰⁴ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 81. Значительную роль в этом играл и гарем правителя – через эндерун решались очень многие политические и кадровые вопросы в Иране [Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 145–149]. Гарем, писал один из исследователей Ирана, «вопреки ходячему мнению о приниженности женщин на Востоке, влияет в мусульманском мире едва ли не сильнее, чем в Европе. При дворе же Насредина эндерун (женская половина) играет весьма значительную роль: он влияет на всевозможные решения и раздачу должностей, и получает за это огромную массу драгоценностей и денег в виде

пишкеша. Посредником во всех этих делах служит Хаджа-баша (старший евнух гарема – О.Г.)» [Там же. С. 132].

⁶⁰⁵ Анис эд-Доуле («собеседница государства») была любимой женой шаха и, «как говорят, умнейшая в мире женщина» [АВ ИВР РАН. Ф. 30. Д. 1. Л. 97]. Через неё шаху неофициально подавались важные прошения, соображения и пр., она же могла и влиять на шаха при принятии важных решений. Русские представители называли Анис эд-Доуле Анисьей Даниловной [Там же. Л. 60].

⁶⁰⁶ Белозерский Е.М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 100.

⁶⁰⁷ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 123.

⁶⁰⁸ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 136.

⁶⁰⁹ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 126–127.

⁶¹⁰ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 62.

⁶¹¹ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 122–123.

⁶¹² Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 62.

⁶¹³ Характерным является отношение к действиям России среди населения северных и отчасти центральных районов Ирана, фиксировавшееся российскими и европейскими наблюдателями. Недовольство высказывали в первую очередь правящие круги и духовенство, поскольку деятельность представителей соседнего государства ущемляла их самовластие и самолюбие. Простое же население в значительной степени относилось к России с симпатией. Последнее было обусловлено усмирением туркмен и знакомством с русскими порядками в присоединённых среднеазиатских землях [Ларин А.Б. «Граница наша с Персией по Атреку... в сущности остается воздушной»: вопросы российско-иранского пограничья к востоку от Каспия в конце XIX – начале XX вв. // История. 2019. Т. 10. Вып. 8. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://arxiv.gaugn.ru/>].

⁶¹⁴ Подробнее см. Сеидов Р.А. Иранская буржуазия в конце XIX – начале XX века (начальный этап формирования). М.: Наука, 1974. 246 с.

⁶¹⁵ Детальнее о нём см.: Анаркулова Д.М. Социально-политическая борьба в Иране в середине XIX века. М.: Наука, 1983. 159 с.

- ⁶¹⁶ Кулагина Л.М. Попытки модернизации государственного управления Ирана во второй половине XIX века // Особенности модернизации на мусульманском Востоке. Опыт Турции, Ирана, Афганистана, Пакистана. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1997. С. 95–113.
- ⁶¹⁷ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 81.
- ⁶¹⁸ Батюк В.И. Лекции по истории международных отношений в новое время (1648 – 1918). М. 2003. 260 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dp5.ru/index.php/-2/74794-batyuk-v-i-lekcii-po-istorii-mezhdunarodnyx.html>.
- ⁶¹⁹ Детальнее см.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://chisineu.files.wordpress.com/2012/09/biblioteca_protestanskaya_etiketa_weber.pdf;
Зарин В.А. Запад и Восток в мировой истории. XIV–XIX вв. Западные концепции общественного развития и становление мирового рынка. М.: Наука, 1991. 264 с.
- ⁶²⁰ Батюк В.И. Лекции по истории международных отношений в новое время (1648 – 1918). М. 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dp5.ru/index.php/-2/74794-batyuk-v-i-lekcii-po-istorii-mezhdunarodnyx.html>.
- ⁶²¹ Сергунин А.А. Суверенитет: эволюция концепта [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/756/30/>.
- ⁶²² Детальнее о проблемах такого рода см.: Фадеева И.Л. Специфика процессов модернизации в исторической ретроспективе XIX – XX вв. // Особенности модернизации на мусульманском Востоке. Опыт Турции, Ирана, Афганистана, Пакистана. М.: ИВ РАН, 1997. С. 13–14.
- ⁶²³ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 171–172.
- ⁶²⁴ Торнау Ф.Ф. Воспоминания о кампании 1829 года в европейской Турции // Торнау Ф.Ф. Воспоминания русского офицера. М.: АИРО-XX, 2002. С. 102.
- ⁶²⁵ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 116.
- ⁶²⁶ Хобсбаум Э. Век империи. 1875–1914. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. С. 46.
- ⁶²⁷ Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Волинского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование // СМА. 1896. Вып. 63. С. 74–75.
- ⁶²⁸ Анаркулова Д.М. Общественно-политическая деятельность Малькольм-хана. Душанбе: Дониш, 1984. 148 с.; Hamid Algar. *Mīrzā Malkum Khān: A Study in the History of Iranian Modernism*. University of California Press, 1973. 327 p.
- ⁶²⁹ Кулагина Л.М. Попытки модернизации государственного управления Ирана во второй половине XIX века // Особенности модернизации на мусульманском Востоке. Опыт Турции, Ирана, Афганистана, Пакистана. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1997. С. 96. Правда, Россия

стремилась сохранить власть шаха и целостность страны, но под своим контролем, а англичане напротив, делали всё, чтобы превратить южные и юго-восточные районы персидской монархии в свою вотчину, поддерживая сепаратизм местных племён и правителей.

⁶³⁰ Сжатый и очень удачный анализ указанных процессов сделан в работе Анаркулова Д.М. Общественно-политическая деятельность Малькольм-хана. Душанбе: Дониш, 1984. С. 16–50.

⁶³¹ Атрпет. Мамед-Али Шах. Народное движение в стране льва и солнца. Александрополь: Тип.-скоропечатня «Ширак», 1909. С. 141.

⁶³² Абдуллаев Ю.Н. Промышленность и зарождение рабочего класса Ирана в конце XIX – начале XX вв. Баку: Изд-во АН АзССР, 1963. С. 24.

⁶³³ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. Гл. 3.

⁶³⁴ Там же. С. 184.

⁶³⁵ Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1857–1868). М.: Издательство восточной литературы, 1960. С. 4.

⁶³⁶ Парфёнов И.Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века: Движущие силы, формы и методы. М.: Наука, 1991. С. 3. Под империализмом мы понимаем государственную политику, практику или пропаганду расширения власти и владений, в особенности путём прямых территориальных приобретений, либо посредством установления политического и экономического контроля над другими районами [Глеб М.В. Имперская идея в Великобритании (вторая половина XIX в.). Минск: Белорус. наука, 2007. С. 9].

⁶³⁷ Babich P. A Russian officer in Persian Cossack Brigade: Vladimir Andreevich Kosagovskii. Budapest: CEU, 2014. P. 56.

⁶³⁸ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. Гл. 3.

⁶³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе М.: Издательство политической литературы, 1964. Т. 33. С. 139.

⁶⁴⁰ Парфёнов И.Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века: Движущие силы, формы и методы. М.: Наука, 1991. С. 71.

⁶⁴¹ Исторический и деловой центр Лондона.

⁶⁴² Парфёнов И.Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века: Движущие силы, формы и методы. М.: Наука, 1991. С. 55–56.

⁶⁴³ Глеб М.В. Имперская идея в Великобритании. Вторая половина XIX в. Минск: Белорусская наука, 2007. С. 42; Парфёнов И.Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века: Движущие силы, формы и методы. М.: Наука, 1991. С. 59–60.

⁶⁴⁴ Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 81–115.

⁶⁴⁵ Там же. С. 89.

⁶⁴⁶ Анаркулова Д.М. Общественно-политическая деятельность Малькольм-хана. Душанбе: Дониш, 1984. С. 37; Венюков М.А. Россия и Англия в Персии // Русский вестник. 1877. Т. 131. № 10. С. 461; Из тегеранского дневника полковника В.А. Косоговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 137–138.

⁶⁴⁷ Строительство канала было начато в 1859 г. под руководством французского инженера Фердинанда де Лессепа. Для этого была создана Всеобщая компания Суэцкого канала. Египетское правительство получило 44 % всех её акций, Франция – 53 % и 3 % приобрели другие страны. В ноябре 1869 г. канал был открыт для судоходства [Виноградов К.Б. Фердинанд Лессепс и строительство Суэцкого канала // Вопросы истории. 1969. № 11. С. 45–52; Гальский Д. Великие авантюры. История создания Суэцкого и Панамского каналов. М.: Прогресс, 1986. 440 с.; Дементьев И.А. Суэцкий канал. М.: Географгиз, 1954. 72 с.; Мусаева С.И. Англо-французское соперничество вокруг проекта Суэцкого канала // Военно-исторический журнал. 2011. № 7. С. 33–37; Суэцкому каналу 140 лет: история создания легенды XIX века [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ria.ru/society/20091117/194118343.html>].

⁶⁴⁸ Речь идёт об англо-египетской войне 1882 г., в результате которой Египет был оккупирован Англией и превращён в её протекторат [Нересов Г.А. Дипломатическая история египетского кризиса 1881–1882 гг. (в свете русских архивных материалов). М.: Главная редакция восточной литературы, 1979. 318 с.; Featherstone D. Tel El-Kebir 1882: Wolseley's Conquest of Egypt. Osprey Publishing, 1993. 98 p.].

⁶⁴⁹ Англо-русское соперничество в Персии в 1890–1906 гг. // Красный архив. 1933. Т. 1 (56). С. 45.

⁶⁵⁰ <http://www.iranicaonline.org/articles/great-britain-iii>.

⁶⁵¹ Штейнберг Е.Л. История британской агрессии на Среднем Востоке. (От французской буржуазной революции до Второй мировой войны). М.: Воениздат, 1951. С. 85.

⁶⁵² Кубанов К.Г. Походы в Индию в проектах российских военных и политических деятелей XVIII – начала XX вв. Автореф. ... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2007. 27 с.

⁶⁵³ Алпеев О.Е. «Священный огонь» русского Генерального штаба. Планирование «похода в Индию» военным ведомством России, 1885–1914 гг. // Русский сборник. 2011. Т. 26. С. 386.

⁶⁵⁴ Детальнее об этом термине см. Лурье С. Империя как судьба. Пролог [Электронный ресурс]. Режим доступа: svlourie.narod.ru.

⁶⁵⁵ Дегоев В.В. Кавказ и великие державы. 1829–1864 г. Политика, война, дипломатия. М.: Издательский дом Рубежи-XXI, 2009. С. 184.

⁶⁵⁶ Строева Л.В. Борьба иранского народа против английской табачной монополии в Иране в 1891–1892 гг. // Проблемы истории национально-освободительного движения в странах Азии. Материалы международной конференции при Ленинградском университете 25–27 января 1961 г. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. С. 180.

⁶⁵⁷ 7 человек было убито и 30 ранено [Кулагина Л.М. Борьба народных масс Ирана против иностранных концессий и монополий (конец XIX в.) // Проблемы истории Индии и стран Среднего Востока: Сб. статей памяти И.М. Рейснера. М.: Наука, 1972. С. 199].

⁶⁵⁸ В разных источниках называются разные даты заключения соглашения: 5 апреля [Сеидов Р.А. Иранская буржуазия в конце XIX – начале XX века (начальный этап формирования). М.: Наука, 1974. С. 184], 3 апреля [Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 217], 5 марта [Строева Л.В. Борьба иранского народа против английской табачной монополии в Иране в 1891–1892 гг. // Проблемы истории национально-освободительного движения в странах Азии. Материалы международной конференции при Ленинградском университете 25–27 января 1961 г. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. С. 181]. В.Н. Ламсдорф записью от 19 апреля отмечал, что «что персидское правительство кончило тем, что договорилось с английским банком по вопросу о займе, предназначенном для ликвидации табачной компании» [Ламсдорф В.Н. Дневник. 1891–1892. М.–Л.: Academia, 1934. С. 324].

⁶⁵⁹ Ламсдорф В.Н. Дневник. 1891–1892. М.–Л.: Academia, 1934. С. 324.

⁶⁶⁰ 15 мая [Сеидов Р.А. Иранская буржуазия в конце XIX – начале XX века (начальный этап формирования). М.: Наука, 1974. С. 185], 27 апреля [Строева Л.В. Борьба иранского народа против английской табачной монополии в Иране в 1891–1892 гг. // Проблемы истории национально-освободительного движения в странах Азии. Материалы международной конференции при Ленинградском университете 25–27 января 1961 г. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. С. 182], 5 апреля [Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981.].

⁶⁶¹ Сеидов Р.А. Иранская буржуазия в конце XIX – начале XX века (начальный этап формирования). М.: Наука, 1974. С. 185.

⁶⁶² Ламсдорф В.Н. Дневник. 1891–1892. М.–Л.: Academia, 1934. С. 324.

⁶⁶³ Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895–1914 гг.: (По материалам Учётно-ссудного банка Персии). Л.: Наука, 1975. С. 18.

⁶⁶⁴ Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 140; Устав Персидского страхового и транспортного общества. СПб.: Коммерческая скоропечатня Евгения Тиле, 1901. 18 с.

⁶⁶⁵ Томар М.Л. Экономическое положение Персии. СПб.: Типография В. Киришбаума, 1896. С. 105.

⁶⁶⁶ Устав Товарищества для торговли и промышленности в Персии и Средней Азии. М.: Типолиитография Ж. Шейбель, 1904. 36 с.; Ребель А.И. Евреи в России: самые влиятельные и богатые М.: Эксмо, 2011. 180 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.rulit.me/books/evrei-v-rossii-samy-e-vliyatelnye-i-bogatye-read-227915-1.html>.

-
- ⁶⁶⁷ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 158–159.
- ⁶⁶⁸ Уманец С. Персидский шах и его двор // Исторический вестник. 1891. Т. Т. 46. № 10. С. 133–134.
- ⁶⁶⁹ Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 132.
- ⁶⁷⁰ Там же. С. 134.
- ⁶⁷¹ Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895–1914 гг.: (По материалам Учётно-ссудного банка Персии). Л.: Наука, 1975. С. 31
- ⁶⁷² Там же. С. 32.
- ⁶⁷³ Туманский. От Каспийского моря к Хормузскому проливу и обратно, 1894 г. // СМА. 1896. Вып. 65. С. 13.
- ⁶⁷⁴ Анаркулова Д.М. Общественно-политическая деятельность Малькольм-хана. Душанбе: Дониш, 1984. С. 94–95; Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 201.
- ⁶⁷⁵ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 202.
- ⁶⁷⁶ Там же. С. 206.
- ⁶⁷⁷ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 86. В характеристиках Амин ос-Солтане Мисль-Рустем несколько пристрастен, так как давались они в то время, когда первый министр шаха прочно занял прорусскую позицию. Тем не менее, общие впечатления русского наблюдателя имеют важное значение.
- ⁶⁷⁸ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 159, 206.
- ⁶⁷⁹ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 86
- ⁶⁸⁰ Там же.
- ⁶⁸¹ Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 36–37. Масуд-мирза Зелл ос-Солтане (титул, в переводе означавший «тень шаха») был старшим сыном Насреддин-шаха [Белозерский Е. М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 37]. Фатхали-шахом был установлен принцип престолонаследия, согласно которому наследником шаха мог быть только старший сын, родившийся от принцессы шахской крови, т. е. каджарки [Белозерский Е. М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 102]. Так как мать Масуд-мирзы была простого происхождения, он был исключен из престолонаследия. Шах не любил своего преемника Мозаффарэдина, поэтому «оказывал почести

Зелл ос-Солтане, добавляя провинцию за провинцией к владениям, которыми правил честолюбивый и жестокий принц из Исфахана» [Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 136]. К 1882 г. тот управлял приблизительно третьей частью Персии. С 1874 г. «под его верховною властью было собрано несколько провинций: Исфахан, Фарс, Йезд, Кум, Каман и друг., – писал русский исследователь. – Он же назначал от себя, с утверждением шахского правительства, особых правителей, подчинённых ему безусловно и не имевших никаких сношений с Тегераном» [Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Вольнского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование) // СМА. 1896. Вып. 63. С. 128]. Он набрал и обучил несколько полков, которые он вооружил 6 000 винтовок системы «Мартини-Генри», таким образом создав войско, считавшееся лучшим в стране [Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 136]. И английские, и русские наблюдатели разделяли отношение к правителю Исфахана, как к личности властолюбивой, жадной и хитрой с авторитарными наклонностями, мечтавшему о престоле [Белозерский Е. М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 40, 47; Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 156; Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В. А. Тиханова, 1897. С. 66–68; Curzon G.N. Persia and the Persian Question. London: Published by Frank Cass & Co. Ltd, 1966. P. 417–421]. Принц был неплохим администратором и действительно проводил рациональную политику, направленную на укрепление своей популярности в стране. Он отстраивал и укреплял древнюю столицу Сефевидов Исфахан, покровительствовал армянам, заигрывал с духовенством, протектировал дервишам, устраивал представления для народа. «Зелл ос-Солтане, – писал Е. М. Белозерский, – умён и политичен, и как наружным образом может провести очень умного человека» [Белозерский Е. М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 47]. Как отмечал русский путешественник в 1898 г., «несмотря на то, что Зелл ос-Солтане сльвёт среди населения за кровожадного деспота, он имеет массу приверженцев среди персидских патриотов, которые видят в нём надежду будущей самостоятельности и величия Персии» [Ломницкий С. Персия и персы. Эскизы и очерки. 1898–1899–1900 гг. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1902. 147–148]. Как умный политик, сын шаха заигрывал и с Россией [Белозерский Е. М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 48]. В инструкции министра иностранных дел Н. С. Долгорукову в феврале 1887 г. Н. К. Гирс указывал следующее. «Старший сын шаха Зелл ос-Солтане – изворотливый и энергичный, преследует свои честолюбивые планы. Среди окружающих шаха лиц он. приобрёл себе многочисленных сторонников. Шах верил ему в управление треть всей Персии и разрешил ему иметь свою армию. Доказательством честолюбивых замыслов Зелл ос-Солтане могут служить как его настоячивые старания сблизиться с нашими представителями в Тегеране, так и конфиденциальные объяснения,

в которые он вступил с тайным советником Мельниковым в конце 1885 г. при посредничестве Яхья-хана Мушир од-Доуле. Зелл ос-Солтане начинает понимать невозможность оспаривать права законного наследника и что он не столько думает о престоле, сколько о средствах обеспечить себя от мщения Мозаффарэددина, в случае его воцарения. Поддержки просит у России, но доверять ему нельзя, так как с тем же успехом он заискивает и у Англии» [Красняк О. А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 135–136]. До 1888 г. Зелл ос-Солтане формировал в своих владениях собственную армию, надеясь, видимо, с английской поддержкой в случае смерти шаха захватить престол [Белозерский Е. М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 41, 43; Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В. А. Тиханова, 1897. С. 123; Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1887. С. 555]. Здесь были и австрийские, и немецкие инструкторы, и бывшие «казаки» (Керим-хан). Немецкие инструкторы сформировали конный фюдж Хассей-Насири. Сначала численность полка доходила до 1 200 человек, но к началу XX в. по приказанию шаха была уменьшена до 400 человек [Риттих П. А. Отчёт о поездке в Персию и Персидский Белуджистан в 1890 году. СПб.: Военная типография, 1901. Ч. 1. Отд. 1. С. 86]. Правда, к середине 1880-х гг. кроме германских инструкторов и бывшего «казачьего» офицера – выгнанного в свое время из ПКБ Керим-хана, или Керим-аги, командовавшего войсками шах-заде, – иностранцев в армии принца не осталось – их место заняли персы. В Исфахане находились склады оружия, были сформированы 3 пехотные регулярные батареи из 18 новых австрийских орудий Ухацуса, в 1881 г. открыто военное училище [Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1887. С. 555–556; Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1888. С. 48]. В Гашт-е Бехеште по приказанию шах-заде была открыта военная школа, в которой, за исключением одного француза, преподавали персы [Белозерский Е. М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 48]. Г.Н. Кёрзон, побывавший в Персии в конце 1889 – начале 1890 г., указывал, что в 1886 г. войска под его командованием фактически насчитывали 24 пехотных полка численностью 10 800 человек, с 6 000 казнозарядных ружей, 10 артиллерийских батарей и 8 полков иррегулярной кавалерии, или в общей сложности около 21 000 человек и 7 000 лошадей [Curzon G.N. Persia and the Persian Question. London: Published by Frank Cass & Co. Ltd, 1966. P. 417]. В 1888 г. Масуд-мирза попал в немилость у шаха и был лишен и войска, и постов [Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 135–137, 159; Риттих П. А. Наши сношения с Персией и её историческое положение в XIX-м столетии // Русский вестник. 1896. Т. 244. № 5. С. 329; № 6. С. 80]. Шах лишил его правления над многими областями, сделав только губернатором Исфахана без права иметь свои войска, за исключением

собственного конвоя [Мисль-Русем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В. А. Тиханова, 1897. С. 67–68].

⁶⁸² Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 216.

⁶⁸³ Там же. С. 217.

⁶⁸⁴ В данном случае под империализмом мы понимаем «высшую стадию промышленного колониализма (конец XIX – начало XX в.), при которой страны-колонизаторы стремятся подчинить все ранее не закабалённые территории Азии и Африки, что вызвано возросшим значением колоний как рынков сбыта, источников сырья (в том числе сельскохозяйственного) и сфер приложения капитала в связи с завершением в ведущих европейских державах промышленного переворота». Как отмечает автор статьи в специализированном словаре, «Стремление к максимально возможной колониальной экспансии приводит к конфликтам между великими державами – империалистическим войнам (как регионального, так и глобального масштаба – 1-я мировая война). В связи с этим на данном этапе территориальные захваты часто происходят из соображений престижа или в рамках стратегических планов, невзирая на экономическую привлекательность того или иного региона» [Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 123–124].

⁶⁸⁵ Белозерский Е.М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 92–93.

⁶⁸⁶ Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. С. 415

⁶⁸⁷ Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. С. 143. В следующем предложении указанный автор ссылается на высказывание В.Н. Коковцова, относящееся к началу XX в. В данном случае имеем классический пример ретроспекции – перенесение реалий одного времени на другое, более раннее.

⁶⁸⁸ Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 36.

⁶⁸⁹ Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. С.413.

⁶⁹⁰ См. о нём: Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 32–52; Ильин С.В. Витте. М.: Молодая гвардия, 2006. 509 с.

⁶⁹¹ О том, какое значение приобрёл министр финансов со временем свидетельствуют следующие факты. «Витте начинал министерскую деятельность с одним заместителем (товарищем), – писал советский историк, – а в 1902 году имел уже четырёх. В состав Министерства финансов входили 11 департаментов и крупных подразделений. Ему были подведомственны Государственный банк, Государственный дворянский земельный банк, Крестьянский поземельный банк, Монетный двор. При Общей канцелярии министра функционировал свой научный комитет. Только в центральном

аппарате министерства работало свыше тысячи чиновников. Министр финансов имел собственных официальных представителей (агентов) в крупнейших странах мира [Игнатъев А.В. С.Ю. Витте – дипломат [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://art-of-diplomacy.ru/books/item/f00/s00/z0000005/index.shtml>].

⁶⁹² Игнатъев А.В. С.Ю. Витте – дипломат [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://art-of-diplomacy.ru/books/item/f00/s00/z0000005/index.shtml>; Тарле Е. Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.scepsis.ru/library/id_1703.html.

⁶⁹³ Тарле Е. Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.scepsis.ru/library/id_1703.html. Как отмечал Р. Уортман, «в 1890-х Витте начал пропагандировать национальный империализм, который возвеличивал русскую нацию как носительницу высшей православной культурной традиции, распространяющую её за границы России – на Дальний Восток. Он попал под влияние бурятского ламаиста-целителя Петра Бадмаева, который уверял, что может поднять восстания местных народов в Китае и внутренней Азии и убедить их принять власть русского царя. Витте также представил Бадмаева наследнику Николаю Александровичу, который отнесся к этим планам с симпатией. Царившая в Петербурге атмосфера дерзкой самоуверенности результат мирного царствования Александра – рост самоуверенности в силах империи придавала миссии России на Востоке смысл высокого предназначения, сулила грядущие триумфы и завоевания. В депеше от июля 1895 г. прусский посол князь Радолин отметил надменную уверенность в успехе русской миссии в Азии, царящую в верхних эшелонах российского чиновничества: «Короче говоря, всё, что я слышу, сливается в один-единственный голос, вещающий, что теперь России предначертано мировое господство, которое начнется с Востока и Юго-Востока, пока еще не испорченных опухолью европейской цивилизации ... Так думают и говорят не какие-то отдельные экзальтированные личности – это общее мнение, с которым можно встретиться всюду» [Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. М.: ОГИ, 2004. С. 368–369].

⁶⁹⁴ Шишов А.В. Витте. Финансовый гений последних Романовых. М.: Вече, 2004. С. 53.

⁶⁹⁵ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 73–74. «Капиталы эти первоначально шли от союзницы России – Франции, где в 1893 г., а затем в 1896 г. через синдикат, возглавляемый парижскими Ротшильдами, разместил во Франции 2 займа. Впрочем, его надежды не оправдались. Азиатская торговля при определенном прогрессе все же никак не могла компенсировать отток прибылей иностранных компаний, так как её отрицательный баланс не только не сократился, но даже увеличился. Даже заниженные официальные данные свидетельствуют, что за время управления С.Ю. Витте Министерством финансов государственный долг России увеличился с 4,9 млрд. до 6,7 млрд. рублей. Фактический

рост был еще более значительным. По оценке советского исследователя П.И. Лященко, в течение 90-х годов «размеры государственной задолженности в целях финансирования железнодорожного строительства, поощрения промышленности, накопления золотого фонда и других финансовых операций возросли более чем на 3,5 млрд. руб., из которых примерно до 2,5 млрд. руб. – за счёт внутреннего денежного рынка и 1 млрд. руб. – путём заграничных государственных займов». Выплата платежей и процентов по займам всё более тяжёлым бременем ложилась на плечи налогоплательщиков» [Игнатьев А.В. С.Ю. Витте – дипломат [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://art-of-diplomacy.ru/books/item/f00/s00/z0000005/index.shtml>].

⁶⁹⁶ Ананьич Б.В. Запад и Восток в экономической программе С.Ю. Витте // Россия во внешнеэкономических отношениях: уроки истории и современность. М.: Б. и., 1993. С. 18–28.

⁶⁹⁷ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 75.

⁶⁹⁸ Игнатьев А.В. С.Ю. Витте – дипломат [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://art-of-diplomacy.ru/books/item/f00/s00/z0000005/index.shtml>.

⁶⁹⁹ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 77.

⁷⁰⁰ Символическим знаком «обращения» России к Азии (в первую очередь – к Восточной) стало путешествие наследника Николая Александровича. Такие «ознакомительные» поездки совершали в XIX в. все наследники престола. Особенностью этой было то, что путь цесаревича пролегал не европейскими странами. Решение о поездке принял лично Александр III в 1890 г. В октябре того же года началось путешествие. Путь Николая Романова пролегал через Вену, Триест, Пирей, Египет и Аден в Бомбей. Далее он объездил индийские владения британской короны, затем через Цейлон экспедиция посетила Сингапур, Яву, Бангкок. Через Нанкин цесаревич с сопровождающими его лицами прибыл в Японию, где посетил несколько городов. Оттуда наследник в мае 1891 г. вернулся в Россию, во Владивосток, откуда, через всю Сибирь – в Петербург [Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 25–35].

⁷⁰¹ Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895–1914 гг.: (По материалам Учётно-ссудного банка Персии). Л: Наука, 1975. С. 15.

⁷⁰² Атаев Х.А. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII – XIX вв. М.: Наука, 1991. С. 276; Игнатьев А.В. С.Ю. Витте – дипломат [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://art-of-diplomacy.ru/books/item/f00/s00/z0000005/index.shtml>.

⁷⁰³ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 36–37.

-
- ⁷⁰⁴ Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. С. 415.
- ⁷⁰⁵ Там же. С. 418.
- ⁷⁰⁶ Бобынин Н.Н. Персия, её экономическое положение и внешняя торговля 1901–1923. Тифлис: Типография Военного Комиссариата 1923. С. 516.
- ⁷⁰⁷ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 36.
- ⁷⁰⁸ Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. С. 416.
- ⁷⁰⁹ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 36–37.
- ⁷¹⁰ Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895–1914 гг: (По материалам Учётно-ссудного банка Персии). Л: Наука, 1975. С. 16.
- ⁷¹¹ Игнатъев А.В. С.Ю. Витте – дипломат [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://art-of-diplomacy.ru/books/item/f00/s00/z0000005/index.shtml>.
- ⁷¹² Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 68.
- ⁷¹³ 20 франков за 1 полуимпериал.
- ⁷¹⁴ Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. С. 228; Томар М.Л. Экономическое положение Персии. СПб.: Типография В. Киришабаума, 1896. С. 25. Детальнее о лианозовских промыслах см.: Абдуллаев Ю.Н. Промышленность и зарождение рабочего класса Ирана в конце XIX – начале XX вв. Баку: Изд-во АН АзССР, 1963. С. 143–149; Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. С. 143–146.
- ⁷¹⁵ Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. С. 107–109. Новый запрет последовал 1 мая 1899 г. Детальнее о проблеме см.: Там же. С. 107–111.
- ⁷¹⁶ Власов. Краткий очерк Хорасана: 1894 г. // СМА. 1894. Вып. 56. С. 186.
- ⁷¹⁷ С 1894 г. запрещено ввозить в Россию серебряную монету [Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 32; Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. С. 418].
- ⁷¹⁸ Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Волинского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование) // СМА. 1896. Вып. 63. С. 144.

⁷¹⁹ Свод законов Российской империи. Все 16 томов со всеми относящимися к ним продолжениями в одной книге / Под ред. Ф. Волкова и Ю.Д. Филипова. Изд 3-е. СПб.: Издание товарищества Общественная польза, 1900. Т. 11. Ч. 2. С. 725–748.

⁷²⁰ Там же. С. 740–744. До этого для консулов в Иране действовали принятые в 1829 г. «Правила в руководство российской миссии и консулам в Персии относительно торговли и о защиты пребывающих там российских подданных» [Медведик И.С. Российские и персидские консульские службы в Астрахани и Гиляне в XIX в. (к истории становления российско–персидских консульских отношений) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.konf2011.afurgi.ru/medvedik.html>].

⁷²¹ В то же время Иран имел в России только одно генеральное консульство в Тифлисе, но 6 вице-консульств: в Батуме, Потти, Владикавказе и всей Дагестанской области, Баку, Эривани, Елисаветграде [Кавказский календарь на 1895 год. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1894. Отд. 2. С. 403]. Вице-консул по рангу занимал 3-ю ступень в консульской градации после генерального консула и консула, поэтому здесь между Россией и Персией существовало условное равновесие.

⁷²² Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Вольнского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование) // СМА. 1896. Вып. 63. С. 278.

⁷²³ Там же. С. 246.

⁷²⁴ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 56.

⁷²⁵ Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Вольнского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование) // СМА. 1896. Вып. 63. С. 8.

⁷²⁶ Там же. С. 16

⁷²⁷ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 55–57. Пожелания его были учтены: консульства были открыты к началу XX в. в Исфхане, Бендер-Аббасе и Бушире [Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 55].

⁷²⁸ См. о ней: Сапарова Д.Ч. Влияние Закаспийской железной дороги на развитие русско-иранских торговых связей (90-е гг. XIX в.). Ашхабад: Ылым, 1991. 144 с.

⁷²⁹ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 33.

⁷³⁰ Там же. С. 31–32. Вообще, следует заметить, что принятые с конца 1890-х гг. русским правительством меры по поддержанию российских торговцев и промышленников в Иране принесли плоды достаточно быстро. Так, в 1901/02 финансовом году общий товарооборот шахского государства с иностранными державами достиг 449,2 млн кран, из которых ввоз в Иран составил сумму 298,6 млн кран, а вывоз 150,6 млн кран. Из этого количества Российская империя ввозила товаров на 113,7 млн кран, и вывозила на 88,4 млн кран, то есть российская сторона удовлетворяла 38 % емкости внутреннего рынка Ирана, и потребляла 58,7 % всего иранского вывоза [Там же. С. 35]. Со временем эти цифры менялись и экспорт из Персии в Россию составлял уже 69% всего персидского вывоза, а ввоз из России в Персию – 58% всего персидского импорта [Ефремов П. Н. Внешняя политика России (1907–1914). М.: Издательство Института международных отношений, 1961. С. 45], а в предвоенный 1913/1914 г. – 68,5 и 55 % соответственно [Гурко-Кряжин В.А. Переворот в Персии // Новый Восток. 1926. № 12. С. XXIV]. «Общее мнение в Тегеране, – отмечал посетивший его в 1901 г. англичанин, – Россия изгоняет Великобританию из Персии» [Айрапетов О.Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история. М., 2014. 495 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/na-puti-k-krahu-russko-yaponskaya-voyna-1904-1905-gg-voenno-politicheskaya-istoriya-read-399953-1.html>]. Как отмечал О.А. Никонов, «благодаря разумной протекции непосредственным производителям центральной России удалось не только восстановить свое влияние на северо-иранских потребительских рынках, но и приступить к закладке основ взаимоотношений с соседними регионами. Иран превратился не только в объект собственной экономической экспансии Российской империи, но и в плацдарм для её расширения» [Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 36].

⁷³¹ Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. С. 115.

⁷³² Кулагина Л.М., Дунаева Е.В. Граница России с Ираном (история формирования). М.: Ин-т востоковедения РАН, 1998. С. 55.

⁷³³ «Вообще, чем дальше к северу, тем воды в реке меньше, – характеризовал ситуацию вокруг Герируда офицер штаба Закаспийской области, – что объясняется испарением, просачиванием и расходом на ирригацию. Для последней цели вода Герируда разделена между персидским населением и нашими подданными, причём первым приходится 1/6, а вторым – 5/6 всей воды. До настоящего времени персияне отводили воду для орошения посевов четырьмя канавами, но в будущем, согласно протоколу, подписанному представителями Персии и России (Эмин-Низамом и Генерального штаба подполковником фон-Клодтом), вода из Герируда для орошения полей персидско-подданных будет отводиться одной канавой, в голове которой будет устроен делитель» [Орановский. Военно-статистическое описание северо-восточной части Хоросана 1894 г. // СМА.

1896. Вып. 68. С. 33]. Пограничная черта была несколько изменена и доведена до Зульфарага, где она примкнула к афганским владениям [Корнилов Л.Г. Историческая справка по вопросу о границах Хорасана с владениями России и Афганистана // СМА. 1905. Вып. 78. С.7–8]. Установка столбов, определявших границу, завершена в 1894 г. [Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Волынского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование) // СМА. 1896. Вып. 63. С. 19].

⁷³⁴ Кулагина Л.М. К истории русско-иранских отношений // Иран. История, экономика, культура. Памяти С.М. Алиева. М.: ИВ РАН, 2009. С. 112.

⁷³⁵ В разных источниках его фамилия пишется Томар или Томара. О нём см.: Томара Михаил Львович // Электронная версия книги Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов-жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 496 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://memory.pvost.org/pages/tomara.html>.

⁷³⁶ Томар М.Л. Экономическое положение Персии: Отчёт командированного в 1893–1894 гг. в Персию для исследования положения русско-персидской торговли. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1896. 172 с.; Б. [Рецензия] М.Л. Томара. Экономическое положение Персии. СПб., 1896 // Журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1896. Кн. 6. С. 34–36. Естественно, сведения, собранные и обработанные М.Л. Томаром, его начальство узнало раньше, чем была издана книга. Своего рода продолжением изучения условий русской торговли с Персией и «ориентирами» для правительственных действий по реализации задумок С.Ю. Витте стали годовые обзоры торговли с Ираном, содержащиеся в «Вестнике финансов, промышленности и торговли» [Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. С. 9] и работа Г.В. Тарновского [Тарновский Г.В. Торговля с Персией через Закаспийскую область // Оттиск из Вестника финансов, промышленности и торговли. 1896. № 91].

⁷³⁷ Б. [Рецензия] М.Л. Томара. Экономическое положение Персии. СПб., 1896 // Журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1896. Кн. 6. С. 36.

⁷³⁸ А.Н. Куропаткин далеко не во всём поддерживал С.Ю. Витте. Например, он был против широкого привлечения в Россию иностранных капиталов, опасаясь экономического закабаления страны [Игнатьев А.В. С.Ю. Витте – дипломат [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://art-of-diplomacy.ru/books/item/f00/s00/z0000005/index.shtml>].

⁷³⁹ Список генералам по старшинству. Составлен по 1 января 1910 года. СПб.: Военная типография, 1910. Ч. 1. С. 25. А не командующего Туркестанским военным округом, как ошибочно написано в одной из работ по истории внешней политики России [История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. М.: Международные отношения, 1997. С. 121].

⁷⁴⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 10. Отд. 1. 1890. СПб.: Гос. Типография, 1895. С. 70–75.

⁷⁴¹ Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 118–119.

⁷⁴² Marshall A. Russian General Staff and Asia, 1860–1917. London – New York: Routledge, 2006. P. 31. По Положению о Военном министерстве 1869 г. к ведению Азиатской части относилось в пределах Кавказского, обоих Сибирских, Оренбургского и Туркестанских во военно-административное и военно-народное управление, ряд вопросов, связанных с управлением и действием войск, составлений известий из военных журналов для обнародования; снаряжение военно-учёных и др. экспедиций, устройство укреплений и путей сообщений.

⁷⁴³ № 113. 25 ноября 1879 г. Записка заведующего Азиатской частью Главного штаба полковника А.Н. Куропаткин по афганскому вопросу // «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. С. 235. Детальнее о эволюции его взглядов на русскую политику в Персии см.: Гоков О.А. Поездки генерала А.Н. Куропаткина в Персию в 1895 и 1897 гг. и их влияние на формирование его взглядов на политику Российской империи относительно Персии // Генерал Куропаткин – государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения. СПб.: Фонд «Университет», 2018. С. 103–123; Гоков О.А. Эволюция взглядов А.Н. Куропаткина на политику России относительно Персии (1890–1915 гг.) // Клио. 2015. № 5. С. 187–197.

⁷⁴⁴ Как отмечал в начале XX в. Л.Г. Корнилов, «через Хорасан пролегают лучшие пути от берегов Каспийского моря и из нашей Закаспийской области к западному фронту Афганистана и, в обход его, к границам Британских владений в Индии; через него же пролегают кратчайшие и лучшие пути от Закаспийской железной дороги к берегам Персидского залива. Указанное важное стратегическое значение Хорасана давно уже и по достоинству оценено нашими противниками в Азии – англичанами, почему Англия с давних пор принимает деятельное участие в вопросе о границах Хорасана с соседними владениями» [Корнилов Л.Г. Историческая справка по вопросу о границах Хорасана с владениями России и Афганистана // СМА. 1905. Вып. 78. С. 1]. Поэтому повышенный интерес российских военных к указанной области не был чем-то странным.

⁷⁴⁵ Программа изучения была согласована в Военным министерством, а сведения офицеров доставлялись в сжатом виде в Военно-учёный комитет Главного штаба, где были и объединены в одно дело. Оно включало в себя статьи штабс-капитана А.Г. Туманского, переписку со штабом Закаспийской области, Азиатским департаментом Министерства иностранных дел, Академией наук о посылке Л.К. Артамонова, И.И. Стрельбицкого, К.-О.Г. Баумгартена, Л.К. Артамонова, А.Г. Туманского и В.А. Орановского для изучения Персии и составления военно-географических описаний [РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. 1901. Д. 482. 97 л.].

⁷⁴⁶ Артамонов Л.К. Персия как наш противник в Закавказьи. Тифлис: Б.и., 1889. 193 с.; Артамонов Л.К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. 456 с.

⁷⁴⁷ РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 38611. Л. 20.

⁷⁴⁸ Артамонов. Исследование, произведенное в 1891-92 годах Генерального Штаба Капитаном Артамоновым Астрабад-Шахруд-Бастамского района и Северного Хорасана // СМА. 1892. Вып. 51. С. 124–138. Артамонов Л.К. Поездка в Персию, Астрабад-Шахрудский район и Северный Хорасан: Военно-статистическое исследование. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1894. Ч. 1. 56+205 с.; Ч. 2. 1897. 4+206 с.

⁷⁴⁹ Золотарёв А.М. Военно-статистический очерк Персии. СПб.: Типолитография А.Е. Ландау, 1888. С. 136.

⁷⁵⁰ Артамонов Л.К. По Афганистану. Гератская провинция (Гератский театр). Опыт военно-статистического исследования. Асхабад: Тип. штаба Закасп. обл., 1895. 287 с.; Бабаходжаев М.А. Очерки социально-экономической и политической истории Афганистана (конец XIX в.). Ташкент: ФАН, 1975. С. 10.

⁷⁵¹ Стрельбицкий. Поездка по восточному Хорасану в 1890 г. // СМА. 1891. Вып. 46. С. 135–266. Здесь в названии неверно указан год экспедиции.

⁷⁵² Стрельбицкий. Записка о Восточном Хорасане: По рекогносцировке 1891 года // СМА. 1895. Вып. 62. С. 43–255. Стрельбицкий. Краткий предварительный очерк поездки в Персию в 1891 году // СМА. 1892. Вып. 51. С. 139–165; Низамутдинов И. «Сеистанский вопрос»: Из истории вмешательства Англии в ирано-афганские дела. Ташкент: Б. и., 1958. С. 44.

⁷⁵³ Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Биобиблиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С.113. По результатам работ по указанию А.Н. Куропаткина А.Н. Кияшко составил «Военный обзор Закаспийской области» – первый труд такого рода [Кияшко И.И. Военный обзор Закаспийской области. Асхабад: Тип. Штаба Закаспийской области, 1896. 12+600+221 с.].

⁷⁵⁴ Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Биобиблиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С. 176.

⁷⁵⁵ Там же.

⁷⁵⁶ Власов П.М. Извлечение из отчета П.М. Власова о поездке в 1892 г. по северным округам Хорасана: Серахскому, Келатскому, Дерегезскому, Кучанскому и Бужнурдскому // СМА. 1893. Вып. 52. С. 1–46; Власов П.М. Приложение к извлечению из отчета П.М. Власова о поездке 1892 г. по сев. округам Хорасана // СМА. 1893. Вып. 52. С. 229–250; Власов. Статистические сведения о Дерегезском, Кучанском, Бужнурском и Келатском округах Хорасана, 1894 г. // СМА. 1894. Вып. 56. С. 126–175; Власов. Краткий очерк Хорасана: 1894 г. // СМА. 1894. Вып. 56. С. 176–190.

⁷⁵⁷ Власов. Краткий очерк Хорасана: 1894 г. // СМА. 1894. Вып. 56. С. 182–183.

⁷⁵⁸ Там же. С. 185.

⁷⁵⁹ Там же. С. 186.

⁷⁶⁰ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. 1901. Д. 482. Л. 61.

⁷⁶¹ М. Басханов указывал, что он был командирован военным министром [Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Биобиблиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С. 30] На самом деле П.А. Ванновский лишь утвердил ходатайство А.Н. Куропаткина [РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. 1901. Д. 482. Л. 64].

⁷⁶² Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Биобиблиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С. 29.

⁷⁶³ Там же. С. 30, 242. Кроме того, А.Г. Туманский стал изучать секту бабидов. «Вообще секта эта представляет собою симпатичнейшую среди всех остальных толков ислама, – писал его сослуживец. – Описание этого учения и самих бабистов (бабиды – религиозно-политическое движение, созданное Сейидом Али Мохаммедом по прозвищу Баб в 1844 г. в Иране – О.Г. [Иванов М.С. Бабидские восстания в Иране (1848–1852). М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1939. 175 с.; Мирза-Казем-Бек. Баб и бабиды СПб.: Типография В.Н. Майкова, 1865. 212 с.; Smith P. The Bábí and Bahá'í Religions: From Messianic Shi'ism to a World Religion. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1987. 243 p.] занят в настоящее время штабс-капитан Туманский (состоящий в распоряжении командующего войсками Закаспийской области), который уже издал по этому поводу брошюрку, встреченную с живейшим интересом среди наших ориенталистов» [Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Волынского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование) // СМА. 1896. Вып. 63. С. 90]. Дело в том, что одной из важных задач А.Г. Туманского в указанной экспедиции было изучение положения бабидов в Иране. «В Закаспии был наплыв бабистов, и начальство не знало, как надо смотреть на эту секту, считать её вредной или полезной». После поездки и работы А.Г. Туманского «был принят вполне благожелательный курс в отношении этих сектантов», поэтому беханты стали считать А.Г. Туманского своим покровителем [Смирнов К.Н. «Интеллидженс» Кавказского фронта в период 1878–1918 годов // Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 209–210]. По возвращении работы А.Г. Туманского были переданы в архив Военно-учёного комитета и образовали отдельное дело [РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. 1901. Д. 482. 97 л.]. Интересные воспоминания об этом крупнейшем российском востоковеде в погонах оставил К.Н. Смирнов [Смирнов К.Н. «Интеллидженс» Кавказского фронта в период 1878–1918 годов // Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 208–212]. Отмечая, что тот был

значительной личностью, К.Н. Смирнов, заметил, что он «пытался поступить в Академию ГШ, но ушёл оттуда и на всю жизнь вынес недовольство Генеральным штабом. Он любил отпускать такие словечки: «ведь офицеры Генер[ального] шт[аба] не служат, а походят службу», хотя на самом-то деле это выражение больше всего было применимо к нему самому. Это был большой, хорошо образованный лентяй, с профессорским складом ума» [Там же. С. 208–209]. Он оказался и неважным военным агентом. А.Г. Туманский как был отозван с должности негласного военного агента в Ване, поскольку его эрзерумский коллега доносил о том, что делалось по военной части в Ване, «чего не знал Т[уманский]» [Там же. С. 210].

⁷⁶⁴ Впрочем, он рассматривал также естественные препятствия и дороги и на случай движения неприятеля к русским границам и для защиты Закаспийской железной дороги. «Рассмотренному нами району, – писал офицер, – придётся войти в состав театра военных действий как в случае столкновения нашего с Афганистаном, так и в случае временного или постоянного занятия нами Хорасана» [Орановский. Военно-статистическое описание северо-восточной части Хорасана 1894 г. // СМА. 1896. Вып. 68. С. 110].

⁷⁶⁵ Там же. С. 96–98.

⁷⁶⁶ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. 1901. Д. 482. 97 л.

⁷⁶⁷ Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Вольнского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование) // СМА. 1896. Вып. 63. 367 с.; Туманский. От Каспийского моря к Хормузскому проливу и обратно, 1894 г. // СМА. 1896. Вып. 65. С. 1–130.

⁷⁶⁸ Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Вольнского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование) // СМА. 1896. Вып. 63. С. 3, 162. К.-О.Г. Баумгартен указывал, что должен был выяснить данные, «применение которых может послужить к развитию торговых сношений с Персиею вообще, а русско-персидской торговли в частности» [Там же. С. 2].

⁷⁶⁹ Там же. С. 19.

⁷⁷⁰ Там же. С. 2.

⁷⁷¹ Там же. С. 19.

⁷⁷² Там же. С. 20.

⁷⁷³ Там же. С. 322.

⁷⁷⁴ В частности, он связал свою маршрутную съёмку со съёмкой И.И. Стрельбицкого [Там же. С. 18]. Маршрутной съёмкой им было снято 1 870 вёрст [Там же. С. 20].

⁷⁷⁵ Там же. С. 123.

⁷⁷⁶ Там же. С. 45.

⁷⁷⁷ Там же. С. 328.

⁷⁷⁸ «Участок Кучан–Мешхед считается колёсным, но в сущности, по словам нашего генерального консула в Хорасане, дорога эта до разработки была более удобна для повозок, так как верхний слой покрывавшего её щебня не был тронут» [Там же. С. 329].

⁷⁷⁹ Там же. С. 328.

⁷⁸⁰ Там же. С. 322.

⁷⁸¹ Там же. С. 326–327.

⁷⁸² Там же. С. 330.

⁷⁸³ Там же. С. 337.

⁷⁸⁴ Там же. С. 322.

⁷⁸⁵ Там же. С. 123.

⁷⁸⁶ Там же. С. 318.

⁷⁸⁷ Там же. С. 338.

⁷⁸⁸ Там же. С. 338–342.

⁷⁸⁹ Там же. С. 319.

⁷⁹⁰ Там же. С. 319–320, 338.

⁷⁹¹ Там же. С. 320–321.

⁷⁹² «Вне всякого сомнения можно полагать Йедзскую провинцию вне сферы нашего торгового влияния, – считал К.-О.Г. Баумгартен, – по крайней мере со стороны Закаспийской области, и что Йезд тяготеет к порту Бендер-Аббас. Таким образом, крайним пунктом, тяготеющим в сторону нашего влияния, должно бы принять Теббес» [Там же. С. 123].

⁷⁹³ «Армяне являются полезным проводником нашего экономического влияния и посредником в торговле», – отмечалось в журнале одного из Особых совещаний конца XIX в. [Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны // Красный архив. № 4 (53). 1932. С. 24–25].

⁷⁹⁴ Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Волынского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование) // СМА. 1896. Вып. 63. С. 321.

⁷⁹⁵ Там же. С. 17–18.

⁷⁹⁶ Там же. С. 56.

⁷⁹⁷ Там же. С. 343–344.

⁷⁹⁸ Там же. С. 344–345.

⁷⁹⁹ Туманский. От Каспийского моря к Хормузскому проливу и обратно, 1894 г. // СМА. 1896. Вып. 65. С. 1–130.

⁸⁰⁰ Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С. 253; Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic

Publishing, 2015. С. 118; Ховен, фон дер. Путь от Тегерана к Персидскому заливу // СМА. 1893. Вып. 54. С. 143–153.

⁸⁰¹ Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Биобиблиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С. 253.

⁸⁰² Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 65.

⁸⁰³ Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны // Красный архив. № 4 (53). 1932. С. 14.

⁸⁰⁴ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 221–222.

⁸⁰⁵ Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860–1914. Очерки истории частного предпринимательства. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1991. С. 84–85.

⁸⁰⁶ В этом смысле статьи Владимира Лиходедова и Валерия Чумакова, посвящённые братьям Поляковым, представляются обыкновенной их апологией, лишённой глубокого исторического анализа [Лиходедов В. Братья Поляковы // Банкаўскі веснік. 2009. № 10. С. 63–66; Чумаков В. Его Высокопревосходительство господин персидский барон [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sem40.ru/famous2/m1349.shtml>].

⁸⁰⁷ Томар М.Л. Экономическое положение Персии: Отчёт командированного в 1893–1894 гг. в Персию для исследования положения русско-персидской торговли. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1896. С. 125.

⁸⁰⁸ Нужно сказать, что это ему удалось. Я.С. Поляков получил от русского правительства 225 000 рублей за уступку всех акций на сумму в 5 000 000 франков (1 875 000 рублей), которые к моменту продажи банка считались оплаченными на 2 000 000 франков (750 000 рублей), инвентаря, концессии и устава, а также в возмещение расходов «по обзаведению и устройству» [Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860–1914. Очерки истории частного предпринимательства. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1991. С. 85–86; Ананьич Б.В. Учётно-ссудный банк Персии в 1894–1907 гг. // Монополии и иностранный капитал в России. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 277].

⁸⁰⁹ Финансовая структура, созданная в октябре 1891 г. и находившаяся под контролем Л.С. Полякова (был председателем правления). Последний использовал его для финансовых махинаций, в том числе и в Иране [Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860–1914. Очерки истории частного предпринимательства. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1991. С. 86–110; Чумаков В. Его Высокопревосходительство господин персидский барон [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sem40.ru/famous2/m1349.shtml>; Чумаков В. Русский капитал. От Демидовых до Нобелей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.e-reading.org.ua/book.php?book=70497>]. М.Л. Томар так характеризовал цель и деятельность

отделения этого банка в Иране. «Главной причиной его учреждения, – писал он, – была необходимость для персидских предприятий Л.С. Полякова (Товарищество для торговли и промышленности, страховое и транспортное общество) пользоваться каким-либо банком для переводов и т. п., почему тегеранское отделение Московского международного банка и следует считать дополнительным предприятием к другим, принадлежащим Л.С. Полякову. Это отделение, кроме своего значения в смысле связующего звена между Россией и поляковскими предприятиями в Персии, почти не играет роли в персидской торговле, лишь участвуя (в 1893–94 г.) в поставках серебра на монетный двор, ныне же оно выключено из всех комбинаций, вытекших из последовавших в 1894 г. запрещения ввоза серебра в Персию и закрытия монетного двора для свободной чеканки кранов» [Томар М.Л. Экономическое положение Персии: Отчёт командированного в 1893–1894 гг. в Персию для исследования положения русско-персидской торговли. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1896. С. 125].

⁸¹⁰ Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895–1914 гг.: (По материалам Учётно-ссудного банка Персии). Л: Наука, 1975. С. 16. «Масса денег, расходуемых англичанами для содержания агентуры официальной и тайной, на подарки влиятельным лицам, и необыкновенная их щедрость при путешествиях, заставляют предполагать и необыкновенное богатство, и могущество государства, подданные которого располагают такими огромными средствами. Но государство это отстоит далеко и силой своей импонировать не может, а потому единственным рычагом для оказания влияния остаются деньги, которыми англичане и пользуются для расположения в свою пользу правителей; это вообще им сделать не трудно, в виду упомянутого недоброжелательства правителей к нам, – сообщал российский наблюдатель. – В отношениях английского генерального консульства в Хорасане и Сеистане к чинам персидской администрации можно усмотреть черты совершенно противоположные отношениям нашего консула, именно некоторое заискивание, что несомненно указывает на недостаток силы. Таким образом, когда в день праздника королевы Виктории в английском консульстве имел состояться обед, на который были приглашены как русское консульство, так и высшие чины персидской администрации и один из последних, именно губернатор Джама, Хафа и Бехарза Али-Марданхан опоздал к обеду, то английский консул, не желая его обидеть, заставил прождать два часа всех своих приглашённых. Влияние англичан на народ вообще весьма слабо и существует только в юго-восточной части района, где население чаще встречается с людьми, находящимися у них на службе; в западной же части района об англичанах почти ничего не знают. Для наблюдения за интересами английских подданных в Хорасане и Сеистане, но ещё более для противодействия нашему влиянию в этих странах, в г. Мешхеде имеется английское генеральное консульство. Состоит оно из генерального консула, секретаря и доктора. Все они военные, в противоположность нашему консульству, в котором все чины гражданские. Затем имеется другой доктор индус и конвой из 6 кавалеристов Пенджабского конного полка. Помещается консульство

в превосходном собственном доме и обставлено всевозможными удобствами, конвой сидит на превосходных лошадях, а одежда и снаряжение поражают своим изяществом. При помещении консульства устроена больница, в которой могут бесплатно лечиться все желающие туземцы; в действительности ежедневно для консультаций в больницу приходит до 100 человек мужчин и женщин и до двадцати человек (в мае 1894 г.) лечится в больнице, причём им выдаются бесплатно необходимые лекарства, а живущим там и пища. Английское генеральное консульство содержит у себя на жаловании большое число наших подданных туркмен. Наиболее влиятельным из них является Саат-бай, в распоряжении которого находятся всегда огромные перевозочные средства. Из туркмен же организована линия летучей почты от Мешхеда до Герата; посты её расположены на каждом переходе и состоят из 3–5 человек, причём каждый получает жалованье 11 туманов в месяц. Этими туркменами англичане весьма часто пользуются для собирания сведений в Закаспийской области, с каковой целью они содержат помимо этого ещё много тайных агентов [Орановский. Военно-статистическое описание северо-восточной части Хоросана 1894 г. // СМА. 1896. Вып. 68. С. 107–109].

⁸¹¹ Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895–1914 гг.: (По материалам Учётно-ссудного банка Персии). Л: Наука, 1975. С. 17.

⁸¹² Томар М.Л. Экономическое положение Персии: Отчёт командированного в 1893–1894 гг. в Персию для исследования положения русско-персидской торговли. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1896. С. 124.

⁸¹³ Там же.

⁸¹⁴ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 222.

⁸¹⁵ Ананьич Б.В. Учётно-ссудный банк Персии в 1894–1907 гг. // Монополии и иностранный капитал в России. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 276–277.

⁸¹⁶ Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895–1914 гг.: (По материалам Учётно-ссудного банка Персии). Л: Наука, 1975. С. 17.

⁸¹⁷ Там же.

⁸¹⁸ Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. С. 149–150.

⁸¹⁹ Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 142.

⁸²⁰ Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. С. 119. Впрочем, с точки зрения Военного министерства необходимость хороших дорог, связавших бы пограничные районы России в первую очередь с иранской столицей, экономический фактор вряд ли играл ту роль, как для Министерства финансов.

⁸²¹ Томар М.Л. Экономическое положение Персии: Отчёт командированного в 1893–1894 гг. в Персию для исследования положения русско-персидской торговли. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1896. С. 105.

⁸²² Там же. С. 51.

⁸²³ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 49.

⁸²⁴ Томар М.Л. Экономическое положение Персии: Отчёт командированного в 1893–1894 гг. в Персию для исследования положения русско-персидской торговли. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1896. С. 51.

⁸²⁵ Как отмечал В.А. Косоговский, «в самом Энзелийском заливе могли бы поместиться все суда Каспийского моря, становясь при этом на якорю лишь в нескольких шагах от берега ... Но все прекрасные свойства залива пропадают непроизводительно, так как в него для судов нет постоянного входа: шив соединяется с морем коротким проливом в 1/2 версты длиною и до 400 шагов шириною; глубина пролива в некоторых местах не превосходит 6 фут и при том крайне изменчива. Благодаря этому, в него могут входить лишь мелкие суда, но и то только в спокойную погоду, так как на отмели (банке), преграждающей вход в пролив, частью вследствие мелководья, частью вследствие борьбы морского прилива с течением из залива, при малейшем волнении, образуется страшный бар, рокот которого заглушает голос человеческий; волны разбегаются далеко по морю и дают себя знать иногда на глубине 8 сажен. При этом ветры совершенно беспрепятственно гуляют по открытому рейду; вдобавок дно весьма неровно, а следовательно и глубина его изменчива. Вследствие всех этих причин, суда могут становиться на якорю только на весьма большой глубине и притом в тихую погоду» [Косоговский. Прибрежное пространство между таможеню Астара, городом Энзели и горами (персидская провинция Гилян) // СМА. 1891. Вып. 49. С. 56–57]. Россия уже пыталась закрепить на энзелийском рейде в 1840-х гг., но шахское правительство не дало на это согласие [Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 9–11]. Попытка, предпринятая в конце века оказалась намного успешнее.

⁸²⁶ Томар М.Л. Экономическое положение Персии: Отчёт командированного в 1893–1894 гг. в Персию для исследования положения русско-персидской торговли. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1896. С. 51.

⁸²⁷ Там же. С. 64–66.

⁸²⁸ Позже всего была реализована идея соединения Закавказской железной дороги с персидской границей. В 1899–1908 гг. была построена линия Тифлис – Александрополь – Эривань – Джульфа (по Туркманчайскому договору 1828 г. Джульфа (Джуга), расположенная на берегах р. Аракс, оказалась разделённой на две части: южная – за Персией, северная – за Россией. Дорога была завершена в русской Джульфе).

⁸²⁹ Гоков О.А. Разведывательные поездки офицеров штаба Закаспийской области в Иран в 1894 г. // Инновации в технологиях и образовании: сб. ст. участников X Международной научно-

практической конференции «Инновации в технологиях и образовании», 17–18 марта 2017 г. Белово: Изд-во филиала КузГТУ; Изд-во ун-та «Св. Кирилла и Св. Мефодия», 2017. Ч. 3. С. 28–30.

⁸³⁰ РГВИА. Ф. 446. Д. 46. Л. 108.

⁸³¹ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 47 (От Казвина до Тегерана колёсная дорога уже была проложена [Там же. С. 48]).

⁸³² Бельгард. Описания и маршруты путей Тегеран – Шерестанек – Валиабад – Бауде-Саре – Чаулус; Саре-Чаулус – Саринкала – Махмудабад – Мешедессер; Энзели – Решт – Казвин и Казвин–Тегеран ротмистра Бельгарда // СМА. 1895. Вып. 62. С. 256–305.

⁸³³ Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860–1914. Очерки истории частного предпринимательства. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1991. С. 88–92.

⁸³⁴ Там же. С. 89. Вполне возможно, что в Петербурге использовали предприятия Л.С. Полякова, как и других коммерсантов, в качестве прикрытия, не желая афишировать участие государства в иранских концессиях.

⁸³⁵ Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. С. 236.

⁸³⁶ Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895–1914 гг.: (По материалам Учётно-ссудного банка Персии). Л.: Наука, 1975. С. 14–15; Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. С. 236; Новая история Ирана. Хрестоматия. М.: Наука, 1988. С. 147; Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 140. Вслед за тем был приобретён участок дороги для ее продолжения от Казвина до Тегерана. Интересно, что текст концессии на русском языке, насколько нам известно, до сих пор не опубликован.

⁸³⁷ Обзор Кавказско-персидского театра военных действий. Составлен при штабе Кавказского военного округа. Тифлис: Типография канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1899. С. 59.

⁸³⁸ Там же. С. 59–63, 67. Именно этим часто пользовались русские инструкторы, приезжавшие в столицу и уезжавшие из Тегерана и именно его предполагалось использовать в качестве главного в случае войны. Хотя дорога Гассанабад–Валиабад–Шарестанек, предназначенная для поездок шаха, была короче, но поскольку здесь не было условий для продвижения большого отряда войск, её предполагали использовать в качестве второстепенной или для движения самостоятельного летучего отряда при необходимости быстро занять Тегеран [Там же. С. 65–66].

⁸³⁹ Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895–1914 гг.: (По материалам Учётно-ссудного банка Персии). Л.: Наука, 1975. С. 14–15; Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 140.

- ⁸⁴⁰ Томар М.Л. Экономическое положение Персии: Отчёт командированного в 1893–1894 гг. в Персию для исследования положения русско-персидской торговли. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1896. С. 64–65.
- ⁸⁴¹ Там же. С. 65–66.
- ⁸⁴² Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 48.
- ⁸⁴³ Абрамов А.Е. Реконструкция Энзелийского порта и её значение в освоении Ирана русским капиталом (1895–1914 гг.) // Грамота, 2018. № 7(93). С. 22.
- ⁸⁴⁴ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 48.
- ⁸⁴⁵ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 224.
- ⁸⁴⁶ Там же.
- ⁸⁴⁷ Обзор Кавказско-персидского театра военных действий. Составлен при штабе Кавказского военного округа. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1899. С. 39.
- ⁸⁴⁸ История Ирана. М.: Изд-во Московского ун-та, 1977. С. 260.
- ⁸⁴⁹ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 224.
- ⁸⁵⁰ Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895–1914 гг.: (По материалам Учётно-ссудного банка Персии). Л.: Наука, 1975. С. 88.
- ⁸⁵¹ Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны // Красный архив, № 4 (53). 1932. С. 34–35.
- ⁸⁵² Бельгард. Описания и маршруты путей Тегеран – Шерестанек – Валиабад – Бауде-Саре – Чаулус; Саре-Чаулус – Саринкала – Махмудабад – Мешедессер; Энзели – Решт – Казвин и Казвин–Тегеран ротмистра Бельгарда // СМА. 1895. Вып. 62. С. 265.
- ⁸⁵³ Так, в инструкции 1887 г. Н.С. Долгорукову министр иностранных дел указывал, что «Проживающий в Тебризе Мозафарэддин-мирза не отличается ни способностями, ни твёрдостью характера, но возлагает свои упования на Российское Императорское правительство и, следовательно, всегда будет готов в точности следовать нашим советам и указаниям. Так как валиат управляет Азербайджаном, пограничным с Кавказом, в случае необходимости мы будем иметь возможность оказать ему действительную поддержку» [Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 135].

⁸⁵⁴ Какое именно – сказать сложно, поскольку записка В.К. Бельгарда о роли ПКБ в случае смерти шаха, поданная в штаб Кавказского военного округа, нами не обнаружена. Однако в 1896 г. фактически силами ПКБ было обеспечено восхождение на престол Мозаффарэдина [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 87–90]. А в начале 1900-х гг., в связи с ухудшением его здоровья, Миссия в соглашении с Заведующим обучением персидской кавалерии – русским офицеров ГШ, возглавлявшим ПКБ – выработала меры, которые должны были быть приняты в случае смерти шаха для возведения на престол наследника престола, валиата – Мохаммедали-мирзы [Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны // Красный архив, № 4 (53). 1932. С. 19].

⁸⁵⁵ Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 135.

⁸⁵⁶ «В составе сначала бригады кавалерии с горной батареей, дополненного затем бригадой пехоты» [Бельгард. Общее описание пути Тегеран – Шерестанек – Валиабад – Бауде-Саре – Чаулус // СМА. 1895. Вып. 62. С. 263–264].

⁸⁵⁷ Нужно заметить, что в 1896 г. В.А. Косоговский, реорганизовавший к тому времени ПКБ, опираясь исключительно на «казачков» сумел бескровно и относительно беспрепятственно обеспечить переход власти к Мозаффарэдину [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада. 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 87–90]. Таким образом, идеи, зародившиеся (или получившие развитие) в начале 1890-х гг. им были реализованы в полной мере. Но достигнуто это было совершенно иной по численности, организации, управлению и моральному духу бригадой, в чём огромная заслуга её командира. С этого времени ПКБ стала опорой законной иранской власти и, заодно – инструментом поддержания русского влияния. Так, в 1903 г. (или в первой половине 1904 г.) в связи с полученными сведениями о состоянии здоровья шаха русская Миссия выработала совместно с новым командиром бригады полковником ГШ Фёдором Григорьевичем Чернозубовым «те меры, которые должны быть приняты на случай смерти Мозаффарэдина в видах беспрепятственного перехода власти к валиату – Мохаммадали-мирзе» [Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны // Красный архив, № 4 (53). 1932. С. 19]. В период персидской революции ПКБ, возглавляемая уже полковником ГШ Владимиром Платоновичем Ляховым, снова отстаивала интересы России в Иране, поддерживая Мохаммадали-шаха [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 134–175].

⁸⁵⁸ К слову, такая переброска впоследствии была частично реализована во время персидской революции 1905–1911 гг. [Нетесов А. Миротворческая миссия за Араксом Как русские войска нормализовали обстановку в Персии в начале XX века [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nvo.ng.ru/history/2009-07-03/12_persia.html; Стрелянов (Калабухов) П.Н. Неизвестный поход: казаки в Персии в 1909–1914 гг. М.: Рейтар, 2001. 72 с.; Стрелянов (Калабухов) П.Н. Казаки в Персии 1909–1918 гг. М.: Центрполиграф, 2007. 448 с.].

⁸⁵⁹ Бельгард. Общее описание пути Тегеран – Шерестанек – Валиабад – Бауде-Срае – Чаулус // СМА. 1895. Вып. 62. С. 265.

⁸⁶⁰ История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М.: Международные отношения, 1997. С. 64.

⁸⁶¹ Юдин Е.Е. Император Николай II в восприятии русской аристократии. 1894–1914 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://istorja.ru/articles.html/russia/nicholas-ii-in-perception-of-russian-aristocracy-1894-1914>.

⁸⁶² Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы 1700–1918 гг. М.: Росспен, 2004. С. 383.

⁸⁶³ Игнатъев А.В. Последний царь и внешняя политика // Вопросы истории. 2001. № 6. С. 4.

⁸⁶⁴ История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М.: Международные отношения, 1997. С. 64.

⁸⁶⁵ Мультиатули П.В. Внешняя политика императора Николая II (1894–1917). М.: ФИВ, 2013. С. 785.

⁸⁶⁶ Высокочков Л.В. Николай I. М.: Молодая гвардия, 2006. 693 с.; Надлер В.К. Император Александр I и идея Священного союза. Рига: Н. Киммель, 1886. Т. 1.[4], IV, 378 с.; Т. 2. [6], IV, 384 с.; Т. 3. 1887. [6], IV, VI, 432 с.; Т. 4. 1888. [6], VI, 458 с.; Т. 5. 1892. [6], VIII, 643 с.; Николай Первый. Рыцарь самодержавия. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 479 с.

⁸⁶⁷ При всей тенденциозности П.В. Мультиатули лучше всех из упомянутых нами историков показал, как именно влияла вера на международную деятельность последнего императора из династии Романовых [Мультиатули П.В. Внешняя политика императора Николая II (1894–1917). М.: ФИВ, 2013. 872 с.].

⁸⁶⁸ История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М.: Международные отношения, 1997. С. 64.

⁸⁶⁹ О влиянии К.П. Победоносцева: Тимошина Е.В. Политико-правовая идеология русского пореформенного консерватизма: К.П. Победоносцев. СПб: Издательство СПбГУ, 2000. 204 с.; Томсинов В.А. Константин Петрович Победоносцев (1827–1907): человек, государственный деятель и правовед // Победоносцев К.П. Юридические произведения. М.: Зерцало, 2012. С. 7–216; Фирсов С.Л. Николай II: Пленник самодержавия. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 44–49, 103; Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. М.: ОГИ, 2004. С. 425–427; Burnes R.F. Pobedonostsev. His life and Thought. Bloomington, London: Indiana University Press, 1968. 495 p.

⁸⁷⁰ Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Несостоявшийся Кортес: имперские амбиции Николая Пржевальского // Родина. 2002. № 6. С.36-40.

⁸⁷¹ Ухтомский Э.Э. Из китайских писем. СПб.: Паровая скоропечатня ВОСТОК, 1901. 46 с.; Ухтомский Э. К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку. СПб.: Паровая

скоропечатня ВОСТОК, 1900. 87 с.; Ухтомский Э. От Калмыцкой степи до Бухары. СПб.: Тип. Князя В.П. Мещерского, 1891. 212 с.; Ухтомский Э.Э. О состоянии миссионерского вопроса в Забайкалье. СПб.: Синодальная типография, 1892. 48 с. Детальнее о влиянии указанных личностей на Николая II см.: Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 102–103; Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 39–94; Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. М.: ОГИ, 2004. С. 438–442.

⁸⁷² Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 35.

⁸⁷³ Символично, что в дневниковых записях одной из центральных личностей в Министерстве иностранных дел В.Н. Ламсдорфа за 1880-е – начало 1890-х гг. персидские дела упоминались довольно часто. Дневник же за 1894–1896 гг. содержит всего три–четыре незначительные пометки, из которых лишь две [Ламсдорф В.Н. Дневник. 1894–1896. М.: Международные отношения, 1991. С. 55–56] имеют отношение к внешнеполитической линии государства. Основные темы его заметок хорошо иллюстрируют приоритеты первых лет царствования Николая II – европейские дела, Дальний Восток, Османская империя и Балканы – и служат доказательством тому, что «персидская» политика была на третьих–четвёртых ролях и разрабатывалась не столько мидовцами, сколько министерством финансов и военными. Внешнеполитическое ведомство лишь оформляло их инициативы с разрешения царя.

⁸⁷⁴ Айрапетов О.Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история. М., 2014. 495 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/na-puti-k-krahu-russko-yaponskaya-voyna-1904-1905-gg-voenno-politicheskaya-istoriya-read-399953-1.html>.

⁸⁷⁵ Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1922. Т. 2. С. 31.

⁸⁷⁶ Игнатьев А.В. Последний царь и внешняя политика // Вопросы истории. 2001. № 6. С. 4.

⁸⁷⁷ Там же. С. 4–5.

⁸⁷⁸ Хотя официально восточная политика по-прежнему находилась в ведении Азиатского департамента Министерства иностранных дел. С 12 марта 1891 г. до 15 января 1897 г. его возглавлял граф Дмитрий Алексеевич Капнист [Павловський І.Ф. Полтавці: Ієрархи, державні і громадські діячі і благодійники [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://histpol.pl.ua/pages/content.php?page=3888>].

⁸⁷⁹ Сапрыкин Р.В. А.Н. Куропаткин: Жизнь. Деятельность. Личность: дис. ... канд ист наук. М., 2003. С. 88.

⁸⁸⁰ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 15–16.

⁸⁸¹ Дневники императора Николая II. М.: ОРБИТА, 1991. С. 71.

⁸⁸² Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. 65 с.

⁸⁸³ Следует заметить, что А.Н. Куропаткин отмечал активизацию на Ближнем Востоке и в Персии в частности, Германии, считая, что в перспективе она также может составить опасного конкурента России [Там же. С. 42]. «Но самым главным нашим противником в Персии, как и всюду в Азии, является Англия», – констатировал он [Там же. С. 43].

⁸⁸⁴ Там же. С. 39, 43–44.

⁸⁸⁵ Идея сохранения целостности Персидской державы, но под русским влиянием была вообще широко распространена в политических кругах империи Романовых с 1870-х гг. [Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. С. 413]. В 1890-х – начале XX в. тезис о том, что Россия должна преобладать в Персии стал доминирующим и среди политиков и среди публицистов [Там же. С. 415].

⁸⁸⁶ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 26, 59, 62–63.

⁸⁸⁷ Там же. С. 59.

⁸⁸⁸ Там же. С. 35–36.

⁸⁸⁹ Там же. С. 36–37.

⁸⁹⁰ Там же. С. 61.

⁸⁹¹ Там же. С. 42.

⁸⁹² Там же. С. 48.

⁸⁹³ Там же. С. 61–62.

⁸⁹⁴ Там же. С. 58.

⁸⁹⁵ Там же. С. 37.

⁸⁹⁶ Там же. С. 57.

⁸⁹⁷ Там же. С. 50.

⁸⁹⁸ Там же.

⁸⁹⁹ В железнодорожном вопросе А.Н. Куропаткин развивал позицию военных чинов империи, высказанную в 1890 г.

⁹⁰⁰ Там же. С. 62.

⁹⁰¹ Там же. С. 65.

-
- ⁹⁰² Там же.
- ⁹⁰³ Там же. С. 63.
- ⁹⁰⁴ Там же. С. 63–64.
- ⁹⁰⁵ Там же. С. 48.
- ⁹⁰⁶ Там же. С. 64.
- ⁹⁰⁷ Там же. С. 65.
- ⁹⁰⁸ Дневники императора Николая II. М.: ОРБИТА, 1991. С. 82.
- ⁹⁰⁹ Леонтьев М. Большая игра. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб. 2012. С. 124.
- ⁹¹⁰ К истории англо-русского соглашения 1907 г. // Красный архив. 1935. Т. 2/3 (69/70). С. 13.
- ⁹¹¹ Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895–1914 гг: (По материалам Учётно-ссудного банка Персии). Л: Наука, 1975. С. 17–18.
- ⁹¹² Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М.: РОССПЭН, 2012. С. 453–455.
- ⁹¹³ К истории англо-русского соглашения 1907 г. // Красный архив. 1935. Т. 2/3 (69/70). С. 19.
- ⁹¹⁴ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 61. 1898. О заключении Персией внешнего займа и о снабжении Персидской казачьей бригады оружием и огнестрельными припасами. Л. 17.
- ⁹¹⁵ Там же. Л. 18.
- ⁹¹⁶ Там же. Л. 18
- ⁹¹⁷ Там же. Л. 18.
- ⁹¹⁸ Там же. Л. 18–19.
- ⁹¹⁹ К 1893 г. граница между государствами в основном была определена.
- ⁹²⁰ 22 ноября 1881 г. Кавказское наместничество было упразднено, и образована Кавказская администрация во главе с Главнначальствующим гражданской частью, он же одновременно был главнокомандующим и наказным атаманом казачьих войск.
- ⁹²¹ Сапарова Д.Ч. Влияние Закаспийской железной дороги на развитие русско-иранских торговых связей (90-е гг. XIX в.). Ашхабад: Ылым, 1991. С. 24–25.
- ⁹²² Белоглазов А.В. Формирование каспийского направления российской геополитики // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2005. Т. 147. № 1. С. 123–143; Габиева З. Правовой статус Каспия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://observer.materik.ru/observer/N8_2004/8_12.HTM.
- ⁹²³ Абрамов А.Е. Русские концессии в Прикаспийском Иране в конце XIX века: к проблеме путей и методов проникновения российского капитала в Иран // Актуальные проблемы юриспруденции. Сборник научных трудов. Владимир: ВГПУ, 2002. Вып. 3. С. 164–170.
- ⁹²⁴ Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Волянского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование) // СМА. 1896. Вып. 63. С. 83.

⁹²⁵ Орановский. Военно-статистическое описание северо-восточной части Хоросана 1894 г. // СМА. 1896. Вып. 68. С. 104–107. В этой связи утверждение В.М. Хвостова о том, что «русские власти развили энергичную деятельность по превращению в своих агентов ханов и вождей различных племён в Хорасане ... различными средствами, уже давно применявшимися царскими консулами в северных провинциях Персии: подкупом, предоставлением поддержки и протекции в разного рода случаях, запугиванием, скупкой земли и феодальных прав» [История дипломатии. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1963. Т. 2. Дипломатия в Новое время. 1871–1914. С. 206] для последней трети века нуждается в детальном уточнении и исправлении, так как не совсем соответствует действительности.

⁹²⁶ В 1866 г. министр просвещения в отчете об организации Московского и Казанского учебных округов, предоставил на высочайшее рассмотрение проект открытия в Астрахани учебного заведения для иранских подданных: элементарного или первоначального. «Обучаясь нашему языку, – писал министр, – сродняясь с нашим просвещением, они могли бы распространять его в своей стране, а это было бы самым прочным и вместе самым дешёвым нашим завоеванием на Востоке» [Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 61–62]. Именно эта идея лежала в основе привлечения на русскую службу иранской знати, иранских офицеров. Она же, по сути, реализовывалась и в ПКБ на примере части бригадных офицеров из местного населения. Правда, до начала XX в. системного осуществления она не получила.

⁹²⁷ Гиппиус В. Осады и штурм Карса в 1877 г. Исторический очерк. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1885. С. 570; Смирнов К.Н. «Интеллидженс» Кавказского фронта в период 1878–1918 годов // Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 188..

⁹²⁸ Кавказский календарь на 1890 год. Тифлис: Типография канцелярии Главногоначальствующего гражданского частью на Кавказе, 1889. Отдел 2. С. 205.

⁹²⁹ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 73–109.

⁹³⁰ Там же. С. 87.–89; Персия в конце XIX века. (Дневник ген. Косооговского) // Новый Восток. 1923. Кн. 3. С. 446–469.

⁹³¹ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 130–133.

⁹³² Боев Э.Б., Воронкова Г.В. Национальная политика шахского правительства Ирана в 1925–1979 годах // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 12. Ч. 1. С. 25–31; Галкина Е.С. Становление нации и пути национализма в Иране // Вестник Рязанского

государственного университета им. С.А. Есенина. 2011. № 32. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-natsii-i-puti-natsionalizma-v-irane>; Каменева М.С. Национальные традиции и языковая политика в Иране (20-е – начало 80-х гг. XX в.) // Зарубежный Восток: религиозные традиции и современность. М.: Наука, 1983. С. 140–145; Раванди-Фадаи Л.М. Этнос, нация, национализм: иранский взгляд // Нации и национализм на мусульманском Востоке. М.: ИВ РАН, 2015. С. 193–206; Сухоруков А.Н. Развитие националистических идей в Иране в конце 19 в. и их связь с языковым пуризмом // «Слинкинские чтения»: материалы II Международной научно-практической конференции памяти профессора М. Ф. Слинкина, 14 февраля 2014 г. Симферополь, 2014. Т. 1. С. 50–52; Тимкин Ю.Н. Идеология неоахеменизма в государственно-политической модернизации Ирана периода династии Пехлеви // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 3(65). Ч. 1. С. 169–172; Cronin S. The Army and Creation of the Pahlavi State in Iran, 1921–1926. I.B.Tauris, 1997. 296 p.; Cronin S. The Making of Modern Iran: State and Society under Riza Shah, 1921–1941. Taylor & Francis, 2003. 312 p.

⁹³³ Донгаров А.Г. Иностраный капитал в России и СССР. М.: Международные отношения, 1990. С. 17.

⁹³⁴ Хидояттов Г.А. Британская экспансия в Средней Азии: (Пенде, март 1885 г.). Ташкент: ФАН, 1981. 213 с.; Лунёва Ю. «...Из-за Герата мы не забудем Константинополя»: [о вооруженном столкновении между рус. и афган. войсками на р. Кушке 18 марта 1885 г., завершившемся победой рус. войск] // Родина. 2010. № 8. С. 62–64; Лисицина Н.Н. Закаспийский край в англо-русских отношениях: 1880-е – 1907 гг. Дисс. ... канд. ист. наук, М., 2006. С. 168–210.; Айрапетов О.Р. До и после Кушки // Родина. 2015. № 2. С. 56–57.

⁹³⁵ История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М.: Международные отношения, 1999. С. 273–282.

⁹³⁶ Донгаров А.Г. Иностраный капитал в России и СССР. М.: Международные отношения, 1990. С. 14.

⁹³⁷ О создании русско-французского союза см.: Документы по заключению франко-русского союза (1891–1893 гг.) // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Гос.изд-во полит.литературы, 1952 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/francrus.htm>; Манфред А.З. Образование русско-французского союза. М.: Наука, 1975. 375 с.; Троицкий Н. Внешняя политика 1879–1894 гг.: Русско-французский союз // Россия в XIX веке: Курс лекций [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://scepsis.ru/library/id_1549.html. Экономическое влияние русско-французского сближения рассмотрено в: Бовыкин В.И. К истории перехода французского капитала к новой стратегии инвестиций в России. Экономическая история: Исследования. Историография. Polemika. Сборник. М.: Наука, 1992. С. 108–129; Бовыкин В.И. Французские банки в России в

конце XIX – начале XX века. М.: РОССПЭН, 1999. 254 с. Бовыкин В.И. Французское предпринимательство в России // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России Очерки. М.: РОССПЭН, 1997. С. 156–168; Комиссарова Ж.Н. Экономические отношения Франции и России // Мировое и национальное хозяйство. 2001. № 2 (17) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://mirec.ru/old/index.php%3Foption=com_content&task=view&id=197.html. В результате, к 1914 г. доля от общего числа иностранных инвестиций Франции составляла 32,6% (731 747 000 золотых рублей) от общей суммы в 2 240 955 000 золотых рублей, и значительно опережала других вкладчиков: Англия 507 480 – 22 %, Германия 441 593 – 19,7%, Бельгия 321 602 – 14,3% [Уткин А. И. Вызов Запада и ответ России. М.: Эксмо, 2005 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://militera.lib.ru/research/utkin_ai4/05.html].

⁹³⁸ Голмачёв Е.А. Миротворец Александр III и его время. М.: Воениздат, 2008. С. 151

⁹³⁹ Донгаров А.Г. Иностраннный капитал в России и СССР. М.: Международные отношения, 1990. С. 30.

⁹⁴⁰ Круглый стол по книге Б.Н. Миронова «Российская империя: от традиции к модерну»: в 3 т. СПб.: Изд. Дмитрий Буланин, 2014–2015 // Историческая экспертиза. 2016. Вып. 3. С. 172–200; Круглый стол по книге Б.Н. Миронова «Российская империя: от традиции к модерну»: в 3 т. СПб.: Изд. Дмитрий Буланин, 2014–2015 // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 41-1 (3). С. 846–1065; Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: В 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 896+912+992 с.; Яблонских Е.К. История экономики России XIX века: Конспект лекций. М.: МГТУ Станкин, 2000 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=28256>.

⁹⁴¹ Детальнее о развитии мира во второй половине XIX в. см.: Всемирная история: В 6 т. Т. 5: Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации. М.: Наука, 2014. 963 с.

⁹⁴² Семёнов Ю. Философия истории [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://scepis.net/library/id_1085.html#2.9.2. Конечно, понимание империализма вообще имеет разные плоскости. Но все их объединяет агрессивность, экспансионизм, стремление к господству как центральные компоненты в толковании термина.

⁹⁴³ Империализм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz/>; Clayton P. Imperialism and colonialism. In Enemies and passing friends: settler ideologies in twentieth-century Ulster, London: Pluto Press, 1996. Chap. 1. P. 9–32 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://eprints.gla.ac.uk/2810/1/Imperialism_and_colonialismchapter.pdf. Например, «Энциклопедия британника» даёт классическое для большинства современных исследований понимание империализма: «Империализм – государственная политика, практика или пропаганда расширения власти и господства, особенно путём прямого захвата территории или получения политического и экономического контроля над другими районами. Поскольку империализм всегда предполагает

использование силы, будь то военная сила или какая-то более тонкая форма, его часто считают морально предосудительным, и этот термин часто используется в международной пропаганде для осуждения и дискредитации внешней политики противника» [Imperialism [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.britannica.com/topic/imperialism>].

⁹⁴⁴ Капитализм – экономическая система производства и распределения, основанная на частной собственности, всеобщем юридическом равенстве и свободе предпринимательства. Главным критерием для принятия экономических решений является стремление к увеличению капитала, к получению прибыли (есть и другие определения: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Капитализм>).

⁹⁴⁵ Евзеров Р.Я. Ленинская теория империализма: мифы и реалии // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 43–63; Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.politpros.com/library/13/235/>

⁹⁴⁶ Гобсон Дж.А. Империализм. Л.: Рабочее Издательство Прибой, 1927. 287 с. Д. Гобсон представил империализм как двуединую категорию. В её основу он положил 2 взаимодействующих компонента – экономику и политику, преломляя их сквозь призму национализма, в то время как В.И. Ульянов проблему империализма рассматривал главным образом через призму экономики.

⁹⁴⁷ Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Horos/01.php.

⁹⁴⁸ Англо-русское соперничество в Персии в 1890–1906 гг. // Красный архив. 1933. Т. 1 (56). С. 50.

⁹⁴⁹ Ламсдорф В.Н. Дневник. 1894–1896. М.: Международные отношения, 1991. С. 65

⁹⁵⁰ Кириченко О.Б. Є.К. Бюцов на службі у дипломатичних установах Російської імперії в Японії // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. 2012. № 6 (241). С. 37–48. Здесь же содержится список литературы о Е.К. Бюцове.

⁹⁵¹ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 26.

⁹⁵² АВ ИВР РАН. Ф. 30. Д. 1. Л. 109.

⁹⁵³ Атаев Х.А. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII – XIX вв. М.: Наука, 1991. С. 277. Указанный автор, видимо, имел в виду начало реализации общих таможенных правил для Средней Азии, вошедших в силу с 1 июля 1894 г., установивших единую новую таможенную черту от устья Атрека по южной границе Средней Азии до отрогов Тянь-Шаня и далее – по границе Ферганской и Семиреченской областей [Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. С. 104].

⁹⁵⁴ В ходе «соревнования» с англичанами, арендовавшими и построившими несколько телеграфных линий, в том числе линию Тегеран–Мешхед.

- ⁹⁵⁵ Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. С. 113.
- ⁹⁵⁶ Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895–1914 гг.: (По материалам Учётно-ссудного банка Персии). Л: Наука, 1975. С. 18.
- ⁹⁵⁷ Абрамов А.Е. Энзелийский порт в концессионной политике России в конце XIX – начале XX вв. // Актуальные проблемы юриспруденции. Сборник научных трудов. Владимир: ВГПУ, 2003, Вып. 4. С. 181–190; Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. С. 235, 237; Новая история Ирана. Хрестоматия. М.: Наука, 1988. С. 147.
- ⁹⁵⁸ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 235–237; Медведик И.С. Британские дипломаты в Тегеране: взгляд на англо-русский конфликт в Персии в конце XIX – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 6 (144). История. Вып. 30. С. 118–119.
- ⁹⁵⁹ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 237.
- ⁹⁶⁰ Amanat Abbas. Pivot of the Universe. Nasir Al-Din Shah Qajar and the Iranian Monarchy, 1831–1896. Berkeley, Los Angeles, Oxford: University of California Press, 1997. 536 p.
- ⁹⁶¹ Из тегеранского дневника полковника В.А. Косоговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 68.
- ⁹⁶² Там же. С. 69–70.
- ⁹⁶³ Там же. С. 70.
- ⁹⁶⁴ Шитов Г.В. Персия под властью последних каджаров. Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1933. С. 9–84
- ⁹⁶⁵ Там же. С. 31.
- ⁹⁶⁶ Там же. С. 32.
- ⁹⁶⁷ Милов Л.В., Цимбаев Н.И. История России XVIII–XIX веков. М.: Эксмо, 2006. С. 651–652.
- ⁹⁶⁸ Там же. С. 648–650.
- ⁹⁶⁹ Англо-русское соперничество в Персии в 1890–1906 гг. // Красный архив. 1933. Т. 1 (56). С. 53.
- ⁹⁷⁰ Там же. С. 53. Как ни парадоксально, но пример ПКБ вплоть до принятия её В.А. Косоговским, служил классическим подтверждением последнего тезиса. Бригада действительно была создана «на перспективу», приносила к концу 1880-х–началу 1890-х гг. не столько доходы, сколько убытки своей внутренней неустроенностью, невниманием русского правительства и внутренними дрязгами. В результате, к ней потерял доверие даже сам шах, встал вопрос о ликвидации инструкторской миссии. И лишь благодаря сначала вниманию военного ведомства и ловкости Е.К. Бюцова и В.К. Бельгарда, а затем самоотверженности и профессионализму В.А. Косоговского она превратилась в «прибыльное предприятие» [Гоков О.А. Очерки истории Персидской казачьей бригады (1878–1895): по русским источникам. М.: Русский фонд содействия образованию и науке,

2018. 416 с.; Гоков О. Персидская казачья бригада под руководством В.А. Косоговского: начало преобразований (март 1894 – май 1895 гг.). Booksriptor, 2019. 163 с.; Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. 352 с.].

⁹⁷¹ Англо-русское соперничество в Персии в 1890–1906 гг. // Красный архив. 1933. Т. 1 (56). С. 55.

⁹⁷² Там же. С. 51.

⁹⁷³ Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX - начало XX века). М.: Ключ-С, 2010. С. 264–265.

⁹⁷⁴ Тер-Оганов Н.К. Константин Николаевич Смирнов и русско-иранские отношения в начале XX века // Russian history. 2005. Vol. 32. № 1. P. 51.

⁹⁷⁵ Англо-русское соперничество в Персии в 1890–1906 гг. // Красный архив. 1933. Т. 1 (56). С. 61–62. В последнем министр финансов оказался «провидцем»: вспыхнувшие в Иране в 1905 г. волнения, получившие название «Конституционной революции 1905–1911 гг.» к 1908 г. разрослись настолько, что потребовалось вооружённое вмешательство со стороны Англии и России. С российской стороны сначала действовала ПКБ, при помощи которой в июне 1908 г. Мохаммедали-шах совершил государственный переворот. Затем, в 1909 г. отдельные русские части были введены с территории империи на север Ирана. Наконец, в 1911 г. по согласованию с Англией была начата полномасштабная военная интервенция двух стран, решившая судьбу революции [Алиев С.М. История Ирана. XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. С. 67–71; Иванов М.С. Иранская революция 1905–1911 годов. М.: Издательство ИМО, 1957. С. 487–505; Стрелянов (Калабухов) П.Н. Казаки в Персии. 1909–1918 гг. М.: Центрполиграф, 2007. С. 5–78].

⁹⁷⁶ Тер-Оганов Н.К. Константин Николаевич Смирнов и русско-иранские отношения в начале XX века // Russian history. 2005. Vol. 32. № 1. P. 52. Об иранской революции 1905–1911 гг. см.: Дорошенко Е.А. Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911 и. 1978–1979 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 1998. С. 34–131; Иванов М.С. Иранская революция 1905–1911 годов. М.: Издательство ИМО, 1957. 560 с.; Afary J. The Iranian Constitutional Revolution, 1906–1911. New York: Columbia University Press, 1996. 448 p.; Foran J. The Strengths and Weaknesses of Iran's Populist Alliance: A Class Analysis of the Constitutional Revolution of 1905–1911 // Theory and Society. 1991. Vol. 20. № 6. P. 795–823; Kasravi A. History of the Iranian Constitutional Revolution: Tarikh-e Mashrute-ye Iran Volume 1. Costa Mesa: Mazda Publications, 2006. 347 p.; Mangol Bayat Iran's First Revolution: Shi'ism and the Constitutional Revolution of 1905–1909. Oxford University Press, 1991. 336 p.

⁹⁷⁷ Русский вариант: Конвенция между Россией и Англией по делам Персии, Афганистана и Тибета С.-Петербург, 18/31 августа 1907 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Государственное изд-во политической лит-ры, 1951. С. 386–393. Английский текст конвенции, касающийся Персии, см.: 1907. The Anglo-Russian Entente Great Britain, Parliamentary Papers, London, 1908, Vol. CXXV, Cmd. 3750. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

http://wwi.lib.byu.edu/index.php/The_Anglo-Russian_Entente. О соглашении 1907 г. см.: Остальцева А.Ф. Англо-русское соглашение 1907 года: Влияние русско-японской войны и революции 1905–1907 годов на внешнюю политику царизма и на перегруппировку европейских держав. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1977. 275 с.; Сергеев Е.Ю. Англо-русская Антанта 1907 года. Новые аспекты // Новая и новейшая история. 2007. № 5. С. 50–65; Сергеев Е.Ю. Англо-русская Антанта 1907 г.: мифы и реальность // Россия и Британия. М.: Наука, 2010. Вып. 5. На путях к взаимопониманию. С. 54–64; Снесарев А.Е. Англо-русское соглашение 1907 года. Сообщение начальника среднеазиатского отдела Общества востоковедения Генерального штаба подполковника А.Е. Снесарева, читанное на общем собрании членов Общества ревнителей военных знаний 24 января 1908 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.a-esnesarev.ru/anglo-rus_soglashenie.pdf.

⁹⁷⁸ Правда, после заключения соглашения противостояние не прекратилось, а перешло в скрытую форму. Англичане, стимулируя т.н. «конституционалистов», фактически настраивали их на ликвидацию всего старого, якобы мешавшего развитию Персии. Как метко отметил Махдиян Мохаммад Хасан, «англичане в Иране старались раздувать антирусские настроения среди иранцев, и, к сожалению, Россия своими действиями помогала им в этом» [Махдиян Мохаммад Хасан. История межгосударственных отношений Ирана и России (XIX – начало XX века). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук, М., 2013. С. 14]. Одним из «старых предметов», за ликвидацию которых работали противники шахского режима была ЦКБ. Именно этим объяснялась кампания травли бригады и всего русского, развёрнутая «революционерами» уже с 1906 г.

⁹⁷⁹ Махдиян Мохаммад Хасан. История межгосударственных отношений Ирана и России (XIX – начало XXI века). М.: ИВ РАН, Центр стратегической конъюнктуры, 2014. С. 38.

⁹⁸⁰ Что именно понималось под цивилизацией, определённое представление дают русские словари рассматриваемого времени. Так, в популярном словаре Брокгауза и Ефрона писалось следующее: «Цивилизация – (от латинского слова *civis*, “гражданин”, прилаг. *civilis*, гражданский, общественный – откуда Ц. = “гражданственность”) – состояние народа, которого он достиг благодаря развитию общественности, жизни обществом, и которое характеризуется удалением от первоначальной простоты и дикости, улучшением материальной обстановки и общественных отношений и высоким развитием духовной стороны. Употребление слова Ц. в таком общем, широком значении является в обычном житейском словоупотреблении более или менее установившимся, но у различных писателей, занимавшихся вопросом о человеческом развитии, самое понятие Ц. получало различное определение. В общем можно сказать, что большинство писателей, касавшихся Ц., видели в ней высшее состояние человека и подводили под понятие цивилизации преимущественно те стороны человеческого развития, которые данный писатель считал самыми важными. Определение понятия Ц., установление её факторов и оценка её значения истекают, таким образом, из общего мирозерцания данного писателя и являются

выражением его философско-исторических воззрений и научной “profession de foi”. На изучении Ц. отразилась смена разных мировоззрений и исторических теорий ... Самым близким по значению к Ц. является слово “культура”; немцы большею частью его и употребляют, англичане же и французы чаще пользуются словом Ц. Некоторые ученые употребляют слова “культура” и “Ц.” безразлично, одно вместо другого, другие же стараются установить между ними определенное различие. ... Встречается и такое различие этих понятий, при котором “культура” разумеется, как “господство человека над материей и силами природы, а словом Ц. обозначается господство человека над самим собой, т. е. над своими низшими, элементарными побуждениями”. Ц. обозначает более внутренний, культура – более внешний процесс» [<http://www.vehi.net/brokgauz/>]. «Цивилизация, как противоположность дикому состоянию, – писалось в другом словаре, – первобытных людей, является совокупностью всех тех элементов, которые образуют стройно-организованное гражданское общежитие. Некоторые мыслители, например, греческие циники и Жан-Жак Руссо доказывали, что дурные стороны цивилизации значительнее её положительных заслуг, и звали человечество назад, к дикости и простоте доисторической эпохи. Если это восхваление грубой старины, без сомнения, неосновательно и являясь лишь результатом какого-то миража, облекающего примитивную жизнь человечества в светлые краски, то, всё-таки, нельзя не признать относительной справедливости того мнения, что Ц. ослабила индивидуальную крепость и энергию нивелировала умы и не создала благоприятной почвы для резкой оригинальности. Однако, эти отрицательные черты современной Ц-ни вовсе не являются для неё чем-то неизбежным, и реформа воспитания в связи с другими изменениями в социальном строе может, не разрушая Ц-ни, а наоборот, пользуясь её благами, дать простор и свободное развитие каждой индивидуальности, Необыкновенной высоты и силы Ц. достигла среди классических народов древнего мира; Греция и Рим являются родоначальниками всей европейской Ц-ни» [Настольный энциклопедический словарь. М.: Изд-во Т-ва А. Гранат и К, 1897. Т. 8. С. 5095–5096].

⁹⁸¹ Babich P. A Russian officer in Persian Cossack Brigade: Vladimir Andreevich Kosagovskii. Budapest: CEU, 2014. P. 78.

FOR AUTHOR USE ONLY

**More
Books!**

yes
I want morebooks!

Buy your books fast and straightforward online - at one of world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.morebooks.shop

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн – в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов! окружающей среде благодаря технологии Печати-на-Заказ.

Покупайте Ваши книги на
www.morebooks.shop

KS OmniScriptum Publishing
Brivibas gatve 197
LV-1039 Riga, Latvia
Telefax: +371 686 20455

info@omniscryptum.com
www.omniscryptum.com

OMNIScriptum

FOR AUTHOR USE ONLY

FOR AUTHOR USE ONLY

FOR AUTHOR USE ONLY